

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

ТРАНЗИТ:

РОССИЯ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ
АПРЕЛЬ 2018

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ:
РОССИЯ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Под общей редакцией
О.В. Павленко и В.И. Журавлевой

Номер выпущен совместно с Российским государственным
гуманитарным университетом

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- С.П. Брюн**
научный сотрудник Института Святого Фомы
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исаков**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Л. Смышляев**
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, проректор РГГУ
- А.А. Удунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Sergei P. Brun
Researcher at St. Thomas Institute (Moscow)
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Taras Y. Kobischanov
Associate Professor of the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Daniel Panateri
Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexander L. Smishliaev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture
- Alexey E. Titkov
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Русская революция 1917г. — событие, как это ни странно, еще не полностью изученное и понятное, продолжает вызывать не только политически ангажированные споры в обществе, но и остается одной из важнейших тем в истории XX в. для профессиональных историков. «Юбилей» революции продолжается и в этом году, и наш журнал, естественно, вносит свою лепту в изучение причин и следствий этого, безусловно, судьбоносного события, как в отечественной, так и в мировой истории.

При всей своей оригинальной внутренней специфике, русская революция была частью общемировой тенденции, которая определялась во многом пресловутым «внешним фактором». Что характерно, рассуждения революционных радикалов взявших власть в России в октябре 1917 года, и, казалось бы, романтические надежды на мировую революцию сбылись. Мировая революция свершилась, но не здесь и не так, как мнилось исполнителям переворота в Петрограде. Истинный ее смысл и результат заключались в падении сразу четырех великих империй, что в свою очередь привело к кардинальным, если не сказать фатальным изменениям европейского и мирового порядка.

Режиссеры и финансовые спонсоры действия перенастраивали мир под новый индустриальный стандарт, а исполнители главных ролей на европейских подмостках собственными руками разрушали «старые», «отжившие» формы бытования своих народов. Был запущен безжалостный механизм революционного транзита. Россия не была исключением из общего правила. Слабость и недееспособность, свергнувших самодержавие русских либералов, поставила страну на грань национальной катастрофы и привела к власти наиболее решительные и радикальные революционные силы. Они стали могильщиками революции в ее «либерально-демократическом» варианте и, уничтожая «русский имперский мир» погибли сами, но в результате, вернули Россию на привычный «имперский» путь в обновленном сталинском исполнении. Конечно, не стоит излишне демонизировать роль «внешнего фактора», однако его роль в манипулировании политическими силами в России, как справедливо отмечает О.В. Павленко, до сих пор до конца не выявлена и не осмыслена. Европейская социал-демократия, немецкая разведка, американский, английский и французский политический истеблишмент, все они по своему, пытались влиять на процессы происходившие в России, особенно после начала Первой мировой войны. При этом желание направить революционные события в нужное для себя русло заранее, свидетельствует о том, что иностранные структуры были, подчас, более осве-

домлены о «политических» процессах происходивших внутри страны, чем сам император Николай II. Русская революция имеет глубокие корни, как в самой нашей истории, так и в общемировых социально-экономических процессах. Ее яростно и порой бездумно подгоняли все, начиная от думской оппозиции и либерально настроенных генералов, до радикально настроенных интеллектуалов из дворян и разночинцев. «Помогали» им и неповоротливая царская бюрократия и придворные круги, вставлявшие палки в колеса тем же Столыпинским реформам. Здесь стоит вспомнить знаменитые слова Талейрана — «в революции виноваты все». Однако задачей историка не является поиск правых и виноватых. Поэтому и нашу задачу мы видим в создании объективной картины событий тех, не таких уж и далеких лет.

Двадцать третий номер «Исторического вестника» выходит под общей редакцией известных отечественных историков О.В. Павленко и В.И. Журавлевой. Благодаря их усилиям он станет важной вехой в изучении истории русской революции, являясь, по сути, коллективной монографией. Как одну из важнейших тем номера хотелось бы отметить проблему восприятия русской революции в США и Великобритании, которая отражена в работах В.И. Журавлевой и Е.Ю. Сергеева. Тема международного контекста революционной идеологии раскрыта в статье Г.Н. Ланского. Тематически примыкают к вышеназванной проблематике статьи В.А. Ермакова и Л.В. Байбаковой, посвященные идеологическим и практическим аспектам деятельности Льва Троцкого. Проблема «внутренних вызовов в условиях внешних угроз» освещена С.А. Романенко, Б.Л. Хавкиным и И.В. Крючковым в отдельном разделе номера. Значительный интерес представляет публикация документов разведки Добровольческой армии — легендарной «Азбуки». Они позволяют во многом по новому взглянуть на процессы, происходившие тогда на Украине, особенно на фоне фальсификационного подхода к истории, который сейчас все чаще применяется на Украине в качестве официального.

Редакция журнала благодарит коллег из Российского государственного гуманитарного университета, при участии которых создавался этот номер, а так же не может не отметить важность начавшегося сотрудничества журнала и фонда «Историческая память».

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

The Russian Revolution of 1917 — strange though it may appear, is not yet completely studied, nor understood. This event constantly stimulates politically motivated debates and remains one of the key research themes for professional historians of the 20th century. The «anniversary», of the Revolution spans well into the year 2018, and our academic periodical is glad to make a contribution to the study of the causes and consequences of this — undoubtedly fateful — period of Russian and World History.

The Russian Revolution, in spite of all its inner specifics, was part of a broader global tendency, defined to a large extent by the all-too-common «external factors». Clearly, the romantic hopes of radical revolutionaries, who came to power in October 1917 and yearned for a global revolution, were realized. The global revolution did take place, but it was quite different from what was envisaged by the instigators of the coup d'état in Petrograd. Its core and the outcome was the simultaneous collapse of four great empires, which in turn led to drastic, if not fatal, consequences, changing the European and world order. The directors and financial sponsors of the act tuned the world according to the new industrial standards, and the leading figures on the European stages with their own hands destroyed the «old», «anachronistic» practices of their nations. The merciless mechanism of revolutionary transit was set in motion. Russia was not an exception. The weakness and incapability of Russian liberals, who had brought down the autocratic government, led the country to the edge of a national catastrophe, paving the way to far more radical and daring revolutionary forces. They became the grave-diggers of the Revolution with its «liberal democratic» values. Putting an end to the Russian «Imperial Age» they died themselves, but as a result, the «Imperial» path was brought back within Stalin's remodeled variation. The «external factors» definitely shouldn't be demonized, but their role in manipulating Russian political forces, as noted by Olga V. Pavlenko, has not yet been fully studied or analyzed. European Social Democracy, the German Intelligence, American, English and French political establishments — all of them sought to influence the course of events in Russia, especially after World War I had started. The desire to guide and preestimate the revolutionary activities according to their own needs indicates that the foreign institutions were sometimes better informed about the «political» activity within the country than Nicolas II. The Russian Revolution has deep roots, seen both in the history of our state and in the global socioeconomic

context. It had been fiercely and at times carelessly rushed by everyone, starting with Duma opposition and liberal-minded generals, to radical intellectuals, hailing from both the nobility and the lower classes. They were «assisted» by the inert tsarist bureaucracy and the court circles, who strove to slow and block Stolypin's reforms. The famous words of Talleyrand come to mind — «Revolution is everybody's fault». However, finding the «right», and the «wrong» is not the role of historical research. Therefore, we see our goal in the creation of an objective picture of those, not so distant years.

The 23rd issue of the Historical Reporter is published under supervision of two famous Russian historians — Olga V. Pavlenko and Victoria I. Zhuravleva. Thanks to their efforts, the issue offers a significant impact to the study of the Russian Revolution and is virtually a group monograph. One of the key themes of the issue is the problem of U.S. and British perception of the Russian Revolution, which is highlighted in the articles by Victoria I. Zhuravleva and Evgeny Yu. Sergeev. The theme of international context of revolutionary ideology is revealed and analyzed in the article by Grigoriy N. Lanskoj. Related to the topics marked above are the articles by Vadim A. Ermakov and Larisa V. Baibakova, which are dedicated to the ideological and practical activities of Lev Trotsky. The problem of internal challenges in the context of external threats is highlighted in the corresponding section by Sergey A. Romanenko, Boris L. Khavkin and Igor V. Kryuchkov. Of considerable interest is the publication of documents from «Azbuka», the Intelligence of the White Armed Forces of South Russia. They offer a new viewpoint on the events, which took place in Ukraine at that time, specifically the falsification of history, which is which is widely, and officially, taking place in modern-day Ukraine.

The Editorial Board of the journal expresses gratitude to colleagues from the Russian State University for Humanities, who participated in creation of the current issue, and is proud to specifically note our journal's collaboration with the Historical Memory Foundation (Moscow).

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

- О.В. Павленко.** Катастрофа «русской Марсельезы» 1917 г.
и ее осмысление в современной историографии 12
- Mark Kramer.** Revolutions and their Aftermaths:
a Framework for Analysis 38
- Brian Grodsky.** Human Dignity and Democratic Revolution..... 60

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ: ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ УГРОЗ

- С.А. Романенко.** Россия и Австро-Венгрия в 1917 г.: два типа
революции. По материалам российской прессы 78
- Б.Л. Хавкин.** Денежный транзит революции: Германия—Россия,
Россия—Германия. 1914—1918 гг. 104
- И.В. Крючков.** Военнопленные стран Четверного союза
на территории Ставропольской губернии в условиях
политического катаклизма (февраль—ноябрь 1917 г.)..... 122

РЕВОЛЮЦИЯ НА ЭКСПОРТ: ЦИКЛЫ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ

- В.И. Журавлева.** Американское путешествие
в Русскую революцию: образы и мифы (1905—1917 гг.) 140
- Е.Ю. Сергеев.** Российская революция 1917 г. в общественном
дискурсе Великобритании: от эйфории к разочарованию и страху.. 176

Г.Н. Ланской. Международный контекст революционной идеологии в России начала XX в.	192
В.А. Ермаков. Перманентная революция Троцкого: глобальный революционный транзит или утопия?	210
Л.В. Байбакова. Влияние идейно-политической деятельности Льва Троцкого на радикализацию левого крыла Социалистической партии Америки (январь—март 1917 г.).	222
И.Ю. Бережанская. Влияние Русской революции на культработу сионистских организаций в России.	240

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

С.М. Исаков. Уфимский губернский революционный комитет (1917–1920).	252
В.Ж. Цветков. А.В. Лубков. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления	257
«Великий Октябрь и гражданская война»: обсуждение плана работы Научного совета АН СССР (1988 г.).	262

ИСТОЧНИКИ

Украина в документах разведки Добровольческой армии («Азбука») ..	312
---	-----

CONTENTS

REVOLUTIONARY TRANSIT: RUSSIA

Editors: Olga V. Pavlenko and Victoria I. Zhuravleva

The issue is published in collaboration with
The Russian State University for The Humanities

THE PHENOMENOLOGY OF REVOLUTION AND SOCIAL TRANSFORMATION

- Olga V. Pavlenko.** Catastrophe of 1917 «Russian Marseillaise» and its
Reflection in Modern Historiography 12
- Mark Kramer.** Revolutions and their Aftermaths:
a Framework for Analysis 38
- Brian Grodsky.** Human Dignity and Democratic Revolution..... 60

WAR AND REVOLUTION: IN-HOUSE CHALLENGES IN TERMS OF EXTERNAL THREATS

- Sergey A. Romanenko.** Russia and Austria-Hungary in 1917:
Two Types of the Revolution. The Materials of the Russian Press 78
- Boris L. Khavkin.** Money Transit of the Revolution: Germany–Russia,
Russia–Germany. 1914–1918..... 104
- Igor V. Kryuchkov.** Prisoners of War of the Quadruple Alliance
Countries on the Territory of Stavropol Province in Conditions
of the Political Cataclysm (February–November 1917) 122

REVOLUTION FOR EXPORT: BETWEEN HOPE AND DISMAY

- Victoria I. Zhuravleva.** American Journey into the Russian Revolution:
Images and Myths (1905–1917)..... 140

Evgeny Y. Sergeev. Russian Revolution of 1917 in the Public Discourse of Great Britain: from Euphoria to Disappointment and Fear.....	176
Grigory N. Lanskoj. International Context of Revolutionary Ideology in Russia at the beginning of XX century.....	192
Vadim A. Ermakov. Permanent Revolution of the Trotsky: Global Revolutionary Transit or Utopia?.....	210
Larisa V. Baibakova. The Influence of Leon Trotsky's Ideological and Political Activity on Radicalization of the Left-Wing Section of the Socialist Party of America (January — March 1917)	222
Irina Y. Berezhanskaya. The Russian Revolution Impact to the Zionist Organizations Cultural Educational Work in Russia...	240

HISTORICAL THOUGHT

Salavat M. Iskhakov. Ufa Governorate Revolutionary Committee (1917–1920).....	252
Vasily Zh. Tsvetkov. A.V. Lubov. Personality. Time. Education: Articles and Public Speeches	257
«The Great October and Civil War»: Discussion of the Plan of Work of Academy of Sciences of the USSR (1988).....	262

SOURCES

Ukraine depicted in Documents of Volunteer Army Intelligence («Azbukа»).....	312
---	-----

О.В. Павленко

КАТАСТРОФА «РУССКОЙ МАРСЕЛЬЕЗЫ» 1917 Г. И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Петрограде 24 февраля 1917 г. на улицах и площадях — везде звучала Марсельеза. Толпы студентов и барышень, работниц, молчаливых солдат в серых шинелях, хорошо одетых буржуа, дворян и офицеров — все с красными бантами под Марсельезу с криками «ура!» шествовали к Таврическому дворцу. Дума разворачивала решительное наступление на самодержавие. Князь Л.В. Урусов, как многие русские либералы, воодушевленно описывал в дневнике первые дни революции: «В воздухе была разлита масса добродушия и все казалось грандиозной шалостью — не было ни пьяных, ни столкновений с войсками, по сторонам теснилась масса любопытных»¹. Тогда многие думали, что после «мирного и единогодушного» переворота, «грандиозной шалости» через месяц наступит всеобщее благоденствие. Страна начнет жить и работать «с оптимизмом при обновленном правительстве». Ни капли сожаления не было по поводу императора Николая II: «...вся Россия без гнева и мести отстранила

¹ Из дневника Л.В. Урусова. 24 февраля 1917 года // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. МИД РФ. Тула: Аквариус, 2014. С. 794.

его от себя и своего будущего как ненужную вещь. Он весь уже в прошлом»².

Но уже через месяц — 27 марта 1917 г. тот же Л.В. Урусов с ужасом и тоской констатировал: «масса пессимизма», «поражает отсутствие патриотизма», «создается угроза существованию самой России»³. Маховик революции только начал разрушительное действие, высвобождая, по выражению депутата Думы — трудовика В.Б. Станкевича, «неизвестное, таинственное и иррациональное, коренящееся в скованном виде в народных глубинах», которое неожиданно для творцов Февральской революции «вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах»⁴.

Войти в революцию оказалось гораздо легче, чем найти выход из нее. Князь Л.В. Урусов не был неисправимым идеалистом, напротив, опытным дипломатом, вице-директором Второго департамента Министерства иностранных дел. Его восприятие Февраля 1917 г. было типичным для либерала-государственника, ход мыслей которого отражал самый влиятельный и респектабельный журнал «Новое время». В его редакции и залах Таврического дворца, где заседала Дума, создавалось либеральное общественное мнение. Парламентские фракции, тесно связанные с дипломатическими миссиями Антанты, до лета 1915 г. еще сохраняли умеренную лояльность императору. Но после упорного нежелания Николая II обсуждать вопрос об «ответственном перед Думой правительстве» перешли в оппозицию. Даже националист и монархист граф В.А. Бобринский требовал «патриотического скептицизма ко всему, что предъявляет правительство»⁵.

Где была точка невозврата в противостоянии между Царским Селом — резиденцией императора и Таврическим дворцом, когда обе стороны оказались морально не готовы искать компромисс? По мнению П.Н. Милюкова — лидера оппозиционного Прогрессивного блока, перелом случился летом 1915 г.⁶ Но сигналом к разрыву между самодержавием и парламентом стала его речь 1 ноября 1916 г., в которой с думской трибуны было заявлено о тайных контактах членов правительства с Берлином. Эффектная фраза

² Из дневника Л.В. Урусова. 1 марта 1917 года // Там же. С. 800.

³ Из дневника Л.В. Урусова. 27 марта 1917 года // Там же. С. 810.

⁴ Станкевич В.Б. Революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост. С.М. Исаков. М.: Книга, 1991. С. 239.

⁵ Милюков П.Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 4.

⁶ Там же. С. 4—5.

«Что это — глупость или измена?» разлетелась в миллионах экземпляров по всем губерниям и фронтам. Сам П.Н. Милюков впоследствии особо подчеркивал: «Общественное мнение признало единодушно 1 ноября 1916 г. началом русской революции»⁷.

Дистанция в 100 лет позволяет осмыслить произошедшую катастрофу с Россией в масштабе исторического времени. Шарль Эйзенштадт в крупном исследовании «Революции и преобразование обществ» провел типологическое исследование революций в Новое и Новейшее время на Западе и Востоке. Он пришел к выводу, что в Европе и США они не приводили к разрывам исторической преемственности и кардинальным трансформациям. Только в России и Китае во время революций произошел глубокий разрыв с прежним строем и геополитическими ориентирами на фоне колоссальной демографической катастрофы⁸.

К революциям всегда особое отношение в историографии. Многое зависит от точки отсчета. Если современное государство ведет свою историю от революции, то историки обосновывают ее концептуально и эмпирически как закономерное, долгожданное и победоносное явление. Историографический образ закрепляется в коллективной памяти как воплощение социальной справедливости, рывок к вершинам демократии. В американской историографии, к примеру, революция, создавшая США, трактуется как референтная модель, своего рода «гражданская религия»⁹. В обществен-

⁷ Там же. С. 12. В своей речи П.Н. Милюков заявил: «Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе (голоса: верно!), ибо по отношению к этой власти ни попытки исправления, ни попытки улучшения, которые мы тут предпринимали, не оказались удачными (...) И если прежде мы говорили, что у нашей власти нет ни знаний, ни талантов, необходимых для настоящей минуты, то, г. , теперь эта власть опустилась ниже того уровня, на каком она стояла в нормальное время нашей русской жизни. (Голоса слева: верно, правильно...) И пропасть между нами и ею расширилась и стала непроходимой (...). Милюков П.Н. Выступление в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. // Первая мировая война в оценке современников. 1914–1918. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 440–447.

⁸ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; под ред. Б.С. Ерасова. М: Аспект Пресс, 1999. С. 246–248, 276–280.

⁹ Bellah R.N. Beyond Belief. New York: Harper and Row, 1970. P.168–193; Benjamin E.P. American Nationalisms: Imagining Union in the Age of Revolutions, 1783–1833: Cambridge University Press, January 11, 2018; Ferling J. Apostles of Revolution: Jefferson, Paine, Monroe, and the Struggle Against the Old Order in America and Europe: Bloomsbury Publishing. May 15, 2018. 496 P.; Nelson E. The royalist revolution: monarchy and the American founding: Cambridge, Mass.; London: The Belknap press of Harvard univ. press, 2014. 390 P.; Фофанова А.Р. Создание статей конфедерации и начало американской государственности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 1. С. 45–53. Интересный сопоставительный анализ приведен в статье: Согрин В.В.

ное сознание американцев давно и прочно вошла мысль о необходимости экспорта «своей революции» как демократичном и эффективном инструменте преобразования «несовершенного мира».

Историографические образы и концепции истории Великой французской революции претерпели значительные изменения в зависимости от маятника политического развития Франции. Но в современной французской историографии, как представляется, установился консенсус — общественный и научный. С одной стороны, Великая революция представлена как лаборатория демократии и идей социальной справедливости, ценная для всей мировой цивилизации. С другой стороны, под лозунгами очищения личности и общества от «пороков» происходила легитимация тотального насилия¹⁰. Изучение трагических граней революции давно уже не вызывает во Франции болезненных дискуссий и жарких споров.

В России «страсти по революции» еще не улеглись¹¹. В среде профессиональных историков пока не сложилось общего понимания самого фе-

---

1776-й и 1917-й: Американская и Российская революции в глобальной истории // США. Канада. Экономика — политика — культура. 2017. № 9. С. 5—19. Библиогр.: С. 18.

¹⁰ Чудинов А.В. «Новая русская школа» в историографии французской революции: *ad fontes!* // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 523—534; Семенова А.В. Две формы исторической памяти в России о Великой французской революции. Восстание декабристов в современной общественно-политической мысли: мифы и реальность. Сборник научных статей и документов. М., 2017. С. 48—58; Митина Т.С. Французская революция глазами советских и французских историков (на примере работ С.А. Сытина и Р. Монье) // Сытинские чтения. VII Сытинские чтения. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. С. 16—20.

¹¹ См. исследования по современной историографической ситуации в России: Иллерицкая Н.В. Великая российская революция 1917 г. в трудах современных историков (историографический обзор) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 169—176. Библиогр.: С. 176; Селезнев Ф.А. Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1. С. 172—180. Октябрьская революция — 100 лет. Сборник статей. М: АИРО-XXI, 2017. 304 с. 1917 год. Государство. Власть. Территория: доклады Международной научной конференции, 25 октября 2017 г. / Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. образования «Рос. гос. гуманитарный ун-т» (РГГУ), Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг.; [отв. ред.: Т.Г. Архипова, А.С. Сенин; сост. и ред. А.Д. Шаповалова] М.: РОССПЭН, 2017. 397 с.; Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы / [Полонский В.В. и др.; отв. ред. В.В. Полонский; ред.-сост. В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко]; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького Рос. акад. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 862 с.; Аксютин Ю.В. Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств / Ю.В. Аксютин, Н.Е. Гердт. М.: РОССПЭН, 2017. 702 с.; Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92—112; Кондрашин В.В. Революция 1917 года как момент истины: итоги целевого конкурса // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 15—25.

номена российской революции. Во многом это объясняется экзистенциальным историческим опытом. Ведь российское общество в XX столетии дважды пережило распад государственности, заново создавая матрицу социальной, культурной и политической жизни. Первый раз — в 1917 г., второй — в 1991 г. Каждый раз это требовало колоссального напряжения сил и ресурсов, сопровождалось сменой элит, перераспределением собственности, распадом финансового, экономического и военного комплекса, полной переоценкой ценностей. Каждый раз гигантская страна, населенная сотнями этносов и национальных групп, оказывалась на грани распада. Но, как это бывало неоднократно в истории России, одновременно с динамикой разрушения поднималась консолидирующая сила, которая созидала новый государственный проект, восстанавливая страну.

Исторический опыт создает особую систему кодов и смыслов в культуре государств и социумов. Память о прошлом, сотканная из триумфов и поражений, лежит в основе любой формы коллективной идентичности. В одних случаях настоящее и прошлое скрепляются общей печатью исторической вины, в других — великой победы. На этой основе закрепляются новые моральные императивы, создаются символы государственного патриотизма, образы жертв и героев.

Семьдесят лет в отечественной историографии доминировала апологетическая концепция Великой Октябрьской революции, создавшей основы советской государственности¹². Историографический канон, созданный в 1930-е гг., почти не изменялся. Гигантская историография «Великого Октября» развивалась в общем формате истории КПСС, от которого не отступало несколько поколений историков. «Неудачная» Февральская революция служила лишь фоном победоносного Октября, свергнувшего «царизм и диктатуру буржуазии». В эпоху гласности и архивной революции начался бурный пересмотр советской концепции, в котором эмоции нередко перехлестывали научный анализ¹³.

¹² Сидоров А.А. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. [Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др.; редкол.: В.С. Дякин (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 664 с. В настоящее время концепцию «Великого Октября» также продолжают разделять и отстаивать некоторые отечественные историки. См. статьи А.В. Грехова «Современная зарубежная историография о закономерности Октября» и А.Т. Дробан «Международное значение Великого Октября» с критикой новых подходов в отечественных исследованиях, отстаивающую советскую концепцию Октября (Октябрьской революции — 100 лет. С. 132–151).

¹³ Серазетдинов Б.У. Октябрьская революция: историография проблемы в «перестроечный» период (1985–1991 гг.) // Октябрьской революции — 100 лет. Сб. ст. М.: АИРО-XXI. 2017. С. 267–279.

За последние два десятилетия сложились условия для осмысления Революции 1917 г. как многомерного процесса радикальной трансформации всей российской системы, изменившего мировой порядок. За последние годы резко увеличилось количество историко-документальных публикаций, содержащих архивные материалы, воспоминания, визуальные источники (плакаты, карикатуры и т.д.)¹⁴. Нарастание объема нарративного материала настолько динамичное, что историки не успевают его осмыслить и обобщить. Фактологические фрагментарные описания значительно преобладают над попытками концептуального осмысления, хотя в современных исследованиях активно изучаются механизмы запуска революции, природа социального протеста и насилия, формы легитимации новой власти, культурные ориентиры политического радикализма, идейное и символическое «перекодирование» общественного пространства. Особый интерес вызывает этнокультурный дискурс революционного процесса¹⁵.

¹⁴ Баратов П., Филиппова Т. 1914–1918. Великая война и великая революция в русской журнальной сатире. М.: Кучково поле, 2017. 303 с.; Феномен революции в России: уроки истории. Страницы документальной истории / Сост.: А.В. Репникова, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев. М., 2017. 716 с.; Потресов А.Н. Рубикон, 1917–1918: публицистика / А.Н. Потресов; ред.-сост.: Р.М. Гайнулина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь; Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. М.: РОССПЭН, 2016. 575 с.; Россия 1917 года в эго-документах: воспоминания / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. 509 с.; Россия 1917 года в эго-документах: дневники / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.; Россия 1917 года в эго-документах: записки репортера / [пер. с англ. яз. М.И. Вебера, Я.А. Голубинова, Н.А. Михалева; подгот. текста и коммент. Н.В. Суржиковой и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова]. М.: РОССПЭН, 2016. 550 с.; Шелохаев В.В. Революция 1917 года глазами современников: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия. 2017; Избивают милиционеров, отнимают винтовки и идет стрельба: документы ЦГИА Санкт-Петербурга об обстановке в Петрограде в августе — октябре 1917 г. / Вступ. ст., подгот. текста к публ. и коммент. Н.Ф. Никольцевой // Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 76–87; Ремез А. «Среди богатых бытует мнение, что лучше немецкая оккупация, чем нынешний строй»: отчет консула Бельгии А. Ремеза о политической и социально-экономической обстановке в Москве в декабре 1917 г. / Вступ. ст., пер. с фр., подгот. текста к публ. и коммент. Г.-Ж. Мулле / Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 88–114; Вандервельде Э. «Не революция создала эти трудности, она лишь выявила их»: из отчета бельгийской миссии о поездке в Россию (май–июнь 1917 г.) / Вступ. ст., пер. с фр. и подгот. текста к публ. и коммент. Т.Г. Зазерской // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 79–109; Тарасенкова Т.И. Документы о революционных событиях 1917 г. в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 63–73. Точка зрения Ленина в конце конференции захватила громадное большинство: из протокола киевского комитета РСДРП(б) от 8 мая 1917 г. / Публ. подгот. В.Ф. Солдатенко // Исторический архив. 2017. № 3. С. 12–23.

¹⁵ Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: Астрель, 2011. 926 с.; Дзялошинский И.М. Идентичность российской молодежи: роль и место событий 1917 года: монография / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун; РФФИ, Нац. исслед. ин-т «Высш. шк. экономики». М.: АПК и ППРО, 2017. 445 с.; Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. Рос.

Заметно, что не все постулаты советской концепции были отвергнуты. Многочисленные публикации, посвященные 100-летней годовщине Первой мировой войны, показали, что «в царской России рухнула вначале не армия, а тыл»¹⁶. Ключевой тезис советской историографии о резком ухудшении качества жизни и экономическом кризисе накануне революции нашел подтверждение во многих современных исследованиях. На основе статистических данных был сделан вывод, что в конце 1916 г. Россия достигла предела мобилизации производственных мощностей. Системный экономический кризис проявился в росте цен и спекуляции, резком обострении топливных и продовольственных проблем, спровоцировал транспортный коллапс и сокращение перевозок¹⁷. Стихийные выступления против дороговизны («бабьи бунты») повлекли за собой массовые протесты рабочих¹⁸.

Несмотря на определенную фрагментацию тем, среди отечественных историков утвердилось представление о континуитете революционного процесса — от Февраля к Октябрю 1917 г. Фазы политической борьбы сменялись в зависимости от сил, прорвавшихся к власти, но оказывавшихся не в состоянии удержать гигантскую, разваливавшуюся на части страну. В этом смысле динамика революционного кризиса в России была схожа с Великой французской революцией. Либералы, так много сделавшие, чтобы убрать со своего пути монархическую власть, не только не смогли создать более эффективные инструменты управления, но даже контролиро-

акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Новый хронограф, 2015. 415 с.; Филиппова Т. «...Для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя...»: женские образы революции 1917 года в отечественной журнальной сатире // Россия XXI. 2017. № 5. С. 170–183; Экиштут С. «Мы видим битком набитые концерты...»: о чем писали столичные газеты осенью 1917 года // Родина. 2017. № 10. С. 110–112.

¹⁶ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 260; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918. Т. 3. Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2014; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: курс лекций / Т.М. Китанина. СПб.: Гуманитар. акад., 2016. 348 с.; Тоценко Ж.Т. 1917: время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 36–43.

¹⁷ Кюнз П.А. Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918. Материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 407–410.

¹⁸ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны. М., 2005; Пушкарева И.М. Рабочие России в годы Первой мировой войны: историческая реальность и проблемы ее изучения // Россия в годы Первой мировой войны. С. 428–445; Гросул В.Я. Россия накануне 1917 года // Октябрьская революция — 100 лет. С. 12–17; Мамаев А.В. Муниципальные рабочие Москвы и городское самоуправление в 1917 году // Российская история. 2015. № 5. С. 137–147.

вать внутренние процессы. Через месяц после Февральской революции и демократической эйфории стало ясно, что страна погружается в неуправляемый хаос¹⁹. Во время апрельского кризиса либеральный блок во главе с П.Н. Милюковым скинул бремя власти А.Ф. Керенскому. С апреля 1917 г. социалисты разных мастей пытались за счет союзников по Антанте навести порядок в тылу и на фронте. Но все попытки обернулись полным расстройством системы государственного снабжения и управления, развалом фронтов, массовым дезертирством²⁰. Хотя Россия все еще продолжала жить по заведенной столетиями инерции. Но сдерживать политический кризис не могли ни эсеры, ни меньшевики. Большевики и анархисты подхватили власть в октябре 1917 г., фактически открыто готовя мятеж и не встречая должного сопротивления²¹. Именно «максималисты» (как их тогда называли) оказались единственной на тот момент реальной силой, которая обладала политической волей удержать власть любой ценой. Общее условие любого революционного процесса — вверх поднимается та сила, которая готова прибегнуть к тотальному насилию, снять табу для малообеспеченных и многочисленных слоев общества и открыть им перспективу движения вверх, к каналам социальной мобильности.

Стоит отметить, что общая канва революционного процесса и представление о фазах его развития складываются не только за счет центра, сколько регионов. Впечатляет активность историков — краеведов в изучении революционной темы. На основе региональных архивов воссоздается пестрая, драматичная, насыщенная жизненными коллизиями история за-

¹⁹ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 120–135; Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / Отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014. С. 159–170; Соловьев К.А. Временное правительство в политической системе России 1917 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 20–36; Иоффе Г. Февраль и октябрь 1917 года. Что это? (заметки к поставленному вопросу) // Наука и жизнь. 2016. № 10. С. 32–47.

²⁰ Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М: Родина-Медиа, 2014. С. 214–225; Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г.: историографические итоги и исследовательские задачи // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.

²¹ Точка зрения Ленина в конце конференции захватила громадное большинство: из протокола Киевского комитета РСДРП(б) от 8 мая 1917 г. Указ. соч. С. 12–23; Иванов А.А. Черная сотня сгинула в подполье: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59; Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // Российская история. 2017. № 5. С. 44–61.

хвата/ перехвата/ передачи власти на местах²². Безусловно, региональная специфика нуждается в дальнейшем развитии и систематизации.

В то же время уровень научных разработок не позволяет решить проблему «входа и выхода» из революции. После масштабных конференций и публикаций в 2017 г. много вопросов остались открытыми. Какие критерии необходимы для датировки начала и завершения революционного процесса в России? Можно ли включать Гражданскую войну в общий революционный контекст, подобно периодизации Великой французской революции? Анатомия любого масштабного протеста складывается из совокупности внутренних радикальных проектов и стратегий внешних игроков со своими геополитическими интересами. В котле революционного бурления наиболее ярко проявляются Интересы и Идентичность всех вольно или невольно вовлеченных людей, социальных и политических групп, отечественных и зарубежных элит. Интерес исследователя как раз и состоит в том, чтобы выделить видимые и невидимые на первый взгляд линии взаимодействия всех этих сил, сопоставить процессы, протекавшие на внешнем контуре событий, с внутренней динамикой борьбы за власть.

Несмотря на многочисленные дискуссии, до сих пор не выявлена до конца и не осмыслена роль внешнего фактора в манипулировании политическими силами в России. Значительный прорыв в осмыслении российско-американских отношений в период революции 1917 г. был сделан отечественными американистами. Политическая разведка и дипломатия

²² Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Владивосток: РГИА ДВ, 2017. 378 с.; Сборник документов «Революция 1917 года в регионах Поволжья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.archive.perm.ru/projects/publication/1119340-sbornik-dokumentov-revolutsiya-1917-goda-v-regionakh-povolzhya/>; Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сб. док.: В 2 т. Т. 1: Март 1917 — май 1918 / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. О.М. Морозова. Ростов н/Д.: Альтаир, 2017. 458 с.; 1917 год в истории Удмуртии: Документы и материалы / Комитет по делам архивов при Правительстве УР. Ижевск: Удмуртия, 2017. 576 с.; При Правительстве Республики Мордовия. М.; Саранск: [б. и.], 2017. 1046 с.; Документы Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов: В 2 т. / Отв. ред. А.И. Мраморнов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012, 2013. Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора: В 2 кн. Кн. 1: 712 с.; Т. 2: Протоколы Соборного совета. 736 с.; Ислам и советское государство. Сборник документов. Вып. 2 (1917–1936). М.: Издательский дом Марджани, 2010. 209 с.; Бахтурина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной — летом 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 177–185; Соловьева Т.А. 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья // Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 127; Козлов Ю. «Ну и свобода, в тарары бы ее...»: семейная переписка о жизни в Симбирске, на родине Ильича, осенью 1917 года // Родина. 2017. № 6. С. 15–19.

США, «русская карта» во внутренней американской политике, идеологические фильтры в сознании американского общества по отношению к революционной России — все эти сюжеты были изучены на основе значительного объема источников. В трудах С.В. Листикова, В.В. Романова, В.И. Журавлевой убедительно показана степень заинтересованности и вовлеченности американских кругов в российскую революцию, проанализированы циклы их ожиданий и разочарований, а также отмечены пределы допустимого вмешательства США во внутренние дела России²³.

Не менее полно изучена политика Германии, направленная на подрыв российской государственности во время Первой мировой войны. Но здесь роль отечественных историков, как представляется, пока вторична. Тон задают немецкие и австрийские труды, хотя в российских архивах хранятся уникальные документы (прежде всего в РГАСПИ). В центре внимания — «немецкие деньги», направленные на финансирование большевиков и других радикальных сил, чтобы спровоцировать революционные потрясения²⁴. В этой теме раскрылись и новые сюжеты. Речь идет не только о целях и источниках внешнего финансирования, роли таких посредников, как А.Л. Гельфанд (Парвус), но и о стратегиях европейской социал-демократии и влиянии циммервальдской платформы на революционный процесс в России.

Нет полной ясности относительно позиции стран Антанты (прежде всего Франции и Великобритании) на начальном этапе революции, контактов лидеров Прогрессивного блока с английским и французским послами. В.А. Никонов обратил особое внимание на миссию лорда Альфреда Мильнера накануне февральских выступлений, предположив, что «глава британского правительства был осведомлен о планах военных заговорщиков лучше, чем российский

²³ Листиков С.В. Вудро Вильсон и «белое дело»: Россия на переломе гражданской войны и иностранной интервенции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 7 (30). С. 15; Листиков С.В. Миссия Уильяма Буллита в советскую Россию, 1919 г. // Американский ежегодник. 2013. № 2013. С. 211–229; Листиков С.В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 151; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.

²⁴ Хавкин Б.Л. Немецкие «финансовые потоки» русской революции // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 122–130; Германия и революция в России. 1915–1918. Сборник документов / Ред.-сост. и коммент. Ю.Г. Фельштинский. М.: Центрполиграф, 2013. 512 с.; Документы. Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М.: Изд-во гуманитар. лит.-ры, 1995. С. 233–411; Merridale C. How German Condoms Funded the Russian Revolution // New York Times. July 17, 2017; Wagoner V. How Germany got the Russian Revolution off the ground Deutsche WELLE [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.dw.com/en/how-germany-got-the-russian-revolution-off-the-ground/a-41195312>; Montefiore S.S. The German Gambit // The Russian revolution. A new history. 2017. P. 124–148.

император»²⁵. Британский историк Роберт Уорт обращает особое внимание на то, что союзники были озабочены слухами о возможных закулисных переговорах с немцами, «предательстве и политическом хаосе в высших эшелонах власти, которые провоцируются кликой Распутина»²⁶. Но из разрозненных, хотя и ценных фрагментов пока не складывается общая картина.

Исследуются все пять внешнеполитических траекторий — английская, французская, германская, социалистическая (условно — циммервальдская), американская, но каждая — в отдельности²⁷. Пока не хватает достаточного объема документальных свидетельств, чтобы реконструировать во всей полноте влияние внешних сил на внутренние процессы в России. Но без комплексного изучения внешнего фактора трудно будет понять, как создавались многие стимулы протеста — не только финансовые и экономические, но прежде всего те «горизонты ожидания», ради которых сначала разрушалось политическое и моральное равновесие в стране, а затем — производились торги и размены активами и территориями. В этом смысле важно изучение не только действий конкретных людей — дипломатов, разведчиков, военных, предпринимателей, авантюристов (ведь любой революционный транзит — персонифицирован). Особый интерес вызывают ролевые функции утопий, которые создавали эффект ожиданий «нового справедливого мира».

После того как летом 1916 г. был отправлен в отставку министр иностранных дел С.Д. Сазонов, симпатизировавший думским либералам, Лондон и Париж перешли в отношениях с Петербургом на весьма сдержанный тон. Правительства Антанты были обеспокоены постоянными слухами о возможном сепаратном мире с Германией, в которых фигурировала Россия. Князь Л.В. Урусов не скрывал, что накануне Февральской революции «Англия и Франция сильно смущены нашим внутренним расстройством».

²⁵ Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: Астрель, 2011. С. 566.

²⁶ Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006. С. 21.

²⁷ Лукьянов М.Н. Враг как друг или друг как враг: российские правые, Германия и Великобритания в 1914–1917 гг. // Вопросы культурологии. 2010. № 9. С. 46–51; Ражев А.В. Февральская революция в России и военная политика Великобритании в январе–апреле 1917 // Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 102–106; Смирнов Н.Н. Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 8–14; Поршинева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году // К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю / С.В. Листиков; Российская акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. М., 2006; Самоходкин В.Н. Дискуссия в ЦК РСДРП(б) о членстве в циммервальдском движении в период Великой российской революции // Клио. 2017. № 3 (123). С. 43–48.

С осени 1916 г. парламентская оппозиция стала разрабатывать программу политических действий, которую активно обсуждали представители Прогрессивного блока и дипломаты стран Антанты. Как откровенно писал П.Н. Милюков, «вначале тайно, а потом все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода»²⁸.

В трудах советских ученых В.С. Дякина, Е.Д. Черменского, в современных исследованиях В.В. Шелохаева, Ф.А. Селезнева, С.В. Воронковой, Ф.А. Гайды детально проанализирован процесс формирования парламентской оппозиции²⁹. Взаимодействие Конституционно-Демократической партии (кадетов) с другими левыми и правыми фракциями осуществлялось на общей платформе. Это было требование сформировать правительственный кабинет, согласованный и ответственный перед Государственной думой. Тезис советской историографии о слиянии интересов Прогрессивного блока и Антанты к концу 1915 г. был поддержан и современными историками³⁰. Дипломаты Антанты все активнее вмешивались во внутренние дела России, вовлекая в свои стратегии влиятельных депутатов Думы, также участвуя в создании атмосферы всеобщего недоверия к императору и его семье. С легкостью подхватывались и разносились по всей стране самые невероятные слухи об императрице — «немецкой шпионке», алкоголике императоре, тлетворном влиянии Г. Распутина³¹.

Несмотря на внутренние разногласия, прежде всего по вопросу о продолжении войны, оппозиция действовала консолидированно, когда речь

²⁸ Милюков П.Н. Война и вторая революция. С.14. См. подробнее: Хрусталева В.М. Последние дни великой династии. Романовы. Глава III: На путях к дворцовому перевороту. М.: АСТ, 2013. С. 185–207.

²⁹ Дякин В.С. Парламентаризм и политические партии в России до 1914 г. // Национальный комитет историков Советского Союза: К XVI Международному конгрессу исторических наук (на русском и немецком языках) в соавторстве с К. В. Гусевым и В. А. Шишкиным. М., 1985; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. / Е.Д. Черменский; под ред. В. А. Быстрянского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 374 с.; Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 180 с.; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 864 с.; Воронкова С.В. Определение перспектив экономической и социально-политической модернизации в программных документах политических партий России в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 1. С. 76–83; Гайда Ф.А. Российский либерал начала XX столетия в политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 28–43.

³⁰ Кустов В.А. Прогрессивный блок и внешняя политика России в августе 1915 февраля 1917 года // Известия Саратовского университета. 2011. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. С. 83–90.

³¹ Никонов В.А. Крушение России. Глава 6: Институциональная оппозиция. С. 256–299.

шла о противодействии царской семье. Впоследствии влиятельные русские либералы-творцы Февральской революции, уже в эмиграции, откровенно признавали, что на февраль 1917 г. намечался военный переворот для устранения Николая II. Прогрессивный блок, высшее руководство армии, аристократические семьи, даже некоторые члены Дома Романовых поддерживали идею конституционной монархии и регентства великого князя Михаила Александровича Романова. Лидеры Прогрессивного блока находились в постоянном и тесном контакте с французским послом Палеологом и британским послом Бьюкененом. Важным событием в процессе подготовки к заговору должно было стать убийство Распутина. До сих пор высказываются разные версии, кто был его инициатором, но факт остается фактом — Феликс Юсупов после убийства скрывался в английском госпитале, патронессой которого была супруга британского посла.

В работах В.М. Хрусталева, В.А. Никонова, В.П. Булдакова, А.Н. Боханова, В.Д. Соловей, С.М. Исхакова показано, как происходило «разрушение мировоззрения и миропонимания» на ментальном уровне. Стратегическая задача любого центра власти — не допустить консолидации неудовлетворенных политических групп в контрэлиту, которая смогла бы системно заряжать общество протестными идеями и согласовывать свои действия. Реконструируется процесс биполяризации элит, когда центр власти потерял способность мобилизовать ресурсы, чтобы преодолеть кризис доверия, а избрал иную тактику — самоизолироваться от общества. Чем сильнее развивалась в Царском Селе склонность к принятию принудительных мер и игнорированию Думы, тем жестче становилась политическая риторика и активнее консолидировалась контрэлита. Среди историков нет однозначного мнения относительно решения Николая II стать верховным главнокомандующим и переехать в Ставку. Но преобладает мнение, что этот шаг был «весьма рациональным» и «оказался на том этапе оправданным: фронт стабилизировался, улучшилось снабжение армией»³². Но император фактически стал заложником военных действий. Крупные поражения на Восточном фронте использовались против него. С другой стороны, своим решением он обрек неопытную, нервную и мнительную императрицу на манипуляции одних и ненависть других, рвавшихся к власти.

³² Никонов В.А. Крушение России. 1917. С. 149; Хрусталева В.М. Последние дни Великой династии. М.: АСТ, 2013. С. 164; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: ИстЛит, 2017. 624 с.; Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: Директ-Медиа, 2014. 662 с.; Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М.: АИРО-XX, 2007. 71 с.; Исхаков С.М. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. 982 с.

В любом случае решение переехать из Царского дворца в Ставку сильно ослабило доверие и лояльность лично к нему, как лидеру воюющего государства, который оказался не в состоянии контролировать внутреннюю политику.

В научных исследованиях и общественных дискуссиях принято критично относиться к личности императора Николая³³. Как глава государства, на котором лежала огромная ответственность, в разные периоды царствования он имел достижения и просчеты. В мирное время, когда император был окружен такими людьми, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, в стране успешно нарастал процесс модернизации. Во время Первой мировой войны он стремился достойно выполнять свой долг. Но позволил втянуть себя в противостояние с обществом, хотя должен был оставаться над схваткой. Но мог ли Николай II поступить иначе, если была затронута честь императрицы и его семьи? Если все же использовать императивы «вины» монарха, то надо ставить вопрос и о вине его оппонентов. Ведь не столько он, а депутаты Прогрессивного блока развязали это роковое для России противостояние в военное время. Они были властителями дум, к ним на открытые заседания съезжались общественность и аристократия Петербурга, им рукоплескали и верили... Возможно, современная историография откажется от использования формул «вины» в изучении революционного процесса 1917 г. Как справедливо отметил В.А. Никонов в книге «Крушение России. 1917»: «Он чрезмерно уповал на рок и покровительство Небесных сил, но слишком мало предпринимал усилий для завоевания симпатий элиты, проиграл информационную войну. Царь не уделил должного внимания настроениям улицы и актуализации массовой опоры на власть, которая была — в лице основной массы населения. Наконец, он не проявил решимости бороться за власть до конца, что лишало силы порядка точки опоры, открывая простор революции...»³⁴

Тема «власть и общество», поставленная в контексте изучения революции 1917 г., включает вопросы, важные для понимания качества развития Российской империи в начале XX в. В трудах Б. Миронова, В.А. Никонова, Н. Смирнова зарождение революции исследуется как конфликт традиции и модерна³⁵. С 1905 г. Россия начала медленное и болезненное движение в сторону от самодержавия к парламентской монархии. В этой связи в современной историографии особое внимание уделяется изучению гражданской активности

³³ Искендеров А.А. Закат Империи / А.А. Искендеров. М.: Вопросы истории, 2001. 655 с.; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58; Федоров В.А. История России. 1861–1917. М., 1998. С. 195–197.

³⁴ Никонов В.А. Указ. соч. С. 899.

³⁵ Миронов Б.М. Российская империя: от традиции к модерну. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 35.

и форм самоорганизации общества. Пересмотрен тезис советского времени о царизме как «душителе гражданских свобод», который так активно используется в современных западных исследованиях³⁶. Доказано, что в стране существовали и активно действовали формы передачи общественных настроений властным структурам, хотя император Николай II тяжело уступал пространство власти. Но успехи российской модернизации в начале XX в. неизбежно создавали сдвиги в пользу активных общественных сил³⁷. Историки отмечают, что процесс конструктивного взаимодействия власти с обществом развивался. Может, не так успешно, как в европейских государствах, с неизбежными срывами, но это опыт реальной и прагматичной демократии. Б.Н. Миронов в трехтомном исследовании «Российская империя: от традиции к модерну» справедливо отмечает: «Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении конца»³⁸.

Революция 1917 г. стала катастрофой для России, прервала то последовательное движение от традиционного самодержавия к конституционной монархии, к общественному согласию, по которому медленно, но неизбежно двигалась страна.

Через 100 лет отечественная историография осуществила значительный прорыв в ее осмыслении. Историки восстанавливают не только намеренно «забытые» события, но даже небольшие сюжеты. Сохраняется напряженный общественный интерес. Словно отражаясь во множестве зеркал, она высвечивается разными гранями в зависимости от исторического опыта, уровня научных знаний, а также политической конкуренции и консолидации современных обществ. Российская историография, как видим, переживает острые дебаты и методологические размежевания, поиск новых парадигм в изучении революционного процесса. Важно, что в исследованиях Революции 1917 г. постепенно восстанавливается исторический континуитет между имперской — советской — постсоветской эпохами, формируется понимание единого революционного процесса от Февраля к Октябрю 1917 г.

³⁶ См., к примеру: *Daly J.W. The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917.* Northern Illinois University Press, 2004.

³⁷ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. С. 211–281; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007. 302 с.

³⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. С. 78.

REFERENCES

1. 1917 god v istorii Udmurtii: Dokumenty i materialy / Komitet po delam arhivov pri Pravitel'stve UR. Izhevsk: Udmurtija, 2017. 576 p.
2. 1917 god. Gosudarstvo. Vlast'. Territorija: doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 25 oktjabrja 2017 g. / M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Feder. gos. bjudzhetnoe obrazovat. uchrezhdenie vyssh. obrazovaniya «Ros. gos. gumanitarnyj un-t» (RGGU), Ist.-arh. in-t, Kaf. istorii gos. uchrezhdenij i obshhestv. org. ; [otv. red.: T.G. Arhipova, A.S. Senin; sost. i red. L.D. Shapovalova]. Moskva: ROSSPJeN, 2017. 397 p.
3. *Aksjutin Ju.V.* Russkaja intelligencija i revolyucija 1917 goda: v haose sobytij i v smjatenii chuvstv / Ju.V. Aksjutin, N.E. Gerdt. Moskva: ROSSPJeN, 2017. 702 p.
4. *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* Nikolaj II // *Voprosy istorii*. 1993. № 2. P. 58.
5. *Bahturina A. Ju.* Izmenenie administrativnyh granic Pribaltijskikh gubernij vesnoj–letom 1917 g. // *Vestnik RGGU. Serija «Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie»*. 2017. № 4 (10), ch. 2. P. 177–185.
6. *Baratov P., Filippova T.* 1914–1918. Velikaja vojna i velikaja revolyucija v russskoj zhurnal'noj satire. M.: Kuchkovo pole, 2017. 303 p.
7. *Bellah R.N.* Beyond Belief. New York: Harper and Row, 1970.
8. *Benjamin E.P.* American Nationalisms: Imagining Union in the Age of Revolutions, 1783–1833. Cambridge University Press, January 11, 2018.
9. *Bohanov A.N.* Rossijskaja imperija. Obraz i smysl. M.: Direkt-Media, 2014. 662 p.
10. *Buldakov V.P., Leont'eva T.G.* 1917 god. Jelity i tolpy: kul'turnye landshafty russskoj revolyucii. M.: Izdatel'stvo «IstLit», 2017. 624 p.
11. *Buldakov V.P., Leont'eva T.G.* Vojna, porodivshaja revolyuciju: Rossija, 1914–1917 gg.. M.: Novyj hronograf, 2015. 720 p.
12. *Chermenskij E.D.* Burzhuazija i carizm v revolyucii 1905–1907 gg. / E.D. Chermenskij; Pod red. V.A. Bystrjanskogo. M.; L.: Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1939. 374 p.
13. *Chudinov A.V.* «Novaja russkaja shkola» v istoriografii francuzskoj revolyucii: ad fontes! // *Universitas historiae Sbornik statej v chest' Pavla Jur'evicha Uvarova*. Moskva, 2016. P. 523–534.

14. Daľnij Vostok Rossii v 1917 godu: dokumenty i materialy iz fonda Komissara Vremennogo Pravitel'stva po delam Daľnego Vostoka. Vladivostok: RGIA DV, 2017. 378 p.
15. *Daly J.W.* The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. Northern Illinois University Press, 2004.
16. *Djakin V.S.* Parlamentarizm i politicheskie partii v Rossii do 1914 g. // Nacional'nyj komitet istorikov Sovetskogo Sojuza: K XVI Mezhdunarodnomu kongressu istoricheskikh nauk (na russkom i nemeckom jazykah) v soavtorstve s K.V. Gusevym i V.A. Shishkinym. M., 1985.
17. Dokumenty. Germanija i russkie revoljucionery v gody Pervoj mirovoj vojny // *Nikolaevskij B.I.* Tajnye stranicy istorii. M.: Izd-vo gumanit. lit-ry, 1995. P. 233–411.
18. Dokumenty Svjashennogo sobora Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi 1917–1918 godov: V 2 t. / Otv. red. A.I. Mramornov. M.: Izd-vo Novospasskogo monastyrja, 2012, 2013. T. 1: Predsobornaja rabota 1917 goda. Akty, opredeljavšie porjadok sozyva i provedenija Sobora: V 2 kn. Kn. 1: 712 p.; T. 2: Protokoly Sobornogo soveta. 736 p.
19. Don v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny. 1917–1920. Sb. dok.: V 2 t. T. 1: Mart 1917 — maj 1918 / Nauch. red. d-r ist. nauk, prof. O.M. Morozova. Rostov n/D: Al'tair, 2017. 458 p.
20. *Dzjaloshinskij I.M.* Identichnost' rossijskoj molodezhi: rol' i mesto sobytij 1917 goda: monografija / I.M. Dzjaloshinskij, M.A. Pil'gun; RFFI, Nac. issled. in-t «Vyssh. shk. jekonomiki». Moskva : APK i PPRO, 2017. 445 p.
21. *Fedorov V.A.* Istorija Rossii. 1861–1917. M., 1998. P. 195–197.
22. Fenomen revoljucii v Rossii: uroki istorii. Stranicy dokumental'noj istorii. Sostaviteli: A.V. Repnikova, B.S. Kotov, P.Ju. Savel'ev. M., 2017. 716 p.
23. *Fel'dman M. A.* Promyshlennye rabochie Rossii v 1917 g.: podhody k «socialisticheskoi» revoljucii // Rossijskaja istorija. 2017. № 5. P. 44–61.
24. *Ferling J.* Apostles of Revolution: Jefferson, Paine, Monroe, and the Struggle Against the Old Order in America and Europe. Bloomsbury Publishing. May 15, 2018. 496 p.
25. *Filippova T.* «...Dlja “Velikoj Rossii” vsego-to ponadobilos' chetyre gvozdja...»: zhenskije obrazy revoljucii 1917 goda v otechestvennoj zhurnal'noj satire // Rossija XXI. 2017. № 5. P. 170–183.
26. *Fofanova A.R.* Cozdanie statej konfederacii i nachalo amerikanskoj gosudarstvennosti // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. 2016. T. 15. № 1. P. 45–53.
27. *Gajda F.A.* Rossijskij liberal nachala HH stoletija v politike // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo, 2017. № 6. P. 28–43.

28. Germanija i revoljucija v Rossii. 1915–1918. Sbornik dokumentov / Red.-sost. i komm. Ju. G. Fel'shtinskij. M.: Centrpoligraf, 2013. 512 p.
29. Grazhdanskaja identichnost' i sfera grazhdanskoj dejatel'nosti v Rossijskoj imperii. Vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka. Otв. red. B. Pietrov-Jenner, G. N. Ul'janova. M.: ROSSPJeN, 2007. 302 p.
30. Grosul V.Ja. Rossija nakanune 1917 goda // Oktjabr'skaja revoljucija — 100 let. P. 12–17.
31. Havkin B.L. Nemeckie «finansovyje potoki» russkoj revoljucii // Voprosy istorii. 2017. № 10. P. 122–130.
32. Hrustalev V.M. Poslednie dni Velikoj dinastii. M.: AST, 2013. 864 p.
33. Illerickaja N.V. Velikaja rossijskaja revoljucija 1917 g. v trudah sovremennyh istorikov (istoriograficheskij obzor) // Vestnik RGGU. Serija «Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie». 2017. № 4 (10), ch. 2. P. 169–176.
34. Ioffe G. Fevral' i oktjabr' 1917 goda. Chto jeto? (zametki k postavlennomu voprosu) // Nauka i zhizn'. 2016. № 10. P. 32–47.
35. Ishakov S.M. Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis. M., 2014. 982 p.
36. Iskenderov A.A. Zakat Imperii / A.A. Iskenderov. M.: Vopr. istorii, 2001. 655 p.
37. Islam i sovetskoe gosudarstvo. Sbornik dokumentov. Vyp. 2 (1917–1936). M.: Izdatel'skij dom Mardzhani, 2010. 209 p.
38. Ivanov A. A. Chernaja sotnja sginula v podpol'e: russkie pravye i revoljucija 1917 g. // Rossijskaja istorija. 2017. № 2. P. 42–59.
39. Izbivajut milicionerov, otnimajut vintovki i idet strel'ba: dokumenty CGIA Sankt-Peterburga ob obstanovke v Petrograde v avguste–oktjabre 1917 g. / Vstup. st., podgot. teksta k publ. i komment. N.F. Nikol'cevoj // Otechestvennye arhivy. 2017. № 6. P. 76–87.
40. Iz dnevnika L.V. Urusova // Ministerstvo inostrannyh del Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: Sbornik dokumentov. MID RF. Tula: Akvarius, 2014. 960 p.
41. Jezzenshtadt Sh. Revoljucii i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. Per. s angl. Gordona A.V. Pod red. Erasova B.S. M: Aspekt Press, 1999. 416 p.
42. Jekshtut S. «My vidim bitkom nabitye koncerty...» : o chem pisali stolichnye gazety osen'ju 1917 goda // Rodina. 2017. № 10. P. 110–112.
43. Kir'janov Ju.I. Social'no-politicheskij protest rabochih v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2005. 217 p.
44. Kitanina T. M. Rossija v Pervoj mirovoj vojne 1914–1917 gg.: jekonomika i jekonomicheskaja politika: kurs lekcij. Sankt-Peterburg: Gumanitar. akad., 2016. 348 p.

45. *Kjung P.A.* Transformacija jekonomiki Rossijskoj imperii v period Pervoj mirovoj vojny // *Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 30 sentjabrja — 3 oktjabrja 2014 g.). M., 2014. P. 407–416.
46. Knjaz' Feliks Jusupov. *Memuary* M.: Zaharov, 2015. P. 199— 213.
47. *Kondrashin V.V.* Revoljucija 1917 goda kak moment istiny:itogi celevogo konkursa // *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki.* 2017. № 3. P. 15–25.
48. *Kozlov Ju.* «Nu i svoboda, v tarary by ee...»: semejnaja perepiska o zhizni v Simbirske, na rodine Il'icha, osen'ju 1917 goda // *Rodina.* 2017. № 6. P. 15–19.
49. *Krasovickaja T.Ju.* Jetnokul'turnyj diskurs v revoljucionnom kontekste fevralja-oktjabrja 1917 g.: strategii, struktury, personazhi.: Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii. Moskva: Novyj hronograf, 2015. 415 p.
50. *Krizis samodержavija v Rossii, 1895–1917* / B.V. Anan'ich, R.Sh. Ganelin, B.B. Dubencov i dr.; Redkol.: V.S. Džakin (otv. red.) i dr. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984. 664 p.
51. *Kustov V.A.* Progressivnyj blok i vneshnjaja politika Rossii v avguste 1915 fevrale 1917 goda // *Izvestija Saratovskogo universiteta.* 2011. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Vyp.2, ch. 1. P. 83— 90.
52. *Listikov S.V.* Missija Uil'jama Bullita v sovetskiju Rossiju, 1919 g. // *Amerikanskij ezhegodnik.* 2013. № 2013. P. 211–229.
53. *Listikov S.V.* «Russkij sled» v amerikanskoj intervencii // *Rossijskaja istorija.* 2012. № 5. P. 151.
54. *Listikov S.V.* SShA i revoljucionnaja Rossija v 1917 godu // *K voprosu ob al'ternativah amerikanskoj politiki ot Fevralja k Oktjabrju* / S.V. Listikov; Rossijskaja akad. nauk, In-t vseobshh. istorii. Moskva, 2006.
55. *Listikov S.V.* Vudro Vil'son i «beloe delo»: Rossija na perelome grazhdanskoj vojny i inostrannoju intervencii // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istorija.* 2014. № 7 (30). P. 15.
56. *Luk'janov M.N.* Vrag kak drug ili drug kak vrug: rossijskie pravye, Germanija i Velikobritanija v 1914–1917 gg. // *Voprosy kul'turologii.* 2010. № 9. P. 46–51.
57. *Mamaev A.V.* Municipal'nye rabochie Moskvy i gorodskoe samoupravlenie v 1917 godu // *Rossijskaja istorija.* 2015. № 5. P. 137–147.
58. *Merridale C.* How German Condoms Funded the Russian Revolution // *New York Times.* July 17, 2017.
59. *Miljukov P.N.* Vojna i vtoraja revoljucija. Pjat' dneju revoljucii (27 fevralja — 3 marta) // *Strana gibnet segodnja. Vospominanija o Fevral'skoj revoljucii 1917 goda.* M., 1991. P. 4.

60. *Miljukov P.N.* Vystuplenie v Gosudarstvennoj Dume 1 nojabrja 1916 g. // Pervaja mirovaja vojna v ocenke sovremennikov. 1914–1918. T. 3: Liberal'nyj vzgljad na vojnu: cherez katastrofu k vozrozhdeniju. M.: Politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 2014. P. 440–447.
61. *Mironov B.N.* Rossijskaja imperija: ot tradicii k modernu. T. 2. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2014. 912 p.
62. *Mironov B.M.* Rossijskaja imperija: ot tradicii k modernu. T.1. 787 p.
63. *Mitina T.S.* Francuzskaja revoljucija glazami sovetskih i francuzskih istorikov: (na primere rabot S. L. Sytina i R. Mon'e) // Sytinskie chtenija. VII Sytinskie chtenija. Ul'janovsk: Korporacija tehnologij prodvizhenija, 2014. P. 16–20.
64. *Montefiore S.S.* The German Gambit // The Russian revolution. A new history. 2017. P. 124–148.
65. *Nelson E.* The royalist revolution: monarchy and the American founding. Cambridge, Mass.; London: The Belknap press of Harvard univ. press, 2014. 390 p.
66. *Nikonov V.A.* Krushenie Rossii. 1917. M.: Astrel', 2011. 926 p.
67. Oktjabr'skaja revoljucija — 100 let. Sbornik statej. M: AIRO-XXI, 2017. 304 p.
68. *Paleolog M.* Rasputin. Vospominanija. M.: Izdatel'stvo «Devjatoe janvarja», 1990. 120 p.
69. Pervaja mirovaja vojna v ocenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo 1914–1918. T. 3. Liberal'nyj vzgljad na vojnu: cherez katastrofu k vozrozhdeniju / Otv. red. V.V. Shelohaev. M., 2014. 543 p.
70. *Porshneva O.S.* Jevoljucija predstavlenij o sojuznikah v massovom soznanii revoljucionnoj Rossii 1917 g. // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2014. № 1 (42). P. 43–52.
71. *Potresov A.N.* Rubikon, 1917–1918: publicistika / A. N. Potresov; red.-sost.: R.M. Gajnullina, A.P. Nenarokov, I.S. Rozental' [Feder. arh. agentstvo, Ros. gos. arh. soc.-polit. istorii]. Moskva: ROSSPJeN, 2016. 575 p.
72. Pravitel'stve Respubliki Mordovija. Moskva; Saransk [b. i.], 2017. 1046 p.
73. *Pushkareva I.M.* Rabochie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: istoricheskaja real'nost' i problemy ee izuchenija // Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny. P. 428–445.
74. *Razhev A.V.* Fevral'skaja revoljucija v Rossii i voennaja politika Velikobritanii v janvare–aprele 1917 // Voprosy vseobshhej istorii. 2016. № 18. P. 102–106.
75. *Remez A.* Sredi bogatyh bytuet mnenie, chto luchshe nemeckaja okkupacija, chem nyneshnij stroj: otchet konsula Bel'gii A. Remeza o politicheskoy i social'no-jekonomicheskoy obstanovke v Moskve v dekabre 1917g. / Vstup. st., per. s fr., podgot. teksta k publ. i komment. G.-Zh. Mullek // Otechestvennye arhivy. 2017. № 6. P. 88–114.
76. Rossija 1917 goda v jego-dokumentah: dnevniky / [avt.-sost.: N.V. Surzhikova (nauch. red.) i dr.]. Moskva: ROSSPJeN, 2017. 677 p.

77. Rossiya 1917 goda v jeho-dokumentah: vospominanija / [avt.-sost.: N.V. Surzhikova (nauch. red.) i dr.]. Moskva: ROSSPJeN, 2015. 509 p.
78. Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis / Otv. red. Ju.A. Petrov. M., 2014. 982 p.
79. Rossiya 1917 goda v jeho-dokumentah: zapiski reportera / [per. s angl. jaz. M.I. Vebera, Ja.A. Golubinova, N.A. Mihaleva ; podgot. teksta i komment. N.V. Surzhikovej i dr. ; nauch. red. N.V. Surzhikova]. Moskva: ROSSPJeN, 2016. 550 p.
80. Russkaja revoljucija 1917 goda v literaturnyh istochnikah i dokumentah / In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo Ros. akad. nauk; redkol.: V.V. Polonskij (otv. red.), E.A. Papkova (sost.) i dr. Moskva: IMLI RAN, 2017. 437 p.
81. *Samohodkin V.N.* Diskussija v CK RSDRP(b) o chlenstve v cimmerval'dskom dvizhenii v period Velikoj rossijskoj revoljucii // Klio. 2017. № 3 (123). P. 43–48.
82. Sbornik dokumentov «Revoljucija 1917 goda v regionah Povolzh'ja». [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: // <http://www.archive.perm.ru/projects/publication/1119340-sbornik-dokumentov-revoljutsiya-1917-goda-v-regionakh-povolzhya/>
83. *Seleznev F.A.* Revoljucija 1917 goda i bor'ba jelit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniej (1914–1918 gg.). SPb.: Izdatel'stvo «Aletejja», 2017. 180 p.
84. *Seleznev F. A.* Revoljucija 1917 g. v svete sovremennyh teorij // Rossijskaja istorija. 2018. № 1. S. 172–180. Oktjabr'skaja revoljucija — 100 let. Sbornik statej. M: AIRO-XXI, 2017. 304 p.
85. *Semenova A. V.* Dve formy istoricheskoy pamjati v Rossii o Velikoj francuzskoj revoljucii. Vosstanie dekabristov v sovremennoj obshhestvenno-politicheskoy mysli: mify i real'nost'. Sbornik nauchnyh statej i dokumentov. Moskva, 2017. P. 48–58.
86. *Serazetdinov B.U.* Oktjabr'skaja revoljucija: istoriografija problemy v «perestroechnyj» period (1985–1991 gg.) // Oktjabr'skoj revoljucii — 100 let. Sb. st. M.: AIRO-XXI, 2017. P. 267— 279.
87. *Shelohaev V.V.* Konstitucionno-demokraticeskaja partija v Rossii i jemigracii. M.: ROSSPJeN, 2015. 864 p.
88. *Shelohaev V. V.* Pereformatirovanie partiynogo prostranstva v Rossii v 1917 g: istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi // Rossijskaja istorija. 2017. № 2. P. 32–42.
89. *Shelohaev V.V.* Pervaja mirovaja vojna v ocenkah rossijskoj liberal'noj intellektual'noj jelity // Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentjabrja — 3 oktjabrja 2014 g.) / Otv. red.: A.N. Artizov, A.K. Levykin, Ju.A. Petrov; In-t ros. istorii

- Ros. akad. nauk; Gos. ist. muzej; Federal'noe arh. agenzstvo; Ros. ist. o-vo. M.: IRI RAN, 2014. P. 159–170.
90. *Shelohaev V.V.* Revoljucija 1917 goda glazami sovremennikov: v 3 t. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017.
  91. *Shevyrin V.M.* Vlast' i obshhestvennye organizacii v Rossii (1914–1917). M., 2003. 151 p.
  92. *Shubin A.V.* Velikaja Rossijskaja revoljucija: ot Fevralja k Oktjabrju 1917 goda. M: Rodina-Media., 2014. 454 p.
  93. *Sidorov A.L.* Istoricheskie predposylki Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoy revoljucii. M., 1970. 219 p.
  94. *Smirnov N.N.* Vojna, revoljucionnaja Rossija i Francija v 1917 g.: novye istochniki // Novejšaja istorija Rossii. 2014. № 3 (11). P. 8–14.
  95. *Sogrin V.V.* 1776-j i 1917-j: Amerikanskaja i Rossijskaja revoljucii v global'noj istorii // SShA. Kanada. Jekonomika — politika — kul'tura. 2017. № 9. S. 5–19. Bibliogr.: P. 18.
  96. *Solovej V.D.* Smysl, logika i forma russkih revoljucij. M.: AIRO-XXI, 2007. 71 p.
  97. *Solov'eva T.A.* 1917 god v istorii Rossii i sud'bah narodov Povolzh'ja // Otechestvennye arhivy. 2017. № 6. P. 127.
  98. *Solov'ev K.A.* Vremennoe pravitel'stvo v politicheskoy sisteme Rossii 1917 g. // Rossijskaja istorija. 2016. № 5. P. 20–36.
  99. *Stankevich V.B.* Revoljucija // Strana gibnet segodnja. Vospominanija o Fevral'skoj revoljucii 1917 g. Sostavitel' S.M. Ishakov. M.: Kniga, 1991. 480 p.
  100. *Taraskenkova T.I.* Dokumenty o revoljucionnyh sobytijah 1917 g. v Gosudarstvennom arhive novejšej istorii Smolenskoj oblasti // Vestnik arhivista. 2017. № 3. P. 63–73.
  101. *Tihonov V.V.* Revoljucija 1917 g. v kommunističeskijh praktikah i istoricheskoy politike sovetskoj jepohi // Rossijskaja istorija. 2017. № 2. S. 92–112.
  102. Tochka zrenija Lenina v konce konferencii zahvatila gromadnoe bol'shinstvo: iz protokola kievskogo komiteta RSDRP(b) ot 8 maja 1917 g. / publ. podgot. V.F. Soldatenko // Istoricheskij arhiv. 2017. № 3. P. 12–23.
  103. *Toshhenko Zh.T.* 1917: vremja prevrashhenija idej v material'nuju silu // Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 10. P. 36–43.
  104. *Tumanova A.S.* Obshhestvennye organizacii i russkaja publika v nachale XX veka. M.: Novyj hronograf, 2008. 328 p.
  105. *Uort R.* Antanta i russkaja revoljucija. 1917–1918 / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: Centrpoligraf, 2006. 271 p.
  106. *Vandervel'de Je.* «Ne revoljucija sozdala jeti trudnosti, ona lish' vyjavila ih»: iz otcheta bel'gijskoj missii o poezdke v Rossiju (maj–ijun' 1917 g.) / Vstup. st.,

per. s fr. i podgot. teksta k publ. i komment. T.G. Zazerskoj // Otechestvennyye arhivy. 2017. № 3. P. 79–109.

107. *Voronkova S.V.* Opredelenie perspektiv jekonomicheskoy i social'no-politicheskoy modernizacii v programmnyh dokumentah politicheskikh partij Rossii v nachale HH veka // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya, 2011. № 1. P. 76–83.
108. *Wagener V.* How Germany got the Russian Revolution off the ground Deutsche WELLE. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: // <http://www.dw.com/en/how-germany-got-the-russian-revolution-off-the-ground/a-41195312>
109. *Zhuravleva V.I.* Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914. M.: RGGU, 2012. 1136 p.

Ключевые слова:

революция, 1917, борьба за власть, историография, историческая память.

Olga V. Pavlenko

CATASTROPHE OF 1917 «RUSSIAN MARSEILLAISE» AND ITS REFLECTION IN MODERN HISTORIOGRAPHY

historical experience creates a particular system of codes and meanings in the culture of nations and societies. The memory of the past, with triumphs and defeats intertwined, is the basis of any form of collective identity.

In some cases, the present and the past share a common historical guilt, in others, a great victory. It becomes a foundation for new moral imperatives, patriotic symbols, images of victims and heroes.

For seventy years, the national historiography has been dominated by an apologetic concept of the Great October Revolution that had laid the foundation for the Soviet national identity. The historiographic canon, created in the thirties, underwent virtually no change. The gigantic historiography of the Great October has been developing within the traditional framework of the CPSU history espoused by several generations of historians. The “unsuccessful” February Revolution served as a simple background for the victorious October that brought down the “tsarist regime and the dictatorship of the bourgeoisie”. In the era of glasnost and archive revolution, there began a heated revision of the Soviet concept where emotions often won over scientific analysis.

The changes of the last two decades made it possible to interpret the Revolution of 1917 as a multidimensional process of a drastic transformation of the entire Russian system, which, in its turn, changed the world order. Over the past few years, there has been a steep increase in the number of nonfictional historical publications containing archival materials, memoirs, and visual sources (posters, caricatures, etc.). The build-up of narrative material is so fast-paced that historians lag behind in interpreting and summarizing it. Fact-based, fragmentary descriptions significantly prevail over the attempts to give it a conceptual interpretation, even though recent studies actively explore the mechanisms that trigger revolution, the nature of social protest and violence, the forms of legitimization of the new power, the cultural references of political radicalism, the ideological and

symbolic re-encoding of public space. A particular attention is paid to the ethnocultural discourse of the revolutionary process.

Despite a certain fragmentation of topics, Russian historians share the idea of continuity of the revolutionary process from February to October 1917. The stages of political struggle gave way to one another as different forces attained power but found themselves unable to hold together this gigantic country that was falling apart. In this aspect, the dynamics of the revolutionary crisis in Russia was similar to the one of the French Revolution.

It should be noted that the overall narrative of the revolutionary process and the vision of its development stages are defined not only by the center, but also by regions. The revolution-related research carried out by local historians is particularly impressive. Regional archives allow a recreation of a colorful, dramatic history of takeover/ interception/ transfer of power at the local level, full of clashes and conflicts. It is obvious though that the regional research requires further development and classification.

At the same time, the level of scientific research does not allow to address the issue of the “way in and out” of the revolution. Many questions still remain unanswered after numerous conferences and publications in 2017. Which criteria are necessary to date the beginning and the end of the revolutionary process in Russia? Can civil war be included in the overall revolutionary context, similar to the French Revolution? The anatomy of any grand-scale protest comprises of a sum of internal radical projects and strategies of external players with their own geopolitical interests. The Interests and Identities of all people, social and political groups, national and international elite that got involved in the process, voluntarily or involuntary, manifest themselves best of all in the cauldron of revolutionary ebullition. And for a researcher, the key motivation consists in distinguishing visible and seemingly invisible interactions of all these entities, comparing the external, event-related processes with the internal dynamics of power struggles.

The topic of power and society analyzed against the background of the Revolution of 1917 includes the issues essential for understanding the quality of development of the Russian Empire in the early XXth century. In the papers by B. Mironov, V. Nikonov, N. Smirnov, the genesis of revolution is seen as a conflict of tradition and modernity. In 1905, Russia began its slow and painful progress from tsarist autocracy to parliamentary monarchy. In

this connection, modern historiography puts a particular emphasis on the analysis of civic engagement and the forms of self-organization of society. The Soviet vision of the tsarist regime as a “suppressor of civil liberties”, so actively used in modern Western papers, was revised.

The Russian historiography is currently undergoing intense debates and methodological realignment, searching for new paradigms in the analysis of the revolutionary process. But most importantly, the historical continuity between the imperial, Soviet and post-Soviet eras is being gradually restored in the papers covering the Revolution of 1917, and the idea of existence of a single revolutionary process from February to October 1917 is slowly taking shape.

Павленко Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики ФМОиЗР ИАИ Российского государственного гуманитарного университета

Mark Kramer

REVOLUTIONS AND THEIR AFTERMATHS: A FRAMEWORK FOR ANALYSIS

In this essay I draw on relevant social science literature (particularly concerning revolutions, contentious politics, political development, democratization, authoritarianism, and political economy) to develop a framework for understanding what might happen in a country (State A) that has just experienced a revolution. I first specify what I mean by a “revolution.” I then consider how events are likely to evolve in State A after it has undergone a revolution. Chance and adventitious events might shape a large part of the future course, but there are many contextual factors that can help us anticipate where the situation is likely to head. This essay highlights these factors and the way they can affect political, social, and economic trends in State A after a revolution.

Few topics in the social sciences have been studied as intensively as revolutions. Most of the literature has focused on the causes and processes of revolution, rather than the aftermath. Although I concentrate here on the aftermath, that task necessarily requires that I pay close attention to the causes and processes. To this end, I have drawn on the works of Charles Tilly, Nikki Keddie, Jeff Goodwin, and many others who “recognize the continuity between revolutionary and non-revolutionary political processes, [who] try to identify the general mechanisms that make a difference to political processes, [and who] seek to examine

and explain variability.”¹ Although some of Jack Goldstone’s work has also been useful, his attempts to devise a singular model revolving around demographic pressures took him on an unhelpful path that I will not be following here.²

In this essay I define a revolution as a process in which (a) one or more political groups emerge that seek to wrest control of part or all of a state from the existing authorities, usually through extralegal means, in order to implement a new political order, (b) the challenging group marshals sufficient resources and support to gain control of part of all of a state and to begin getting rid of all potential rivals, and (c) the newly empowered group begins implementing the new political order it envisages.³ I focus here predominantly on revolutions from below rather than those from above. Although I do not wholly exclude the latter and am mindful of cases that fall into a gray area (e.g., Hungary in 1989, Chile in 1988-1990, South Africa in 1990-1994), my main interest here is in revolutions that feature a significant degree of mass action/mobilization. My definition can encompass violent changes of power as well as mass uprisings that remain entirely peaceful, and it can even include a revolution that is carried out through electoral means, as the Islamic Salvation Front was aspiring to do in Algeria in 1992.

Several aspects of a revolution, as defined here, are worth noting. My definition treats a revolution as more a process than an outcome. Although an outcome is an integral part of it (i.e., a change of political power and steps toward the implementation of a new order), this outcome is itself part of the revolutionary process. What I am interested in here is how the process continues to unfold. Arthur Stinchcombe has argued that a revolution involves “rapid, often erratic, change in the relative power” of various actors in State A.⁴ Both during and after a revolution, great uncertainty exists about the distribution of power. Only when such uncertainty is no longer present (i.e., when a stable political equilibrium has been reached) does the revolutionary aftermath end. Until recently, most of the literature on revolutions had assumed that a drastic, sudden shift in the dis-

¹ Charles Tilly, “To Explain Political Processes,” *American Journal of Sociology*, Vol. 100, No. 6 (May 1995), pp. 1594-1610.

² Jack Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1993).

³ Charles Tilly, *European Revolutions: 1492-1992* (Oxford, UK: Blackwell Publishing, 1993). See also Doug McAdam, Sidney Tarrow, and Charles Tilly, “Toward an Integrated Perspective on Social Movements and Revolution,” in Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman, eds., *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure* (New York: Cambridge University Press, 1997), pp. 142-173.

⁴ Arthur L. Stinchcombe, “Ending Revolutions and Building New Governments,” in *Annual Review of Political Science* (Palo Alto: Annual Reviews, 1999), p. 51.

tribution of power would culminate in a violent transfer of power, but it is now abundantly clear that some revolutions never turn violent.

One of the striking features of international politics since the early 1970s has been the recurrence of “waves” of democratization or pro-democracy unrest in regions that had once seemed solidly authoritarian (Latin America, East Asia, Eastern Europe, South Africa, and even, to some degree, the Middle East). Hence, in thinking about the aftermath of a revolution in a state, one of the key issues we need to consider is the prospects for democratization and the factors that might stymie democratization. We also need to keep in mind the long term as well as the near term. Jack Goldstone recently argued that “even after a peaceful revolution, it generally takes half a decade for any type of stable regime to consolidate.”⁵ Although Goldstone cited no data to back up this claim, the time frame he mentions seems plausible and, if anything, too short. Various strands of the social science literature are helpful in determining which factors are worth examining to try to anticipate how the situation in a state is likely to unfold in the long term as well as the short term.

Contextual Factors

Nature of the Revolution

The first basic thing to consider is the type of revolution that occurred. Was it violent, largely peaceful, or entirely peaceful? If it was violent, who initiated the violence? A plethora of research has shown that violent revolutions are likely to be followed by renewed bouts of violence, as contending groups increasingly sense that they will be marginalized or even wiped out if they do not seek to assert themselves forcibly.⁶ The repeated use of violence creates a moral hazard whereby even normally peaceful groups lose their inhibitions about resorting to violence.

Moreover, a violent revolution tends to empower the most ruthless of the contending factions and brings to the fore the most implacable elements within these factions, who usually have little inclination to share power afterward. The violent change of power also instills a zero-sum mentality among those who emerge victorious, spurring them to try to hold on to power through all means fair and foul. These conditions militate against the emergence of lib-

⁵ Jack A. Goldstone, “Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Arab Middle Eastern Autocracies,” *Foreign Affairs*, Vol. 90, No. 3 (May-June 2011), pp. 8-16.

⁶ Mark Irving Lichbach, *The Rebel's Dilemma* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995), pp. 54-60.

eral democratic institutions and favor the rise of brutal rulers who seek to entrench themselves in office.

Peaceful revolutions, as in the Philippines in 1986, Czechoslovakia in 1989, Serbia in 2000, Georgia in 2003, and Tunisia in 2011, are by no means guaranteed to be followed by the emergence of democracy. Extralegal changes of power are bound to create certain obstacles to the acceptance of democratic practices and institutions and may create opportunities for rent-seeking and political corruption for years afterward. Nonetheless, on average, the prospects for the eventual emergence of democracy are better after peaceful revolutions than after violent revolutions.⁷

Temporal Context

The temporal context of a revolution can affect the aftermath in at least two ways. The first involves a country embedded in a clear-cut “revolutionary wave,” by which I mean a clustering of revolutionary upheavals in time and usually space, with the later struggles drawing inspiration and often tactics and ideology from the earlier movements. Modern history is filled with consequential examples of such waves, including the revolts that shook most major European capitals in 1848-1849; the nationalist—and generally Communist—rebellions in Southeast Asia in 1948-1949; the revolutions that dismantled the Soviet bloc in 1989; the so-called Color Revolutions of 2000-2006, and, most recently, the upheavals of the so-called Arab Spring.

Empirical research suggests that the earliest upheaval in the wave is more likely than later upheavals to displace the existing regime relatively quickly and with minimal violence. This is evidently because of the element of surprise enjoyed by the early insurgents. The initial episode in what later becomes a wave tends to catch the world and, more importantly, the affected regimes (and sometimes the protesters themselves) off-guard, granting the insurgents a tre-

⁷ Adam Roberts and Timothy Garton Ash, eds., *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-Violent Action from Gandhi to the Present* (New York: Oxford University Press, 2009); Sharon Erickson Nepstad, *Nonviolent Revolutions: Civil Resistance in the Late 20th Century* (New York: Oxford University Press, 2011); Erica Chenoweth and Maria J. Stephan *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Resistance* (New York: Columbia University Press, 2011); Maria J. Stephan and Erica Chenoweth, “Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Action,” *International Security*, Vol. 33, No. 1 (Summer 2008), pp. 7-44; Kurt Schock, *Unarmed Insurrections: People Power Movements in Nondemocracies* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005); Vincent Boudreau, *Resisting Dictatorship: Repression and Protest in Southeast Asia* (New York: Cambridge University Press, 2004); and Stephen Zunes, “Unarmed Insurrections against Authoritarian Governments in the Third World: A New Kind of Revolution,” *Third World Quarterly*, Vol. 15, No. 3 (September 1994), pp. 403-426.

mendous tactical advantage. But the later rebels in the wave tend to be disadvantaged for much the same reason. As the wave unfolds, regimes in the same region at risk of being overthrown have the opportunity to learn from the previous episodes and to devise effective tactical responses to popular rebellion.⁸ In at least some waves, the regimes learn and adjust relatively quickly, whereas the insurgents tend to stick with the same repertoire of tactics pioneered by the “initiator movement.”⁹ A recent case of this was the Color Revolutions, in which leaders of Otpor!, the major student group in the uprising against Slobodan Milošević in Serbia, consciously sought to encourage revolutions in other countries by training student groups in the use of the specific tactics they had deployed in Belgrade.¹⁰ This meant that as the regimes were learning how to quell unrest, the movements in the wave were merely adopting the tactics of their predecessors. Although upheavals in Georgia and Ukraine succeeded in displacing the regimes, rebels from then on encountered greater difficulty, particularly after the decisive crackdown in Uzbekistan in 2005.¹¹

There is one very specific kind of wave that appears to reverse this pattern, with the later movements achieving success faster than the early risers. This is a wave that occurs within a broader autocratic system that is unraveling. As the Soviet bloc collapsed in 1989-1990, the Communist regimes succumbed much faster to the later protest movements than to the early risers.¹² The same appears to have been true of the national revolutions that spread throughout South America in the decade of the 1810s, effectively ending Spanish colonial rule there.

Unlike the influence of a broader “wave” of movements, the other “temporal” influence on revolutionary episodes is country-specific. Countries that have experienced a sustained—if ultimately unsuccessful—revolutionary episode in the recent past are more likely to experience another, unless the earlier episode ended in such a violent manner as to discourage later attempts. China, as a result

⁸ Mark R. Beissinger, “Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions,” *Perspectives on Politics*, Vol. 5, No. 2 (June 2007), pp. 259-276.

⁹ Doug McAdam, “Initiator’ and ‘Spin-off’ Movements: Diffusion Processes in Protest Cycles,” in Mark Traugott, *Repertoires and Cycles of Collective Action* (Durham, NC: Duke University Press, 1995), pp. 227-230.

¹⁰ Abel Polese and Donnacha Ó Beacháin, “The Color Revolution Virus and Authoritarian Antidotes: Political Protest and Regime Counterattacks in Post-Communist Spaces,” *Demokratizatsiya*, Vol. 18, No. 2 (Spring 2010), pp. 111-132. Abel Polese and Donnacha Ó Beacháin, eds., *The Color Revolutions in Former Soviet Republics: Successes and Failures* (New York: Routledge, 2010).

¹¹ Beissinger, “Structure and Example in Modular Political Phenomena,” pp. 259-276.

¹² Mark Kramer, “The Demise of the Soviet Bloc,” *Journal of Modern History*, Vol. 83, No. 4 (December 2011), pp. 788-854.

of the Tiananmen “massacre,” may be an example of this kind of exception. But if the earlier episode of revolutionary unrest was suppressed through means short of brutal violence and mass bloodshed, the precedent can serve as a practical strategic model and tangible inspiration for a later movement. Poland was the first of the Warsaw Pact countries to challenge the Soviet system in the 1980s with the rise of the Solidarity movement in 1980-1981. Even though Solidarity was crushed when martial law was imposed in December 1981, the crackdown resulted in a surprisingly small number of deaths (under 50). Polish workers drew on the 1980-1981 experience when spearheading the wave of movements that undermined the Soviet bloc in 1988-1990.

Type of Overthrown Regime

Next we need to consider what type of authoritarian regime was overthrown in State A. Was it a military junta, a one-party regime, a monarchy, or a personalistic (sultanistic) dictatorship? The literature on revolutions has indicated that, of these types of regimes, personalistic dictatorships tend to be most vulnerable to revolutionary upheavals because loyalty to the ruling regime in such systems depends solely on patronage rather than on ideology, tradition, or party identity.¹³ If a personalistic dictator is removed, one likely result is that a period of political uncertainty will follow. Whether this uncertainty leads to violent instability depends in part on whether the personalistic dictator’s erstwhile cronies try to hold on to their positions and privileges and on whether most of the protesters are satiated by the departure of the suddenly reviled dictator. If the cronies do try to keep their positions and privileges, the likely result will be continued turmoil and the potential for civil war, especially if the protesters are not satiated by the departure of the personalistic dictator. On the other hand, if most of the cronies either flee abroad or try to retire into obscurity at home, and if most of the protesters believe that the removal of the dictator achieved their main goal, the situation is more conducive to gradual stabilization under a new government that may or may not be democratic.

If the regime that is overthrown is a military junta, the aftermath will depend in part on who the new rulers are and how they come to power (the latter point will be addressed below). If the military has split into rival factions and one group has sided with the protesters in overthrowing the military junta, the likely result in the near term is a transition to new military rulers. If those rulers are able to unify the armed forces behind them, they stand a good chance

¹³ James Raymond Vreeland, “The Effect of Political Regime on Civil War: Unpacking Anocracy,” *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 52, No. 3 (June 2008), pp. 401-425.

of deterring or thwarting further challenges to their rule in the near term. If the ouster of the old regime has been occasioned by mass unrest and if the new military rulers give no indication that they will soon transfer power to an elected government, or if the protesters sense that the rulers are insincere about a declared intent to transfer power, the likely result will be renewed turmoil, possibly giving a wedge to the former military junta to try to reclaim power. On the other hand, if the new military rulers move toward the transfer of power, they might provoke new splits (or revive earlier splits) within the armed forces. Even if power is ultimately transferred to a non-military government, the new civilian leaders for a considerable while will have to avoid antagonizing the senior military commanders, who will be able to remove a non-military government if they so choose. Cumulative research has shown that once a military junta has seized power in State A, the prospect of a military coup in the future increases markedly.¹⁴ Hence, if a new military junta emerges and seeks to entrench itself after the overthrow of an earlier military junta, one can anticipate a spate of turmoil that will likely stymie any progress toward a stable non-military government.

If a one-party regime or monarchy is overthrown, the aftermath depends largely on how the ouster occurs, as discussed in the next section. After the overthrow of a one-party regime, one key factor to watch is whether most of the structure of the former ruling party is preserved. If it *is* preserved, it can potentially serve as a vehicle for an effort to reverse the revolution. Fears of such a reversal arose in Russia in the early 1990s when the Russian Communist Party (which had inherited the assets and structure of the Soviet Communist Party after the latter was banned in late August 1991) seemed to have the potential to gain power and move Russia and perhaps some other former Soviet republics back toward a Communist system. The overthrow of a monarchical system (e.g., Egypt in 1952, Tunisia in 1957, Iraq in 1958, Libya in 1969) can cause a destabilizing jolt to traditional patterns of legitimacy and plunge the country into turmoil, with frequent changes of government. But if the ouster has occurred through the help of widespread popular mobilization (e.g., Iran in 1979), a return to stability is likely to be quicker.

---

¹⁴ Patrick McGowan, "Coups and Conflict in West Africa, 1955-2004, Part 1: Theoretical Perspectives," *Armed Forces & Society*, Vol. 32, No. 1 (October 2005), pp. 5-23; Patrick McGowan, "Coups and Conflict in West Africa, 1955-2004, Part 2: Empirical Findings," *Armed Forces & Society*, Vol. 32, No. 2 (January 2006), pp. 234-253; and Richard P. Y. Li and William R Thompson, "The 'Coups Contagion' Hypothesis," *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 55, No. 6 (December 2011), pp. 63-84.

Method of Ouster

The basic issue here is how the ousted leaders lost power. Was it through a negotiated transition, through intra-regime reshuffling (e.g., Afghanistan in 1973), through flight to a foreign country, or through imprisonment or assassination? Scholars are broadly in agreement that peaceful, pacted transitions, as in Portugal in 1974-1975, Spain in 1976, Poland and Hungary in 1989, Chile in 1990, and South Africa in 1990-1993, are, compared to other possible modes of transferring power, more conducive to the emergence of democracy.¹⁵

By contrast, if a dictator flees abruptly to a foreign country, as in Uganda in 1979, Kyrgyzstan in 2005, or Tunisia in 2011, the resulting power vacuum may inhibit a return to stability and lay the groundwork for a power struggle that would create new instability and potentially flare into violence and a prolonged civil war. The exiled dictator is likely to try to rally his supporters (or erstwhile supporters) in State A to prevent a new regime from consolidating itself and to pave the way for his return, as Askar Akaev tried to do (unsuccessfully) in Kyrgyzstan after his unceremonious ouster in 2005. Alternatively, the exiled dictator's erstwhile supporters in State A might try to claim power themselves in the immediate aftermath of the ousted leader's departure, a move that would probably inspire further challenges to the regime and perhaps civil strife.

Only if an exiled dictator is resigned to being out of power and relinquishes any hope of returning will his presence in a foreign country cease to be a potential rallying point for supporters in State A.

If a leader is overthrown by assassination or execution, as in France in 1789-1793, Russia in 1917-1918, Romania in 1989, and Libya in 2011, two potential scenarios could emerge. In the first, the execution of the reviled leader satiates most of the protesters and leads to a de-escalation of protests and a gradual return to stability and possibly even elections. This is roughly what happened in Romania after the peremptory execution of Nicolae Ceaușescu on Christmas Day 1989. The other scenario is much less auspicious. The violent symbolism of the dictator's extralegal execution bolsters the position of the more radical elements among those who joined together to overthrow the dictator, creating a dynamic reminiscent of *Lord of the Flies*. The radicals are then tempted to move against other elements of the erstwhile coalition and to eliminate potential rivals for power. The less radi-

¹⁵ Guillermo O'Donnell, Philippe Schmitter and Laurence Whitehead, eds., *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992); John Higley and Richard Gunther, eds., *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992); and Samuel P. Huntington, *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman, OK: Oklahoma University Press, 1991).

cal elements, sensing that they are about to be eliminated, are inclined to resist (provoking a civil war, as in Russia in 1918-1921) or to flee.¹⁶ In either case, the prospects for any movement toward democracy in State A decline even further.

Electoral Context

For more than 30 years, disputed elections for national office have often been a catalyst of revolutionary upheavals. This is particularly the case if blatant electoral fraud has occurred. Many such uprisings have been successful (Philippines in 1986, Serbia in 2000, Georgia in 2003, Ukraine in 2004), but in other instances the uprisings have been brutally suppressed (Zimbabwe in 2008, Iran in 2009, Belarus in 2010) or have petered out (Russia in 2012). An upheaval that has occurred in this manner has three features with implications for the aftermath:

First, except in pervasively tyrannical countries in which elections are purely ritualistic and serve no substantive function (e.g., North Korea), the election period is likely to be a time when mass mobilization is somewhat more feasible than during regular times.¹⁷ If a genuine mass movement led by authoritative figures does emerge, it stands a greater chance of success in keeping the *ancien régime* from coming back to power.

Second, the election period tends to attract international media coverage as well as the attention of foreign governments and international organizations, including those engaged in election monitoring. To the extent that these international actors lend credence and legitimacy to the insurgents' complaints about fraud, they can generate greater support for the post-revolutionary government and discredit any of the previous rulers who try to return to power.

Third, if a revolutionary episode stemming from a disputed election is successful, it is likely to be relatively short-lived. That is, if the anger and popular unrest sparked by the election are going to bring down the regime, they will do so fairly quickly. This suggests that, on average, such an episode is likely to remain peaceful (or largely so), which (as discussed above) is more likely than a violent revolution to facilitate democratization afterward, if only falteringly. Even if democratization does not begin, the precedent set by the peaceful transfer of power reduces the likelihood that the post-revolutionary situation will dissolve into violence.

¹⁶ Michael K. Miller, "Economic Development, Violent Leader Removal, and Democratization," *American Journal of Political Science*, forthcoming.

¹⁷ Joshua A. Tucker, "Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions," *Perspectives on Politics*, Vol. 5, No. 3 (September 2007), pp. 535-551.

Prevailing Ideological Discourse

The nature of the ideological discourse surrounding the revolution is likely to have a major impact on the aftermath.¹⁸ If the main ideological discourse is pro-democracy and favorable toward the West, as in Eastern Europe in 1989, the prospects for democratic development afterward are likely to be relatively bright, *ceteris paribus*. If the main ideological discourse is pro-democracy but unfavorable toward the West, as in Egypt in 2011, anti-Western forces that are not supportive of democracy are likely to stand a greater chance of gaining power after the revolution. However, even in such cases, the original pro-democracy discourse will continue to be invoked (at least for a considerable while) by those who genuinely want to see their country move in a democratic direction.

By contrast, if the prevailing ideological discourse is virulently anti-Western and/or religious fundamentalist in nature, as in Russia in November 1917, China in 1949, Iraq in 1958, and Iran in 1979, no movement toward democracy in State A is likely to occur. (The term “religious fundamentalist” pertains not only to faiths like Salafist Islam but also to secular religions like Bolshevism and Maoism.) Instead, what is likely to happen is that the anti-Western, fundamentalist forces will try to eliminate any potential rivals and establish ideological dominance.¹⁹ A revolution accompanied by religious fundamentalist discourse is particularly susceptible in the aftermath to a takeover by extremists because the discourse itself breeds hostility to those seen as “heretics” and a refusal to compromise about basic principles. These attitudes are likely to become a more general intolerance of any dissenting views.²⁰

The Role of External Powers

Part 1: Military Intervention, Arms Supplies, Economic Aid, Economic Coercion
The role of external powers in the revolutionary aftermath has several dimen-

¹⁸ John Foran, “Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions,” in John Foran, ed., *Theorizing Revolutions* (New York: Routledge, 1997), pp. 203-226; William A. Gamson, “Political Discourse and Collective Action,” *International Social Movement Research*, No. 1 (1988), pp. 219-244; and Misagh Parsa, *States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines* (New York: Cambridge University Press, 2000).

¹⁹ Hamid Enayat, “Revolution in Iran 1979: Religion as Political Ideology,” in Noel O’Sullivan, ed., *Revolutionary Theory and Political Reality* (New York: St. Martin’s Press, 1983), pp. 191-206; Nikki R. Keddie, ed., *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*, rev. ed. (New Haven: Yale University Press, 2005), pp. 222-262; and Parsa, *States, Ideologies, and Social Revolutions*.

²⁰ Nicolas Werth, “A State against Its People: Repression, Violence, and Terror in the Soviet Union,” in Stephane Courtois et al., *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*, ed. and trans. by Mark Kramer (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999), esp. pp. 132-145.

sions that need to be considered separately. First, we need to consider whether one or more external powers intervened directly in the revolution by sending their own troops to overthrow the regime (or assist in the overthrow) or to defend the regime against revolutionary challengers.²¹ Alternatively, did external powers provide weapons, training, or economic support to one contending side or the other (the regime or the revolutionaries)? Did one or more outside powers use economic coercion to pressure and destabilize the regime and thereby facilitate (deliberately or otherwise) the overthrow of the existing rulers?²² If some or all of these forms of external intervention occurred, were most or all of the outside powers trying to facilitate the revolution, or did most of them instead try unsuccessfully to thwart it?

Cumulative research has shown that, on average, external *military* intervention in civil conflicts — whether through the direct sending of troops or the provision of weaponry and training — is likely to result in a prolongation of the fighting, a higher death toll, and a higher risk of military intervention by other external powers.²³ In a few exceptional cases, external military intervention to facilitate a revolution can lead relatively expeditiously to a settlement and gradual stabilization afterward, but these cases are aberrations, not the norm.

External *economic* intervention in civil conflicts — whether to prop up a regime or to pressure and destabilize it — tends to be effective when carried out for or against a personalistic dictatorship but less effective when directed at a one-party regime, monarch, or military junta. If external economic coercion has contributed to the overthrow of the regime in State A, one consequence in the aftermath of the revolution is that economic instability and hardship are likely to be severe in State A for a considerable while.

²¹ Bruce Bueno de Mesquita and George W. Downs, “Intervention and Democracy,” *International Organization*, Vol. 60, No. 3 (Summer 2006), pp. 627–649; Stephen Walt, *Revolution and War* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997); and Frederic S. Pearson, Scott Walker, and Stephanie Stern, “Military Intervention and Prospects for Democratization,” *International Journal of Peace Studies*, Vol. 11, No. 1 2 (Autumn/Winter 2006), pp. 63–86

²² Abel Escribà-Folch and Joseph Wright, “Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers,” *International Studies Quarterly*, Vol. 54, No. 2 (June 2010), pp. 334–359; William Kaempfer, Anton Lowenberg, and William Mertens, “International Economic Sanctions against a Dictator,” *Economics and Politics*, Vol. 16, No. 1 (March 2004), pp. 29–51; Nikolay Marinov, “Do Economic Sanctions Destabilize Country Leaders?” *American Journal of Political Science*, Vol. 49, No. 3 (July 2005), pp. 564–576; and Chantal de Jonge Oudraat, “Economic Sanctions and International Peace and Security,” in Chester A. Crocker, Fen Osler Hampson, and Pamela Aall, eds., *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World* (Washington, DC: U.S. Institute of Peace, 2007), pp. 335–354

²³ David E. Cunningham, “Blocking Resolution: How External States Can Prolong Civil War,” *Journal of Peace Research*, Vol. 47, No. 2 (March 2010), pp. 115–127; and Ibrahim A. Elbadawi and Nicholas Sambanis, *External Interventions and the Duration of Civil Wars*, Policy Research Working Paper No. 2433 (Washington, DC: The World Bank, September 2000).

Another point to consider is whether one or more of the external intervening powers retain a military presence in State A after the revolution. If so, the presence of the external forces over time is likely to become an irritant and could turn into a potential flashpoint for renewed violence. The only exception is likely to come in the case of a separatist revolution (i.e., when State A has broken away from State B, of which it was formerly a part). If external military intervention in State A is crucial in allowing a separatist revolt there to succeed (e.g., Kosovo in 1999), the continued presence of external military forces in State A afterward may be welcomed, at least for a considerable while, to deter any potential attempts by State B to reclaim State A by force.

Part 2: Neighborhood Effects

One key determinant of the post-revolutionary fate of State A will be the nature of its external environment. Is it surrounded by authoritarian states that are alarmed by what has just happened in State A? Will these authoritarian neighbors seek to contain or even reverse what has happened in State A? If so, the likelihood of movement toward democratization in State A is low. Large-n studies have consistently shown that democratization in a predominantly authoritarian “neighborhood” is very difficult, whereas democratization in a democratic neighborhood (e.g., Portugal and Spain in the 1970s) is much more feasible. If State A is surrounded by democratic (or democratizing) states, the prospects for gradual movement toward democracy in State A are much higher, especially if the revolution in State A is part of a wave of such upheavals in the neighborhood.²⁴ If democratization takes tentative root in several of State A’s neighbors, the spillover into State A could tip the balance in favor of those advocating democratization. The “neighborhood effect” is likely to be especially powerful if State A and surrounding states have close linguistic, ethnic, religious, and/or demographic ties.

More complicated scenarios are apt to emerge when State A’s neighborhood has roughly equal numbers of authoritarian states and democratic (or democratizing) states. In that case, the impact on State A will likely depend on the prevailing trend in the neighborhood — that is, whether the recent trend overall has been toward democratization (perhaps sparked by revolutionary upheavals) or instead toward a reversal of democratic change and the entrenchment of dictatorship.

²⁴ On the diffusion of democratization in the period based on a large-n sample from 1974 to 1987, see Harvey Starr, “Democratic Dominoes: Diffusion Approaches to the Spread of Democracy in the International System,” *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 35, No. 2 (June 1991), pp. 356-381. For an updated and substantially revised version of Starr’s analysis, covering through 1996, see Harvey Starr and Christina Lindborg, “Democratic Dominoes Revisited: The Hazards of Governmental Transitions, 1974-1996,” *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 47, No. 4 (August 2003), pp. 490-519.

The impact of the external environment is likely to depend in part on the location of the neighborhood and its connection to Western political and economic structures. If State A has a realistic chance of being integrated into major Western institutions like the EU, NATO, and the WTO, the mere prospect of gaining entry into one or more of these organizations will be an inducement for the new leaders in State A to try to conform to the requirements for joining. The aspiration to gain membership in NATO and the EU provided a key incentive for the former Warsaw Pact countries to adhere to basic democratic standards after 1989.²⁵ If, on the other hand, State A has no realistic chance of ever being integrated into any major Western organizations, the impetus for the post-revolutionary leaders to embark on even limited democratization will be much weaker.²⁶

Conversely, if a large authoritarian state dominates a particular neighborhood (e.g., Russia in western Eurasia, China in East Asia) and seeks to integrate its neighbors into authoritarian structures, or if two large authoritarian states vie for hegemony in a particular neighborhood (e.g., Iran and Saudi Arabia in the Gulf region), authoritarian rule is much more likely to become entrenched in State A.

Domestic Cleavages

The evolution of State A is likely to depend in part on the preexisting class, ethnic, and religious structures in the country. The deeper the cleavages, the greater the likelihood that conflict will emerge in the aftermath of the revolution.²⁷ If important groups in State A fear that they will be marginalized or persecuted in the new polity, they might leave the country en masse or seek to counter the new regime, if necessary by force as happened with the Miskito Indians in Nicaragua in the 1980s. If social cleavages in State A have given rise to violence in the recent past, the odds are especially high that those cleavages will be a source of volatility in the revolution's aftermath.

²⁵ Milada Anna Vachudova, *Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism* (New York: Oxford University Press, 2005); Alexandra Gheciu, *NATO in the "New Europe": The Politics of International Socialization after the Cold War* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2005); and Rachel A. Epstein, *In Pursuit of Liberalism: International Institutions in Postcommunist Europe* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006).

²⁶ Amichai Magen, Thomas Risse, and Michael McFaul, eds., *Promoting Democracy and the Rule of Law: American and European Strategies* (New York: Palgrave Macmillan, 2009).

²⁷ Donald L. Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict*, 2nd ed. (Berkeley: University of California Press, 2000); Theda Skocpol, *States & Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China* (New York: Cambridge University Press, 1979); Robert H. Bates, *When Things Fell Apart: State Failure in Late-Century Africa* (New York: Cambridge University Press, 2008); and Eric A. Nordlinger, *Conflict Regulation in Deeply Divided Societies* (Cambridge, MA: Center for International Affairs, Harvard University, 1972).

If a large middle class is present in State A, the potential for democratic change will be greater, particularly if the middle class spearheaded the revolution. Even if the somewhat romanticized view of the middle class in modernization theory is unwarranted, cumulative research has shown that when revolutions are supported by large segments of the middle class to obtain a greater “voice” in political life, the change of power is more likely to be followed by attempts at democratization. In such cases, there is always a chance that radical forces will seek to outflank a diffuse middle class (as occurred in Iran in 1979–1980), but the larger the middle class, the greater the obstacle it will be to a “hijacking” of the revolution by extremists.

The literature on internal armed conflicts and civil wars indicates that if State A is largely secular, the likelihood of a *modus vivendi* among different social groups is higher than if State A is deeply religious.²⁸ Religious differences are particularly susceptible to exploitation by radical elements.²⁹ Religious extremists are wont to depict the struggle for political power as a zero-sum competition in which any concessions to “heretics” will automatically be a loss for those of true faith. Hence, if State A is deeply divided along religious lines, the revolutionary aftermath is likely to witness bitter differences and confrontations among rival factions.

Pre-existing and New Institutions

If the revolution in State A has not fatally debilitated the pre-revolutionary institutional structure, the new leaders are likely to try, at least initially, to adapt existing institutions for their own purposes. Of particular importance are the institutional arrangements for preserving public order. If suitable institutions are created (or at least adapted) at the outset to maintain basic order, the prospects for democratic change will be greater.³⁰ The literature on internal armed conflicts indicates that the absence of public order, giving way to chaotic violence and a nearly universal sense of insecurity, is likely to empower the most ruthless and radical elements in State A, as happened in Afghanistan with the formation and ascendance of the Taliban in the mid-1990s.³¹ Similarly, the absence of public order in the aftermath of a revolution is likely to create opportunities

²⁸ David E. Cunningham, *Barriers to Peace in Civil War* (New York: Cambridge University Press, 2011).

²⁹ Keddie, *Modern Iran*.

³⁰ Samuel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press, 1968). Another classic work in this vein is Reinhard Bendix, *Kings or People: Power and the Mandate to Rule* (Berkeley: University of California Press, 1978).

³¹ Mehmet Gurses and T. David Mason, “Weak States, Regime Types, and Civil Wars,” *Civil*

for terrorist groups and other extremists to exploit the turmoil, as happened in Lebanon after 2005, in Libya in 2011-2012, and in Syria since late 2011.

On the other hand, if the institutions maintaining public order in State A after the revolution are widely seen as repressive (and despised) relics from the ousted regime, the potential for internal strife and separatism will be high. If the new leaders move expeditiously to set up new security arrangements that are not tainted by association with the *ancien régime*, the odds of stabilization will be greater.

If the armed forces in State A need to maintain public order alongside or in place of police and security forces, the revolutionary aftermath is likely to be more chaotic. If the new rulers in State A are forced to depend on the military for internal policing, senior military officers may well demand, in return, at least some say in how the country is governed. The result will be a much greater likelihood of renewed civil conflict and extralegal changes of power.

Recent Political Experience

The historical record of State A's internal complexion will not necessarily be a make-or-break factor in the aftermath of a revolution, but in most cases it is likely to play an important role. If State A has had relatively recent experience with democratic politics, the odds are greater that key actors there will see benefit in reestablishing a democratic system in the aftermath of a revolution. Conversely, if State A has lived for centuries exclusively under autocratic rule, and especially if violent upheavals and/or military coups have been chronic in State A in the recent past, the likelihood that democratization will take firm root is much lower.³² Decisive breaks with the past are not impossible (as the case of Japan after 1945 attests), but on average they are unlikely.³³

Another key factor to take into account is whether State A in the recent past has experienced bouts of ethnic cleansing or other phenomena that have resulted in severe discrimination against particular groups. If one or more groups in State A have been the target of exclusionary policies in the recent past, the fissures created by these policies are likely to resurface during the revolutionary aftermath. These fissures, in turn, are apt to be exploited by ultra-radical elements and others that have a stake in destabilizing the emerging political system.

Wars, Vol. 12, Nos. 1-2 (March-June 2010), pp. 140-155. See also Cunningham, *Barriers to Peace in Civil War*.

³² Steven Levitsky and Lucan A. Way, *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War* (New York: Cambridge University Press, 2010).

³³ Gabriel A. Almond and Sydney Verba, *The Civic Culture* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963).

Elite Outlooks

The predispositions and views of elites in State A, especially of elites who took part in the revolution, are likely to affect the post-revolutionary milieu. If key elites largely agree on the need for democratization and broader representation in society, movement in that direction is much more plausible.³⁴ But if their experiences and upbringing and educational background cause them to favor the retention of authoritarian methods and institutions to safeguard their own advantages — an outlook that has been particularly common among elites in Africa, as George Ayittey has often pointed out — the prospects for democratic evolution will be bleak.³⁵

To be sure, the incentive structure for elite action in the aftermath of a revolution will be shaped by numerous factors in addition to the elites' own outlooks, but if the elites' preferences and views are strong and relatively unified, they can outweigh the impact of all or most of the other factors. This is particularly true when key elites want to retain authoritarian practices.

Conclusion

Even though many scholars of revolution doubt that revolutions can be predicted, the likely directions of the revolutionary aftermath can be specified with a relatively high level of confidence.³⁶ In this essay I have looked at the contextual factors that can help shape the likely direction of the aftermath of a revolution. Individuals and groups make certain choices that determine the ultimate outcome of a revolution, but the choices are often crucially influenced by the context. Hence, by weighing the factors discussed here in a specific revolution, scholars will have a solid basis for predicting the revolutionary aftermath.

³⁴ Michael G. Burton and John Higley, "Elite Settlements," *American Sociological Review*, Vol. 52, No. 3 (June 1987), pp. 295-307; John G. Higley, Lowell Field, and Knut Groholt, *Elite Structure and Ideology* (New York: Columbia University Press, 1976); Bruce Bueno de Mesquita et al., *The Logic of Political Survival* (Cambridge, MA: The MIT Press, 2003); Bruce Bueno de Mesquita, *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics* (New York: Random House, 2011); and Sidney Tarrow, "Mass Mobilization and Elite Exchange: Democratization Episodes in Italy and Spain," *Democratization*, Vol. 2, No. 3 (1995), pp. 221-245.

³⁵ George Ayittey, *Africa Betrayed* (New York: Palgrave Macmillan, 1993).

³⁶ See the debate in Keddie, ed., *Debating Revolution*.

REFERENCES

1. *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1963.
2. *Ayittey G.* Africa Betrayed. New York: Palgrave Macmillan. 1993.
3. *Bates R.H.* When Things Fell Apart: State Failure in Late-Century Africa. New York: Cambridge University Press. 2008.
4. *Beissinger M.R.* Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. June 2007. Vol. 5. № 2. P. 259–276.
5. *Bendix R.* Kings or People: Power and the Mandate to Rule. Berkeley: University of California Press. 1978.
6. *Boudreau V.* Resisting Dictatorship: Repression and Protest in Southeast Asia. New York: Cambridge University Press. 2004.
7. *Burton M.G., Higley J.* Elite Settlements // American Sociological Review. June 1987. Vol. 52. № 3. P. 295–307.
8. *Chenoweth E., Stephan M.J.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Resistance. New York: Columbia University Press. 2011.
9. *Cunningham D.E.* Barriers to Peace in Civil War. New York: Cambridge University Press. 2011.
10. *Cunningham D.E.* Blocking Resolution: How External States Can Prolong Civil War // Journal of Peace Research. March 2010. Vol. 47. № 2. P. 115–127.
11. *De Jonge Oudraat C.* Economic Sanctions and International Peace and Security // Crocker C.A., Hampson F.O., and Aall P., eds., Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. Washington, DC: U.S. Institute of Peace. 2007. P. 335–354.
12. *De Mesquita B.B. et al.* The Logic of Political Survival. Cambridge, MA: The MIT Press. 2003.
13. *De Mesquita B.B., Downs G.W.* Intervention and Democracy // International Organization. Summer 2006. Vol. 60. № 3. P. 627–649.
14. *De Mesquita B.B.* The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics. New York: Random House. 2011.

15. *Elbadawi I.A., Sambanis N.* External Interventions and the Duration of Civil Wars, Policy Research Working Paper No. 2433. Washington, DC: The World Bank. September 2000.
16. *Enayat H.* Revolution in Iran 1979: Religion as Political Ideology // O'Sullivan N., ed., *Revolutionary Theory and Political Reality*. New York: St. Martin's Press. 1983. P. 191–206.
17. *Epstein R.A.* In Pursuit of Liberalism: International Institutions in Post-communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2006.
18. *Escribà-Folch A., Wright J.* Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers // *International Studies Quarterly*. June 2010. Vol. 54. № 2. P. 334–359.
19. *Foran J.* Discourses and Social Forces: The Role of Culture and Cultural Studies in Understanding Revolutions // Foran J., ed., *Theorizing Revolutions*. New York: Routledge. 1997. P. 203–226.
20. *Gamson W.A.* Political Discourse and Collective Action," *International Social Movement Research*. 1988. № 1. P. 219–244.
21. *Gheciu A.* NATO in the New Europe: The Politics of International Socialization after the Cold War. Stanford, CA: Stanford University Press. 2005.
22. *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press. 1993.
23. *Goldstone J.A.* Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Arab Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*. May-June 2011. Vol. 90. № 3. P. 8–16.
24. *Gurses M., Mason T.D.* Weak States, Regime Types, and Civil Wars // *Civil Wars*, Nos. March-June 2010. Vol. 12. № 1–2. P. 140–155.
25. *Higley J., Gunther R., eds.* Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.
26. *Higley J.G., Field L., Groholt K.* Elite Structure and Ideology. New York: Columbia University Press. 1976.
27. *Horowitz D.L.* *Ethnic Groups in Conflict*, 2nd ed. Berkeley: University of California Press. 2000.
28. *Huntington S.P.* *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press. 1968.
29. *Huntington S.P.* *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: Oklahoma University Press. 1991.
30. *Kaempfer W., Lowenberg A., Mertens W.* International Economic Sanctions against a Dictator // *Economics and Politics*. March 2004. Vol. 16. № 1. P. 29–51.

31. *Keddie N.R., ed.* Debating Revolution. New York: New York University Press. 1995.
32. *Keddie N.R., ed.* Modern Iran: Roots and Results of Revolution, rev. ed. New Haven: Yale University Press, 2005.
33. *Kramer M.* The Demise of the Soviet Bloc // Journal of Modern History. December 2011. Vol. 83. № 4. P. 788–854.
34. *Levitsky S. Way L.A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War // Almond G.A., Verba S., The Civic Culture. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1963.
35. *Lichbach M.I.* The Rebel's Dilemma. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1995.
36. *Magen A., Risse T., McFaul M., eds.*, Promoting Democracy and the Rule of Law: American and European Strategies. New York: Palgrave Macmillan. 2009.
37. *Marinov N.* Do Economic Sanctions Destabilize Country Leaders? // American Journal of Political Science. July 2005. № 3. P. 564–576.
38. *McAdam D.* Initiator and Spin-off Movements: Diffusion Processes in Protest Cycles // Traugott M., Repertoires and Cycles of Collective Action. Durham, NC: Duke University Press. 1995. P. 227–230.
39. *McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* Toward an Integrated Perspective on Social Movements and Revolution // Lichbach M.I. and Zuckerman A.S., eds., Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure. New York: Cambridge University Press. 1997. P. 142–173.
40. *McGowan P.* Coups and Conflict in West Africa, 1955-2004, Part 1: Theoretical Perspectives // Armed Forces & Society. October 2005. Vol. 32. № 1. P. 5–23.
41. *McGowan P.* Coups and Conflict in West Africa, 1955-2004, Part 2: Empirical Findings // Armed Forces & Society, No. 2. January 2006. Vol. 32. № 2. P. 234–253.
42. *Miller M.K.* Economic Development, Violent Leader Removal, and Democratization // American Journal of Political Science, forthcoming.
43. *Nepstad S.E.* Nonviolent Revolutions: Civil Resistance in the Late 20th Century. New York: Oxford University Press. 2011.
44. *Nordlinger E.A.* Conflict Regulation in Deeply Divided Societies. Cambridge, MA: Center for International Affairs, Harvard University. 1972.
45. *O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L., eds.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1992.

46. *Parsa M.* States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines. New York: Cambridge University Press. 2000.

47. *Pearson F.S., Walker S., Stern S.*, Military Intervention and Prospects for Democratization // International Journal of Peace Studies. Autumn/Winter 2006. Vol. 11. № 12. P. 63–86.

48. *Polese A., Ó Beacháin D.* The Color Revolution Virus and Authoritarian Antidotes: Political Protest and Regime Counterattacks in Post-Communist Spaces // Demokratizatsiya. Spring 2010. Vol. 18. № 2. P. 111–132.

49. *Roberts A., Garton T.A.*, eds. Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-Violent Action from Gandhi to the Present. New York: Oxford University Press, 2009.

50. *Schock K.* Unarmed Insurrections: People Power Movements in Nondemocracies. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2005.

51. *Skocpol T.* States & Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. New York: Cambridge University Press. 1979.

52. *Starr H.* Democratic Dominoes: Diffusion Approaches to the Spread of Democracy in the International System // Journal of Conflict Resolution. June 1991. Vol. 35. № 2. P. 356–381.

53. *Starr H., Lindborg C.* Democratic Dominoes Revisited: The Hazards of Governmental Transitions, 1974–1996 // Journal of Conflict Resolution. August 2003. Vol. 47. № 4. P. 490–519.

54. *Stephan M.J., Chenoweth E.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Action // International Security. Summer 2008. Vol. 33. № 1. P. 7–44.

55. *Stinchcombe A.L.* Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science/ Palo Alto: Annual Reviews. 1999. P. 51.

56. *Tarrow S.* Mass Mobilization and Elite Exchange: Democratization Episodes in Italy and Spain // Democratization. 1995. Vol. 2. № 3. P. 221–245.

57. *Tilly C.* European Revolutions: 1492–1992. Oxford, UK: Blackwell Publishing. 1993.

58. *Tilly C.* To Explain Political Processes // American Journal of Sociology. May 1995. Vol. 100. № 6. P. 1594–1610.

59. *Tucker J.A.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics. September 2007. Vol. 5. № 3. P. 535–551.

60. *Vachudova M.A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism. New York: Oxford University Press. 2005.

61. *Vreeland J.R.* The Effect of Political Regime on Civil War: Unpacking Anocracy // *Journal of Conflict Resolution*. June 2008. Vol. 52. № 3. P. 401–425.

62. *Walt S.* *Revolution and War*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 1997.

63. *Werth N.* A State against Its People: Repression, Violence, and Terror in the Soviet Union // *Courtois S. et al., The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*, ed. and trans. by Kramer M. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. esp. P. 132–145.

64. *Zunes S.* Unarmed Insurrections against Authoritarian Governments in the Third World: A New Kind of Revolution // *Third World Quarterly*. September 1994. Vol. 15. № 3. P. 403–426.

Ключевые слова:

революция, социальная трансформация, теории революции, политическая трансформация.

М. Крамер

РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ: СТРУКТУРЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Эта статья написана с привлечением значительного числа актуальных публикаций по социальным наукам (особенно по таким темам, как революции, состязательная политика, политическое развитие, демократизация, авторитаризм и политическая экономия), целью статьи является разработка основы для изучения и понимания политических, социальных и культурных изменений в государстве (Государство А), которое только что пережило революцию. В первую очередь в статье дается характеристика понятия «революция». Также в статье исследовано дальнейшее развитие событий в государстве А после того, как в нем произошла революция. Случайные и неожиданные события могут в значительной степени повлиять на развитие ситуации, но есть много контекстуальных факторов, опираясь на которое возможно спрогнозировать развитие ситуации. Кроме того, оценивается как указанные факторы могут повлиять на политическую, социальную и экономическую ситуацию в государстве А после революции.

 Крамер Марк

директор программы по изучению Холодной войны,
Гарвардский университет, США

Brian Grodsky

HUMAN DIGNITY AND DEMOCRATIC REVOLUTION

Revolutions and Human Dignity

The basic premise of this article is that the ‘third wave’ democratic revolutions that rocked the world in the late 20th and early 21st centuries were remarkably similar to their predecessors, democratic and non-democratic alike. They were, fundamentally, struggles for greater human dignity. The ideological cure for the dearth of dignity provided by incumbents depended on the charismatic rebel leader of the day. For Vladimir Lenin and Mao Zedong, the answer was communism. For Benito Mussolini and Adolf Hitler, it was fascism. For Thomas Jefferson and Nelson Mandela, it was democracy.

So what was this human dignity all of these leaders galvanized their people around? Rooted in concepts of social justice and equality, human dignity is simultaneously political and economic in nature. It embodies rule of law, where everyone in society is held accountable to the same laws. But it also includes guarantees of equal opportunity and basic social minimums. It means a variety of things packaged into one, often very amorphous package.

The term is actually derived from the Latin word *dignus*, meaning merit, worth, and honor¹. But at the time of its coining, dignity was reserved for a small number of privileged citizens². Human dignity evolved over the centuries, going from a largely religious understanding in Middle Ages and Renaissance-era Europe³ to gradually more agnostic notions that every person has inherent value and should, in the words of Immanuel Kant, “be treated as an end in himself or herself.”⁴ By the 19th century, liberals and radicals in the West were all using dignity to demand an array of social and political reforms.

Demands for human dignity really took off around the end of World War II, when global elites building the new international system placed dignity at the top of international legal frameworks, starting with the Universal Declaration of Human Rights (UDHR)⁵. At the same time, they refrained from explicitly defining what precisely dignity means, leaving definitions to vary from country to country, society to society⁶. At a lowest-common-denominator level, human dignity is founded on “gut feelings” related to dignity’s arch nemesis, humiliation⁷. It is, as one scholar described it a few years before communism fell, an “I know it when I see it even if I cannot tell you what it is” sort of concept⁸.

With human dignity left so open to interpretation, rebels of various colors have historically sold their ideology of choice as its true guarantor. Their quest for dignity fits neatly into the theoretical work exploring what prompts rebellion. Those focused on grievances argue revolutions threaten when large groups of people blame the government for failing to provide them the standards they expect⁹. They only emerge when oppositionists possess the capacity

¹ Wallach J.R. Dignity: The Last Bastion of Liberalism // *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 115.

² Ibid.

³ McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. № 4. P. 658–59; Garboosbian A.M. The Concept of Human Dignity in the French and American Enlightenment: Religion, Virtue, Liberty, in *Dissertation* (Michigan: Wayne State University, 2006). P. 4–6.

⁴ Neier A. Between Dignity and Human Rights. *Dissent*. 2013. Vol. 60. №2. P. 61.

⁵ Ibid. P. 60–61.

⁶ Ibid. P. 60.

⁷ Lindner E. *Making Enemies: Humiliation and International Conflict*. Westport, CT: Praeger Security International, 2006. P. 28.

⁸ Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept // *The American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. № 4. P. 849–851.

⁹ Gurr T.R. Why Men Rebel Redux: How Valid Are Its Arguments 40 Years On? // *E-International Relations* // http://www.e-ir.info/2011/11/17/why-men-rebel-redux-how-valid-are-its-arguments-40-years-on/#_ftn6.

to act, such as resources and organizational abilities. But grievances drive the movement.

The emerging notion of international democratic legitimacy emanating from the United Nations gradually acted to simultaneously motivate rebels and constrain the ideological alternatives available to them. The preamble to the UN Charter promised “to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person” and the UDHR, binding on all parties to the organization, made clear that democracy was the sole road to the highest form of human dignity. Even non-democrats accepted that democracy, a system based on consent, transparency, fairness, and inclusivity, was the only real way to ensure cooperation from the diverse countries that were joining the UN with the onset of post-war decolonization¹⁰.

But the UN didn’t just promise democracy internally. As UN officials explain today, the UDHR “clearly projected the concept of democracy by stating ‘the will of the people shall be the basis of the authority of government.’”¹¹ As democratic legitimacy gained currency, the number of purported democracies in the world skyrocketed¹². By the end of the century, some went so far as to call democracy the “end point of mankind’s ideological evolution.”¹³

Once democracy took its place at the core of the international system, the ball was set in motion for the third wave of democratization, which started in the 1970s. By the time the third wave really hit its stride in the 1980s, the notion of democratic legitimacy had strengthened so much that few state leaders were willing to openly attack it, for fear of losing their own legitimacy in international circles¹⁴.

¹⁰ Tyler T.R. *The Legitimacy of Institutions and Authorities // The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations*. Ed. by John T. Jost and Brenda Major. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 416, 420; Payne R.A., Sambhat N.H. *Democratizing Global Politics: Discourse Norms, International Regimes, and Political Community*. Suny Series in Global Politics. Albany: State University of New York Press, 2004. P. 1.

¹¹ *Global Issues: Democracy and the United Nations*. United Nations, 2015 // http://www.un.org/en/globalissues/democracy/democracy_and_un.shtml.

¹² Kurzman Ch. *Waves of Democratization // Studies in Comparative International Development*. 1998. Vol. 33. № 1. P. 44.

¹³ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press, 1992. P. xi.

¹⁴ Hawkins D. *Explaining Costly International Institutions: Persuasion and Enforceable Human Rights Norms // International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. P. 787; Lepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. *Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 41.

The formal subscription to this democratic norm has not necessarily meant adherence, of course¹⁵. There are a great many partial observers of democracy, what we call “hybrid regimes.”¹⁶ They get away with feigning democracy because their international partners have other prevailing interests (such as security or trade) or simply by banding together with other partial and non-democrats who play up a longer standing international principle, sovereignty. As long as member states put their initials next to the principles of the international community they can be a part of it, even if their implementation is lagging¹⁷.

At the same time, some of these non-democrats, by reiterating empty phrases about the merits of democracy, have provided tools to their own oppositionists¹⁸. And others actually internalized the system surrounding them¹⁹. The belief in democracy can become ritualistic, and sooner or later state leaders can end up taking this system, or at least some pieces of it, back home²⁰.

On the more pragmatic side, movement toward democracy can have very real benefits. Professing democracy has made states eligible for a range of tangible and intangible benefits, from multilateral grants and loans²¹ to defense guarantees²² and prestige²³. Those who attack the prevailing democratic norm, by contrast, are subject to disadvantageous treatment in bilateral and multilateral spheres, and

---

¹⁵ *Roth B.R.* Governmental Illegitimacy in International Law. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 1999. P. 323.

¹⁶ *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2.

¹⁷ *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. №11. P. 1280; *Hochstetler K., Clark A.M., Friedman E.J.* Sovereignty in the Balance: Claims and Bargains at the Un Conferences on the Environment, Human Rights, and Women // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44. № 4. P. 602.

¹⁸ *Cardenas S.* Norm Collision: Explaining the Effects of International Human Rights Pressure on State Behavior // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. P. 216.

¹⁹ *Steffek J.* Legitimacy in International Relations: From State Compliance to Citizen Consensus // *Legitimacy in an Age of Global Politics*. Ed. by Achim Hurrelmann, Steffen Schneider, and Jens Steffek. New York: Palgrave, 2007. P. 184–85.

²⁰ *Franck T.M.* The Power of Legitimacy among Nations. New York: Oxford University Press, 1990. P. 91–93.

²¹ *March J.G., Olsen J.P.* The Institutional Dynamics of International Political Orders // *International Organization*. 1998. Vol. 52. № 4. P. 962, 964.

²² *Risse-Kappen T.* Collective Identity in a Democratic Community: The Case of Nato // *The Culture of National Security : Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 378.

²³ *O'Neill B.* Power and Satisfaction in the United Nations Security Council // *Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vo. 40. № 2. P. 221, 224; *Dorre R.P.* The Prestige Factor in International Affairs // *International Affairs*. 1975. Vol. 51. № 2. P. 203; *Neack L.* UN Peacekeeping: In the Interest of Community or Self? // *Journal of Peace Research*. 1995. Vol.32. № 2. P. 185.

even the threat of outside intervention — economic and, on very rare occasions, military²⁴.

The result of all this democratization on the ground has often not been people expected. Even where political guarantees emerge, they are not necessarily a recipe for economic betterment. This has been especially apparent since the 1980s, when adopting democracy typically meant buying into the prevailing neoliberal system²⁵. As citizens demanded ‘people power’ to remedy the political and socio-economic deprivations of the former system, they were given neoliberal democracies that often felt obliged to cut the size and role of the state, not grow it.

The empirical record demonstrates that democracy, with its focus on accountability and rule of law, is the best available provider of the political side of human dignity. But when it comes to the economic side, which occupies a higher position on Maslow’s hierarchy of needs, the record is not so clear-cut. Democracy is not always that best way to achieve reduced corruption and inequality or greater economic growth²⁶. Where democracy yields continued poverty and (perceived) poor governance, the notion of democratic legitimacy is challenged²⁷. Masses that find their demands for human dignity have been answered with continued or worsening economic inequality and impaired socio-economic mobility are likely to feel politically marginalized, as well²⁸. This can, understandably, lead to cynicism.

All of this helps to explain the (often democratic) rise of non-democrats today. Leaders such as U.S. President Donald Trump in the West or the Philippines’ Rodrigo Duterte further east, have gained popularity by emphasizing the security and economic gains they claim can be made through political shortcuts. Some of these political shortcuts are purposely designed to ensure the leaders maintain power, but it is also clear that most of these leaders enjoy a high degree of popularity. A majority of their supporters feel that tweaking the system away from democracy is the best path to a higher degree of human dignity.

²⁴ Hawkins D. Op.cit. P. 783.

²⁵ Peet R. *Unholy Trinity: The IMF, World Bank and WTO*. London: Zed Books, 2009. P. 8–10; Choev N., Babb S. *The Crisis of Neoliberalism and the Future of International Institutions: A Comparison of the Imf and the WTO // Theory and Society*. 2009. Vol. 38. № 5; Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P 7.

²⁶ Gerring J. et al., *Democracy and Economic Growth: A Historical Perspective // World Politics*. 2005. Vol. 57. P. 349; Doucouliagos H., Ulubasoglu M.A. *Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. № 1. P. 61.

²⁷ Carothers T. *Stepping Back from Democratic Pessimism // Carnegie Papers*. 2009. Vol. 99 // <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=22781>.

²⁸ Diamond L.J. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999. P. 85.

In the next section, I use a variety of cases to demonstrate how the argument described here has played out. I begin with a short overview of the role human dignity played in the events leading up to the Russian Revolution and a brief discussion of other non-democratic revolutions that occurred before democracy was ensconced as international system of choice. I then highlight the role of human dignity in pro-democracy revolts that have played out since the end of the 1980s.

Non-democrats and Human Dignity

Russia's Vladimir Lenin rise to power follows from promises of elevating human dignity and, especially, galvanizing supporters against a tsarist regime he accused of depriving the majority of that dignity. Nearly two decades before the revolution, Lenin was already attacking the tsar for creating a system of "misery, oppression, slavery, degradation, exploitation."²⁹ The primary offenses included "unemployment, low wages, under nourishment, famine, the Draconian discipline of capital, prostitution, the growth in the number of domestics, etc., etc." Yet Lenin's answer was not simply radical communism. It was to rally people under "the general-democratic banner" in the name of "political liberty."

As Russia bounced from one revolution (1905) to another (1917), Lenin made demands for everything from universal franchise, free education, and an end to social estate divisions to a cessation "of punishments incompatible with the dignity of man." When the tsar's infamous October Manifesto failed to bring the liberalization he promised, Lenin called for a "complete democratic revolution," attacking the tsar and partner capitalists as enemies of human dignity bent on crushing the true "champions of freedom."³⁰

Massive strikes in the pre-war period were largely about economic deprivation (low wages, long hours), but workers also demanded other forms of human dignity, including "polite treatment and polite address."³¹ The labor press complained workers were depicted as "drunken" or "stinking" animals, and treated "like slaves of capital."³² As one editorial in *Pravda* read, all of this was "degrading

²⁹ *Lenin V.I. A Draft of Our Party Programme // Lenin Collected Works. Moscow: Progress Publishers, 1964.*

³⁰ *Lenin V.I. The Beginning of Demonstrations // Lenin Collected Works. Moscow: Progress Publishers, 1974.*

³¹ *Haimson L.H. Russia's Revolutionary Experience. New York: Columbia University Press, 2005. P. 178.*

³² *Garcia Z.G. Workers, Industrialists, and Mensheviks: Labor Relations and the Question of Power in Theearly Stages of the Russian Revolution // Russian Review. 1985. Vol. 44. № 3. P. 259; Haimson L.H. Op. cit. P. 181–182.*

their human dignity.”³³ While strike activity declined in the initial year of World War I, by 1916 nearly 960,000 took to the picket lines. Police reported complaints “against the intolerable conditions of daily existence,”³⁴ from long lines and poor sanitation to a lack of basic goods.

The 1917 revolution started with cries by women and tens of thousands of others who joined them: “Down with the war! Down with the high cost of living! Down with hunger! Bread for the workers!”³⁵ One sympathetic worker, speaking at his factory, summarized the sentiment: “If we cannot get a loaf of bread for ourselves in a righteous way, then we must do everything: We must go ahead and solve our problems by force.”³⁶ A police agent confirmed that on the streets “the idea that an uprising is the only means to escape from the food crisis is becoming more and more popular among the masses.”³⁷ When a small contingent of loyal troops opened fire on protesters, the ultimate denial of human dignity, nearly all others in Petrograd defected.

The Provisional Government that took power from the tsar was immediately countered by a network of soviets, or workers councils, that seemed to many at the bottom to represent true democracy. They made clear that political and social rights were important, but economic ones were critical. “Now that we have political freedom in the country,” read a March resolution issued by 1,000 textile workers, “we must also try to destroy the economic slavery that has survived until now in the area of labor-capital relations.”³⁸ The Provisional Government ultimately lacked the capabilities and authority to bring about this reality.

By fall, Lenin had completely hijacked democratic language to mobilize workers and increase the popularity of his Bolshevik party. “For a Liberal, Democratic Government,” he urged³⁹. Lenin advocated for communism as an “immense expansion of democracy, which for the first time becomes democracy for the poor, democracy for the people, and not democracy for the money-bags.”⁴⁰ While only a tiny portion of the population was involved in his October Revolution, the Bol-

³³ Haimson L.H. Op. cit. P. 180.

³⁴ Wade R.A. *The Russian Revolution, 1917*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 25.

³⁵ Ibid. P. 31.

³⁶ Ibid. P. 33.

³⁷ Ibid. P. 32.

³⁸ Garcia Z.G. Op. cit. P. 244.

³⁹ Domenach J.-M. *Leninist Propaganda // The Public Opinion Quarterly*. 1951. Vol. 15. № 2. P. 267.

⁴⁰ Lenin V.I. *The State and Revolution*. Chapter 5 “The Economic Basis of the Withering Away of the State” // <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev/ch05.htm>.

sheviks gave people real hope in slogans like “peace, bread and land.” From the workplace to the village, many saw the October Revolution as a victory for egalitarianism and human dignity. It wouldn’t take long for them to find a state even more repressive than the tsarist one they had forced down.

Other momentous revolutions conducted in the name of human dignity brought similarly poor results. Perhaps most infamously was the rise of Nazi Germany, where Hitler rose to power promising not racial annihilation, but “justice and fairness” and a state that would “protect the interests of the whole against the greed and unreasonableness of the individual.”⁴¹ Ayatollah Khomeini in Iran similarly railed his people against the dictatorial and corrupt Shah and promised a state capable of “vindicating the rights of the oppressed; opposing and struggling against oppressors within the community; and endeavoring to ensure that public wealth and the income derived from war are distributed in accordance with the just laws of Islam.”⁴² Khomeini’s answer would be a brutal fundamentalist regime.

Democracy Hits Its Stride

As the 20th century wore on, Khomeini’s revolution began to look increasingly out of place in a world where commitment to democracy was quickly becoming the ruler for measuring progress. This became abundantly clear in Poland, which in the year following the Iranian Revolution, took up the fight against its communist masters. At the start of their struggle in 1980, however, Poles demanded many of the same things Iranians had wanted. Of the twenty-one initial demands laid out by oppositionists, the first five called for (political) freedoms that would ensure a viable and independent trade union that could lobby on behalf of the other sixteen, purely economic, demands, including pay hikes, increased food supplies, transportation allowances, more apartments, better health care, societal input on economic reforms. The fight against communism would not turn into one for democracy until the late 1980s. Even then, many in the Solidarity opposition group’s rank-and-file did not appreciate the pivot taken by their leaders. “There weren’t great political or ideological debates,” one Solidarity leader said, emphasizing Solidarity was historically a workers’ movement, not a pro-democracy one. From its inception, Solidarity’s goal was to “struggle for the dignity of the working person.”⁴³

⁴¹ *Hitler A. Mein Kampf*. Vol. 1. The State. Cambridge, Mass.: The Riverside Press, 1933.

⁴² *Khomeini I. Islam and Revolution*. Trans. Hamid Algar. Berkeley: Mizan Press, 1981. P. 109.

⁴³ Jacek Rybicki, January 15, 2009 (personal interview).

The collapse of communism that began with the resurgence of Solidarity and the first semi-free Polish elections in 1989 and continued with the collapse of communism throughout the region arguably pushed democracy the rest of the way into the international spotlight. But in Poland, free market democracy amounted to an attack on the very promise of egalitarian Solidarity had made. Millions suffered through economic restructuring in ways that they had not experienced under communism, where political abuses, at least after Stalinism, were typically saved for a relative few. This sentiment remained even as Poland achieved the holy grail of democracy, European Union entry. “Before, people considered that the fall of communism would lead to prosperity,” one Solidarity activist concluded. “Now they felt that either they were cheated or that the government was not trying to bring about that prosperity immediately.”⁴⁴

Poland’s trials and tribulations in the 1990s and early 2000s didn’t get nearly the same attention as its triumphant initial victory over communism. Around the world, a lack of human dignity continued to drive revolutions, but by the start of the 1990s it was increasingly clear that rebels were not merely attacking their incumbents as illegitimate for failing to guarantee human dignity. They were illegitimate for failing to provide the one political regime seen as capable of delivering human dignity. Rebels of all stripes were taking on one color, becoming democrats.

The ‘colored revolutions’ that swept the post-communist world in the early 2000s have typically been seen as pro-democracy movements. In Serbia, for instance, the 2000 Bulldozer Revolution that brought down Yugoslavia’s Slobodan Milo evi was largely a fight against a corrupt regime that had mismanaged the economy. As one middle-aged coal miner taking part in anti-Milo evi strikes commented, “After 10 years of dictatorship, our stomachs were empty and our spirits were ready. We were ripe for the fight.”⁴⁵

The Serbs popularized a relatively new template for democratic revolutions that hinged on contesting the outcome of fraudulent elections. This pattern was closely followed a few years later in Georgia (2003), Ukraine (2004), and, at least to some degree, Kyrgyzstan (2005). For example, oppositionists in Georgia aimed their ire at the falsified 2003 elections that deprived the people of their voice. “When people understand that no one is taking them seriously, the people felt their personal dignity had been insulted,” opposition leader Nino Burjanadze

⁴⁴ Janusz Palubicki, January 10, 2009 (personal interview).

⁴⁵ Finn P., *Smith* R.J. The Day It Had to Be Done; Three Yugoslavs Tell How People Rose Up // The Washington Post. October 9, 2000.

said. "We can tolerate a lot of things, poverty and so forth, but when it comes to our dignity, we cannot tolerate it."⁴⁶

These revolutions weren't spurred on solely by democratic shortcomings. But they made good use of them. Certainly, those who took the lead in the massive pro-democracy demonstrations trumpeted political demands and used severe electoral deficiencies to frame the popular mobilization effort as one of disenfranchisement. But arguably the most salient slogans of the day were those calling for an end to corruption and better economic management. "Our government was inadequate in every sphere. It was catastrophic," said one NGO leader who went on to head the Supreme Court once Georgia's President Eduard Shevardnadze was gone⁴⁷. "In reality, he wasn't running the country. There was a lot of corruption, stagnation, there was an energy crisis, debauchery," agreed another opposition leader. "Everyone was sick of Shevardnadze."⁴⁸

It is telling that in both the Serbia and Georgia cases, the people and new governments were primarily concerned about the economic sins of the past rather than other human rights abuses. As much as Serbs despised their deposed tyrant, for example, relatively few were concerned by Milo evi 's record of severe human rights abuses and humanitarian law violations (including alleged crimes against humanity and genocide)⁴⁹. Instead, a majority (59%) wanted to see him imprisoned for abuse of office, especially corruption. Their democratic governments pursued cooperation with international actors demanding justice for major human rights abuses only to the degree they could show their constituents concrete rewards, such as economic aid and grants, in return⁵⁰.

Subsequent colored revolutions were similar. In Georgia, where protesters involved in the 2003 anti-Shevardnadze mobilization demanded free and fair elections, the new replacement government's focus on transitional justice was really just an anti-corruption drive⁵¹. The other colored revolutions were also focused on economic crimes. This includes Ukraine where, according to a Council on Foreign Relations report, anti-incumbent mobilization was secured by oppo-

⁴⁶ Karumidze Z., Wertsch J.V. Enough! The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. New York: Nova Science Publishers, 2005. P. 50.

⁴⁷ Kote Kublashvili, July 23 2007 (personal interview).

⁴⁸ David Zurabishvili, July 20 2007 (personal interview).

⁴⁹ Ford P. Serbs Still Ignore Role in Atrocity // The Christian Science Monitor. February 11, 2002; Holley D. Serbs Face Their Past, Dose of Truth at a Time // Los Angeles Times. April 17, 2001.

⁵⁰ Grodsky B. The Costs of Justice: How New Leaders Respond to Previous Rights Abuses. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2010.

⁵¹ Broers L. After the 'Revolution': Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia // Central Asian Survey. 2005. Vol. 24. № 3. P. 346.

sition promises to “reform Ukraine’s notoriously corrupt government, improve the economy, and reorient the country toward Europe and away from Russia.”⁵² One of the central players in Kyrgyzstan’s Tulip Revolution another year later acknowledged more or less the same, noting that young people who helped turn out the incumbent authoritarian “said enough is enough, all this bribery and corruption.”⁵³

All of these revolutions had much to do with political rights. Democratic systems at least in theory promise to do a better job deterring corruption and encouraging the provision of political goods thanks to their focus on accountability and rule of law. But there is no escaping the fact that opposition mobilization was facilitated by a perceived shortcoming in those economic rights paired so closely with human dignity.

The most recent string of pro-democracy revolutions in the Middle East was no different. Like in most cases of third wave democratization, the catalyst was rooted in a broad conceptualization of human dignity. Political injustice and humiliation were the face of the revolutions. But economic hopelessness was at their heart.

In an era where democracy is the aspired global norm, the political side was usually the most proximate stimulus. In Tunisia, for instance, the 2010 Jasmine Revolution was reportedly sparked by an unaccountable market inspector’s humiliating slap of a Tunisian merchant⁵⁴. In Egypt, the 2011 Lotus Revolution started with a national protest against police brutality. A population fed up with unchecked state power came to its feet.

What got the people to march in step, though, was economic despair. Tunisian President Zine al-Abidine Ben Ali saw this and delivered a mostly economic response: Apart from dismissing the interior minister blamed for shooting demonstrators, his primary counter-opposition strategy was to reduce sugar, milk, and bread prices⁵⁵. Egyptian President Hosni Mubarak reacted similarly, promising to strengthen the economy and bring down the unemployment rate⁵⁶. In both cases, those thriving on revolutionary momentum determined the concessions were far too little, much too late. The only adequate resolution to the immense challenges to human dignity by the fourth wave had to be democracy.

⁵² Beehner L. One Year after Ukraine’s ‘Orange Revolution’ // Council on Foreign Relations // <http://www.cfr.org/ukraine/one-year-after-ukraines-orange-revolution/p9259>.

⁵³ Dougherty J. The “Tulip Revolution” Meets the “Arab Spring” // CNN. April 21, 2011.

⁵⁴ Day E. Fedia Hamdi’s Slap Which Sparked a Revolution “Didn’t Happen” // The Guardian. 23 April 23, 2011.

⁵⁵ Spencer R. Tunisia Riots: Reform or Be Overthrown, Us Tells Arab States Amid Fresh Riots // Telegraph (UK). January 13, 2011.

⁵⁶ Timeline: Egypt’s Revolution // AlJazeera // <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/01/201112515334871490.html>.

Around the Middle East, pro-democracy leaders taking part in the Arab Spring that the Tunisia and Egypt revolts called for “equality, freedom, social justice, and above all, the fall of the regime.”⁵⁷ Yet of the many revolts that took place in the Arab Spring, only Tunisia was capable of both attaining and then maintaining a democracy for more than a brief spell. Other countries, including Egypt but also less fortunate countries such as Syria and Libya, ultimately ended up worse off than when they started.

Conclusion

In summary, I argue in this article that while the nature of revolution has remained unchanged over the past century, the immediate goals of revolution have. Before the age of international democratic legitimacy, opposition leaders used a range of ideologies to mobilize people against regimes unwilling or unable to provide them human dignity. Once international democratic legitimacy took off, tactics began to change. The answer to human dignity wasn’t just an end to the old regime. It was the advent of democracy. That has not always been the outcome or even, I would argue, the true intentions of those leading this fight. But it did reflect the will, and unrealistic expectations, of the people.

The purpose of this article is not to downplay democratic movements nor to defend non-democrats. In all of the movements mentioned here democracy, and the political rights it guarantees, was an important goal. But, I would argue, it was one of several goals and not necessarily the most important. In each of these cases, economic deprivation helped to mobilize a citizenry around opposition elites making demands for broad ideas of human dignity.

The disappointment democracy’s newest citizens have felt with the system they received is not surprising. Given all the expectations that have arisen alongside the international norm of democratic legitimacy it almost seems inevitable. Also unsurprisingly, many post-revolution democracies have failed to prosper economically but also politically. They have frequently turned away from the political ideal that once seemed so grand in the hope of finding other ways to achieve the economic side of dignity. In fact, global democracy appears to have peaked in 2005, beating a slow retreat ever since⁵⁸. The world is now experiencing

⁵⁷ *Jubran J. The Resistance // Diaries of an Unfinished Revolution: Voice from Tunis to Damascus.* ed. Layla Al-Zubaidi and Matthew Cassel. New York: Penguin Books, 2013. P. 118–119.

⁵⁸ *Diamond L. Facing up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. Is Democracy in Decline?* 2015. Vol. 26. № 1. P. 99.

what one scholar calls “a mild but protracted democratic recession.”⁵⁹ This means the failure of one in five democratic breakthroughs since the start of the twenty-first century⁶⁰.

By allowing democracy to be sold as the path to human dignity, democracy promoters have set the ideology up for failure. Democracy may well be, as Churchill famously put it, “the worst form of government except all the others that have been tried.” But many find that modern democracy leaves their quest for human dignity unfulfilled.

This could account for why leaders with non-democratic tendencies often find it so easy to shove aside the democratic systems that first empowered them. There is a growing list of democrats who have won elections and then backtracked on democracy to domestic applause. Many of their followers were willing to try out democracy, the ideology of the day, in the hope it would deliver greater levels of human dignity. But when it did not, they no longer had the motivation to fight for it. Unlike immediately after the Cold War, today there are heavyweight non-democracies that offer a potentially lucrative alternative to the democratic model. This makes it that much easier to buck the democratic trend in regions where such countries, including Russia and China, are active⁶¹.

It is possible that people around the world will learn one major lesson from democratization failures, which is that democracy is a step forward politically but it is no panacea for all of society’s ills. It seems just as likely that they will instead conclude that democracy is simply not worth trying. One longtime Jordanian dissident, commenting as Egypt’s President Mubarak frantically searched for a way to hold onto power, highlighted this lesson succinctly. “People want their freedom, people want their bread. People want to stop these lousy dictators from looting their countries,” he stated. “I’d follow anybody. I’d follow Vladimir Lenin if he came and led me.”⁶² This sentiment, together with the recent track record of new democracies, bodes badly for the future of global democracy.

---

⁵⁹ Ibid. P.102.

⁶⁰ Ibid. P. 107.

⁶¹ *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns. Hopkins University Press, 1999. P. 112.

⁶² *Shadid A.* Yearning for Respect, Arabs Find a Voice // The New York Times, January 29, 2011.

REFERENCES

1. *Beehner L.* One Year after Ukraine's 'Orange Revolution' // Council on Foreign Relations // <http://www.cfr.org/ukraine/one-year-after-ukraines-orange-revolution/p9259>.
2. *Broers L.* After the "Revolution": Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia // Central Asian Survey. 2005. Vol. 24. № 3. P. 333–350.
3. *Cardenas S.* Norm Collision: Explaining the Effects of International Human Rights Pressure on State Behavior // International Studies Review. 2004. Vol.6. 213–231.
4. *Carothers T.* Stepping Back from Democratic Pessimism // Carnegie Papers. 2009. Vol. 99 // <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=22781>.
5. *Chorev N., Babb S.* The Crisis of Neoliberalism and the Future of International Institutions: A Comparison of the Imf and the Wto // Theory and Society. 2009. Vol.38. № 5. P. 459–484.
6. *Day E.* Fedia Hamdi's Slap Which Sparked a Revolution 'Didn't Happen' // The Guardian. April 23, 2011.
7. *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns. Hopkins University Press, 1999.
8. *Diamond L.* Facing up to the Democratic Recession // Journal of Democracy. Is Democracy in Decline? 2015. Vol. 26. № 1. P. 98–117.
9. *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 21–35.
10. *Domenach J.-M.* Leninist Propaganda // The Public Opinion Quarterly. 1951. Vol. 15. № 2. P. 265–273.
11. *Dorre R.P.* The Prestige Factor in International Affairs // International Affairs. 1975. Vol. 51. № 2. P. 190–207.
12. *Dougherty J.* The "Tulip Revolution" Meets the "Arab Spring" // CNN, April 21 2011.
13. *Doucouliafos H., Ulubasoglu M.A.* Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Journal of Political Science 52. 2008. № 1. P. 61–83.

14. *Finn P., Smith R.J.* The Day It Had to Be Done; Three Yugoslavs Tell How People Rose Up // The Washington Post. October 9, 2000.
15. *Ford P.* Serbs Still Ignore Role in Atrocity // The Christian Science Monitor. February 11, 2002.
16. *Franck T.M.* The Power of Legitimacy among Nations. New York: Oxford University Press, 1990.
17. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992.
18. *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol.40. № 11. P. 279–301.
19. *Garbooshian A.M.* The Concept of Human Dignity in the French and American Enlightenments: Religion, Virtue, Liberty. Dissertation. Michigan: Wayne State University. 2006.
20. *Garcia Z.G.* Workers, Industrialists, and Mensheviks: Labor Relations and the Question of Power in Theearly Stages of the Russian Revolution // Russian Review. 1985. Vol. 44. № 3. P. 239–269.
21. *Gerring J.* Democracy and Economic Growth: A Historical Perspective // World Politics. 2005. Vol. 57. P. 323–364.
22. Global Issues: Democracy and the United Nations. United Nations, 2015 // http://www.un.org/en/globalissues/democracy/democracy_and_un.shtml.
23. *Grodsky B.* The Costs of Justice: How New Leaders Respond to Previous Rights Abuses. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 2010.
24. *Gurr T.D.* Why Men Rebel Redux: How Valid Are Its Arguments 40 Years On? // E-International Relations // http://www.e-ir.info/2011/11/17/why-men-rebel-redux-how-valid-are-its-arguments-40-years-on/#_ftn6.
25. *Haimson L.H.* Russia's Revolutionary Experience. New York: Columbia University Press, 2005.
26. *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press. 2005.
27. *Hawkins D.* Explaining Costly International Institutions: Persuasion and Enforceable Human Rights Norms // International Studies Quarterly. 2004. Vol. 48. P. 779–804.
28. *Hitler A.* Mein Kampf. The State. Vol. 1. Cambridge, Mass.: The Riverside Press, 1933.
29. *Hochstetler K., Clark A.M., Friedman E.J.* Sovereignty in the Balance: Claims and Bargains at the UN Conferences on the Environment, Human Rights, and Women // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44. № 4. P. 591–614.
30. *Holley D.* Serbs Face Their Past, Dose of Truth at a Time // Los Angeles Times. April 17, 2001.

31. *Jubran J.* The Resistance, in *Diaries of an Unfinished Revolution: Voicse from Tunis to Damascus*. Ed. by Al-Zubaidi L. and Cassel M. New York: Penguin Books, 2013.
32. *Karumidze Z., Wertsch J.V.* Enough! The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. New York: Nova Science Publishers, 2005.
33. *Khomeini I.* Islam and Revolution. Trans. Hamid Algar. Berkeley: Mizan Press, 1981.
34. *Kurzman C.* Waves of Democratization // *Studies in Comparative International Development*. 1998. Vol. 33. № 1. P. 42–64.
35. *Lenin V.I.* The Beginning of Demonstrations // *Lenin Collected Works*. Moscow: Progress Publishers, 1974. P. 355–358.
36. *Lenin V.I.* A Draft of Our Party Programme // *Lenin Collected Works*. Moscow: Progress Publishers, 1964. P. 227–254.
37. *Lepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J.* Norms, Identity, and Culture in National Security // *The Culture of National Security : Norms and Identity in World Politics*, Katzenstein P.J. New York: Columbia University Press, 1996. P. 33–78.
38. *Lindner E.* Making Enemies: Humiliation and International Conflict. Westport, CT: Prager Security International, 2006.
39. *March J. G., Olsen J. P.* The Institutional Dynamics of International Political Orders // *International Organization*. 1998. Vol. 52. № 4. P. 943–969.
40. *McCrudden C.* Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. № 4. P. 655–724.
41. *Neack L.* Un Peacekeeping: In the Interest of Community or Self? // *Journal of Peace Research*. 1995. Vol. 32. № 2. P. 181–196.
42. *Neier A.* Between Dignity and Human Rights // *Dissent*. 2013. Vol. 60. № 2. 60–65.
43. *O’Neil B.* Power and Satisfaction in the United Nations Security Council // *Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 40. № 2. P. 219–237.
44. *Payne R.A., Samhat N.H.* Democratizing Global Politics : Discourse Norms, International Regimes, and Political Community. Suny Series in Global Politics. Albany: State University of New York Press, 2004.
45. *Peet R.* Unholy Trinity: The IMF, World Bank and WTO. London: Zed Books. 2009.
46. *Risse-Kappen T.* Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO // *The Culture of National Security : Norms and Identity in World Politics*, ed. Katzenstein P.J. New York: Columbia University Press, 1996. P. 357–399.
47. *Roth B.R.* Governmental Illegitimacy in International Law. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 1999.

48. *Schachter O.* Human Dignity as a Normative Concept // The American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. № 4. P. 848–854.
49. *Shadid A.* Yearning for Respect, Arabs Find a Voice // New York Times. January 29, 2011.
50. *Spencer R.* Tunisia Riots: Reform or Be Overthrown, Us Tells Arab States Amid Fresh Riots // Telegraph (UK). January 13, 2011.
51. *Steffek J.* Legitimacy in International Relations: From State Compliance to Citizen Consensus // Legitimacy in an Age of Global Politics. Ed. by Hurrelmann A., Schneider S., Steffek J. New York: Palgrave, 2007. Chapter 9.
52. *Tyler T.R.* The Legitimacy of Institutions and Authorities // The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations, ed. John T. Jost and Brenda Major. New York: Cambridge University Press, 2001.
53. *Wade R.A.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
54. *Wallach J.R.* Dignity: The Last Bastion of Liberalism // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development. 2013. Vol.4. № 2. P. 313–328.

Ключевые слова:

демократия, демократизация, революция, русская революция, человеческое
достоинство

Б. Гродски

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Всего лишь четверть века спустя после падения коммунизма в Евразии демократия, как представляется, оказалась в состоянии тупика и в данном регионе, и по всему миру. В связи с триумфом склонных к авторитаризму популистов повсюду от Венгрии и Польши до Соединенных Штатов Америки многие стали задаваться вопросом, настолько ли будущее глобальной демократии надежно, насколько оно казалось таковым некоторое время тому назад.

По мнению автора, это хороший вопрос, но не резонный. Наблюдая за тем, как граждане голосуют за нелиберальных лидеров в странах, казалось, захваченных демократизацией, следует поставить вопрос о том, почему именно демократия становилась наиболее популярной. Как показано в статье, это происходило потому, что демократия ошибочно воспринималась как панацея от всех болезней общества, от неравенства, от развития коррупции и политического nepотизма. Другими словами, демократия превращалась в синоним целого комплекса идей, связанных с человеческим достоинством, о чем страстно мечтает каждый. Однако демократия, как подчеркивает автор статьи, не может быть всем тем, чего от нее ожидают люди. И в этом заключается проблема. Формируя основу для политического равноправия, демократия не обязательно гарантирует экономическое равенство.

В данной статье рассматривается взаимосвязь между человеческим достоинством, революцией и демократизацией с учетом эволюции их понимания. Автор доказывает, что в тех случаях, когда революционеры прибегали к лозунгам борьбы за человеческое достоинство, стремясь мобилизовать население с различными идеологическими целями, логика развития международных демократических норм, начиная с середины XX в., не оставляла им иной альтернативы, кроме демократии. Обсуждение последствий данного процесса предваряется в статье несколькими кейсами.

 Гродски Брайан

доктор политических наук, профессор сравнительной политологии,
Университет Мэриленда в Балтиморе

С.А. Романенко

РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ В 1917 Г.: ДВА ТИПА РЕВОЛЮЦИИ

По материалам российской прессы

Полемика относительно характера мировой войны и ее целей развернулась в отныне свободной социал-демократической прессе сразу же после Февраля. 11 (24) марта 1917 г. газета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов «Известия» опубликовала статью под заголовком «О современной войне». Автор сразу же переходил на позиции «революционного оборончества». По его мнению, «заключить мир с Вильгельмом и его правительством мы не можем. До тех пор, пока германские завоеватели угрожают России, продолжение войны неизбежно. Мы можем заключить мир только с Германским народом после того, как он заставит свое правительство положить оружие. С такими же призывами мы должны обратиться к трудящимся массам союзных держав — Англии, Франции, Италии»¹.

Говоря о воздействии Февраля 1917 г. в России на настроения в венгерской части Австро-Венгерской монархии, невозможно не упомянуть вы-

---

¹ О современной войне // Известия. 1917. 11 марта (24 марта). Подробнее о полемике по вопросу о революции, войне и мире в первые месяцы после Февраля см., напр.: Романенко С.А. Проблема Австро-Венгрии в российских дискуссиях по вопросам внешней политики на первом этапе двоевластия (февраль—июнь 1917 года) // Сборник Гуманитарных чтений РГГУ. 2017. М., 2018.

шедшую год спустя — в мае—июне 1918 г. в левоэсеровской газете «Знамя труда» публикацию пропагандистско-аналитических воспоминаний бывшего русского военнопленного в Венгрии Шолома Ерухимовича. В статье от 8 июня (26 мая) — «Русская революция и движение в Венгрии» автор описал воздействие Февраля на настроения в Венгрии: ее «ожидали и на помощь которой надеялись военные вожди Германии и Австро-Венгрии в начале войны, явилась для венгерских политических деятелей совершенной неожиданностью. Первое время цензура не мешает писать о России в связи с революцией». Однако вскоре «сторонники идеи независимости Венгрии, проповедовавшие с начала войны защиту отечества от “казацкой нагайки” (символический образ царской России, распространенный в Германии и Австро-Венгрии. — С. Р.), начинают нерешительную пропаганду разрыва с Австрией. Радикальная буржуазная интеллигенция вдруг увидела, что безрассудное продолжение мировой бойни чревато опасными последствиями и многие стараются умыть руки, отстраниться от активного участия в войне».

«Но если революция была для демократической интеллигенции только предостережением, то для рабочего класса Венгрии она была тем набатом, который вывел его из состояния общественного застоя, вызвал недовольство масс, указал настоящий выход из невыносимого положения, созданного войной», — продолжал автор. Печатный орган СДПВ «Nepszava» выступала за окончание войны и демократизацию. Согласно воспоминаниям современника, наступление российской армии 18 июня (1 июля. — С.Р.) «имело огромную отрицательную роль. Говорили: если революция призывает наступать, то незачем устраивать революцию. Россия, писали буржуазные публицисты, потеряла всякое значение как противник»².

Продолжение публикации носило название «Влияние революции на рабочее движение в Венгрии»³. «Известия из России..., восстание питерских рабочих в начале июня, корниловщина, все это вызывало путаницу в умах передовых рабочих». Ерухимович объяснял это, во-первых, «тенденциозными сообщениями П[етроградского] Т[елеграфного] А[гентства] и агентств наших союзников» и, во-вторых, «превратными представлениями о положении в России даже в рядах вождей заграничной социал-демократии». В заблуждении оказывались люди, даже «хорошо знакомые с положением в России». «Сведения так рисовали положение, что казалось,

² Ерухимович Ш. Русская революция и движение в Венгрии // Знамя труда. 1918. 8 июня (26 мая).

³ Ерухимович Ш. Влияние русской революции на рабочее движение в Венгрии // Знамя труда. 1918. 20 (7) июня.

что между июльским восстанием и существует какая-то внутренняя органическая связь. За границей знали, что июньское движение направлено главным образом против войны, и корниловщина имела как будто те же лозунги»... Кровавые будни войны не давали возможности рабочим массам осознать ее значение, и в это время пришло известие о перевороте, о восстании, о победе петербургского пролетариата над буржуазией и захвате им всей власти. «Картина круто изменилась, — повествовал Ерухимович. — Все оппортунисты получили “пощечину”»⁴.

Однако вернемся непосредственно в весенние дни 1917 г.

Эсер-интернационалист, «циммервальдец» В.М. Чернов, в отличие от большинства публицистов и идеологов российского революционного движения, особое внимание уделил «славянскому вопросу». После Февральской революции он издал обстоятельную брошюру «Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма». В ней он постарался объяснить с точки зрения социалиста отношение к славянству и, в частности, к южным славянам К. Маркса и Ф. Энгельса, взгляды и методология которых продолжали оказывать влияние на европейское, в том числе германское и австро-немецкое, да и российское социал-демократическое движение. Кроме того, негативное отношение Маркса и Энгельса к славянам и России активно использовали в своей внутри- и внешнеполитической пропаганде власти Германии. Своей задачей Чернов полагал объяснение исторических и иных условий возникновения у основоположников социалистического движения концепции «реакционных» и «контрреволюционных народов», к которым они относили славян. Его брошюра содержала критику с позиций социалиста-революционера «индустриального социализма», позиции Ленина и большевиков (хотя они ни разу не названы), а также германской и австро-немецкой социал-демократии. «Маркс и Энгельс не гарантировали себя от этих злоупотреблений. Их “шовинизм” был не германским, а “революционным шовинизмом”, прилеплявшимся к традициям якобинства великой французской революции, — писал Чернов. — Все современные немецко-австрийские социал-шовинисты, радостно провозглашающие, что в войне против России теперь “впервые рождается в полном смысле этого слова немецкая нация, сливающая Германию с Австрией”, — с необыкновенной охотой вспоминают слова Маркса, что “немецкое единство и немецкая демократия могут проистечь лишь как продукт движения, в котором будут играть решающую роль столь же вну-

⁴ Ерухимович Ш. Влияние русской революции на рабочее движение в Венгрии // Знамя труда. 1918. 20 (7) июня.

В.М. Чернов

тренние конфликты, как и война с Востоком”, и что “только война с Россией будет истинно революционной войной Германии”⁵.

Сохраняя верность своим взглядам, Чернов, как и в 1902 г. в брошюре о Венгрии, характеризует западноевропейский социализм как «исключительно пролетарский», полагая, что возможен и непролетарский социализм⁶.

Русских либералов также волновала проблема соотношения идеологии русского национализма, имперскости и революционности. 18 апреля (1 мая) 1917 г. кадетская «Речь» опубликовала посвященную этой политической проблеме с точки зрения будущего России статью «Славянофильство наизнанку». В кратком историческом экскурсе неизвестный, к сожалению, автор писал: «Основная формула славянофильства, очищенная от всех богословских, философских и археологических примесей, очень проста и примитивна. Русский народ есть первый среди народов мира. До сих пор он пребывал в невежестве, угнетении и рабстве. Однако в этом залог его грядущего преуспевания. Наступит время, и оно уже близко, когда Россия явит человечеству благополучный и поучительный пример. Она спасет прогнивший буржуазный Запад, примирит все народы и будет затем

⁵ Чернов В. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Пг., 1917. С. 100.

⁶ Чернов В. Указ. соч. С. 50. Ср.: Чернов В. Из практики социалистического движения в Венгрии и Италии. М., 1905. С. 5, 95, 100.

благоденствовать под сенью новых, нигде не виданных государственно-общественных форм»⁷. Переходя к ситуации революционной весны 1917 г., автор отмечал, что «как и следовало ожидать, отрывка славянофильства всего сильнее сказалась среди народнических партий». «Но к удивлению, — говорилось в статье, — печальную карикатуру на славянофильство мы замечаем даже в выступлениях у некоторых марксистов». В то время как «печальная, но необходимая истина» состояла в том, «что Россия не является первой страной в мире и мессией среди народов, несмотря на демократизм и свободу своего нового строя. Она всего-навсего большая европейская страна, отсталая в экономическом и культурном отношении, идущая с частыми остановками и уклонениями в сторону тем же путем, каким шли ее старшие сестры». Наконец, анализируя перспективы исторического развития страны в связи с взаимоотношением идейно-политических течений, кадетский публицист-аналитик утверждал: «Всякий иной путь будет для нее путем реакции. Если по окончании войны Европа и Америка вступят в фазу социальной революции, то переживет аналогичную революцию и Россия (русские марксисты и революционеры по традиции возлагали аналогичные надежды на Германию. — С. Р.). Если нет, то и в России социальной революции не бывать». «Всякая иная точка зрения на этот вопрос есть воскрешение в несколько преобразенном виде старой славянофильской идеологии. А союз славянофильства с революцией способен породить лишь уродливое и нежизнеспособное потомство»⁸.

В. Рафаилов-Чернышев, автор пропагандистской брошюры «Кто за свободу, тот за победу» (1917), работавший для издававшейся Г.В. Плехановым газеты «Единство», в статье «Война за право народов на самоопределение» следующим образом трактовал этот принцип: «Война все с большей отчетливостью принимает характер революционной борьбы за право народов на самоопределение, характер демократически-национальной войны». При этом публицист, перечисляя народы, населявшие страну, не включил в их число ни хорватов, сербов и словенцев, ни югославян в целом. «Внутренняя политика Австро-Венгрии строилась сначала на преобладании германской нации, позднее — передать власть мадьярам, такая политика ставила славянские народы, и в особенности чехов, в положение отверженных, — писал автор. По его мнению, пробуждение национальных стремлений привело к политическим преследованиям, достигшим небывалых размеров во время войны»⁹.

⁷ Славянофильство наизнанку // Речь. 1917. 18 апреля (1 мая).

⁸ Там же.

⁹ Война за право народов на самоопределение // Единство. 1917. 28 июня (11 июля).

Вал. Рафаилов-Чернышев. «Кто за свободу, тот за победу». 1917 г.

«Земля и воля» (газета партии социалистов-революционеров для крестьян) отмечала связь идей внутреннего переустройства Австро-Венгрии с планами Срединной Европы. «Крайней уступкой со стороны буржуазных партий была попытка преобразовать двуликую Австро-Венгрию в тройственное государство с определенной автономией славян, — писал автор. — В настоящее время политики Австрии приготавливаются найти к будущему конгрессу мира новые формы австрийского владычества на Балканах. Эта задача сводится к созданию менее враждебных отношений с чехами и поляками и к решению южнославянского вопроса. Насколько притворной является уступчивость Вены по отношению к северным славянам, настолько определены ее задачи по отношению к южным славянам. Уже самый вопрос об южных славянах открывает двуличную политику Австрии». В то же время содержание «южнославянского вопроса» разнилось: «Для Австрии захват Сербии и этим еще более властное подчинение южных славян, живущих уже в ее границах, является вопросом жизни; для Германии тот же вопрос связан с разрешением военно-политического господства по пути к Багдаду»¹⁰.

Под влиянием первых успехов июньского наступления и еще не ведая грядущего поражения, «Известия» писали: «Наступление заставит демократические слои Германии и Австро-Венгрии теснее сомкнуться вокруг

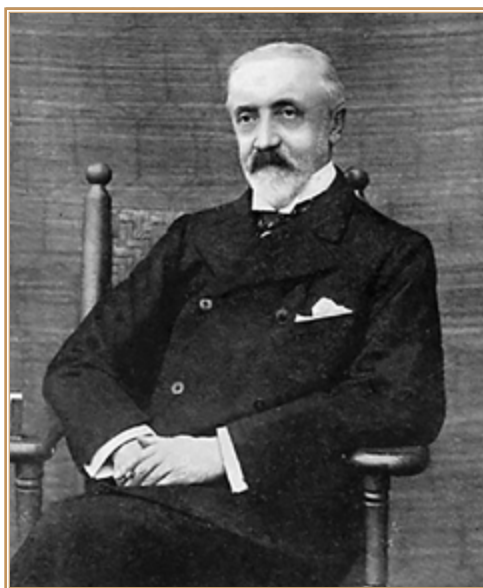
¹⁰ Земля и воля. 1917. 30 июля (18 августа).

своих империалистических классов, что будет на руку австро-германским империалистам, упрочит их господство над демократией». По мнению автора статьи, «трудящиеся Германии и Австро-Венгрии убедились, что политика их господствующих классов не дает им основания надеяться на скорый и прочный мир. Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии оказались, т.о., на распутье. От того или иного выбора, который будет ими сделан, зависит будущее среднеевропейских стран». Иными словами, осуществится ли план Срединной Европы. Что же касается России, то, считали в Петроградском совете, «будучи далеко от мысли насильно путем войны освобождать народы Германии и Австро-Венгрии из-под власти империализма, наши наступающие войска ставят перед этими народами вопрос об их существовании и пробуждают их к разрыву с империализмом, к борьбе за мир и свободу»¹¹.

В отличие от других газет социал-демократического направления, «Единство» Г.В. Плеханова уделяло большое внимание национальным проблемам южных славян Балканского полуострова и Австро-Венгрии. 30 сентября (13 октября) «Единство» обратилось к проблеме взаимосвязи освобождения славянства и революции. В статье с длинным названием «Старые погудки на новый лад, или Царский дипломат в роли полуленинца» бывший большевик и социал-демократ, по словам Ф.И. Дана, «объявленный бесчестным человеком», Г.А. Алексинский критиковал письмо Максиму Горькому царского дипломата Р.Р. Розена, опубликованное в «Новой жизни». В нем барон, в частности, писал: «Мечтание об аннексии части Фракии с Константинополем и азиатского берега, если вообще осуществимо, было бы, во всяком случае, осуществимо лишь в отдаленном будущем и поэтому не могло быть отнесено к реальным интересам России»¹². «В своем мемуаре барон Розен восстает против идеи защиты Россией славянства совсем не с той точки зрения, с какой мы, революционеры, восстали против попыток реакционного царизма опекать более свободные, чем Россия, славянские страны. Нет, барон Розен в 1913 г. осуждал идею освобождения славян как идею революционную и сетовал на то обстоятельство, что эта идея, толкнув Россию на войну 1877–1878 гг., подготовила (по словам Розена) почву для революционного движения в России. Борьба за интересы славянства ненавистна для барона Розена также и потому, что она, на его взгляд, повлекла за собой охлаждение отношений между Россией и Германией, разрыв союза трех императоров, к которому барон относится от-

¹¹ Движение в Германии и наше наступление // Известия. 1917. 29 июня (12 июля).

¹² См.: К вопросу о мире // Новая жизнь. 1917. 28 сентября (9 октября).

Р.Р. Розен

нюдь не отрицательно, и заключение Россией союза с Францией, которому барон, конечно, не сочувствует»¹³.

В России меньшевистский «День» 7 (20) сентября 1917 г. опубликовал чрезвычайно интересный для аналитиков того времени и современных историков материал. Это была перепечатка из британской газеты «The Manchester Guardian», содержащая сравнительную таблицу условий мира, выдвигавшихся разными политическими силами и государствами. Любопытно, что влиятельная британская газета тех лет не включила в свой анализ позицию ни Временного правительства, ни набиравшей силу радикально-революционной организации — большевиков.

Что касается планов относительно Австро-Венгрии и проживавших в ней южных славян, то картина получилась такая:

«Союзники: итальянцы, южные славяне, румыны, чехи и словаки должны быть освобождены из-под власти Австро-Венгрии;

Папа Бенедикт XV: территориальные споры между а). Австрией и Италией и б). Германией и Францией должны быть разрешены в примирительном духе в соответствии с желанием населения в пределах возможной справедливости;

Лейбористы: австрийские итальянцы должны быть присоединены к своей родине Италии;

¹³ Старые погудки на новый лад, или Царский дипломат в роли полуленинца // Единство. 1917. 30 сентября (13 октября).

Большинство германской социал-демократии: принимается точка зрения австрийской социал-демократии;

Меньшинство германской социал-демократии: не делает определенных предложений по этим вопросам, только излагает общие принципы мира без аннексий и контрибуций. Исправление границ должно быть поставлено в зависимость от воли заинтересованного населения, а не производится силой. Сербия — все восстановление. Но меньшинство германской социал-демократии считало, что все сербы должны быть объединены в одном национальном государстве¹⁴, которое должно образовать вместе с остальными балканскими государствами Балканскую республиканскую федерацию;

Австрийские социалисты: народы Австро-Венгрии должны остаться в составе монархии, но должны быть наделены национальной автономией. Выход к морю Сербии, хотя бы посредством соединения с Черногорией;

Петроградский совет: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»¹⁵.

Идею сохранения и преобразования Австро-Венгрии на федеративных (или автономных) началах югославянские социал-демократы в основном поддерживали в ходе попыток созвать уже упоминавшуюся конференцию социал-демократов Европы по вопросу о возможности заключения мира в Стокгольме. В них принимали участие и представители социал-демократов Хорватии-Славонии и Боснии и Герцеговины. От имени сербов, хорватов и словенцев, а также от имени «мирового пролетариата» они потребовали установления мира во всем мире и признания за югославянскими народами права на единое, суверенное экономически и политически независимое государство¹⁶.

Отличной от российской логики соотношения социальных и национальных процессов в Австро-Венгрии не могли понять российские социал-демократы вне зависимости от «оборонческой» или «пораженческой» позиции. В их сознании отождествлялись государственный централизм (даже после революции) и интернационализм. Децентрализацию они рассматривали как наносящую вред пролетариату и «его» единому госу-

¹⁴ Меморандум германских с.-д. (независимых) // Новая жизнь. 1917. 27 июня (10 июля).

¹⁵ Семь программ мира // День. 1917. 7 (20) сентября.

¹⁶ См.: Korać V. Povijest Radničkog Pokreta u Hrvatskoj. Knjiga Prva. Zagreb: Radnička komora za Hrvatsku i Slavoniju, 1929. S. 241–245; Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994; Ревякин А.В. Франция и «Стокгольмская альтернатива»: внутриполитические факторы дипломатии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 202–205.

Борис Горев (Б.И. Гольдман)

дарству. «Рабочая газета» отметила провозглашение России республикой 1 (14) сентября 1917 г. статьей Б. Горева (наст. имя Б.И. Гольдман, один из лидеров меньшевиков, член ВЦИКа первого созыва) «“Федеративная республика” и социал-демократия». В 1907–1911 гг. он входил в руководящие органы меньшевистской партии, участвовал в венской конференции меньшевиков 1912 г., после начала войны стал «оборонцем»; в 1917 г. был членом ВЦИКа первого созыва. Его статья важна тем, что в ней дается определение некоторых понятий и представлено отношение значительной части российских социал-демократов к проблеме федерализма. А это, в свою очередь, позволяет понять их отношение к событиям и проблемам Австро-Венгрии.

«В России — группы населения, требуя федерацию, имеют в виду главным образом свои местные сословные национальные или областные интересы (...) Всем им хочется ввести у себя такую широкую самостоятельность, которая означала бы фактически полный распад России на ряд почти независимых областей. (...) Общегосударственной власти предоставляют почти исключительно внешние сношения», — писал Горев. По его мнению, «федеративный государственный строй означает соединение в одном государстве нескольких раньше существовавших самостоятельных государств, которые, объединяясь в общий союз, оставляют за собою ряд государственных прав, но значительную часть этих прав передают общему государству». Иными словами, он рассматривал лишь один

вариант возникновения федерации — объединительный, который можно было теоретически применить, например, к идее балканской федерации. Однако из его поля зрения выпал другой вариант создания федерации — реформы многонационального государства, в том числе и империи, будь то Российская или Австро-Венгерская. То есть он рассматривал их исключительно как дезинтеграционный вариант. «Российская социал-демократия всегда была противницей федеративного устройства России (ср. выше взгляд В. Чернова. — С. Р.), признавая за всеми входящими в ее состав народами право на самоопределение, т.е. борясь против всякого их угнетения и даже насильственного удержания их в пределах государства», поскольку «не в интересах пролетариата всех населяющих Россию народностей дробление ее на более или менее самостоятельные части». РСДРП выступала за «широкую местную автономию для отдельных областей, отличающихся национальными, экономическими или бытовыми условиями»¹⁷. Когда-то этой позиции придерживались и большевики, заканчивал Горев.

В 1917 г. большевики временно перешли на иные позиции. Критикуя программу большевиков по национальному вопросу, ушедший от большевиков после Февраля литератор и экономист А.А. Блюм в статье «О жупелах патриотизма» («Новая жизнь») 22 августа (4 сентября) с позиций государственного централизма едко критиковал их программу по национальному вопросу. «Пункт девятый политической части новой программы большевиков — право на свободное отделение и на образование своего государства всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насильем над другими народностями, — писал он. — (...) Какая беспринципная и какая трогательная и “поучительная” защита права на образование бесконечно малых государств за всеми народностями...»¹⁸ Однако централистский и формально интернационалистский подход, обусловленный представлением о необходимости после революции сохранить крупное государство, проявился год спустя в воззвании Ленина, Свердлова и Каменева «К трудящемуся народу Австро-Венгерского государства» от 3 ноября 1918 г.

¹⁷ «Федеративная республика» и социал-демократия // Рабочая газета. 1917. 5 (18) сентября.

¹⁸ О жупелах патриотизма // Новая жизнь. 1917. 22 августа (4 сентября).

Необходимо заметить, что выработка большевиками, равно как и представителями других партий и политических течений, оценки событий на Балканах и в Австро-Венгрии происходила на фоне все более усиливавшегося процесса национального самоопределения в самой России, в которой в этот период также набирали силу центробежные тенденции.

В октябре—ноябре 1917 г. проблемы Австро-Венгрии и южных славян особо волновали Плеханова и его «Единство». В газете были опубликованы четыре статьи Мийо (Мишко) Радошевича, хорватского социал-демократа, участника «голландско-скандинавского процесса». Все же прибывшие в Стокгольм представители социал-демократов Хорватии М. Радошевич и Боснии и Герцеговины Ф. Маркич привезли совместный меморандум, в котором от имени югославян (сербов, хорватов и словенцев), а также мирового пролетариата требовали, чтобы за югославянским народом признавалось право на единое суверенное экономически и политически независимое государство. В нем подчеркивалось, что в духе решений Первой балканской социалистической конференции (1910 г.) оно может вступить в союз с другими балканскими государствами, что рассматривается как условие для решения всего балканского вопроса. Из Стокгольма хорватский и боснийский социал-демократы поехали в Россию, чтобы вести среди русских социалистов пропаганду в пользу национального объединения югославян¹⁹.

В первой статье в «Единстве» — «Если бы Австрии не было, ее пришлось бы создать» — хорватский социал-демократ резко критиковал австро-немецкую социал-демократию за ее позицию в июле 1914 г., когда (согласно речи на суде Ф. Адлера) «партия выполняла свою политическую миссию под прямым воздействием и по указанию министерства иностранных дел в Вене и в Берлине». Радошевич резко критиковал австрийскую социал-демократию за то, что она, во-первых, «служит непосредственно германскому империализму, создает новую теорию для сохранения и защиты Австро-Венгрии — теорию сохранения существующих рынков (*Wirtschaftsgebiettheorie*)»; и, во-вторых, рука об руку с социал-демократией Германии «утверждают в своем меморандуме (видимо, Голландско-скандинавскому комитету. — С. Р.), что “Австро-Венгрия защищает и охраняет свои малые народы”». Большею неправды, чем эта, — на всем земном шаре не слыхано!». «Рассмотрев вкратце буржуазные и социали-

¹⁹ Korać V. Povijest Radničkoga Pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. Knjiga Prva. S. 244–245. М. Радошевич был «социал-патриотом», который вместе с М. Маринковичем после Октября 1917 г. вел агитацию в поддержку образования «демократической Сербии». См.: Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. М., 1977. С. 91–92.

стические доводы для оправдания существования Австро-Венгрии, — автор пришел к однозначному выводу: — Австрийскую империю следует разрушить!»²⁰

Две основные идеи его второй статьи — «Нужно ли покончить с Австрией?» — сводятся к следующему. Во-первых, «добившись теперь мира, австро-венгерские и германские империалисты могут в ближайшем будущем вновь вооружиться и опять нарушить всеобщий мир... (...) С распадением Австро-Венгрии на ее составные части, каждая из которых может устроиться, как найдет нужным, — не будет больше в центральной Европе этой громадной казармы, исчезнет возможность новых провокаций и новых нарушений всеобщего мира со стороны Германии, стремящейся к мировому господству...». И эта мысль вполне совпадала с геополитическими соображениями и проектами даже российского императорского МИДа.

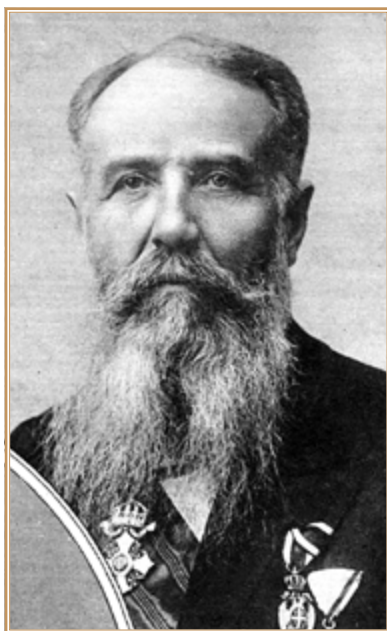
«Признавая принцип экономической закономерности явлений и считаясь с реальными политическими условиями, а также опираясь на социалистический лозунг самоопределения народов, мы желаем от социалистической России, чтобы она помогла добиться гарантии прочного мира. А этого можно достигнуть только устранением Австро-Венгрии Австро-Венгерской империи как независимой державы из будущих комбинаций мировой политики», — писал М. Радосевич²¹. Все это вместе взятое означало только одно — продолжение войны во имя реализации целей национальных движений южных славян.

Третья статья — «Реформация деспотизма и императорский социализм» — посвящена критике австро-немецких социалистов, которые вопреки решениям Интернационала, решениям съездов и основным положениям социалистического учения «изменили основному социалистическому принципу, гласящему, что самодержавие должно быть низвергнуто». «Императорский социализм австрийских социалистов немцев поступил на верную службу австрийского “эволюционного” самодержавия. Австро-немецкая социал-демократия оказывает поддержку делу сохранения габсбургской династии и австрийского самодержавия, — продолжал хорватский социал-демократ и заключал: — Такова уж система правления в Австро-Венгрии, что силы демократии никак не были в достаточной мере использованы в интересах народного блага»²².

²⁰ Радосевич М. Если бы Австрии не было, ее пришлось бы создать // Единство. 1917. 4 (17) октября.

²¹ Радосевич М. Нужно ли покончить с Австрией? // Единство. 1917. 6 (19) октября.

²² Радосевич М. Реформация деспотизма и императорский социализм // Единство. 1917. 11 (24) октября.

Никола Пашич

Наконец, в четвертой статье — «К вопросу о национальном объединении югославян» — Радошевич высказался вполне в духе позиции Плеханова и всех оборонцев. Он писал о «постоянном стремлении уничтожить наше освободительное движение». «Поэтому, товарищи русские, помните: все, кто ныне говорит нам о революции в Германии и Австро-Венгрии и тем самым подстрекает вас на братоубийственную войну, — являются вольными или невольными агентами реакционных господствующих классов центральных империй. (...) Допустив победу Вильгельма, вы уничтожите нас. А нанося удар социалистическому движению у нас, вы погубите, без сомнения, социализм и революцию также у себя в России»²³.

Несмотря на различия в идеологии, мотивировке и фразеологии, в отношении участия России в войне позиция хорватского социал-демократа Радошевича вполне совпадала с позицией сербского радикала, премьер-министра Сербии Н. Пашича: «Русские, желающие быть свободными, знают, что автократические правительства Германии и Австрии никогда не согласятся быть окруженными исключительно демократическими государствами. Россия будет полным хозяином своей судьбы лишь в тот день, когда она военными победами сломит злобу и упорство своих врагов»²⁴.

²³ Радошевич М. К вопросу о национальном объединении югославян // Единство. 1917. 4 (17) ноября.

²⁴ Воля народа. 1917. 16 (29) июля.

Для российских солдат эти красивые слова в различной упаковке означали только одно — марш на фронт! Часть социал-демократов и социалистов стала использовать «сербский» и «славянский» миф точно так же, как его использовали власть царской России и поддерживавшие ее реакционные, консервативные и часть либеральных сил в 1914 г.

И после прихода к власти большевиков резко оппозиционное им плехановское «Единство» продолжало уделять внимание проблемам Австро-Венгрии и южных славян. Автором выступал все тот же — М. Радосевич. Его последняя статья в «Единстве» появилась в номере от 28 октября (10 ноября), через три дня после переворота в Петрограде. Она называлась «Австро-Венгрия и национальный вопрос». Хорватский социал-демократ встал на самую радикальную точку зрения и решительно выступил за распад империи и создание нового государства как с национальной, так и с социальной точки зрения. «Как видно, пока защита дальнейшего существования Австро-Венгрии, с точки зрения чисто буржуазной, как и с точки зрения пролетарской политики, не имеет никаких оснований. Дальнейшее ее существование означало бы существование в центре Европы сатрапии, насчитывающей более 50 миллионов рабов, которых она при первом же случае в интересах своего капитала пошлет на бойню. Оставляя нерешенной национальную проблему, монархия представляла бы собой огромное пекло, из которого все живущие в нем народы стремятся вырваться согласно принципу самоопределения народов». Национальное самоопределение Радосевич рассматривал как политический лозунг и правовой принцип и понимал под ним «право на объединение человеческих обществ, и больших и малых, связанных между собой единством происхождения, языка, культуры, традиций, истории и общностью политических и социальных стремлений, соединиться в одно целое, в один народ, в одно государство, — что равносильно для них освобождению из-под чужого ига». Однако Радосевич отвергал возможные обвинения в национализме и, обращаясь не столько к политическим силам России, сколько к правительству Сербии и Югославянскому комитету в Лондоне, подчеркивал: «Мы не националисты в узком смысле; мы признаем государство с *несколькими нациями* (выделено мной. — С. Р.), но в этом случае мы требуем, чтобы за всеми народами было признанное право на самоопределение, т.е. право на свою собственную, культурную, политическую и экономическую жизнь». Эта позиция социал-демократов должна быть адресована не только уходящей со сцены Австро-Венгрии, но и зарождавшейся тогда Югославии²⁵.

²⁵ Радосевич М. Австро-Венгрия и национальный вопрос // Единство. 1917. 28 октября (10 ноября).

Рафаил Абрамович (Р.А. Рейн)

«У народов Австро-Венгрии нет права на самоопределение в демократическом смысле этого слова». «Народы Австро-Венгрии не подданные, пользующиеся правами», и в ней «не найдется человека, который чувствовал бы с ней одно целое». Его оценка Австро-Венгрии перекликается (что, однако, не означает, что он непременно был с ними знаком, хотя это и не исключено) со статьями Троцкого начального периода войны. В социал-демократической среде было принято рассматривать Австро-Венгрию как феодальное государство, поскольку она была создана «милостью Божией, а не волей народа, [она] не обладает никакой притягательной силой — ибо народы, связанные с ней только династией “милостью Божией”, не чувствуют друг к другу никаких симпатий, их не объединяет тут ни высшая культура, ни сильная традиция, ни важные экономические интересы. Их соединяет только общее рабство». Иными словами, он отрицал наличие интеграционных тенденций на основе модернизации и видел только центробежные тенденции на основе силы.

Согласно своим современникам и единомышленникам, Радошевич полагал, что «все эти народы (Австро-Венгрии. — С. Р.) ждут — не дождутся часа, когда будут расторгнуты цепи этого рабства» — т.е. произойдет национальная революция, которая избавит и от социальных противоречий. При этом межнациональные противоречия он называл «политическими распрями» и считал их последствием политики династии Габсбургов, которая руководствовалась принципом «разделяй и властвуй». Эта его

оценка перекликалась с позицией венгерского леволиберального деятеля Оскара Яси²⁶.

Радосевич критиковал выдвигавшиеся «руководящими кругами Австро-Венгрии [планы] переустройства монархии», которые предполагали сохранение «теперешнего дуалистического строя, т.е. за гегемонию немцев и мадьяр». При этом он, подобно российским социал-демократам, негативно отозвался и о позиции австро-немецкой социал-демократии, депутаты которой в этом (1917. — С. Р.) году в венском рейхсрате голосовали против внесения в стенограмму речей ненемецких депутатов, произнесенных ими на родном языке. Однако, протестуя «против насильственной германизации и мадьяризации народов Австро-Венгрии вообще», Радосевич выделил «своих» — «югославян в особенности», что выдавало в нем националиста. Что же касается судьбы Австро-Венгрии, то она, по мнению Радосевича, была предрешена: «Австро-Венгерская монархия не только не сумела решить национальную проблему, она даже не вызывает склонности решить ее на началах самоопределения народов. Она в этом отношении в данный момент оказывается неспособной к дальнейшему демократическому развитию (т. е. к политической модернизации и самореформированию государственного устройства. — С. Р.) и, таким образом, эта неспособность решить национальную проблему создаст категорический императив, требующий ее уничтожения»²⁷.

Временное правительство 6 (29) марта 1917 г. объявило о том, что будет содействовать созданию Польского государства на всех землях, населенных в большинстве поляками, при условии заключении им с Россией «свободного военного союза».

12 (25) апреля Временное правительство признало самоуправление Эстонии. Тогда же возник Эстонский национальный совет.

5 (18) — 7 (20) апреля Всеукраинский национальный съезд избрал Центральную раду, и началось формирование украинских национальных воинских частей. Петроград не признал Раду автономным органом Украины. В результате 10 (23) июня 1917 г. был принят Первый универсал (Основной закон) Украинской Центральной рады, провозглашавший украинскую автономию. Был введен и особый налог на содержание национальных органов власти. 20 июня (3 июля) 1917 г. был принят Второй универсал, представлявший собой компромисс между Временным прави-

²⁶ См.: Яси О. Распад Габсбургской монархии / Пер. с англ. М., 2011.

²⁷ Радосевич М. Австро-Венгрия и национальный вопрос // Единство. 1917. 28 октября (10 ноября).

А.Р. Гоц

тельством и Радой. 30 июня (13 июля) А.Ф. Керенским и представителями Центральной рады был подписан протокол о признании Временным правительством Генерального секретариата Рады.

В июле 1917 г. была создана и Центральная рада белорусских политических организаций, а в сентябре в Киеве прошел съезд представителей народов и областей России, организованный Украинской Центральной радой. Съезд принял «Резолюцию о белорусах». Требование белорусского национального движения было сходно с украинским: оно надеялось на декрет Временного правительства об автономии Белоруссии в рамках Российской Демократической Федеративной Республики²⁸.

18 июля 1917 г. финляндским сеймом был принят закон о восстановлении автономных прав Финляндии во внутренних делах. Однако Временное правительство его не признало, и сейм был закрыт.

В своей декларации от 15 сентября Временное правительство нового состава с прежним министром иностранных дел в разделе о внешней политике ничего конкретно ни об Австро-Венгрии или о южных славянах не говорило. Лишь подчеркивалось, что «действуя в полном согласии с союзниками, Временное правительство примет в ближайшие дни участие в конференции союзных держав. Причем Временное правительство будет на ней

²⁸ Силницки Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922г.). 3-е изд. Washington D.C., 1990. С. 127–140.

представлено в числе своих уполномоченных и лицом, облеченным особым доверием демократических организаций. Стремясь к миру, Временное правительство, однако, все свои силы положит на защиту общесоюзнического дела, на решительный отпор всяким попыткам отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли, на изгнание неприятельских войск из пределов родной страны». Чуть ниже во внутренней политике «за всеми народностями» признавалось «право на самоопределение, на основах, которые будут выработаны учредительным собранием»²⁹. Однако именно реализация права на самоопределение могла быть истолкована (что и случилось впоследствии) именно как «попытка отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли».

Фонд Особого политического отдела МИДа, занимавшегося проблемами послевоенного переустройства Средней Европы, хранит документ, на основании которого можно составить представление о направленности размышлений сотрудников МИДа относительно будущего Австро-Венгрии и зарубежных славян. Написанный карандашом текст без названия и даты предположительно датируется сентябрем 1917 г. Его автор следующим образом видел этнополитическую карту славянского мира после победы России и ее союзников в войне: «Чехо-словако-поляки (сходный язык) католическое вероисповедание. Возможность создания общей федерации. Отдельная конституция. Столицы в Праге и Варшаве». Сходное представление было у российского дипломата о будущем устройстве югославянского государства: «Словенцы-хорваты — (католики). Столица Загреб. Сербь-черногорцы (православные). Столица Белград»³⁰. Таким образом, предполагалось создание двух двухцентровых славянских государств. При этом в первом случае необоснованно подчеркивалось сходство языка западных славян, во втором — характеристика степени близости языка южных славян отсутствовала (словенский, хорватский и сербский языки часто ошибочно считали одним языком); однако отмечалось конфессиональное различие. При этом написавший эти строки дипломат или эксперт отдавал себе отчет в том, что южные славяне, в особенности хорваты и сербы, не представляют собой единой этнонациональной общности, вплоть до того, что им нужна отдельная государственность. Однако этот план подразумевал отрицание если не этнической, то политической индивидуальности словаков, словенцев и чер-

²⁹ Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 234, 235.

³⁰ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 272. Л. 93.

В.Н. Розанов

ногорцев. Кроме того, в российском МИДе предполагался «пересмотр конституции Австрии»³¹.

Однако отметим: важно постоянно иметь в виду, что все эти материалы, часто носившие экспертно-аналитический и подготовительный характер, далеко не всегда совпадали с конечной официальной точкой зрения МИДа и Временного правительства.

У Петросовета было свое понимание балканских проблем, отличное и от Временного правительства, и от большевиков. Оно отразилось в «Инструкции делегату ЦИК на союзную конференцию» 3–5 октября 1917 г. («наказ Скобелеву»), авторами которой в большинстве своем были меньшевики — Р.А. Абрамович, А.Р. Гоц, Ф.И. Дан (бывший редактор «Луча»), В.Н. Розанов — докладчик в Голландско-скандинавском комитете, участник доклада российской делегации Голландско-скандинавскому комитету, М.И. Скобелев и др.³² Она предусматривала: восстановление в прежних границах Сербии и Черногории с предоставлением Сербии доступа

³¹ Там же. Л. 94–98.

³² См.: Европейское социалистическое движение 1914–1917: Разрубить или развязывать узлы? / Отв. ред. Р.П. Гришина, И.И. Костюшко. М., 1994; Европейское социалистическое движение. С. 124–125; История внешней политики России (конец XIX — начало XX в). С. 585–597; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 366–368; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 596.

к Адриатическому морю и обязательством дать полное самоопределение Добрудже; самоопределение итальянских областей Австрии (т. е. Истрии и Далмации); вывод немецких войск и решение путем плебисцита о национально-государственной принадлежности спорных областей на Балканах и итальянских областей Австро-Венгрии; предоставление автономии Боснии и Герцеговине «с правом последующего полного самоопределения», а также создание комиссии для урегулирования балканских дел «под председательством представителей балканских государств». Спорные области должны были получить «временную автономию с последующим плебисцитом»³³. Под отказом от аннексий авторами понимался отказ великих держав от новых захватов, что означало признание прежних, что противоречило провозглашенному ими же праву Боснии и Герцеговины на самоопределение.

* * *

Во время войны одни лидеры радикально-революционного крыла российской социал-демократии — В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий³⁴ — находились в эмиграции, другие — Л.Б. Каменев и И.В. Сталин — в ссылке. Социал-демократы, принадлежавшие к другим течениям — Г.В. Плеханов, Л. (Ю.О.) Мартов, а также эсер В.М. Чернов также эмигрировали, а Ф.И. Дан был арестован и сослан. Именно в этот период, непосредственно перед началом войны и в военные годы, была заложена основа их системы взглядов, которые впоследствии легли в основу доктрины национальных интересов советской России и СССР, а также теории и практики Коминтерна. Одним из основных направлений этой доктрины было отношение к Австро-Венгрии и монархии Габсбургов.

Речь шла и о концептуальной оценке развития Балкан и Средней Европы — Австро-Венгрии, Сербии, об оценке сути вооруженного конфликта, а также о теории империализма и теории нации, видении логики международных отношений, неуклонно развивавшихся в конфликтном русле, равно как и о позиции социал-демократии и ее роли в окончании войны и послевоенном государственном и социальном переустройстве.

Основными элементами политической концепции большевиков были: превращение империалистической войны в гражданскую, установление диктатуры пролетариата, наличие внутреннего врага и враждебного окру-

³³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 307. Л. 20–21.

³⁴ В данном случае мы оставляем за скобками историю идейно-политических противоречий и личных взаимоотношений Троцкого с Лениным и большевиками.

Федор Дан (Ф.И. Гурвич)

жения, пролетарский интернационализм, национальное самоопределение. Все это пришло на место идеям монархизма, державности, имперскости, «славянского братства» и «защиты христианских (по преимуществу православных) народов».

Официальной идеологией и пропагандой Российской империи, а также большинством оппозиционных партий Австро-Венгрия и монархия Габсбургов воспринимались как геополитический соперник и враг на поле брани, как государство, которое должно если не прекратить свое существование, то в значительной мере уменьшиться в результате предоставления независимости славянским народам и их государствам.

Полемика относительно судьбы Австро-Венгрии и Балкан, населявших эти регионы народов, в 1917 г. в России вообще и в среде социал-демократов и социалистов в частности важна и интересна тем, что именно тогда были заложены мировоззренческие и концептуальные, идеологические и геополитические, теоретические и практические основы внешней политики грядущего Советского государства и политики Коминтерна в Центральной Европе и на Балканах, которые проявились как в период между двумя мировыми войнами, так и в период после Второй мировой войны.

Подходы и позиция югославянских социал-демократов, как сочувствовавших большевикам, так и выступавших на стороне их противников (М. Радошевич), во многом отличалась от их российских товарищей.

Воспитанные в традициях национальных движений, они считали национальный вопрос самым важным и для решения социальных и политических проблем, и для послевоенного переустройства Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Эти различия в полной мере проявились и в скором будущем — в 1918 г.

Год спустя после социальной — социалистической революции в октябре 1917 г., которая привела к фрагментации этнополитического и регионального пространства бывшей Российской империи, а затем — Российской Республики, в октябре—ноябре 1918 г. увенчались успехом национальные революции в Австро-Венгрии. Установление в Петрограде большевистского режима стало сильнейшим центробежным фактором, как для России, так и для Австро-Венгерской империи.

REFERENCES

1. AVPRI. F. 135. Osobyj politicheskij otdel. Op. 474. D. 272. L. 93–98.
2. CGA SPb. F.7384. Op. 9. D. 307. L. 20–21.
3. *Chernov V.* Iz praktiki socialisticheskogo dvizheniya v Vengrii i Italii. M., 1905. S. 5, 95, 100.
4. *Chernov V.* Marksizm i slavyanstvo. K voprosu o vneshnej politike socializma. Pg., 1917. S.100.
5. Dvizhenie v Germanii i nashe nastuplenie // *Izvestiya.* 1917. 29 iyunya (12 iyulya). *Eruhimovich Sh.* Russkaya revolyuciya i dvizhenie v Vengrii // *Znamya truda.* 1918. 8 iyunya (26 maya).
6. *Eruhimovich Sh.* Vliyanie revolyucii na rabochee dvizhenie v Vengrii // *Znamya truda.* 1918. 20 (7) iyunya.
7. *Eruhimovich Sh.* Vliyanie russkoj revolyucii na rabochee dvizhenie v Vengrii // *Znamya truda.* 1918. 20 (7) iyunya.
8. Evropejskoe socialisticheskoe dvizhenie 1914–1917: Razrubit' ili razvyazyvat' uzly? / Otv. red. R. P. Grishina, I.I. Kostyushko. M., 1994. S. 124–125.
9. «Federativnaya respublika» i social-demokratiya // *Rabochaya gazeta.* 1917. 5 sentyabrya (18 sentyabrya).
10. *Ignat'ev A. V.* Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva. M.: Nauka, 1974. S. 366–368; *Istoriya vneshnej politiki Rossii. Konec XIX — nachalo XX veka (Ot russko-francuzskogo soyuza do Oktyabr'skoj revolyucii).* M., 1999. S. 585–597.
11. *Izvestiya.* 1917. 11 marta (24 marta).
12. *Jászi O.* Raspad Gabsburgskoj monarhii / Per. s angl. M., 2011.
13. K voprosu o mire // *Novaya zhizn'.* 1917. 28 sentyabrya (9 oktyabrya).
14. *Korać V.* Povijest Radničkog Pokreta u Hrvatskoj. Knjiga Prva. Zagreb: Ranička komora za Hrvatsku i Slavoniju, 1929. S. 241–245.
15. Memorandum germanskih s.-d. (nezavisimyh) // *Novaya zhizn'.* 1917. 27 iyunya (10 iyulya).
16. O zhupelah patriotizma // *Novaya zhizn'.* 1917. 22 avgusta (4 sentyabrya).
17. *Radoshevich M.* Avstro-Vengriya i nacional'nyj vopros // *Edinstvo.* 1917. 28 oktyabrya.
18. *Radoshevich M.* Esli by Avstrii ne bylo, ee prishlos' by sozdat' // *Edinstvo.* 1917. 4 oktyabrya. (17 oktyabrya).

19. *Radoshevich M.* K voprosu o nacional'nom ob'edinenii yugoslavyan // Edinstvo. 1917. 4 noyabrya (17 noyabrya).
20. *Radoshevich M.* Nuzhno li pokonchit' s Avstriiej? // Edinstvo. 1917. 6 oktyabrya (19 oktyabrya).
21. *Radoshevich M.* Reformaciya despotizma i imperatorskij socializm // Edinstvo. 1917. 11 oktyabrya (24 oktyabrya).
22. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obshchenacional'nyj krizis.* M., 1961. S. 234, 235.
23. *Revyakin A.V.* Franciya i «Stokgol'mskaya al'ternativa»: vnutripoliticheskie faktory diplomatii v 1917 g. // *Pervaya mirovaya vojna. Diskussionnye problemy istorii.* M., 1994. C. 202–205.
24. *Romanenko S.A.* Problema Avstro-Vengrii v rossijskih diskussiyah po voprosam vneshnej politiki na pervom ehtape dvoevlastiya (fevral'-iyun' 1917 goda) // *Sbornik Gumanitarnyh chtenij RGGU.* 2017. M., 2018.
25. *Sem' programm mira* // *Den'.* 1917. 7 (20) sentyabrya.
26. *Silnicki F.* Nacional'naya politika KPSS (1917–1922 g.). Tre'te izdanie. Washington D.C., 1990. C. 127–140.
27. *Slavyanofil'stvo naiznanku* // *Rech'.* 1917. 18 aprelya (1 maya).
28. *Starye pogudki na novyj lad ili carskij diplomat v roli polu-leninca* // *Edinstvo.* 1917. 30 sentyabrya (13 oktyabrya).
29. *Vojna za pravo narodov na samoopredelenie* // *Edinstvo.* 1917. 28 iyunya (11 iyulya).
30. *Volya naroda.* 1917. 16 iyulya (29 iyulya).
31. *Zelenin V. V* Pod krasnym znamenem Oktyabrya. 1917–1921. M.: Mysl', 1977. S. 91–92.
32. *Zemlya i volya.* 1917. 30 iyulya (18 avgusta).

Ключевые слова:

революция, Февраль, Октябрь, Россия, Австро-Венгрия, мировая война, национальное самоопределение, социал-демократия, большевики, меньшевики, эсеры, кадеты.

Sergey A. Romanenko

RUSSIA AND AUSTRIA-HUNGARY IN 1917: TWO TYPES OF THE REVOLUTION

The materials of the russian press

The article is devoted to the analysis of representations about Austria-Hungary in Russia in political and publicists societies — including Bolsheviks, Social Democrats, liberals (cadets), as well as MFA analysts from February to October. On the basis of the materials on foreign policy and the correlation of revolution and world war, from Russian daily press and journalists, which have not been studied before, the author comes to the conclusion that the representatives of the left flank of the political spectrum had neither information nor conceptually built ideas about the situation in Austria-Hungary, about the perspectives for the development of revolutionary processes in the multinational state and its direction and aims. On the other hand, this was also largely characteristic of the moods of the Austro-Hungarian politicians, whether pro-government or opposition, for whom the goals of the national movement played a much larger role already in 1917 than for the Russian ones. For comparative analysis, on the basis of archival materials, the positions of the Ministry of Foreign Affairs (the Provisional Government) and the Petrograd Soviet are given.

 Романенко Сергей Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного
института РГГУ

Б.А. Хавкин

ДЕНЕЖНЫЙ ТРАНЗИТ РЕВОЛЮЦИИ: ГЕРМАНИЯ — РОССИЯ, РОССИЯ — ГЕРМАНИЯ. 1914—1918 ГГ.

Вопрос о финансировании русской революции немцами в годы Первой мировой войны и после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. до сих пор вызывает дискуссии в литературе. Высказываются противоположные точки зрения: от тезиса о немецких деньгах, которые привели к власти большевиков¹, до утверждения, что немецкие деньги, выделенные на русскую революцию, — это миф².

Разумеется, у русской революции 1917 г. были свои внутри- и внешне-политические причины, цели, характер и движущие силы. Однако факт, что она в существенной мере финансировалась Германией, нуждается в современной оценке, основанной на достоверных источниках. Цель нашей ста-

¹ Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940; *его же*. Как большевики захватили власть. М., 2005; Кларк Р. Ленин. Человек без маски. М., 1989; Бунин И. Золото партии. СПб, 1992; Шиссер Г., Трауттман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004.

² Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч.1. М., 1997. С. 107; Поливанов О.И. Как Ленин делал революцию на немецкие деньги. — <http://leninism.su/lie/4330-kak-lenin-delal-revoljutsiyu-na-nemetskie-dengi.html>

тьи — проследить основные «финансовые потоки» из Германии в Россию и обратно в 1914—1918 гг.

Вопрос о «немецких деньгах» не сводится к теме спонсирования большевиков частными лицами, политическими партиями и представителями германского промышленного и финансового капитала. Речь идет о финансировании русской революции Германским рейхом (Генштабом и министерством иностранных дел) как до и во время Октябрьского переворота, так и после него. Эти документы опубликованы³.

О каких суммах идет речь? Немецкий социал-демократ, ярый критик Ленина Эдуард Бернштейн и депутат рейхстага Вальтер Шюкинг оценили общую сумму «немецкой помощи» большевикам примерно в 50—60 млн золотых марок⁴. По данным британского историка Дж. Смита, к концу 1917 г. расходы германского Генштаба на организацию «беспорядков» в России составили приблизительно 30 млн золотых марок⁵; от МИД Германии российские большевики в 1914—1917 гг. получили, по подсчетам исследователей из ФРГ, наличных денег и оружия на сумму 26 млн золотых марок⁶. Российско-американский историк Ю.Г. Фельштинский, ссылаясь на англичанина Р. Кларка, называет сумму 50 млн марок, полученных большевиками от Германии⁷. В русской литературе встречается сумма 60 млн марок⁸. Немецкий историк Фриц Фишер пишет, что из 382 млн марок, израсходованных Германией в годы Первой мировой войны на пропаганду и «специальные цели», на долю России приходится 40,5 млн марок. По оценке Фишера, общая сумма, полученная

³ Катков Г. Документы министерства иностранных дел Германии о финансовой поддержке большевиков в 1917 году // *International Affairs*, 1956. V. 32. № 2; *Germany and Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. London — New York — Toronto, 1958; Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М., 1990; Германия и революция в России. Документы из архивов министерства иностранных дел Германии. СПб., 1994; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001; Германия и революция в России. 1915—1918. Сборник документов. М., 2013.

⁴ Германия и революция в России. 1915—1918. Сборник документов. С. 6; Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 151.

⁵ Smele J. War and Revolution in Russia 1914—1921. — http://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwone/eastern_front_01.shtml

⁶ Wiegrefe K., Altenböner F., Bönisch G., Buschke H., Pyljow W., Zeller A. Revolutionär Seiner Majestät // *Der Spiegel*. 2007. № 50. S. 35.

⁷ Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 30—31.

⁸ Корнелюк Н. Русская революция стоила 60 миллионов немецких марок // Профиль. 14.03.2005.

Император Вильгельм II

большевиками от Германии до и после их прихода к власти, составляла 80 млн марок золотом⁹.

Эти колоссальные деньги позволили современной австрийской исследовательнице Э. Хереш, которая опубликовала документы о финансировании немцами большевиков, говорить о «купленной революции»¹⁰. В историографии ФРГ утверждается, что «без финансовой помощи кайзера Вильгельма II Ленину не было бы Октябрьской революции. Более того: без поддержки Германии большевики едва ли удержались бы у власти в первый, решающий год»¹¹.

Главным посредником между германскими властями и русскими революционерами в получении немецких денег был русско-германский социал-демократ, публицист, коммерсант и авантюрист д-р Гельфанд, известный под псевдонимом Парвус¹².

7 января 1915 г. Парвус заявил германскому послу в Турции Г. фон Вангенхайму: «Интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров. Российские демократы могут добить-

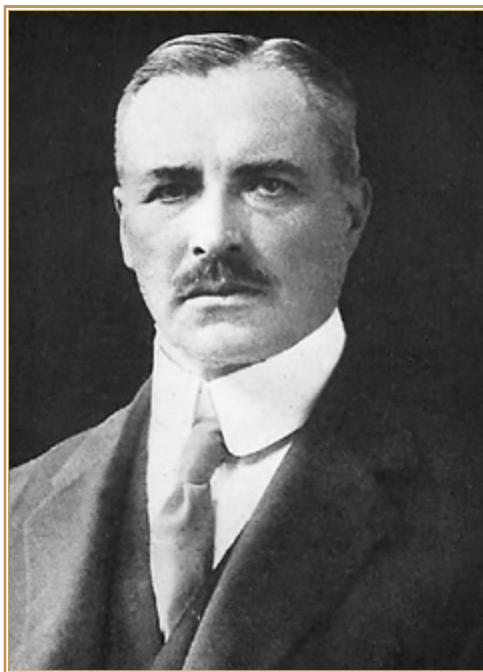
⁹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland. 1914–1918. Düsseldorf, 2013. S. 127, 176.

¹⁰ Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004.

¹¹ Wiegrefe K., Altenhöner F., Bönnisch G., Buschke H., Pyljow W., Zeller A. Op. cit. S. 34.

¹² Хавкин Б.Л. Родина задешево для «доктора слона» // Родина. 2008. № 6, 7.

Ганс фон Вангенхайм

ся своих целей только при условии полного разрушения самодержавия и разделения России на отдельные государства. С другой стороны, Германии не удастся добиться полного успеха, если в России не произойдет революция. Кроме того, даже в случае победы Германии Россия будет представлять для нее немалую опасность, если Российская империя не распадется на отдельные независимые государства»¹³.

На следующий день, 8 января 1915 г., Вангенхайм направил в Берлин в МИД Германии телеграмму с подробной информацией о беседе с Парвусом, выразил свое благожелательное отношение к его идеям и передал его просьбу лично представить в МИД выработанный план выведения России из войны посредством революции.

Вот фрагмент рукописи плана Парвуса, написанной в конце декабря 1914 г.: «1. Финансовая поддержка социал-демократической фракции большевиков, которая всеми имеющимися средствами продолжает вести борьбу против царского правительства... 5. Установление контактов с авторитетными деятелями русской социал-демократии и с русскими социал-революционерами в Швейцарии, Италии, Копенгагене, Стокгольме. Поддержка их усилий, направленных на немедленные и жесткие меры против царизма... 8. Организация конгрессов русских револю-

¹³ Germany and Revolution in Russia. P.1—2.

ционеров. 9. Влияние на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на позицию социалистической прессы и социалистических организаций в борьбе против царизма и за присоединение к центральным державам... 10. Снаряжение экспедиции в Сибирь со специальной целью: взорвать важнейшие железнодорожные мосты и тем самым воспрепятствовать транспортировке оружия из Америки в Россию. При этом экспедиция должна быть снабжена богатыми денежными средствами для организации переброски определенного числа политических ссыльных в центр страны. 11. Техническая подготовка к восстанию в России»¹⁴.

Парвус считал важнейшей задачей мирового пролетариата революцию в России и уничтожение царизма: «Если Россия не будет децентрализована и демократизирована — опасность грозит всему миру. А поскольку Германия несет главную тяжесть борьбы против московского империализма, то ... победа Германии — победа социализма». Таким образом, победа кайзеровского рейха в мировой войне станет следствием организованной с его помощью революции в России и победы социализма. Следовательно, «интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров»¹⁵.

Парвус просил правительство Германии (в середине марта 1915 г. он стал главным правительственным консультантом по вопросам русской революции) профинансировать свой план. 17 марта 1915 г. государственный секретарь МИД Германии Г. фон Ягов телеграфирует в имперское казначейство: «Для поддержки революционной пропаганды в России требуются два миллиона марок»¹⁶. Положительный ответ пришел через два дня.

Таким образом, «еще в 1915 году власти Германии... нашли пути для передачи финансовых средств большевикам-интернационалистам»¹⁷. Личные средства Парвуса служили прикрытием для «немецких денег», что до сих пор сбивает с толку исследователей финансовых механизмов русской революции.

Особо щекотливая тема — отношения Парвуса и Ленина. «Ленин нужен в России, чтобы Россия пала», — писал Парвус. В этом — вся суть отношения Парвуса к вождю большевиков. Они были знакомы еще до

¹⁴ Немецкий оригинал документа: РГАСПИ. Ф.299. Оп.1. Д.5. Л.1–13 об.

¹⁵ Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. С. 150, 156.

¹⁶ Germany and Revolution in Russia. P. 3; Корнелюк Н. Указ. соч.

¹⁷ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 112.

Готлиб фон Ягов

революции 1905 г.: вместе создавали газету «Искра». После того как Парвус получил от германских властей аванс в 2 млн марок, его первым намерением было поехать в Швейцарию к Ленину, чтобы включить его в свой план.

На прямой контакт с Парвусом Ленин не пошел, но канал связи с ним постоянно держал свободным. Они были нужны друг другу: Ленин в 1915 г. продолжал бредить идеей мировой революции. Парвус же предлагал для организации революции в России колоссальные деньги. Ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую — суть плод программы Парвуса. Только вышла, в конечном счете, сумма намного бóльшая.

В 1915 г. Парвус получил от МИДа и Генштаба Германии три транша: 1 млн марок, еще 1 млн рублей и 5 млн марок, которые глава немецкого МИДа фон Ягов выбил специально для «революционной агитации в России». Деньги для поддержки революции в России составляли немногим более 10% от суммы специального секретного фонда Германии¹⁸.

Можно ли предложение Парвуса Ленину считать вербовкой? В узком «шпионском» смысле этого слова — нет. Но в военно-политическом плане антироссийские цели кайзеровской Германии, «бизнесмена от революции»

¹⁸ Берштейн А., Карцев Д. Приезд революции. Время новостей. 3.IV.2007; Fischer K. Op. cit. S. 127.

К.Б. Радек

Парвуса и «революционного мечтателя» Ленина на этом этапе совпадали. Для Ленина как революционера-интернационалиста было вполне допустимо сотрудничать с Германской империей против империи Российской, непримиримым врагом которой он был. Проще говоря, большевикам было все равно, на чьи деньги делать революцию.

Однако не имевшие никакого понятия о мировой революции и большевизме германские власти, дав деньги Парвусу, открыли ящик Пандоры. Кайзеровские генералы и дипломаты обеспечивали выполнение плана Парвуса, в той части, в которой он соответствовал целям Германии по выводу России из войны. Но Парвус не был бы финансовым гением и политическим авантюристом мирового масштаба, если бы не играл свою собственную игру: революция в России была лишь первой частью его плана. За ней должна была последовать мировая революция. При этом «финансовые потоки» мировой революции сосредотачивались бы в руках Парвуса.

1915 и 1916 гг., несмотря на военные успехи кайзеровской армии, а также усилия Парвуса и «революционных пораженцев», не привели к победе Германии над Россией или перемирию между ними. 3 апреля 1917 г. Ленин из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию прибыл в Петроград. В этот же день казначейство Германии по распоряжению МИДа выделило Парвусу 5 млн марок на политические цели

Якуб Ганецкий (Я.С. Фюрстенберг)

в России¹⁹. Из Берлина Парвус отбыл в Стокгольм, где находился в постоянном контакте с членами заграничного бюро ЦК большевистской партии Радеком, Воровским и Фюрстенбергом-Ганецким. Через них шла перекачка германских денег в Россию, в большевистскую кассу. Ленин в письмах постоянно напоминал об этих деньгах.

Охранное отделение и контрразведка Петроградского военного округа расследовали пути финансирования большевиков немцами, использовавшими для этого каналы Парвуса²⁰. Против лидеров большевиков в июле 1917 г. было возбуждено уголовное дело по обвинению в государственной измене и организации вооруженного восстания при «денежной поддержке» Германии²¹.

Официальное сообщение прокурора Петроградской судебной палаты гласило: «В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента, и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Герма-

¹⁹ Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. С. 246.

²⁰ «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1, 2. М., 2004.

²¹ Следственное дело большевиков. Сборник документов. В 2 кн. М., 2012.

Я.Г. Блюмкин

нии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели»²².

После Октябрьского переворота 1917 г. за ликвидацию германского Восточного фронта (по ленинской терминологии, «революционный выход» России из войны²³) Германия была готова платить большевикам огромные деньги. «Денежным послом» кайзера Вильгельма II при правительстве Ленина стал граф Вильгельм фон Мирбах-Харф. 6 июля 1918 г. германский посол был убит левыми эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым в здании германского посольства в Москве. Цель убийства — сорвать подписанный 3 марта 1918 г. правительством Ленина Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, против которого выступали как противники большевиков, так и их союзники из революционного лагеря: левые эсеры, левые коммунисты, интернационалисты.

Причины убийства графа Мирбаха следует искать не только во внутриполитической ситуации в России в 1917–1918 гг., но и в развитии международных, в частности советско-германских, отношений. Эти отношения неуклонно затягивались в gordiev узел, разрубленный 6 июля

²² Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 8. М., 1998. С. 225–230; *Земан З., Шарлау У.* Кредит на революцию. С. 254–255.

²³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 27. Предисловие. С. XV.

Рихард фон Кюльман

1918 г. В 1918 г. Германия, проигрывая Первую мировую войну на Западе, выиграла ее на Востоке — доказательством тому стал Брестский мир. Сепаратный мир был нужен кайзеру Вильгельму II не меньше, чем Ленину. Статс-секретарь МИД Германии Р. фон Кюльман телеграфировал 3 декабря 1917 г. представителю внешнеполитического ведомства при ставке кайзера: «Заключение сепаратного мира означало бы достижение намеченной цели, а именно — разрыва между Россией и ее союзниками. Напряжение, которое непременно будет вызвано таким разрывом, определит степень зависимости России от Германии и ее будущие отношения с нами. Как только бывшие союзники бросят ее, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем оказать России помощь разными путями: во-первых, восстановив железные дороги... затем выдав ей значительную ссуду, необходимую для сохранения своего государственного механизма. Это может иметь форму аванса под обеспечение зерном, сырьем и т.д. и т.п. ... Помощь на такой основе — масштабы ее могут быть увеличены по мере необходимости — будет, на мой взгляд, способствовать сближению между обеими странами»²⁴. Телеграмма Вильгельма II пришла на следующий день: «Его Величество кайзер выразил согласие с соображениями Вашего высочества относительно быстрого сближения с Россией»²⁵. Одна-

²⁴ Германия и революция в России 1915—1918. Сборник документов. С. 186.

²⁵ Там же. С. 187.

ко германская военно-политическая элита, с помощью Брестского мира поддерживая власть русских большевиков, неминуемо приближала революцию в своей стране. По словам генерал-квартирмейстера кайзеровского Генерального штаба Э. Людендорфа, «мысль о революции, распространяемая неприятельской пропагандой, и большевизм нашли в Германии подготовленное состояние умов»²⁶.

Большевики же, разжигая в Германии очаг мировой революции²⁷, заключив сепаратный мир с Германией, помогали кайзеру удержаться у власти и продолжать войну на Западе. Ленин, тяготясь «похабным», «грабительским» и «кабальным» миром с германскими империалистами, вынужден был соблюдать его, так как судьба русской революции теперь зависела от германского кайзера, его военных и дипломатов.

Отчет Мирбаха о беседе с Лениным 16 мая 1918 г. — один из немногих документов, содержащий признание Лениным кризиса брестской политики²⁸. При этом Мирбах считал, что интересы Германии по-прежнему требуют ее ориентации на ленинское правительство, так как те силы, которые, возможно, сменят большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с территориями, отторгнутыми от России по Брестскому миру.

18 мая 1918 г., через два дня после встречи с Лениным, Мирбах в телеграмме в Берлин выражал озабоченность ситуацией в России и подчеркивал, что, по его оценке, потребуется разовая сумма в 40 млн марок, чтобы удержать Ленина у власти; еще через несколько дней, 3 июня, германский посол телеграфировал в имперское министерство иностранных дел, что кроме разовой суммы в 40 млн марок потребуется еще 3 млн марок ежемесячно, чтобы поддержать правительство Ленина²⁹.

²⁶ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2005. С. 357.

²⁷ Большевики помогали германской революции тайно, финансируя более десяти левых социал-демократических газет, распространяя в Германии антивоенную и антиправительственную литературу, отпечатанную в Советской России. Ленинским правительством был основан фонд в 10 млн руб., находившийся на попечении депутата рейхстага Оскара Кохна, а в самой Германии было закуплено на 100 тыс. марок оружие для организации восстания. Соболев Г.Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб., 2002. С. 364.

²⁸ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1968. № 1. S. 79–81. Сокращенный русский перевод см.: Документы германского посла в Москве Мирбаха. С предисловием и примечаниями С.М. Дабкиной. Вопросы истории. 1971. № 9. С.124.

²⁹ Хереш Э. Указ. соч. С. 330, 331.

Вильгельм фон Мирбах-Харфф

11 июня 1918 г. имперское казначейство выделило 40 млн марок «на запрашиваемые цели»³⁰. Однако ни Кюльман, ни Мирбах не были уверены, что с помощью немецких денег, помогших большевикам совершить государственный переворот в октябре 1917 г., Ленин сможет и впредь держаться у власти. «Из высказываний графа Мирбаха... следует, что на Вильгельмштрассе (улица в Берлине, на которой расположено министерство иностранных дел. — Б.Х.) ... поняли, что настоящее сотрудничество с советским правительством невозможно, что оно долго не продержится», — писал в своем дневнике 6 июня 1918 г., за месяц до убийства Мирбаха, К. фон Ботмер³¹.

25 июня 1918 г. в последнем письме Кюльману Мирбах подчеркивал, что он не может «поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у одра опасного больного... который обречен». Исходя из этого, посол предлагал заполнить «образовавшуюся пустоту» новыми «правительственными органами, которые мы будем держать наготове и которые будут целиком и полностью состоять у нас на службе»³².

³⁰ Политический архив министерства иностранных дел Германии, документ № A.S.2667 // Шиссер Г., Трауттман Й. Указ. соч. С. 244.

³¹ Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1996. С. 61.

³² Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. S. 94–95.

Однако министерство иностранных дел Германии продолжало занимать в этом вопросе более осторожную, чем верховное командование армии, позицию. 29 июня 1918 г. Мирбах получил директиву «впредь до новых распоряжений» продолжать в отношении большевистского правительства прежнюю линию «в духе министерства иностранных дел»³³.

История подготовки и осуществления чекистами покушения на Мирбаха подробно описана в литературе³⁴; важны последствия этого политического преступления.

Официальному Берлину после убийства графа Мирбаха представился случай отказаться от поддержки правительства Ленина. Хотя Германия и предъявила советскому правительству ультиматум, сил для возобновления войны против России у Вильгельма II не было. Более того, кайзер выступил против разрыва отношений с Россией и призвал «поддерживать большевиков при любых условиях».

Летом 1918 г. для большинства россиян, как свидетельствовали доклады германского посольства в Берлин, немцы выступали в качестве главной опоры существующего режима, падение которого означало бы удар по германскому влиянию в России³⁵.

Главным последствием убийства Мирбаха стал «экономический Брест». По «Русско-германскому финансовому соглашению, служащему добавлением дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой», подписанному 27 августа 1918 г. в Берлине, Советская Россия должна была выплатить Германии контрибуцию в 6 млрд золотых марок, осуществить значительные по объему поставки сырья, а также предоставить кредиты и концессии немецким фирмам³⁶. Первый транш весом в 43 860 кг чистого золота и 90 900 000 руб. кредитными билетами по соглашению должен быть отправлен не позднее 10 сентября 1918 г., четыре следующих транша — не позднее 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г. Каждый из этих траншей должен был включать по 50 675 кг чистого золота и по 113 635 000 руб. в кредитных билетах³⁷. Германское

³³ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. S. 72.

³⁴ Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014. С. 38–61; *его же*. Убийство графа Мирбаха // Дилетант. 2017. № 4. С. 62–66.

³⁵ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 31, 32.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 445–453.

³⁷ Ефимкин А.П. «Мы заплатили немецким империалистам золото...» История СССР. 1990. № 5. С. 147–151; Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 96–109; Соболев Г.А. Указ. соч. С. 362–363.

правительство, в свою очередь, обязалось не поддерживать в России белых и помогать большевикам в их борьбе против Антанты. Несмотря на тяжелейшее финансовое положение страны, советское правительство успело до ноября 1918 г. (поражения рейха в Первой мировой войне и революции в Германии) выплатить кайзеровскому правительству значительную часть этой суммы. В литературе приводятся такие данные: 93,5 т чистого золота, более 124 млн золотых рублей, около 680 млн золотых марок³⁸. В отчете по золотому фонду за 1918 г. указано, что «платеж Советской России Германии по Брестскому мирному договору составил 124 835 549 рублей 50 копеек золотом»³⁹.

«Экономический Брест» стал расплатой за немецкие деньги для русской революции и авансом за обещание немцев военной помощи большевикам в борьбе против Антанты⁴⁰. Но продолжался он недолго. 13 ноября 1918 г. связи с революцией в Германии ВЦИК торжественно заявил, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными»⁴¹.

Но русское золото в Россию не вернулось. По протоколу от 1 декабря 1918 г. проигравшая Первую мировую войну Германия передавала 93 т 542 кг «ленинского» золота Франции⁴². «Мы заплатили немецким империалистам золото, по условиям Брестского мира мы обязаны были это сделать. Теперь страны Антанты отнимают у них это золото — разбойник победитель отнимает у разбойника побежденного», — сказал об этом Ленин⁴³.

Но был еще один разбойник: большевики. Обычные разбойники грабят чужих; большевики же — свою страну. Если немецкую «помощь» русской революции оценить в 50 млн золотых марок (золотое содержание марки было равно 0,358425 г чистого золота⁴⁴), то это составляло 17,9 т золота.

³⁸ Петров Ю.А. Русские долги Германии в период Брестского мира. Экономическая история. Вып. 6. М., 2001. С. 110; История Германии. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 108.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 45.

⁴⁰ Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2009. С. 77.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 565.

⁴² Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 106.

⁴³ Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 13–14.

⁴⁴ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993.

Советская Россия по «экономическому Бресту» выплатила Германии 93,5 т золота. Таким образом, Россия в 1918 г. не только вернула «немецкие деньги», но и заплатила Германии еще 75,6 т золота — в 4,2 раза больше. Большевики ограбили Россию как минимум на эту сумму.

В связи с революцией в Германии туда устремился «финансовый поток» мировой революции, историк Ю.В. Готье 23 октября 1918 г. писал: «Для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия — на этот раз большевистская — решит судьбу мира»⁴⁵. Но вера большевиков в мировую революцию оказалась призрачной; это была вера в призрак коммунизма, который бродит по Европе.

---

⁴⁵ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 149.

REFERENCES

1. *Baumgart W.* Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April-Juni 1918. P. 94-95.
2. *Bershtejn A., Karcev D.* Priezd revoljucii // *Vremja novostej*, 3. IV. 2007.
3. *Botmer K.* fon. S grafom Mirbahom v Moskve. Dnevnikovye zapisi i dokumenty za period s 19 aprelja po 24 avgusta 1918 g. M., 1996.
4. *Bunich I.* Zoloto partii. SPb, 1992. 320 P.
5. Dokumenty germanskogo posla v Moskve Mirbaha. S predisloviem i primechanijami S.M. Drabkinov // *Voprosy istorii*, 1971, №9. P.124.
6. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 1. M., 1959. P. 445–453.
7. *Efimkin A.P.* My zaplatili nemeckim imperialistam zoloto...// *Istorija SSSR*, 1990, № 5. P. 147-151.
8. *Fel'shtinskij Ju.G.* Vozhdi v zakone. M., 1999. 384 P.
9. *Fengler H., Girou G., Unger V.* Slovar' numizmata. M., 1993. 418 P.
10. *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland. 1914–1918. Düsseldorf. 2013. 574 P.
11. Germany and Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London - New York - Toronto, 1958.
12. Germanija i revoljucija v Rossii. Dokumenty iz arhivov ministerstva inostrannyh del Germanii. SPb., 1994.
13. Germanija i revoljucija v Rossii. 1915-1918. Sbornik dokumentov. M., 2013. 580 P.
14. *Got'e Ju.V.* Moi zametki // *Voprosy istorii*. 1991. №12. P. 149.
15. *Hal'veg V.* Vozvrashhenie Lenina v Rossiju v 1917 g. M., 1990. 248 P.
16. *Hereshe Je.* Kuplennaja revoljucija. Tajnoe delo Parvusa. M., 2004. 384 P.
17. *Istorija Germanii.* Kemerovo, 2005, t.2. P. 108.
18. *Jakovlev A.N.* Sumerki. M., 2003. 672 P.
19. *Katkov G.* Dokumenty ministerstva inostrannyh del Germanii o finansovoj podderzhke bol'shevikov v 1917 godu. // *International Affairs*, 1956. v.32, №2.
20. *Khavkin B.L.* Rodina zadeshevo dlja "doktora slona"// *Rodina*, 2008, № 6, 7.
21. *Khavkin B.L.* Rossija i Germanija: 1900-1945. Spletenie istorii. M., 2014. 423 P.
22. *Khavkin B.L.* Ubijstvo grafa Mirbaha // *Diletant*. 2017. №4. P. 62-66.
23. *Klark R.* Lenin. Chelovek bez maski. M., 1989.

24. Korneljuk N. Russkaja revoljucija stoila 60 millionov nemeckih marok // Profil', 14.03.2005.
25. Lenin V.I. Polnogo Sobranija Sochinenij. T. 27. Predislovie. P. XV.
26. Ljudendorf Je. Moi vospominanija o vojne 1914–1918 gg. M., 2005. 357 p.
27. Ljuks L. Istorija Rossii i Sovetskogo Sojuza ot Lenina do El'cina. M., 2009. 527 p.
28. Mel'gunov S.P. Kak bol'sheviki zahvatili vlast'. M., 2005. 656 p.
29. Mel'gunov S.P. Zolotoj nemeckij kljuch bol'shevikov. Parizh, 1940. 160 p.
30. «Ohranka». Vospominanija rukovoditelej politicheskogo syska. T.1, 2. M., 2004.
31. Petrov Ju.A. Russkie dolgi Germanii v period Brestskogo mira // Jekonomicheskaja istorija. Vyp. 6. M., 2001. P. 110.
32. Politicheskij arhiv ministerstva inostrannyh del Germanii, dokument № A.S.2667 // Shisser G., Traupman J. Ukaz. soch. P. 244.
33. Shisser G., Traupman J. Russkaja ruletk. Nemeckie den'gi dlja russoj revoljucii. M., 2004. 256 p.
34. Sirotkin V.G. Zarubezhnoe zoloto Rossii. M., 1999. 488 p.
35. Sledstvennoe delo bol'shevikov. Sbornik dokumentov: v 2 kn. M., 2012.
36. Sobolev G.L. Russkaja revoljucija i «nemeckoe zoloto». SPb., 2002. 364 p.
37. Tajna Oktjabr'skogo perevorota. Lenin i nemecko-bol'shevistskij zagovor. Dokumenty, stat'i, vospominanija. SPb., 2001. 410 p.
38. Trockij L.D. Istorija russoj revoljucii. T.2. Ch.1. M., 1997. 317 p.
39. Vatlin A.Ju. Germanija v XX veke. M., 2002. 336 p.
40. Wiegrefe K., Altenhöner F., Bönisch G., Buschke H., Pyljow W., Zeller A. Revolutionär Seiner Majestät // Der Spiegel. 2007. № 50. P. 35.
41. Zeman Z., Sharlau U. Kredit na revoljuciju. Plan Parvusa. 2007. 319 p.

Ключевые слова:

Русская революция 1917 г., немецкие деньги, «экономический Брест», Ленин, Парвус, Мирбах.

Boris L. Khavkin

MONEY TRANSIT OF THE REVOLUTION: GERMANY — RUSSIA, RUSSIA — GERMANY. 1914—1918

The author addresses the issue of «German money» for the Russian revolution and traces the main «financial streams» from Germany to Russia and from Russia to Germany in 1914—1918.

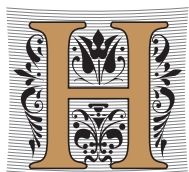
 Хавкин Борис Львович

доктор исторических наук, профессор факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ

И.В. Крючков

ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАТАКЛИЗМА (ФЕВРАЛЬ—НОЯБРЬ 1917 Г.)

Начало 1917 г. не предвещало в России коренных изменений. Положение пленных на Ставрополье в начале года также не претерпело принципиальных изменений. В январе 1917 г. в губернии находилось около 16 тыс. пленных, в том числе 385 чел. (328 из Австро-Венгрии, 33 из Османской империи, 24 из Германии) в самом Ставрополе. К 14 марта численность пленных в городе сократилась до 375 чел. (321 чел. из Австро-Венгрии, 30 из Османской империи, 24 из Германии)¹. Основная масса пленных в Ставрополе трудилась на заготовке дров (243 чел.), на дорожных работах (54 чел.) и в ассенизационном обозе (25 чел.) и т.д. Из городских учреждений больше всего пленных находилось при Ставропольской городской психиатрической больнице им. Императора Александра III (30 чел.)².

Уезды губернии готовились к рутинной процедуре оформления новых заявок на получение пленных в связи с приближением весеннего сева и уборки урожая. К пленным на Ставрополье за два года местное население

¹ Государственный архив Ставропольского края — далее — ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 193.

² ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 606. Л. 29.

привыкло, пленные уже не являлись «чуждой диковинкой». Сами пленные адаптировались к условиям проживания в губернии. Это привело к тому, что в конце 1916 г. группа жителей Галиции и Буковины приняла решение переехать в губернию к своим родным, оказавшимся в плену на Ставрополье, с последующим принятием российского подданства. Однако Петроград после некоторых колебаний отклонил данные обращения³. Одновременно многие пленные, находившиеся в плену на Ставрополье, через Красный Крест связались со своими семьями, проживавшими в районах Буковины и Галиции, занятых российскими войсками. Они обратились с просьбами, чтобы им разрешили посетить свои семьи, но им отказывается в таком праве⁴.

Кроме этого, власти Ставрополя в начале 1917 г. столкнулись еще с двумя видами прошений. Они были и раньше, но теперь их численность явно увеличилась. Пленные русины стали подавать прошения о принятии российского подданства. Однако им было объявлено, что их заявки могут быть удовлетворены только после окончания войны⁵. В это же время возрастает число заявлений о вступлении в брак пленных с местными женщинами. Такие прошения, как правило, удовлетворялись. Среди новобрачных пленных преобладали русины. Поэтому обряд бракосочетания не встречал возражений со стороны православной церкви.

Внимание властей губернии в начале года привлекло несоблюдение льгот, предоставленных славянским военнопленным, по отношению к полякам. В некоторых волостях польские пленные приравнивались к статусу германцев, венгров и австро-немцев в нарушение закона. Губернатор предписал всем инстанциям четко соблюдать права польских военнопленных⁶.

Хорошей новостью для военнопленных из Австро-Венгрии становится сообщение о договоренности почтовых служб России и Австро-Венгрии об упрощении процедуры переписки военнопленных между двумя странами. Кстати, интересы военнопленных на Ставрополье, как и по России в целом до лета 1917 г. защищало посольство США. Оно принимало жалобы пленных на условия содержания, на нерегулярность получения корреспонденции и денежных переводов. После вступления в войну США военнопленные на Ставрополье предупреждались, что теперь их интересы будет защищать посольство Швеции в России⁷.

³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 159.

⁴ ГАСК. Ф. 101. Оп. 3. Д. 193. Л. 159.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 160.

⁷ Там же. Л. 220.

Работа с архивными материалами показывает, что военнопленные стран Четверного союза на Ставрополье получали помощь с родины очень редко. Причины этого явления заключались не столько в плохой работе почты России, сколько в отсутствии данной помощи как таковой. Население Германии и Австро-Венгрии пассивно реагировало на призывы своих военнопленных. С одной стороны, это объясняется тяжелым экономическим положением центральноевропейских империй, приведшим к полному обнищанию рядовых жителей, поэтому они зачастую были не в состоянии помочь своим военнопленным. С другой стороны, действовал принцип, что любая помощь пленным может способствовать успеху врага, который будет меньше тратить на содержание военнопленных, плюс в Германии и Австро-Венгрии ходили устойчивые слухи о том, что помощь для военнопленных в России просто не доходит до адресата и разворовывается российскими чиновниками.

В феврале 1917 г. вносится ряд изменений в положение о труде военнопленных на Ставрополье. Прежде всего, разрешается работа пленных на огородах Ставрополя⁸. Жители города постоянно возмущались, почему власти отказывались предоставить их подсобным хозяйствам статус сельскохозяйственных предприятий, которые могли применять труд пленных. Горожане, разумеется, при каждом удобном случае стремились нелегально использовать пленных для работ в огородах. Поэтому данный шаг властей являлся вполне оправданным. Тем более в условиях обострения в губернии продовольственного кризиса и начала перебоев с поставками продовольствия из села в город огороды горожан начинают приобретать важное значение для снабжения Ставрополя продовольствием. Еще одним новшеством становится разрешение использования труда младших унтер-офицеров⁹. До этого в губернии по данному поводу шла острая дискуссия. Некоторые уезды относили их к офицерскому составу, поэтому труд младших унтер-офицеров запрещался. В других, наоборот, унтер-офицеров, как не принадлежавших к офицерскому составу, задействовали на сельскохозяйственных работах.

В январе 1917 г. возникли проблемы с содержанием военнопленных у Ставропольской городской земской управы. Санитарный врач Ставрополя провел обследование городского манежа, где содержались военнопленные. Врач сделал неутешительный вывод. По его мнению, пленных в манеже находилось слишком много. Он потребовал сократить число пленных в манеже,

⁸ Там же. Л. 179.

⁹ Там же. Л. 185.

Пленные немецкие пехотинцы. Фото времен Первой мировой войны

для достижения утвержденных санитарных норм содержания людей в помещениях. Таким образом, в манеже могло проживать не более 60—70 пленных¹⁰. После этого земская управа принимает решение построить для пленных еще один барак, его сметная стоимость оценивалась в 8500 руб. В барак планировалось перевести часть пленных из манежа¹¹.

Итоги проверки манежа санитарным врачом и донесения полицмейстера города выявили еще одну проблему. Выяснилось, что некоторые пленные из ближайших к городу сел сбежали от своих хозяев, поселившись незаконно в городском манеже¹². Им было скучно зимой в селах, а жизнь в манеже среди остальных пленных отличалась большим разнообразием по сравнению с монотонной жизнью в селе в зимний период. К тому же эти побегι отчасти связывались с ухудшением содержания пленных у некоторых крестьян в связи со сложными экономическими условиями зимы 1916/17 г.

Рост цен на продовольствие сказывался не только на местных жителях, но и на военнопленных. Инфляция съедала их кормовые деньги и зарплату. Пленные в начале 1917 г. все чаще начинают требовать повышения оплаты труда и суточного довольствия. В ряде случаев пленные от слов

¹⁰ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3009. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 5—6.

¹² ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 170.

переходили к реальным действиям. Так, пленные, строившие детский дом в Ставрополе, объявили забастовку, так как власти до этого оставили без ответа их требования. Пленные просили повысить им зарплату с 5 до 10—15 руб. на том основании, что, по их сведениям, пленные, работавшие при городской управе, получали именно такую зарплату¹³. Власти отказались выполнить их требования даже после начала забастовки, ссылаясь на то, что такую зарплату получают только высококвалифицированные специалисты в зависимости от производительности труда. Однако власти не могли полностью не реагировать на требования пленных, тем более стоимость жизни в губернии неуклонно росла. Поэтому с 14 февраля 1917 г. продовольственное (кормовое) довольствие пленных в Ставрополе повышалось с 40 до 45 коп. в день¹⁴. В сельской местности кормовые выплаты устанавливались на 10 коп. ниже. Правда, у некоторых учреждений таких денег не оказалось, и они обратились за помощью в городскую земскую управу. Росли недоимки по выплате средств за использование труда военнопленных, в частности, городская психиатрическая больница задолжала весной 1917 г. 813 руб. 41 коп.¹⁵

Несмотря на нарастание социально-экономических проблем в губернии смертность среди пленных оставалась очень низкой. За период с апреля 1916 г. по апрель 1917 г. в Ставрополе умер (27 апреля 1916 г.) всего один военнопленный Стефан Мучи, уроженец г. Сегед (Венгрия), солдат 5-го гонведского полка, он был похоронен со всеми полагающимися почестями на военном кладбище города¹⁶. За 1915—1917 гг. по Ставропольскому уезду умерло 44 военнопленных, что было значительно ниже общероссийских показателей.

Известие об отречении Николая II от власти явилось полной неожиданностью для жителей Ставропольской губернии. Падение империи не затронуло, по крайней мере, с точки зрения регулирования правового статуса жизнь военнопленных, но водоворот событий, поглотивший Россию, не мог не сказаться на военнопленных. Единственным серьезным изменением правового статуса военнопленных становится их переподчинение в апреле 1917 г. местным Продовольственным комитетам. На этот счет министр земледелия отправил в регионы специальную телеграмму от 22 апреля 1917 г.

¹³ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.

¹⁴ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 163.

¹⁵ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 135. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 186.

Привал пленных австрийцев. Фото времен Первой мировой войны

После свержения монархии в российских правящих кругах начинают меняться подходы к решению польского вопроса. Германия и Австро-Венгрия в данном плане также предпринимали активные усилия. К тому же Временное правительство не могло не учитывать мнение поляков, подданных России, требовавших улучшения положения польских военнопленных.

Согласно «Правилам, устанавливавшим особые льготы для военнопленных поляков» от 13 июля 1917 г. они наделялись рядом существенных прав. Пленные получили право выбирать лиц, ответственных за переговоры с российскими властями, уполномоченных, следившими за отправкой и получением корреспонденции, кашевары для поляков назначались только из их числа, медицинский персонал по возможности также комплектовался из военнопленных. Полякам предоставлялось право свободного общения между собой на родном языке и ведения переписки на нем с польскими учреждениями и организациями России¹⁷.

Польские военнопленные имели определенную свободу передвижения, они могли беспрепятственно закупать на рынке необходимое продовольствие, свободно посещать костелы и родственников по ходатайству польских организаций России¹⁸. Кроме этого, пленные могли работать по специальности в польских организациях. Инвалиды, больные и офицеры

¹⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 305–306.

¹⁸ В 1917 г. права посещения ставропольской синагоги получили военнопленные евреи.

наделялись правом проживания на частных квартирах. Польские пленные получили право свободного доступа к российским изданиям на польском языке, кроме этого, поляки имели возможность создавать собственные библиотеки. Польским военнопленным разрешалось организовывать кассы взаимопомощи¹⁹.

Весной 1917 г. начались традиционные заботы, связанные с оформлением заявок на получение пленных и приемом новых партий военнопленных. Первые известия о распределении пленных не предвещали ничего хорошего Ставропольской губернии. Временное правительство объявило о том, что приоритет при распределении пленных отдается промышленным предприятиям, связанным с обслуживанием нужд армии, и что сельское хозяйство будет пополняться за счет пленных, выпущенных из госпиталей и высвобожденных из других секторов народного хозяйства²⁰. Летом правительство доводит до сведения своих комиссаров в губерниях информацию, что большую часть пленных, выделенных для сельского хозяйства, получит Юго-Западный край, где ожидался хороший урожай²¹.

Несмотря на это, на Ставрополье весной 1917 г. начинают прибывать новые партии военнопленных. Из Саратовской губернии в Святой Крест (совр. г. Буденновск) привозится партия пленных в количестве 150 чел., в Медвеженский уезд партия пленных из Бугуруслана в количестве 114 чел., в Александровский уезд 145 пленных армии Османской империи и т.д.²² Только Ставропольский уезд в течение первого квартала принял дополнительно 1908 чел., все они были турецкими военнопленными²³. К лету 1917 г. количество пленных на территории губернии приблизилось к 22 тыс. чел., из них 5013 чел. находились в Ставропольском и 4715 чел. в Благодарненском уездах²⁴. Уезды традиционно жаловались на нехватку пленных. Благодарненский уезд весной подал заявку на получение 2000 пленных, ему эту норму срезали до 500 чел., к большому недовольству уездных властей²⁵.

Свержение самодержавия и смена властей на уровне Ставропольской губернии не снизили накал противоречий между уездами при распреде-

¹⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 306.

²⁰ Там же. Л. 189.

²¹ Там же. Л. 251.

²² ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 606. Л. 17–22.

²³ Там же. Л. 51.

²⁴ Там же. Л. 58, 67.

²⁵ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 222. Л. 9.

лении военнопленных в регионе. Состоявшееся 20 июня 1917 г. Собрание представителей волостных Продовольственных комитетов высказало свои пожелания по проблеме распределения военнопленных. Во-первых, предлагалось существенно сократить численность военнопленных, выделяемых для Ставропольского уезда, на том основании, что уезд вполне мог использовать труд солдат ставропольского гарнизона и дружин учащихся учебных заведений города. Во-вторых, предлагалось отобрать практически всех военнопленных у калмыков, у которых, по мнению участников собрания, военнопленные не занимались сельскохозяйственным трудом. В-третьих, по всей губернии планировалось установить одинаковую оплату труда военнопленных с 14 июня по 14 октября из расчета 15 руб. в месяц, из них 10 руб. выдавались на руки военнопленным, а 5 руб. перечислялись Продовольственным комитетам. В-четвертых, крупные арендаторы и землевладельцы должны были в месяц платить за использование военнопленных по 30 руб., из них 10 руб. выдавались военнопленным, 5 руб. перечислялись Продовольственным комитетам, а 15 руб. поступали в специальный фонд по оказанию помощи семьям, особо пострадавшим в годы войны²⁶. Правда, что это будет за фонд и кто будет из него получать помощь, было непонятно, и тем более не было ясно, почему данный фонд должен был формироваться за счет отчислений за использование труда военнопленных. Решение собрания носило популистский характер. Поэтому его резолюция оказалась отвергнутой губернскими властями. Ставропольский уезд в условиях набирающей силу анархии практически не мог рассчитывать на помощь солдат городского гарнизона и тем более учащихся. Все разговоры о нецелевом использовании труда пленных калмыками соответствовали действительности только отчасти и они во многом отражали предвзятое отношение местных крестьян к инородцам. Попытка ввести единые критерии оплаты труда военнопленных в условиях анархии лета — осени 1917 г. обрекались на провал. Административные методы регулирования оплаты труда уже не могли действовать эффективно. Все разговоры об обложении крупных землевладельцев и арендаторов дополнительными поборами свидетельствовали о развитии эгалитаристских и антикапиталистических настроений среди части ставропольских крестьян, и Временное правительство, разумеется, не могло пойти на эти абсурдные предложения.

В мае 1917 г. утверждаются новые нормативы организации питания пленных. Ежедневная продовольственная корзина пленного в губернии

²⁶ ГАСК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–25 об.

оценивалась в среднем в 42 коп.²⁷ Летом расценки вновь увеличиваются. Однако инфляция в России набирала обороты, обесценивая скромные доходы пленных. Продовольственный кризис привел к тому, что некоторые категории пленных в Ставрополе стали получать продовольственные карточки²⁸. Экономическая дестабилизация заставила пленных не надеяться на власти, а взять решение собственных проблем в свои руки. Чтобы сэкономить на разнице цен, пленные заранее в августе стали закупать картофель и другие продукты на зиму, опасаясь, что осенью они этого не смогут сделать из-за полного исчезновения продуктов с рынков губернии или из-за их дороговизны²⁹. Повсеместно военнопленные создают кассы взаимопомощи и «общие котлы».

Губернские, уездные и городские органы власти оказались завалены прошениями об увеличении кормовых и жалованья, так как 45–60 коп. не хватало для пропитания пленных. Многие ставропольские чиновники прекрасно понимали сложность положения пленных, подчеркивая в отчетах обоснованность многих их требований. В Ставрополе пленные стали просить, чтобы их перевели в сельскую местность, где положение с продовольствием обстояло значительно лучше³⁰. Зачастую не дожидаясь официального ответа, они сами уходили в сельскую местность. В селах пленные самовольно переходили от одного хозяина к другому, туда, где платили больше и лучше кормили. Об этом докладывал милиционер села Алексеевского. По его данным, некоторые крестьяне оказались не в состоянии платить пленным нормальную зарплату, поэтому они уходили к тем, кто платил больше³¹. Волна самовольных переходов буквально захлестнула губернию летом—осенью 1917 г.

Летом Ставрополь сталкивается с волной забастовок пленных, главным требованием бастующих являлось увеличение кормовых и жалованья. В августе 1917 г. объявили забастовку пленные, работавшие на погрузке хлеба. Они отказались работать, если им не заплатят по 1 руб. дополнительно за каждый загруженный вагон. Все они подвергаются аресту с последующим возвратом на место прежней работы, но это не решило проблему. Пленные стали самовольно уходить с тех мест работы, где им мало платили, среди таких объектов оказался городской музей, который не мог платить пленным высокое жалованье³².

²⁷ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 220.

²⁸ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 262. Л. 11–12.

²⁹ ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 135. Л. 55.

³⁰ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3150. Л. 224.

³¹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 3. Д. 193. Л. 64.

³² Там же. Л. 324.

Русский солдат утоляет жажду раненого австрийца. Фото времен Первой мировой войны

Паралич власти и полная дезорганизация существовавшей системы контроля над военнопленными ведут к снижению эффективности использования их труда. Весной—летом 1917 г. Ставропольская губерния столкнулась с массовым отказом пленных от выполнения работ³³. Всю тяжесть ситуации осознавали и в Петрограде. 13 июля в Ставрополь пришло письмо, где от местных властей потребовали принять все меры для борьбы с туеядством среди пленных. В этом Временное правительство усматривало одну из главных угроз революционной России³⁴. Но одновременно правительство подчеркивало, что нельзя допустить ухудшения положения пленных в стране³⁵.

Новым явлением в жизни военнопленных стал нарастающий вал побегов за пределы губернии. Особенно массовый характер побегі приобрели в октябре—ноябре 1917 г.³⁶ Основная часть сбежавших со Ставрополя пленных уходила в сторону Кубанской области, часть из них пробиравась к портам Черного и Азовского морей, часть в сторону Украины и Центральной России. Только к лету 1917 г. сбежало или не было известно местонахождение по Ставропольскому уезду 119 чел.³⁷

³³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 199.

³⁴ Там же. Л. 251.

³⁵ Там же. Л. 252.

³⁶ Там же. Л. 303.

³⁷ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 606. Л. 58.

Практически везде падение дисциплины и контроля вело к нецелевому использованию труда пленных. Они в массовом порядке работали кучерами, прислужой, продавцами, садовниками и т.д. Временное правительство издавало грозные циркуляры, требовавшие от местных властей изъятия всех пленных, работающих не по прямому назначению, но эти обращения никто не собирался выполнять³⁸.

Пленные все чаще совершали административные проступки. В частности, пленные в 1917 г. не раз обвинялись в безбилетном проезде в общественном транспорте, несмотря на то, что за этот проступок их ждал двухдневный арест. Не раз пленные вступали в конфликты с местным населением. Вершиной данной анархии стал бунт турецких пленных, работавших на строительстве Армави́ро-Туапсинской железной дороги в районе станции Недреманная, произошедший 24 апреля. Бунт быстро подавили после привлечения воинских частей, в результате 42 пленных арестовали³⁹.

В данных условиях власти Ставропольской губернии и земство летом 1917 г. теряют контроль над ситуацией. Большинство распоряжений Ставрополя и тем более Петрограда местные жители и пленные просто игнорировали. Например, Ставропольский губернский комиссар обвинил Комитет общественной безопасности села Безопасного в самоуправстве при распределении пленных и контроле над ними. Комиссар просил местный сельский сход принять против Комитета соответствующие меры и навести порядок в использовании труда пленных. Вместо этого сельский сход в начале сентября полностью одобрил действия Комитета⁴⁰. И такие случаи принимают массовый характер.

Волости начинают вырабатывать собственные правила использования труда военнопленных, расходившиеся с общероссийским законодательством. Сельский сход жителей села Степновского постановил: «...от семейств, у которых имеется дома мужская рабочая сила, всех военнопленных отобрать...» и предать их семьям, не имевших мужчин, если в течение трех дней это решение не выполнялось, на его нарушителей накладывался штраф в 500 руб.⁴¹

Серьезные злоупотребления допускались в Отделе военнопленных Всероссийского Земского союза. Уже в марте 1918 г. Революционная комиссия Уездного исполнительного комитета проверила деятельность заведую-

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 3. Д. 193. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Л. 53–54.

⁴¹ Там же. Л. 29.

щего отделом Оржеховского. Выяснилось, что он, пользуясь смутой и полной бесконтрольностью, получил с 1 сентября 1917 г. по 20 марта 1918 г. от частных лиц 1349 руб. 05 коп. за использование труда пленных и присвоил эти деньги⁴². Его предшественник на данном посту был уличен в серьезных махинациях при закупке продовольствия для пленных и распределении финансовых средств. Комиссия выявила полный беспорядок в ведении документации и расходовании средств после свержения монархии, особенно с лета 1917 г.

Падение дисциплины военнопленных и ослабление контроля над ними стали приводить к появлению среди пленных своеобразной элиты. По данным властей, некоторые из них смогли разбогатеть, имея довольно крупные суммы денег. Они покупали себе дорогую одежду, обувь, ведя роскошный по местным меркам образ жизни⁴³.

В июле 1917 г. из Петрограда в губернию пришло письмо, где говорилось, что Германия и Австро-Венгрия возвращают России больше инвалидов. По мнению правительства, данное обстоятельство связывалось с высокой смертностью пленных инвалидов в России и незаконным их привлечением к труду. Поэтому земские врачи, а там, где их не имелось, врачи других категорий получали право определять инвалидность пленных и результаты заключения врачей подлежали к исполнению всеми органами власти⁴⁴. Помимо этого, ставропольским властям предписывалось срочно выявить на своей территории инвалидов, которых можно было обменять на российских военнопленных — инвалидов.

После свержения монархии процесс формирования национальных частей из военнопленных в России ускорился. В начале июля в губернию поступает предписание о снятии с работы всех румынских военнопленных для последующей их передачи Румынии⁴⁵. Однако из Ставропольской губернии в лагеря для военнопленных к 1 октября 1917 г. не поступило ни одного военнопленного румына. Петроград требовал от Ставрополя ускорить отправку румын из губернии, а тех, кто препятствовал их передаче Бухаресту, наказать. Ставропольские власти уведомили правительство, что в губернии никто не чинил препятствий для отъезда румынских военнопленных, по крайней мере, такие случаи не были зарегистрированы⁴⁶. Румынские военнопленные отказывались сами уезжать из губернии. Все

⁴² ГАСК. Ф. 314. Оп. 1. Д. 167. Л. 10.

⁴³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 583. Л. 299.

⁴⁴ Там же. Л. 240.

⁴⁵ Там же. Л. 223.

⁴⁶ Там же. Л. 293.

они в основном имели на Ставрополье нормальные условия жизни, а самое главное — продовольствие. Им взамен предлагали перебраться в лагеря для военнопленных, где неизвестно, как бы их содержали, и более того, они подлежали последующей передаче румынскому правительству. Пленные опасались и не без оснований, что правительство Румынии их вновь отправит на войну, а пленные этого явно не хотели.

Кроме этого, следует учитывать еще два обстоятельства. С одной стороны, пленные румыны являлись подданными империи Габсбургов, поэтому для многих из них понятие долга и присяги имело веское основание для отказа служить в румынской армии. С другой стороны, у пленных не было уверенности в успехе в войне Антанты, тем более они видели, как разваливается Россия. Поэтому никто из пленных под завершение войны не хотел оказаться в категории предателей. Власти подозревали, что на пленных румын могли «дурное» влияние оказывать пленные из Германии, а также австро-немцы и венгры. Отсюда они потребовали изолировать румын от представителей этих национальностей⁴⁷. Только в ноябре в Благодарненском уезде нашлось 18 пленных румын, изъявивших желание вступить в ряды румынской армии⁴⁸.

Затем из Петрограда поступило распоряжение об изъятии пленных эльзасцев и их направлении в Сергиев Посад для последующей передачи французским властям⁴⁹. Сербское правительство обратилось к югославянским военнопленным с призывом записываться добровольцами в сербскую армию.

Самую активную деятельность на Ставрополье развернули представители Чехо-Словацкого Национального Совета. Чехи и словаки весной довольно инертно относились к призывам ЧСНС. Поток отбывающих со Ставрополя пленных чехов и словаков постепенно увеличивается к осени, чем нестабильнее становилась ситуация в России, тем больше пленных стремилось покинуть ее пределы или войти в состав национальных вооруженных сил. Только по Александровскому уезду представитель ЧСНС в ноябре собрал 19 чехов и словаков, выразивших желание служить в Чехословацком корпусе⁵⁰. Пленных из Ставрополя отправляли в Борисполь, где формировался Чехословацкий корпус.

Кроме этого, к снятию с работ подлежали пленные по просьбе Красного Креста. Так, по запросу Австрийского Красного Креста из села Сергеевского

⁴⁷ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3171. Л. 56.

⁴⁸ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 6. Л. 325.

⁴⁹ Там же. Л. 230.

⁵⁰ Там же. Л. 292.

Турецкие военнопленные. Фото времен Первой мировой войны

отправляется в Московскую губернию студент — философ Э. Дюрхамер⁵¹. Это правило распространяется и на других представителей интеллигенции.

Отток военнопленных наносил большой удар по экономике губернии, усугубляя нехватку рабочих рук в регионе. Более того, губерния теряла высококвалифицированных специалистов. Так, в селе Александровском инженер-архитектор Бек Ф., венгерский военнопленный, руководил строительством крупной вальцевой мельницы. После его отъезда стройка, имевшая важное значение для села, приостанавливается⁵². К тому же доставка пленных со Ставрополя в другие регионы страны оплачивалась за счет местного земства и владельцев пленных, что тоже не могло вызвать восторга у ставропольчан.

Компенсировать потери губернии осенью 1917 г. пытались за счет поставки военнопленных турок, но их количество было незначительно. В сентябре 1917 г. в губернию прибыло всего 22 пленных. Турецкие пленные уступали по многим параметрам пленным из других стран, и это тоже осложняло ситуацию.

Осенью 1917 г. некоторые турецкие военнопленные получили разрешение вернуться в районы Османской империи, занятые российской армией. Правда, вскоре Штаб Кавказской армии исключил из этого списка Эрзе-

⁵¹ Там же. Л. 222.

⁵² Там же. Л. 227.

рум на том основании, что город сильно пострадал во время ведения боевых действий и в результате чего в нем возник острый дефицит жилья⁵³. Осенью подданные Османской империи, депортированные из Карской губернии в 1914—1915 гг. на Ставрополье, также просят вернуть их на родину.

Осенью в Ставрополе заканчиваются запасы белья и одежды для пленных, что еще больше обострило их положение. Городской агроном докладывал в октябре, что многие пленные не имели теплой одежды и обуви, что делало невозможным использование их труда, людей приходилось держать в помещении и не выводить на улицу. Городской ветеринарный врач в ноябре докладывал о необходимости срочной закупки теплых вещей для 18 пленных, работавших на городских бойнях. Такого рода просьбы и требования поступали от многих должностных лиц. Ухудшение питания и содержания пленных привело к увеличению их смертности. В Ставрополе с мая по август умерло 4 чел.

Власти пытались улучшить положение пленных, но у них для этого не имелось в достаточном количестве ресурсов. Городская управа 14 ноября приняла решение о приобретении для пленных 500 пар ботинок, 37 полушубков, 100 шапок и 350 пар рукавиц⁵⁴. В принципе это могло поправить положение дел. На 14 декабря 1917 г. в городе находилось 334 военнопленных (200 венгров, 22 австро-немца, 12 чехов, 12 поляков, 11 румын, 5 словаков, 5 русин, 2 еврея, 24 германца и 41 турок)⁵⁵. Однако сразу возникла проблема: где все это в условиях дефицита можно было закупить? Городским службам пришлось проявить завидное упорство, чтобы приобрести хотя бы часть из намеченного. В сельской местности осенью 1917 г. пленные, сталкиваясь с дефицитом товаров первой необходимости, в целом получали хорошее питание.

Таким образом, в начале 1917 г. не отмечалось серьезных изменений в положении военнопленных на территории Ставропольской губернии. В то же время в Ставрополе и в некоторых селах возникли первые проблемы с их содержанием, но они носили локальный характер. После свержения монархии в положении военнопленных происходят значительные перемены. Во многих районах губернии ухудшаются условия их содержания, падает трудовая дисциплина пленных, увеличивается поток пленных, пытающихся покинуть губернию. Она теряет для них привлекательность, как регион, где они могли спокойно и относительно в нормальных условиях дожидаться

⁵³ Там же. Л. 309.

⁵⁴ Там же. Л. 358.

⁵⁵ Там же. Л. 389.

окончания войны. Именно данное обстоятельство приводит к увеличению количества пленных, записывавшихся добровольцами в армии Румынии, Сербии и в Чехословацкий корпус. В среде пленных разрушаются традиционные формы организации, основанные на принадлежности к той или иной империи, воинской части и т.д. Они активно впитывают революционную идеологию и дух неповиновения властям, что многие из них принесли с собой при возвращении на родину.

REFERENCES

1. *Abdrashitov Je.E.* Dejatel'nost' obshhestvennyh i mezhdunarodnyh organizacij v dele okazaniya pomoshhi rossijskim voennoplennym v Germanii i Avstro-Vengrii// Nauchnye vedomosti. Serija Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 2013. № 8. Vyp. 26. P. 130.
2. *Krjuchkov I.V.* Voennoplennye stran Chetvernogo sojuza na territorii Stavropol'skoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny // Materialy III Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov. Russko-kavkazskie otnoshenija ot pervyh kontaktov do sovremennogo edinstva. 17 nojabrja 2015 g. Rostov n/D., 2015. P. 46.

Ключевые слова:

военнопленные, Ставропольская губерния, революция, Первая мировая война, продовольственный кризис, Австро-Венгрия, Германия.

Igor V. Kryuchkov

PRISONERS OF WAR OF THE QUADRUPLE ALLIANCE COUNTRIES ON THE TERRITORY OF STAVROPOL PROVINCE IN CONDITIONS OF THE POLITICAL CATAclysm (FEBRUARY — NOVEMBER 1917)

The position of prisoners of war of the Quadruple Alliance countries in the territory of Stavropol Province is considered in the article. A modest deterioration of the detention conditions of prisoners in Stavropol and certain villages of the province at the beginning of 1917 is marked in the material. The deterioration didn't affect the general attractiveness of the province to prisoners in comparison with other regions of Russia. The February Revolution of 1917 promoted the liberalization of the legal status of prisoners. However, the growth of the political and economic crises in the country led to the deterioration of prisoners' position, including Stavropol Province. They had sought to leave the province and Russia by all available means since the autumn of 1917.

Крючков Игорь Владимирович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

В.И. Журавлева

АМЕРИКАНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ: ОБРАЗЫ И МИФЫ (1905—1917 ГГ.)

Введение

Американцы не могли оставаться равнодушными к революциям за пределами Соединенных Штатов, поскольку изначально видели свою задачу в том, чтобы явить миру модель идеального политического устройства, возникшего в ходе идеальной в своем роде революции. Исследователь М. Хант обратил внимание на два подхода к оценке революции, существовавших в США. У истоков одного из них стоял Дж. Адамс, другого — Т. Джефферсон. Первый опасался революции, переходящей предел допустимого, когда ее разрушительный потенциал вырывается наружу, а революционеры не могут оградить общество от анархии и произвола. Второй, напротив, считал революцию очистительным ураганом, полезным для социума. Однако постепенно позиции Адамса и Джефферсона сближались, ибо их роднило общее американское революционное наследие. Оба обращали особое внимание на конституционную фазу революции как завершающую процесс создания нового политического строя¹.

¹ Hunt M.H. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven and London, 1987. P. 92—98.

В неуспешном революционном опыте других народов повторить их собственный американцы обнаруживали веское подтверждение своего права на лидерство. Франция провалила этот тест первой в конце XVIII в., так же как в 1848 г. и еще раз в 1870–1871 гг. Латиноамериканцы в начале XIX в. вообще подтвердили худшие опасения своих северных соседей. В 1905 г. наступила очередь русских. Именно тогда начинается американское путешествие в Русскую революцию (реальное, запечатленное затем в многочисленных травелогах, и виртуальное, основанное на восприятии свидетельств очевидцев, статьях в прессе и публицистике), закладываются основы ее видения в целом и формируются долгосрочные мифы о ней. Этот процесс достиг своей кульминации в 1917 г. и был обусловлен не только происходящим по другую сторону Атлантики, но и социокультурным кодом национального развития самих американцев, их представлениями о прогрессе, их видением собственного места в мире и своей роли в процессе его демократизации.

Представление о сопричастности Русской революции вписывалось в идейный климат «Прогрессивной эры» в США (1895–1921). Американские прогрессисты, будучи приверженцами реформаторских идей различного толка и веры в прогресс, обращали особое внимание не только на проблемы промышленного развития, урбанистической среды, различные аспекты внутрисполитической жизни США, но и на особую ответственность американцев за продвижение принципов демократии в различные регионы мира. Этот мессианизм стимулировал национальный интерес к революционным движениям и политическим изменениям за границей в период революционной волны 1890–1910-х гг., тем более что в представлениях прогрессистов демократическое правительство должно было быть полезно не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Призывы к реформам и самопожертвованию дома, означающие большую справедливость для менее удачливых слоев общества, легко трансформировались в требование «крестовых походов» за океан, миссионерских кампаний, нацеленных на переустройство мира по образу и подобию Соединенных Штатов. Как следствие активизировался процесс интернационализации американского реформизма, в чем современники видели залог его результативности. Ведь, неся ковчег свобод другим народам, американцы сохраняли его для себя.

Идейный климат «Прогрессивной эпохи» с характерным для него видением иерархии рас и высокого предназначения Америки оказывал влияние не только на реформаторов либерального и радикального толка, но и на их более консервативных сограждан. В свою очередь, наблюдение за революционным опытом России высвечивало различия в их идейных позициях, которые проявлялись в интерпретации событий и в представлениях

о разумных пределах политических и социальных изменений. Так работал русский революционный «Другой» в американском общественно-политическом дискурсе идентичности.

Изучению именно этого аспекта восприятия России в США посвящена данная статья, которая базируется на методологии социального конструктивизма, предполагающей, что объект познает себя, вступая в коммуникацию с «Другим», а взаимодействие осуществляется на основе конструируемой в процессе коммуникации идентичности². В данном методологическом контексте внимание автора сосредоточивается на концептуальной паре американский «Я» — русский «Другой» и нацелено на понимание того, почему инациональная реальность воображалась так, а не иначе, в силу каких мотиваций одни ее характеристики становились центральными, а другие периферийными³.

Задача автора состоит не в том, чтобы рассмотреть всю палитру представлений о Русской революции в США, а в том, чтобы охарактеризовать устойчивую схему ее восприятия и иерархию образов, прочно вошедших в репертуары смыслов тех дискурсов, которые были обусловлены текстом о России и сохранили свое значение вплоть до настоящего времени.

Объяснительная схема автора опирается, во-первых, на ее собственные исследования по теме и работы российских и зарубежных историков, во-вторых, на источники различных видовых характеристик. Среди них особое место занимают травелоги американцев, посещавших Россию в период революций, и основанные на различных практиках рассказывания о русском революционном «Другом», а также материалы прессы, в том числе политические карикатуры из газет и журналов. Анализ карикатуристичности в контексте заявленной темы позволяет не только выявить скрытые оценочные суждения американцев по поводу России, ее исторического прошлого и будущего, но и более точно определить, когда в американском обществе происходили реальные изменения в позиционировании Русской революции, поскольку политическая карикатура — это и иллюстрация существовавших настроений, предрассудков и стереотипов (без чего визуальное послание не могло быть прочитано аудиторией-реципиентом) и одновременно инструмент конструирования новых общественных предпочтений и долгосрочных мифов. В силу

² Wendt A. Anarchy is What State Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425; Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

³ О данной методологии см.: Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики // Американский ежегодник. 2008/2009. М., 2010. С. 142–166.

своих жанровых особенностей политические карикатуры позволяли визуализировать американские мифы (как романтические, так и демонические) о Русской революции. Изображая то, что не всегда поддается вербализации, упрощая реальность и тиражируя определенные образы, играя на дихотомиях политического и этического типа (свобода-рабство, демократия-авторитаризм, свет-тьма, добро-зло), карикатуристы вносили важный вклад в создание ментальной карты мира. Они ранжировали страны и народы и определяли новое место в нем США, исходя из американских социокультурных традиций и текущей повестки дня развития общества⁴.

России, начиная с эпохи ее революций, предстояло играть принципиально значимую роль в игре значений и смыслов американской «Я»-концепции.

Революция 1905–1907 гг.: от эйфории универсализма к мифу об «Извечной Руси»

Революция 1905–1907 гг. стала пиком первого «крестового похода» американцев за демократизацию России, инициированного еще в конце XIX в. русскими политическими эмигрантами в США и либеральным журналистом Дж. Кеннаном. Он вернулся из поездки по Сибири и поведал Западу о карательной системе самодержавия, создав в своей книге «Сибирь и ссылка», многочисленных статьях в журналах и публичных выступлениях образ страны-тюрьмы, с этого времени прочно вошедший в представления американцев о России. Наблюдая за развитием революции 1905–1907 гг. в условиях первого в истории двусторонних отношений кризиса⁵, американское общество переживало и первый своеобраз-

⁴ О методике анализа карикатур и их использовании в качестве исторического источника см., напр.: *Kemnitz Th.M.* The Cartoon as a Historical Source // *Journal of Interdisciplinary History*. 1973. Vol. 4. Summer. P. 81–93; *Gombrich E.H.* The Cartoonist's Armory // *South Atlantic Quarterly*. 1963. Vol. 62. N 2. P. 189–228; Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Конструирование образа России в американской политической карикатуристике XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Под ред. В.А. Коленеко. В 3 т. Т. 1. М., 2008. С. 187–193.

⁵ Кризис 1903–1905 гг. имел свое геополитическое (конфликт на Дальнем Востоке, обусловленный столкновением экспансионистских амбиций двух стран и борьбой за китайский рынок), идеологическое (реакция на политику антисемитизма в России и формирование представлений о сопричастности процессу ее обновления в целом) и экономическое («тарифная война», нарастание конкуренции на мировом хлебном рынке и в нефтяном бизнесе) измерения. Граниями этого кризиса стали Кишиневский погром 1903 г., Русско-японская война и Первая русская революция. Об этом подробнее см.: Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. Ч. 2.

ный «цикл надежд и разочарований» по поводу перспектив модернизации России, что способствовало ее превращению в объект реформаторской миссии Соединенных Штатов⁶.

На волне очарования Революцией 1905–1907 гг. (как впоследствии и Февральской революцией 1917 г.) на первый план выходил либерально-универсалистский (романтический) миф о ней, который закреплял представление о стремлении русского народа повторить опыт американцев и двинуться по пути модернизации, об их особой сопричастности делу русской свободы, о ведущей роли либералов в грядущей революции, нацеленной на создание «Соединенных Штатов России». Это видение вполне укладывалось в идеологию прогрессистов и впоследствии стало неотъемлемой частью вильсонизма. Американские либералы русофильского толка сближались на фазе очарования Русской революцией с участниками «крестового похода» за демократизацию России, делая ставку на русских либералов, а русофилы консервативного толка, ратовавшие за реформы сверху, дабы сохранить уникальную русскую культуру и гармоничную связь между обществом и властью, полагались на готовность царя даровать свободу своему народу.

В свою очередь, либералы и радикалы из России, приезжавшие в США с целью получить моральную и материальную поддержку американцев, неизменно подбрасывали дров в костер американского универсального либерализма. Достаточно вспомнить выступления в США в 1903–1905 гг. П.Н. Милюкова и в 1905 г. Е.К. Брешко-Брешковской. Будущий лидер партии кадетов Милюков, олицетворяя столь дорогой американцам образ революционера западного типа, рассуждал о Русской революции как о либерально-конституционном движении⁷. В свою очередь, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, одна из лидеров партии социалистов-революционеров, неустанно повторяла, что русский народ сможет разумно воспользоваться свободой, идет к своей социальной революции,

⁶ О восприятии американцами первой русской революции и о деятельности Дж. Кеннана подробнее см.: Журавлева В.И. Указ. соч. С. 149–209, 726–765; Thompson A.W., Hart R.A. *The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905*. Amherst, 1970; Foglesong D.S. *The American Mission and the «Evil Empire»*. The Crusade for a «Free Russia» since 1881. New York, 2007. P. 12–33, 34–43; Travis F.F. *George Kennan and American-Russian Relationship. 1865–1924*. Athens, 1990; Saul N.E. *Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence, 1996. P. 488–521; Engerman D.C. *Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, 2003. P. 69–83.

⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 145, 148; Talks of Situation in Russia // *The Chicago Daily Tribune*. February 14, 1905; Милуков П. *Russia and Its Crisis*. Chicago, 1905.

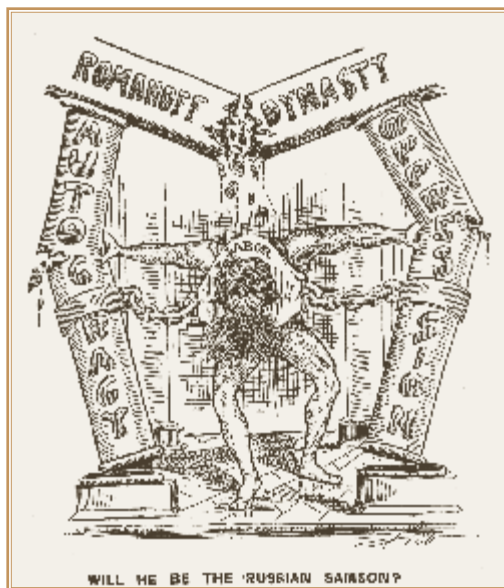

Рис. 1. Удастся ли ему стать русским Самсоном? *The Atlanta Constitution*. 1905 г.

нацеленной на установление демократического правления, и, как никогда, ждет помощи из-за океана⁸.

Оба визитера в одинаковой степени способствовали тиражированию нивелированной картины российского революционного движения в духе Дж. Кеннана и романтических представлений о том, что главной целью революции в России является повторение опыта американцев. Это подпитывало мессианские настроения последних и их ложные иллюзии и объясняло достаточно быстрый переход от эйфории универсализма к пессимизму в оценке перспектив революции и деятельности ее лидеров.

В период «увлечения» Русской революцией представления о России официальной реакционной и народной революционной неизменно становились двумя параллельными реальностями в репрезентациях американских наблюдателей, реально и виртуально путешествовавших в революционную Россию. Впервые это случилось после Кровавого воскресенья в январе 1905 г., когда на первое место вышел романтический образ встающего на борьбу народа, разрывающего оковы самодержавия, чтобы двинуться по пути свободы⁹ (рис. 1).

Карикатурист Ч. Буш создал изображение, которое можно считать квинтэссенцией настроений, получивших распространение в американ-

⁸ Goldman E. Living My Life. In 2 Vols. N.Y., 1970. Vol. 1. P. 362; Blackwell A.S. Welcome to a Russian Woman // Woman's Journal. 1904. Vol. 35. December. P. 401; Sympathy for Russian People // The Providence Journal. February 23, 1905.

⁹ Карикатура Л. Грера // The Atlanta Constitution. February 4, 1905.

ском обществе в начале Русской революции: фигура вооруженной мечом женщины, одетой во фригийский колпак, символизирующий не только свободу, но и ставший символом революции (благодаря революционным событиям во Франции конца XVIII в.), призывает Россию подниматься на борьбу¹⁰ (рис. 2).

Под влиянием эйфории универсализма уходили на задний план сомнения по поводу достаточной просвещенности русского «темного люда» и его готовности к участию в управлении государством, мучившие американских либералов-универсалистов, а также представления об «извечной Руси», характерные для американских консерваторов с их стремлением подчеркнуть ее «чужеродность», «восточность».

Непосредственное влияние на видение процессов в революционной России оказывала Русско-японская война, воспринимавшаяся как катализатор внутривосточных изменений. Распространение японофильских настроений в американском обществе и позиция, занятая вашингтонской администрацией в ходе конфликта на Дальнем Востоке, способствовали конструированию образа японца как янки Востока, а Японии как двигателя Русской революции посредством игры на дихотомиях «Запад—Восток», «Цивилизация—Варварство». При этом Российская империя была выведена из «клуба цивилизованных держав», а вестернизированная Япония, пусть и на время, в него принята¹¹.

Русская революция в период очарования ей виделась из-за океана как движение западного типа. При этом Американская революция играла роль образца для подражания, а Французская революция — предостережения (Николаю II от повторения ошибок Людовика XVI, а народу от повторения ошибок санкюлотского бунта и якобинского террора).

Публикации в прессе были полны аналогий с Американской революцией. Среди действующих лиц русской исторической драмы американцы искали «отцов-основателей», которыми становились то земцы с их «биллем о правах», то кадет П.Н. Милюков, то С.Ю. Витте, подготовивший текст Манифеста 17 октября 1905 г. и разрабатывавший закон о выборах в Думу после поездки в США. Прогрессивные издания типа журнала «Арена» не сомневались, что

¹⁰ The New York World. May 31, 1905.

¹¹ Kennan G. The Social and Political Condition of Russia; The Economic and Financial Condition of Russia // Outlook. 1904. Vol. 76. January. P. 211–216, 261–265. Также см.: The Emancipator of Russia // Outlook. 1905. Vol. 80. June. P. 357; Noble E. America and the Russian Crisis // Free Russia. 1905. March. P. 35. См. редакционные карикатуры в: The Chicago Daily Tribune. January 24, 30, 1905; The Brooklyn Eagle. January 27, 1905; The Los Angeles Times. March 6, 1905; The Philadelphia Inquirer. February 23, April 1, May 14, 1905; The Chicago Inter-Ocean. March 12, 1905; Life. March 9, 1905.

Рис. 2. Вставай! *The New York World*. 1905 г.

русский народ идет к своему 1776 г., а в предстоящих событиях не будет недостатка в мудрых и высокоинтеллектуальных лидерах подобных Т. Джефферсону, Б. Франклину и Дж. Вашингтону. Основные надежды, конечно же, возлагались на либералов. Им предстояло возглавить процесс преобразований и защитить дело свободы от крайностей, угрожавших как справа, так и слева¹².

В первой половине 1905 г. «крестоносный дух» витал над Соединенными Штатами, а русские оказались в одном ряду с кубинцами в мессианских планах политических и общественных деятелей, священников и филантропов, журналистов и публицистов. Игра на образах тьмы и света стала излюбленным приемом американских карикатуристов. «Солнце Свободы», неизменно встающее из-за океана над окутанной тьмой «страной-тюрьмой», чтобы даровать свет «Мира», «Процветания», «Просвещения» русскому народу; руки, полные американских долларов, протянутые через океан из царства Света в царство Тьмы¹³. Так визуализировался романтический миф о Русской революции.

Мессианские настроения нашли свое наиболее яркое выражение в карикатуре Ф. Моргана, приуроченной к празднованию Дня неза-

¹² Thompson A.W., Hart R.A. Op. cit. P. 30, 34, 100; The Russian Situation // *Arena*. 1905. Vol. 33. Feb. 1905. P. 210–213; The Lines of Russian Reform // *Nation*. 1905. Vol. 80. June. P. 450; *Johnston Ch.* The Leaders of the Russian People // *Harper's Weekly*. 1905. Vol. 49. Aug. P. 1226, 1243.

¹³ Thompson A.W., Hart R.A. Op. cit. P. 19–20. См. карикатуры в: *The Chicago Daily Tribune*. January 31, 1905; *The New York World*. February 25, 1905; *The Columbus Evening Dispatch*. November 1, 1905; *The Chicago Daily Tribune*. November 13, 1905.

Рис. 3. Славное 4 июля. *The Philadelphia Inquirer*. 1905 г.

висимости: Дядя Сэм держит факел, от которого разлетаются «искры свободы и независимости», над головой скованного цепями мужика, олицетворяющего Россию. У ног узника валяются пачки американских долларов, а сам он вопрошает, глядя на счастливое лицо Сэма: «Интересно, а у меня будет когда-нибудь столь же славное 4 июля?» Текст имеет двойной смысл. В нем выражен и мессианский порыв американцев, и их представления о России как о «темном двойнике» Соединенных Штатов, позволяющем подчеркивать преимущества американской модели развития¹⁴ (рис. 3).

Напрямую с этим текстом перекликается карикатура Дж. Маккатчеона, изобретательно визуализировавшего образ русского «Другого»: Рузвельт под гром салюта и пение национального гимна в день своей инаугурации принимает поздравления ликующего американского народа, а рядом Николай II, заваленный бомбами и окруженный восставшим народом, с ужасом ждет своей гибели под гром японских пушек и проклятия революционеров, размахивающих красными флагами и ножами. Надпись играет роль смыслового кода: «U.S.A» — «RuSsla»¹⁵ (рис. 4).

Преобладающая в американском дискурсе та или иная прецедентная модель Русской революции позволяет судить об эволюции представлений о ней в репрезентациях американцев в целом. Общая логика этого процес-

¹⁴ The Philadelphia Inquirer. July 4, 1905.

¹⁵ The Chicago Daily Tribune. March 6, 1905.

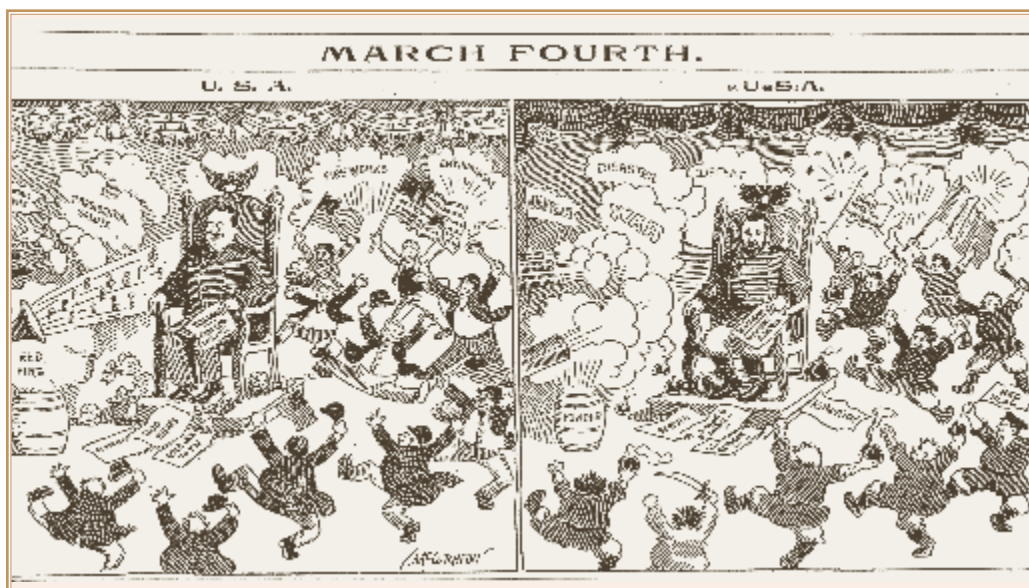

Рис. 4. Четвертое марта. *The Chicago Daily Tribune*. 1905 г.

са использования исторического прошлого сводится к движению от образов революционных движений западного типа (от Американской революции как идеала к Французской революции как предостережению по мере нарастания социальной напряженности¹⁶) и далее к образу ни на что не похожей «революции по-русски».

На волне разочарования в Русской революции происходил отказ от романтического образа русского народа и на первое место выходил консервативно-пессимистический миф с характерными для него представлениями о неизменном национальном характере, о неготовности русских к самоуправлению в силу их особенного исторического прошлого, о деструктивном потенциале Русской революции как неизменном движении по кругу, минувя свободу вновь к авторитаризму и диктатуре.

В период Первой русской революции разочарование наступает в конце 1905 г., когда, несмотря на принятие Октябрьского манифеста, предусматривающего введение свободы совести, слова, собраний, права объединяться в союзы, а также наделение Думы законодательными правами, в Российской империи продолжали нарастать социальная напряженность и политический радикализм. Страницы газет и журналов заполнились сообщениями о стач-

¹⁶ В последнем случае это мог быть, например, образ русского простолюдина во фригийском колпаке, вылезающего из котла «Революция» и напоминающего французского санкюота: карикатура Ф. Моргана «Начало конца» // *The Philadelphia Inquirer*. July 1, 1905.

Рис.5. Идея свободы по-русски. *The Brooklyn Eagle*. 1905 г.

ках и забастовках, бесконечных террористических актах¹⁷, брожении в армии и на флоте, Декабрьском вооруженном восстании, крестьянских волнениях. Авторы статей заговорили о состоянии гражданской войны, когда рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, представители национальных и религиозных меньшинств вступили в вооруженную борьбу с теми, кого они считали своими угнетателями — с правительством, капиталистами, помещиками, офицерами. Речь теперь в основном шла о метаморфозах борьбы за свободу в России, о превращении революции политической в социальную, перспективы которой становились все более мрачными, о том, что русские благодаря Октябрьскому манифесту получили больше того, к чему они были готовы, поскольку Российской империи, населенной миллионами неграмотного крестьянства, еще предстоит долго учиться самоуправлению. При этом своеобразным смысловым кодом в статьях и карикатурах становилось слово «анархия», особенно пугавшее американцев. Для большинства русских революция лишь начиналась в это время, для большинства американских наблюдателей она закончилась, превратившись в бунт бессмысленный и беспощад-

¹⁷ На волне очарования революцией и надежд на ее успешное завершение политическое убийство как метод борьбы за свободу в отсталых странах нашел немало сторонников среди американских наблюдателей (см., напр.: *Harper S.N. The Russia I Believe In. The Memoirs of Samuel N. Harper. 1902–1941. Ed. by Paul V. Harper. Chicago, 1945. P. 20, 29; Noble E. American Views of Russian Assassination // Free Russia. 1905. Apr. P. 50–51*). Изменение преобладавших оценок террора как метода политической борьбы с позитивных на негативные становилось одним из важных показателей спада эйфории универсализма в американском обществе в целом.

Рис. 6. Враг на пути свободы. *The New York American*. 1906 г.

ный. Русские перешли предел допустимого в революции, не пожелав усвоить уроки американского прогрессизма и провалив тест на способность совершить революцию, подлинную с точки зрения американцев¹⁸.

Разочарование американских наблюдателей (не только консерваторов, но и либералов) в готовности российского общества к самоуправлению было масштабно визуализировано в американской политической карикатуристике. Так, например, карикатурист К. Мэйбелл изобразил, как русский народ, только что разорвавший оковы самодержавия, использует свободу для убийства невинных евреев в период погромов¹⁹ (рис. 5).

В целом антиеврейские погромы периода революции, начавшиеся осенью 1905 г. с погрома в Одессе и достигшие своего очередного пика летом 1906 г., когда известия о погроме в Белостоке с новой силой всколыхнули общественное мнение по другую сторону Атлантики, безусловно, способствовали отказу от романтических представлений о Русской революции в целом.

В свою очередь, карикатурист Р. Картер представил преобладавшее в американском обществе мнение о том, что путь русских к свободе лежит через просвещение, ибо невежество оборачивается «свободой по-русски», «революцией по-русски»²⁰ (рис. 6).

¹⁸ См. обзоры прессы в: *Literary Digest*. 1905. Vol. 31. Nov. P. 733; *Noble E. American Views of the Russian «Self-Effacement»* // *Free Russia*. 1905. Dec. P. 129–130.

¹⁹ *The Brooklyn Eagle*. November 3, 1905. Эта карикатура стала также иллюстрацией к статье «Jewish Massacres with Official Approval» // *Literary Digest*. 1905. Vol. 31. November. P. 732.

²⁰ Перепечатано в: *Literary Digest*. 1906. Vol. 32. June. P. 967.

Представители американского консервативного истеблишмента, включая президента США Т. Рузвельта и оказавшего непосредственное влияние на его восприятие революции посла в России Дж. Л. Мейера, считали, что ее будущее напрямую зависит от того, удастся ли русским воспринять ценности западной модели развития и двинуться по пути медленного обновления, избегая крайностей анархии и деспотизма²¹. В свою очередь, русофилы консервативного толка, такие как, например, известная американская переводчица И. Хэпгуд, приходили к выводу о том, что русскому народу, склонному впадать в состояние анархии и безрассудства, необходим контроль и руководство со стороны института монархии. И этот вывод перекликался с высказываниями американских консерваторов о неготовности русских к самоуправлению, хотя в отличие от консерваторов та же Хэпгуд не рассматривала национальный характер в качестве неизменного препятствия прогрессу. Другое дело, в каких формах и какими темпами это прогрессивное развитие должно было осуществляться²². Что же касается американских либералов-универсалистов, то они видели главный итог революции в развитии основ парламентаризма в Российской империи и не теряли из виду тех русских политических визитеров, которые ехали в США за моральной и материальной поддержкой с целью укрепить веру американцев в будущее обновление России на волне разочарования итогами ее революции.

По мере радикализации революции в России будет нарастать энтузиазм лишь в среде американских левых как социалистического, так и не социалистического толка, многие из которых совершат путешествие за океан и сформируют представление о ней как о социальном послании человечеству. Они станут создателями и носителями радикального мифа о Русской революции, вошедшего в репертуар смыслов радикального дискурса, а русский революционный «Другой» будет способствовать их идейной ревitalизации. Участники радикального дискурса не искали аналогий с революциями западного типа, подчеркивая уникальность русского революционного опыта и вдохновляясь им. И лишь в рамках этого дискурса России будет позволено учительство, а не ученичество по отношению к США.

²¹ Дж. Л. Мейер — Т. Рузвельту, 21 мая, 1906; 2 сентября, 1906 // Howe M.A. DeWolfe. George von Langerke Meyer. His Life and Public Services. New York, 1920. P. 286, 306–307; Т. Рузвельт — Э. Синклеру, 15 марта, 1906; Т. Рузвельт — Т. Рузвельту мл., 20 ноября, 1908 // The Letters of Theodore Roosevelt / Ed. by E.E. Morrison. Cambridge, 1953. Vol. 5. P. 179; Vol. 6. P. 1372.

²² Hapgood I.F. The Russian Peasant: How and Where He Lives // Craftsman. 1906. Vol. 9. February. P. 647–648; Engerman D. Op. cit. P. 71–72.

Романтикой русской социальной революции был, например, вдохновлен Джек Лондон, создавший в романе «Железная пята» образ русского революционера с его отчаянным героизмом, самопожертвованием и вдохновенным публицистическим пафосом²³. Особый вклад в формирование радикального мифа внесли американские «джентльмены-социалисты» И. Уоллинг, А. Баллард, Д. Келлог, Э. Пуль²⁴. Подобно марксистам они видели суть Русской революции в ее социальной составляющей, но делали ставку на крестьянство как носителя социальной демократии. Подобно Дж. Кеннану и другим либералам-универсалистам они считали негативные черты национального характера результатом деспотического режима и верили в то, что русские способны к демократии, но усматривали значение их революции в уникальном социальном послании, адресованном всему человечеству, а не в движении по пути создания «Соединенных Штатов России»²⁵.

В 1917 г. американские радикалы вновь отправятся в Россию, чтобы увидеть завершение дела борьбы за свободу, начатого в 1905–1907 гг. Парадоксом станет то, что наблюдение за социалистической революцией, о которой они так вдохновенно писали ранее, станет причиной их разочарования не только в ней, но и в их собственных социалистических убеждениях.

Россия от Февраля к Октябрю: новый цикл надежд и разочарований

В 1915 г. вдохновитель первого американского «крестового похода» за демократизацию России Дж. Кеннан предложил три критерия, от которых, по его мнению, зависел успех революции: ее цели; поддержка, оказанная ей в обществе; умелые и знающие лидеры, чутко реагирующие на изменение политиче-

²³ *Jack London. Revolution // Revolution and Other Essays. New York, 1910. P. 12–14, 16–17; Jack London. The Iron Heel. New York, 1908.*

²⁴ Состоятельные молодые американцы, обучавшиеся в Гарварде и Принстоне и объединенные верой в социализм, были работниками первого в США социального центра — University Settlement House, созданного в 1886 г. в Нью-Йорке на Манхэттене (Нижний Ист-Сайд). Практически сразу основным направлением его деятельности стало содействие переселенцам из Восточной Европы, так как именно они оказались жителями нью-йоркских трущоб. Встречи с российскими революционерами-эмигрантами, но, прежде всего, беседы с Е.К. Брешко-Брешковской убедили их в необходимости поехать в Россию, чтобы увидеть «подлинную революцию».

²⁵ *Walling W.E. Russia's Message. The True World Import of the Revolution. N.Y., 1908; Bullard A. Russia's Revolution: 1905–1906 // Princeton University. Mudd Library. Manuscript Division. Arthur Bullard Papers. Box 5; Durland K. The Red Reign: The True Story of an Adventurous Year in Russia. N.Y., 1907.*

ской конъюнктуры. Главный недостаток Первой русской революции, по его мнению, заключался как раз в отсутствии компетентных лидеров, которые могли бы возглавить революцию и консолидировать общество для достижения поставленных целей. Такими лидерами, несмотря на претензии, не стали ни кадеты, ни Петербургский совет рабочих депутатов. Видение Кеннаном пределов Русской революции укладывалось в представление о ней как о политическом движении западного образца, т.е. о революции с предсказуемым конкретным результатом, одинаково важным для всех представителей общества — конституционный строй, демократизация, постепенное решение наиболее насущных социальных и экономических проблем на основе принципа частной собственности и без социальных спазмов общественного организма. Кеннан был вдохновлен перспективами обновления Российской империи, так как, по его мнению, в военных условиях произошла консолидация всех прогрессивных сил в стране. Он даже отказался от своего пессимистического взгляда на крестьянство, рассуждая о его либеральной и толерантной природе, и приветствовал мораторий на продажу водки, которая веками разрушала тело и душу мужика. Впоследствии Кеннан убеждал американцев, что война закончится для Российской империи революцией, поскольку, как свидетельствует ее история, войны неизбежно обнажали все слабости режима и стимулировали недовольство населения, будь то Крымская война или Русско-японская война. Вопрос состоял лишь в том, сможет ли грядущая революция стать политической и ненасильственной²⁶.

Внешнеполитическая «повестка дня» США в период Первой мировой войны и совместное с Российской империей противостояние «немецкой угрозе» способствовали расширению торгово-экономического, военно-политического и гуманитарного сотрудничества, а также встречному движению к взаимному узнаванию и изучению²⁷.

Параллельно в условиях сближения двух стран в американском обществе получают распространение завышенные надежды на грядущее обновление России по образу и подобию Запада. Особый энтузиазм в американ-

²⁶ Kennan G. The Spiritual Uplift in Russia // Outlook. 1914. Vol. 108. Oct. P. 377–380; Kennan G. Russia After the War: the Chances of Revolution // Outlook. 1915. Vol. 109. April. P. 977–979. О деятельности Кеннана в 1914–1917 гг. подробнее см.: Travis F. Op. cit. P. 316–348.

²⁷ Об этом подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л.: Наука, 1969; Saul N.E. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 1–176; Zhuravleva V.I. Russian Studies in the United States and Amerikanistika in the Russian Empire: Imagination and Study of the «Other» in the context of Peace and World War // Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects. Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. N.Y., 2016. P. 45–76.

ском обществе вызвал подписанный Николаем II в августе 1914 г. указ о запрете продажи водки населению. Американцы, считавшие пьянство одной из основных причин отсталости России, расценили его как символ начавшегося пробуждения русских не только от «чар алкоголизма», но и от «чар невежества». Не случайно американская пресса окрестила декрет «настоящим чудом» и поставила в один ряд с реформами Петра I и Александра II²⁸. Мессианский либерализм, экономические и религиозные амбиции американцев стали основой для нового всплеска энтузиазма по поводу способности русских создать «Соединенные Штаты России,» осуществив не «кровавую революцию», а конструктивный переход к свободе²⁹.

Казалось, что в феврале 1917 г., когда в полную меру развернулся очередной американский «крестовый поход» за демократизацию России, этим надеждам суждено было сбыться. Именно тогда в США вновь возобладал романтический миф о Русской революции, который станет преобладающим в зимние — весенние месяцы 1917 г.³⁰

Его распространению будут способствовать в одинаковой степени и такие давние участники «крестового похода» за дело русской свободы, как Дж. Кеннан, и такие известные русофилы либерального толка, как Ч. Крейн и С. Харпер, постоянно посещавшие Россию и способствовавшие ее изучению. На волне очарования Февральской революцией 1917 г. первый из них открыто приветствовал свержение царского режима, ставшего тормозом на пути обновления России. Крейн уповал на влияние либералов, а также на демократизм русского народа, на 80% состоявшего из мелких земельных собственников с опытом участия в кооперативном движении, и писал одному из своих близких друзей: «Россия, сбросившая иго водки и вступившая на новый путь под руководством способных и патриотически настроенных людей, это самое волнующее зрелище из тех, что давно уже не наблюдал мир»³¹.

²⁸ *Young Ch.C. Abused Russia. N.Y., 1915. P. 102–104; Johnson W.E. The Liquor Problem in Russia. Westerville, 1915. В особенности: P. 194–195, 198–199, 204–217; Herliby P. The Alcoholic Empire: Vodka and Politics in Late Imperial Russia. N.Y., 2002. P. 4, 8, 67–68.*

²⁹ Об изменении империалистического климата двусторонних отношений во время Первой мировой войны подробнее см.: *Журавлева В.И. Понимание России в США. С. 997–1011; Foglesong D.S. The American Mission and the «Evil Empire». P. 47–50.*

³⁰ Об эволюции отношения США к революционной России в 1917 г. см.: *Лустиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006; Мальков В.А. Россия и США в XX в. М., 2009. С. 102–153; Foglesong D.S. The American Mission and the «Evil Empire». P. 50–59; Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapell Hill, 1995. P. 11–75.*

³¹ Ч. Крейн — Г. Гарднеру, 17 марта 1917 г. // *Bakhmeteff Archive. The Crane Family Papers. Box 8.*

Рис. 7. Смертельная «газовая атака» России. *Life*. 1917 г.

Романтизация революции была на этот раз вписана в общий «крестовый поход» США за мир, свободу и демократию, как мотивировал вступление США в Первую мировую войну президент В. Вильсон. Он озвучил это предельно четко 2 апреля 1917 г., обращаясь к Конгрессу и заявив, что русские — это демократы в душе, по своему образу мыслей и привычкам, и что после крушения самодержавия, как явления чужеродного России, «великодушный русский народ со всем присущим ему простодушным величием и со всей мощью присоединился к тем, кто сражается за свободу, справедливость и мир, став достойным участником лиги чести»³².

Прекрасной иллюстрацией к этой речи могут служить карикатуры в еженедельнике «Life». На одной из них изображена облаченная в латы Колумбия с мечом в одной руке и «факелом Свободы» в другой, возглавляющая «крестовый поход» за свободу, демократию и честь. В нем принимает участие и Россия (фигура русского солдата), распространяющая смертельный для Германии и Австро-Венгрии «газ демократии»³³ (рис. 7).

На другой карикатуре изображен борец за свободу России, томившийся в Сибири (место страданий и ссылки, описанное Дж. Кеннаном) и возвращающийся домой, ведомый демократией. В метафорическом смысле

³² Wilson W. War Messages // 65th Congress. 1st Session. Senate Document N 5. Serial № 7264, Washington D.C., 1917. P. 3–8.

³³ Карикатура Ф.Т. Ричардса // Life. May 3, 1917. Vol. 69. P. 767.

Рис. 8. На пути домой. *Life*. 1917 г.

речь идет о России, возвращающейся к своим исконным демократическим истокам, к самой себе истинной, о чем говорил Вильсон³⁴ (рис. 8).

В зимние—весенние месяцы 1917 г. романтический образ русского народа, разрывающий цепи «политического рабства», превалировал в репрезентациях американцев³⁵ (рис. 9), а достигшее впервые своего пика во время Революции 1905–1907 гг. стремление к переделыванию России по образу и подобию Соединенных Штатов, осознание американцами своей сопричастности борьбе за ее обновление, получило дальнейшее развитие в 1917 г. и стало с этого момента частью внешней политики США.

Визуализация идеи «Соединенных Штатов России» или представления о Русской революции как революции американского образца нашла свое яркое выражение в политической карикатуристике, как, например, на карикатуре «Добро пожаловать, Россия». На ней русские мужики не просто приветствуют американскую статую Свободы, олицетворяющую США и восседающую на Медведе (анималистический образ России), но и молятся ей. Для русского народа свобода становится «новой религией», которую ему проповедуют американцы, передающие свой опыт 1776 г. (даты в книге)³⁶ (рис. 10).

³⁴ Карикатура Ч.Д. Гибсона «Возвращаясь домой» // *Life*. April 26, 1917. Vol. 69. P. 723. Также см. его карикатуру в номере от 31 мая 1917 г. (Vol. 69. P. 955).

³⁵ Карикатура Дж.Н. Дарлинга «Пробуждение гиганта» // *The Iowa Des Moines Register*. March 16, 1917.

³⁶ Добро пожаловать, Россия // *Life*. May 10, 1917. Vol. 69. Разворот.

Рис. 9. Пробуждение гиганта. *Iowa Des Moines Register*. 1917 г.

В период надежд по поводу перспектив Русской революции она, как и в 1905 г., превращалась в репрезентациях американцев не просто в движение западного типа, а в «русский 1776 г.». Основной кредит доверия в очередной раз получали русские либералы вообще и «русский Линкольн» П.Н. Милюков, хорошо знакомый американцам и ставший министром иностранных дел в первом составе Временного правительства, в частности.

Одним из основных факторов, обуславливавших отношение администрации Вильсона к революционной России, будет стремление удержать ее в войне. Такую гарантию давало Временное правительство, которое США признают первыми из всех государств, но не давали большевики. Новым послом России в США стал Б.А. Бахметев, инженер, профессор Политехнического института в Петрограде, товарищ министра промышленности и торговли Временного правительства, который прибыл в Вашингтон в июне 1917 г. в составе Чрезвычайной миссии. Главной задачей посла стало получение кредитов и обеспечение бесперебойных поставок снабжения из-за океана.

Бахметев прекрасно говорил по-английски и понимал особенности менталитета американцев. Выступая в Конгрессе США, на митингах и на страницах прессы, он развивал две основные темы: о готовности Временного правительства продолжать войну и об истинном демократизме русского народа, о том, что великая демократия Востока встанет рука об руку с ее старшей сестрой, великой демократией Запада,

Рис. 10. Добро пожаловать, Россия. *Life*. 1917 г.

чтобы пронести по всему миру высокие идеалы гуманизма, свободы и справедливости³⁷.

В поисках дополнительных подтверждений того, что Временное правительство контролирует ситуацию в стране и выполнит свои военные обязательства, в июне 1917 г. в Россию отправилась миссия Э. Рута. Ее доклад будет преподнесен американскому обществу посредством публикаций в печати и многочисленных публичных мероприятий в очень мягкой форме, дабы сохранить надежду на стабилизацию ситуации в России, переживавшей глубочайший экономический и политический кризис. При чем сам Рут честно признался Вильсону по возвращении, что Временное правительство — это единственная надежда уберечь русских от сепаратного мира, но он до конца не верит в благополучный исход³⁸.

Не случайно члены миссии Рута рекомендовали срочно развернуть пропагандистскую кампанию в России, не жалея денег, чтобы противостоять немецкой пропаганде и распространению влияния большевиков. В августе Вильсон принял решение о предоставлении Временному правительству очередного кредита в 100 млн долл. и дополнительных средств для усиления пропаганды³⁹.

³⁷ *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism. P. 52–54; Будницкий О.В. Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166.

³⁸ Листиков С.В. Указ. соч. С. 236–248.

³⁹ *Saul N.E.* War and Revolution. P. 154–155, 160–166; *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism. P. 55. До этого в мае было переведено 100 млн долл., а в июле

К этой пропагандистской работе подключился бывший «джентльмен-социалист» А. Баллард. Он прибыл в Россию в разгар июльского кризиса 1917 г. и пробыл до июня 1918 г. не только в качестве корреспондента «New Republic», но и как доверенное лицо полковника Э. Хауза и Дж. Кри-ла, возглавлявшего Комитет общественной информации. К тому времени Баллард уже успел поработать военным корреспондентом для американских журналов «Harper's Weekly», «Outlook», «Century» и совершить идеологический дрейф в сторону либерального социализма. Баллард должен был подготовить в России почву для широкой пропагандистской кампании против заключения сепаратного мира и содействовать созданному в сентябре Комитету гражданского просвещения, в который входили его давние друзья — Е.К. Брешко-Брешковская и Н.В. Чайковский, член партии эсеров, посещавший США в 1907 г. вместе с депутатом-трудовиком Первой Государственной думы А.Ф. Аладьиным, а также личный секретарь А.Ф. Керенского Д. Соскис. Все они приветствовали Февральскую революцию и участие России в войне, а большевистскую революцию не принимали. Активную помощь Комитету гражданского просвещения оказывала миссия Американского Красного Креста во главе с У.Б. Томпсоном, который для этих целей выделил 1 млн долл. из личных средств⁴⁰. Так американцы пытались спасти «либеральную Россию» от «России большевистской».

Наблюдая Русскую революцию изнутри в ее движении к Октябрю, Баллард полностью изменил свое отношение к ней, сформированное еще в 1905–1907 гг. Теперь американец пришел к выводу о бесполезности революции русского образца как для русских, так и для всего человечества, поскольку она не может обеспечить прогресс страны и общества, а также благополучие людей. В октябре Баллард признал, что невозможно контролировать разрушительные силы, определявшие будущее России, и противодействовать им посредством пропагандистской кампании. В то время как на страницах американской прессы осенью 1917 г. можно было найти публикации, в которых авторы все еще использовали образ Французской революции в качестве прецедентного, подчеркивая, что Россия вступила в фазу собственной якобинской диктатуры, Баллард искал

---

75 млн долл. К ноябрю 1917 г. американское правительство согласилось предоставить России в общей сложности 325 млн долл. в виде займов и кредитов, но переведено на счета Временного правительства оказалось чуть более половины более половины обещанного.

⁴⁰ О деятельности Комитета гражданского просвещения и миссии Американского Красного Креста подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Ук. соч. С. 358–364, 370–388; Листиков С.В. Указ. соч. С. 372–375; Saul N.E. War and Revolution. P. 169–170.

аналогии в Мексиканской революции⁴¹. Разочарование Балларда в Русской революции нашло свое выражение в книге «Русский маятник. Самодержавие — Демократия — Большевизм», в основу которой были положены его наблюдения и статьи в газетах и журналах. Образ маятника, предложенный Баллардом, закреплял представление о революции по-русски, как о движении по кругу от диктатуры, минуя свободу, к диктатуре⁴². Подобное видение динамики Русской революции закрепилось еще в период революции 1905–1907 гг. и было характерно для нисходящей фазы цикла надежд и разочарований.

Известный американский русофил и филантроп Крейн также был склонен в итоге сравнивать Русскую революцию с Мексиканской. Он прибыл в Россию в апреле 1917 г. в качестве «личного посланника» президента В. Вильсона с тем, чтобы оценить на месте сложившуюся ситуацию и способствовать выработке трезвой «русской политики» в США, а в июне включился в работу миссии Рута. Крейн вместе с С. Харпером, изучавшим при его поддержке Россию, надеялся стать свидетелем ее движения к демократии. Однако уже к концу лета оптимизм Крейна окончательно сменился пессимизмом. Он потерялся в круговороте революционных событий и не сумел дать им достаточно адекватную оценку, с тоской наблюдая, как гибнет и навсегда уходит в прошлое очаровавшая его своим творческим гением Россия. Ведь ей была необходима не разрушительная социальная революция, а постепенная конструктивная реформа, позволявшая укрепить русскую культуру и обеспечить демократическое будущее обществу. По его мнению, большевики отбросили страну в допетровскую эпоху, создав режим хуже того, что существовал не только в Российской империи, но и при Иване Грозном⁴³. В свою очередь, С. Харпер, вернувшись в США в сентябре 1917 г., какое-то время надеялся, что режим Керенского продержится вплоть до созыва Учредительного собрания, и в итоге в России произойдет стабилизация политической ситуации⁴⁴. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Пессимизм по поводу перспектив Русской революции нарастал в США в летние—осенние месяцы 1917 г. на фоне укрепления сомнений в возможности Временного правительства контролировать ситуацию, углубления

⁴¹ Листиков С.В. Указ. соч. С. 404.

⁴² Bullard A. The Russian Pendulum. Autocracy-Democracy-Bolshevism. N.Y., 1919.

⁴³ The Chicago Daily Tribune. Oct. 25, 26, 1921. О деятельности Крейна в этот период подробнее см.: Saul N.E. The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939. N.Y., 2013. P. 144–159.

⁴⁴ Harper S.N. Op. cit. P. 107–108.

Рис. 11. Слишком много пут. *Iowa Des Moines Register*. 1917 г.

социального недовольства в городе, в деревне и в армии. Июльский кризис с характерными для него стихийными антиправительственными демонстрациями солдат, рабочих и матросов положил конец «двоевластию» и передал всю власть изрядно полевевшему Временному правительству. Не случайно на появившейся в это время карикатуре Дж. Дарлинга показано, как Керенский из последних сил пытается удержать от падения в пропасть с избытком опутанную «новой русской свободой» Россию⁴⁵ (рис. 11).

Как и в 1905–1907 гг., для фазы разочарования был характерен отказ от романтического образа русского народа, упившегося свободой до бесчувственного состояния, как изображено на сентябрьской карикатуре в журнале «Judge»⁴⁶ (рис. 12). И если в сентябре еще оставалась надежда на то, что Россия со временем «протрезвеет», в октябре 1917 г. иллюзии рассеялись. Тогда «ослепшая Россия» пошла по пути большевизма и была потеряна для Америки в очередной, хотя и не в последний раз. Карикатурист Р. Кирби визуализировал идею о том, что препятствием на пути России к свободе (как и в период Первой русской революции) становится невежество, которое приводит к насилию и анархии. Именно поэтому Россия в очередной раз сбилась с пути⁴⁷ (рис. 13).

⁴⁵ Карикатура Дж. Н. Дарлинга «Слишком много пут» // *Iowa Des Moines Register*. July 28, 1917.

⁴⁶ *Judge*. September 8, 1917.

⁴⁷ *The New York World*. November 9, 1917.

Рис. 12. «Упившаяся свободой» Россия. *Judge*. 1917 г.

После Октябрьской революции многие американские дипломаты, общественные, религиозные и политические деятели продолжали верить в то, что только США способны спасти Россию от нее самой и что русский народ жаждет помощи из-за океана, чем и была продиктована военная интервенция в Сибирь. В этом не сомневались и Дж. Мотт, который возглавлял Христианскую ассоциацию молодых людей (Young Men's Christian Association) и был неофициальным советником В. Вильсона в русских делах, и Дж. Кеннан, которого государственный секретарь Р. Лансинг считал наиболее компетентным американским экспертом по России. Кеннан писал Лансингу, что военная экспедиция в Сибирь вызовет общенародное восстание и свержение власти большевиков⁴⁸. Той же точки зрения придерживался, например, и советник посольства США в Петрограде Дж. Б. Райт⁴⁹. Именно эта идея воплощена в карикатуре, опубликованной в журнале «*Judge*». Художник изобразил США как последнюю надежду на спасение тонущей в волнах революции, большевизма, анархии, грабежей России⁵⁰ (рис. 14).

В 1917 г. и романтический, и демонический образы Русской революции будут конструироваться посредством коммуникативных стратегий

⁴⁸ Foglesong D.S. The American Mission and the «Evil Empire». P. 54–56; Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. P. 159–163.

⁴⁹ Wright J.B. Witness to Revolution. The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright. Westport, London, 2002. P. 147–215.

⁵⁰ *Judge*. December 14, 2018.

Рис. 13. Направляя его. *The New York World*. 1917 г.

и риторических приемов, отработанных в период Первой русской революции, в том числе и в карикатуристике, что станет важным механизмом поддержания долгосрочных американских мифов о России вообще и Русской революции в частности как либерально-универсалистских (о способности русского народа при помощи из-за океана совершить революцию западного образца и создать «Соединенные Штаты России», о демократическом по своей природе обществе и ксенофобствующем, ретроградном правительстве, наконец, о том, что у России нет иной судьбы, как поступательно двигаться по пути, проложенному странами Запада во главе с США), так и консервативно-пессимистических (о революции по-русски, об обреченности России на вечное отставание в силу незападности ее традиций и культуры, об авторитарной природе ее политической системы в силу особенностей национального характера, о негативных последствиях реализации «русского пути» для внешнеполитических интересов США и всего цивилизованного сообщества). На фазе подъема цикла надежд и разочарований господствовали первые, на фазе спада — преобладание получали вторые.

В 1917 г. американцы оказались в собственной «имагологической ловушке», поскольку в США уже сформировался нивелированный образ «русского революционера» как благодаря американскому движению «друзей русской свободы», так и благодаря заокеанским пропагандистским турне русских либералов и радикалов. Вот почему Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин казались самозванцами, воспользовавшимися плодами борьбы либералов, подобных Милюкову, и «умеренных социалистов», подобных Бреш-

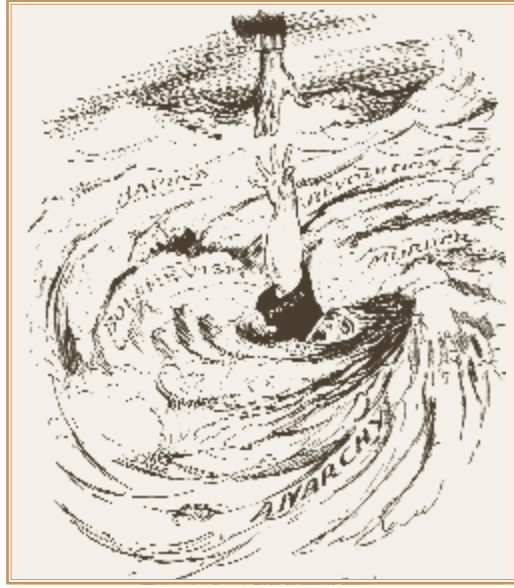

Рис. 14. Американская рука помощи тонущей России. *Judge*. 1918 г.

ко-Брешковской, Чайковскому, Аладьину⁵¹. После того как большевики, получавшие деньги из Германии, захватили и удивительным образом удержали власть, многие американские наблюдатели начали осуждать большевистский режим как чуждый российскому обществу и препятствовавший его естественной американизации. Причем делали это с большим рвением по сравнению с тем, как они осуждали самодержавие, препятствовавшее неизбежной модернизации Российской империи⁵².

Образ Октябрьской революции станет вдохновляющим для американских коммунистов и будет романтизироваться лишь в рамках радикального дискурса (как это было в период Первой русской революции с представлениями о социальной революции).

Среди наводнивших революционную Россию журналистов, писавших затем травелоги о Русской революции⁵³, оказались А.Р. Уильямс и Дж. Рид, оба выпускники Гарварда, вращавшиеся в радикальных кругах Нью-Йор-

⁵¹ Who Really Freed Russia // The Boston Evening Transcript. Dec. 21, 1917; Travis F.F. George Kennan and American-Russian Relationship. P. 333–334, 345.

⁵² Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. P. 41.

⁵³ Список американцев, приехавших освещать события в России в 1917 г., среди которых были известные журналисты, публицисты, писатели, социологи, см.: Saul N.E. War and Revolution. P. 147–149. В издательстве «Slavica Publishers» с 2016 г. начала выходить серия «Американцы в революционной России» («Americans in Revolutionary Russia») под редакцией Н. Сола и У. Уизинханта, в рамках которой переиздаются травелоги американцев, посетивших Россию с 1914 по 1921 г. К настоящему моменту уже вышло 6 томов этой серии: https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia.

ка и знакомые со многими американскими социалистами. Они приехали в революционную Россию не будучи ни реальными социалистами, ни коммунистами. Рид оказался в Петрограде вместе с Л. Брайант в сентябре 1917 г., куда до этого уже приехали А. Уильямс и Б. Битти. Все четверо начали работать вместе, чтобы совершить свое путешествие в социалистическую революцию и представить ее детализированное описание американским читателям. Причем Уильямс был единственным из всех, кто сумел достаточно хорошо изучить русский язык благодаря упорным занятиям и ежедневной практике. Остальные, включая Рида, нуждались в переводчике. И многие из тех русских, которые были переводчиками этих американцев в революционной России, их друзья и наставники, уже стали или становились большевиками.

В итоге Октябрьская революция обратила Дж. Рида в коммунистическую веру. Он был одним из немногих американцев, уверовавших в то, что за ее победой в России последует такая же ее победа в Азии, а потом и в самой Америке. Для Рида Русская революция стала и высшей и конечной точкой его жизненного пути (он умер от тифа в 1920 г. и был похоронен у Кремлевской стены). Ему было важно подчеркнуть уникальность Русской революции, ее непохожесть на Американскую или Французскую революции, как в свое время это было важно сделать Дж. Лондону, американским марксистам и социалистам, включая «джентльменов-социалистов». Рид создал эпос о том, как корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия, которая училась читать и писать, поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду, и вслушивалась в живое слово. Это была история в черно-белых тонах: революция vs. контрреволюция, советы vs. временное правительство, красногвардейцы vs. юнкеры, буржуазия vs. пролетариат/народ, имущие vs. неимущие, большевики vs. все остальные⁵⁴.

А вот Уильямса Русская революция не превратила в коммуниста. Он приехал в Россию в дружелюбных лучах Февральской революции, которая была приемлема не только для него, но и для большинства американцев. Разочарование в итогах «Прогрессивной эры» в США, наблюдения за ходом событий в России и круг русских знакомств сделали Уильямса сторонником социалистической революции и приверженцем метафоры, что именно большевики — это «линкольны русского народа», поскольку они освобождают его от социального рабства подобно тому, как Авраам

⁵⁴ Reed J. Ten Days That Shook the World. Introduced and edited by W.B. Whisenhunt. Bloomington, IN, 2017.

Линкольн освободил рабов в США. Эту метафору Уильямс заимствовал у одного знакомого русского рабочего, который пояснил ему, что задача России в происходящей революции — не создать республику по образцу Франции и США и не воспроизвести западные институты (как считает Запад), а покончить с социальной и классовой несправедливостью, нищетой и неравенством, которые освещаются этими западными институтами. Уильямс не просто описывает революцию, он ее проповедует. Ведь он был священником. Травелог Уильямс — это вдохновенный рассказ о духе, душе и разуме Русской революции и об очередном «русском послании человечеству», адресованном новой социал-демократией Востока старой политической демократии Запада⁵⁵. В России Уильямс стал приверженцем социальной революции и социальной справедливости, а вернувшись в сентябре 1919 г. в Америку, занялся социалистическим просветительством и на протяжении всей своей жизни оставался сторонником советского режима.

Однако, если для Рида и Уильямса социалистическая революция 1917 г. превратилась в источник идеологического вдохновения, для сторонников «русского послания человечеству» времен революции 1905–1907 гг. А. Балларда, Э. Пуля⁵⁶, У.И. Уоллинга она стала разочарованием. Все они не приняли Октябрьскую революцию, наблюдение за ходом развития которой способствовало их обращению в американский либеральный социализм реформаторского толка. Как Уоллинг подчеркивал в своих книгах «Советизм» и «Разоблачение и осуждение советизма», большевистская революция в России привела его к переосмыслению самой сущности социалистических взглядов, к четкому размежеванию того идеалистического по форме социализма предвоенной эпохи, среди приверженцев которого был он сам, и государственного социализма, отражавшего советскую реальность и ставшего воплощением его худших страхов. События в революционной России убедили Уоллинга в том, что пролетарская революция как таковая может стать врагом свободы и социальной кооперации, что советское социалистическое послание миру 1917 г. принципиально отличалось от русского социального послания 1905–1907 гг.⁵⁷

⁵⁵ Williams A.R. Through the Russian Revolution, edited and introduced by W.B. Whisenhunt. Bloomington, IN, 2016; Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918. М., 1969.

⁵⁶ Poole E. The Village: Russian Impressions. Edited and Annotated by N.E. Saul. Bloomington, IN, 2017; Poole E. The Dark People. N.Y., 1918; Poole E. The Bridge. My Own Story. N.Y., 1940.

⁵⁷ William English Walling. A Symposium. N.Y., 1938.

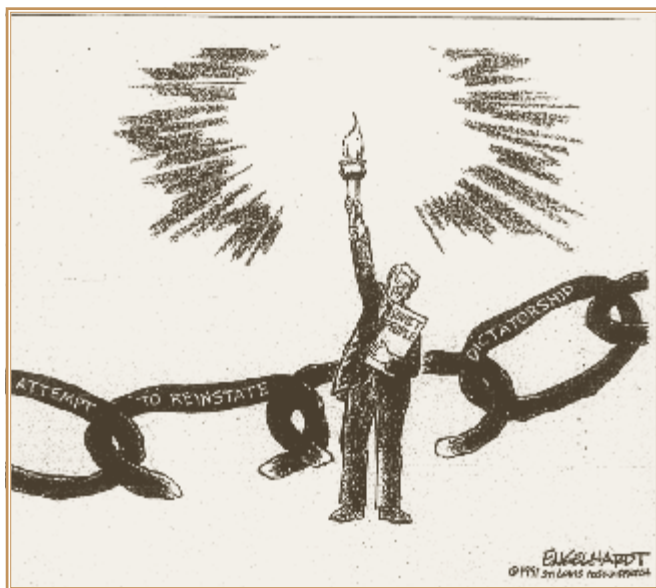

Рис. 15. Разящий факел. *The St. Louis Post-Dispatch*. 1991 г.

Заключение

Последний раз американское общество переживало цикл надежд и разочарований по поводу перспектив модернизации России в связи с окончанием холодной войны и распадом СССР, который воспринимался на Западе как очередная Русская революция. Фаза подъема этого цикла совпадает с президентством Б.Н. Ельцина, а затяжная фаза спада начинается в первый президентский срок В.В. Путина. Новое «американское увлечение» Россией привело к новому «крестовому походу» за ее демократизацию и к созданию феноменального культа Б.Н. Ельцина, который получил такой же кредит доверия от американцев, какой в 1917 г. П.Н. Милюков. В начале 1990-х гг. политики, журналисты и ученые в США представляли его единственным «гарантом реформ» в России и ставили в один ряд с Петром I, Дж. Локком, Т. Джефферсоном и А. Линкольном. В номере газеты «The Palm Beach Post» от 27 августа 1991 г. карикатурист Д. Райт представил Ельцина человеком, в одиночку противостоявшим попытке прокоммунистического государственного переворота⁵⁸. В свою очередь, карикатурист Т. Энгельгардт воплотил оптимистические настроения американцев в рисунке, на котором Ельцин изображен с факелом свободы в одной руке и мандатом, врученным ему русским народом, в другой. Он разрубает звенья цепи со словами «попытка реставрации диктатуры»⁵⁹ (рис. 15).

⁵⁸ Сходное по содержанию изображение П. Конрада см.: *The Los Angeles Times*. August 22, 1991.

⁵⁹ *The St. Louis Post-Dispatch*. August 22, 1991.

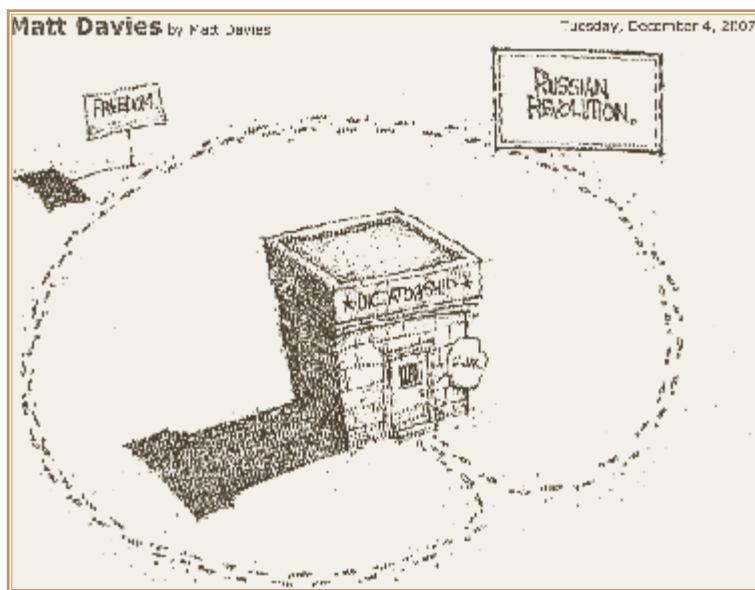

Рис. 16. Революция по-русски. 2007 г.

«Культ Ельцина» породил ложные иллюзии в американском обществе, так как игнорировал присущие ему черты правителя авторитарного типа, не учитывал глубину социального раскола в России, а также деструктивные последствия экономической «шоковой терапии». Эти иллюзии послужили причиной создания американского мифа об утверждении демократии при Ельцине, пусть и несовершенной, пусть и на фоне хаоса и всеобщего обнищания, но той самой демократии, которую Путин затем уничтожил. Русофобский пессимизм в конце последнего американского цикла надежд и разочарований, когда Америка в очередной раз Россию потеряла, визуализировал карикатурист М. Дэвис, изобразив традиционный сценарий революции по-русски — неизменное движение по кругу, минуя свободу к диктатуре⁶⁰ (рис. 16).

Устойчивость американских мифов о Русской революции обусловлена динамикой и логикой событий в самой России, поскольку ни один миф не может поддерживаться и регенерироваться без опоры на реальность. Но мифы о Русской революции (как и любые другие) актуализируют одни характеристики реальности и игнорируют другие. И этот выбор уже невозможно объяснить без американского контекста (социокультурного и политического), который определял в прошлом и продолжает определять в настоящем устойчивую иерархию образов, превращая одни из них в центральные, а другие в периферийные. Поэтому реальное и виртуаль-

⁶⁰ Matt Davies, December 4, 2007 // <http://www.gocomics.com/mattdavies/2007/12/04>

ное путешествие американцев в Русскую революцию — это не только и не столько рассказ о ней самой как о феномене, сколько рассказ о том, что можно с полным основанием назвать американской феноменологией Русской революции.

В целом восприятие Русской революции в США представителями различных идеологий (от консерваторов и либералов до радикалов различных оттенков), с одной стороны, определялось их собственной идейной идентичностью, а с другой — способствовало ее формированию, что было напрямую связано с американской повесткой дня и национальным социокультурным наследием. А это, в свою очередь, приводило к конструированию устойчивых американских мифов о Русской революции: радикального с характерным для него образом советской России как референтной модели, носителями которого на протяжении XX в. были американские коммунисты; либерально-универсалистского, превращавшего Россию в объект американских «крестовых походов» за демократизацию мира; консервативно-пессимистического с характерным для него образом революции а-ля рус и неизменным движением по кругу, минуя свободу. Именно этим объясняется восприятие русского революционного «Другого», обусловленное американским «Я», колебание между вдохновением и разочарованием, между образами и реальностью, что и составляет основу американской феноменологии Русской революции.

REFERENCES

1. *Budnitskii O.V. Bakhmeteff* — Ambassador of the non-existent Russian Government to the USA// Modern and Post-Modern History [B.A. Baxmetev — posol v SShA nesushhestvuyushhego pravitel'stva Rossii // Novaya i novejschaya istoriya]. 2000. № 1. P. 134–166.
2. *Bullard A.* The Russian Pendulum. Autocracy-Democracy-Bolshevism. New York: The Macmillan Company, 1919.
3. *Bullard A.* Russia's Revolution: 1905–1906 // Princeton University. Mudd Library. Manuscript Division. Arthur Bullard Papers. Box 5.
4. *Durland K.* The Red Reign: The True Story of an Adventurous Year in Russia. New York: The Century Company, 1907.
5. *Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2003.
6. *Foglesong D.S.* The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881. New York: Cambridge University Press, 2007.
7. *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1995.
8. *Ganelin R.Sh.* Russia and the USA. 1914–1917. Essays Russian-American Relations [Rossija i SShA. 1914–1917. Ocherki istorii russko-amerikanskikh otnoshenij]. Leningrad: Nauka, 1969.
9. *Gombrich E.H.* The Cartoonist's Armory // South Atlantic Quarterly. 1963. Vol. 62. N 2. P. 189–228.
10. *Harper S.N.* The Russia I Believe In. The Memoirs of Samuel N. Harper. 1902–1941. Ed. by Paul V. Harper. Chicago: University of Chicago press, 1945.
11. *Herlihy P.* The Alcoholic Empire: Vodka and Politics in Late Imperial Russia. New York: Oxford University Press, 2002.
12. *Howe M.A. DeWolfe.* George von Langerke Meyer. His Life and Public Services. New York: Dodd, Mead and Co. Boston Transcript, 1920.
13. *Hunt M.H.* Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven and London: Yale University Press, 1987.
14. *Jack London.* The Iron Heel. New York: The Macmillan Company, 1908.

15. *Jack London*. Revolution and Other Essays. New York: The Macmillan Company, 1910.
16. *Johnson W.E.* The Liquor Problem in Russia. Westerville (Ohio): American Issue Publishing Company, 1915.
17. *Kemnitz Th.M.* The Cartoon as a Historical Source // Journal of Interdisciplinary History. 1973. Vol. 4. Summer. P. 81–93.
18. The Letters of Theodore Roosevelt / Ed. by E.E. Morrison. Vols. 5–6. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1953.
19. *Listikov S.V.* USA and Revolutionary Russia in 1917. Alternatives in American Policy from February to October [SShA i revoljucionnaja Rossija v 1917 g. K voprosu ob al'ternativah amerikanskoj politiki ot Fevralja k Oktjabrju]. Moscow: Nauka, 2006.
20. *Malkov V.L.* Russia and the United States in the 20th Century. An Outline History of their Interstate Relationship and Diplomacy in Sociocultural Context [Rossija i SShA v XX veke. Oчерки istorii mezhgosudarstvennyh otnoshenij i diplomatii v sociokul'turnom kontekste]. Moscow: Nauka, 2009.
21. *Miliukov P.N.* Reminiscence [Vospominanija]. Moscow: Politizdat, 1991.
22. *Miliukov P.* Russia and Its Crisis. Chicago: University of Chicago Press, 1905.
23. *Poole E.* The Dark People: Russia's Crisis. New York: Macmillan, 1918.
24. *Poole E.* The Bridge. My Own Story. New York: Macmillan, 1940.
25. *Poole E.* The Village: Russian Impressions. Edited and Annotated by N.E. Saul. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2017.
26. *Reed J.* Ten Days That Shook the World. Introduced and edited by W.B. Whisenhunt. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2017.
27. *Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.
28. *Saul N.E.* The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939. New York: Lexington books, 2013.
29. *Saul N.E.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence: University Press of Kansas, 2001.
30. *Thompson A.W., Hart R.A.* The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst: University of Massachusetts, 1970.
31. *Travis F.F.* George Kennan and American-Russian Relationship. 1865–1924. Athens: Ohio University Press, 1990.
32. *Walling W.E.* Russia's Message. The True World Import of the Revolution. New York: Doubleday, Page & Co., 1908.
33. *Wendt A.* Anarchy is What State Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425.

34. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
35. William English Walling. A Symposium. New York: Stackpole Sons, 1938.
36. *Williams A.R.* Through the Russian Revolution, edited and introduced by W.B. Whisenhunt. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016.
37. *Williams A.R.* Journey into Revolution. Russia on the Anvil of the Civil War. 1917–1918 [Puteshestvie v revolyuciyu. Rossiya v ogne Grazhdanskoj vojny. 1917–1918]. Moscow: Centrpoligraf, 1969.
38. *Wright J.B.* Witness to Revolution. The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright. Ed by Allison W.T. London: Praeger, 2002.
39. *Young Ch.C.* Abused Russia. N.Y.: Devin-Adair Co, 1915.
40. *Zhuravleva V.I.* Russian Studies in the United States and Amerikanistika in the Russian Empire: Imagination and Study of the «Other» in the context of Peace and World War // Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects. Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. New York: Lexington Books, 2016.
41. *Zhuravleva V.I.* The Study of Imagology of Russian-American Relations on Both Sides of the Atlantic // American Yearbook, 2008/2009 [Izuchenie imagologii rossijsko-amerikanskih otnoshenij po obe storony Atlantiki // Amerikanskij ezhegodnik, 2008/2009]. Moscow: Nauka, 2010. P. 142–166.
42. *Zhuravleva V.I.* Understanding Russia in the United States: Images and Myths. 1881–1914 [Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012.
43. *Zhuravleva V.I., Foglesong D.S.* The Creation of Russia's Image in American Political Cartoons of the 20th Century // Myths and Reality of the US History in Periodicals of the 18th–20th Centuries [Konstruirovanie obraza Rossii v amerikanskoj politicheskoj karikaturistike XX veka // Mify i realii amerikanskoj istorii v periodike XVIII–XX vv.] Ed. by V.A. Koleneko. In 3 Vols Vol. 1. Moscow: Institut vseobshhej istorii RAN, 2008. P. 187–193.

Ключевые слова:

Русская революция, американские мифы о России, образы России в США, идеология прогресса, идентичность, российско-американские отношения.

Victoria I. Zhuravleva

AMERICAN JOURNEY INTO THE RUSSIAN REVOLUTION: IMAGES AND MYTHS (1905—1917)

his article examines images of the Russian revolution in American representations from 1905 until 1917 on the base of a social-constructivist paradigm to the study of international relations and appeals to the conceptual pair «the American Self—the Russian Other». As it watched the Russian revolution unfold, the American society lived through its first and second cycles of hopes (concerning the prospects of Russia's revolution) and disappointments (with its results). As a consequences Russia became the object of the US world-reforming mission.

This article is structured in such a manner as to follow these cycles through the analysis of primary and secondary sources with special note on political cartoons and travelogues. As author demonstrates, on the stage of hopes prevailed the Liberal-universalist myth about the Russian Revolution, as well as on the stage of disappointments — the Conservative-pessimist one. The former included the faith in the capacity of the Russian people to carry out a Western-style revolution under leadership of the Russian liberals and to create «the United States of Russia», the conviction that the Russian society was democratic by nature and oppressed by a retrograde and xenophobic government, and the belief that Russia's historic destiny was to follow the trail blazed by the Western countries, with the US in the lead. The Conservative-pessimist myth portrayed the «Russian-style revolution» (invariable circular movement, by-passing freedom and moving right into dictatorship) and Russia as a country forever kept behind by its non-Western traditions and culture, linked the authoritarian nature of its political system to the peculiarities of its national character. At the same time, representatives from various currents of American radicalism, Socialist or not, constructed the Radical myth and their own ideological identities as they reflected upon the Russian revolution. They saw its importance in the uniqueness of the social message it was sending to the entire humanity, and

not in a movement for the creation of «the United States of Russia» .

The Revolution of 1905–1907 and both revolutions of 1917 turned the dilemma of Russian progress into the subject of American socio-political discourse and became the culmination of America's first and second crusades for the creation of a democratic Russia. The fixation of the «demonic» and the «romantic» images of Russia's revolution in American public conscience made a significant contribution to the shaping of American national identity. Americans «invented» these «mental images» on the basis of their ideology of progress and expansion, their own vision of ideal political and social arrangements, true revolution, the place of the US in the world, and its role in the process of its democratization and harmonization.

 Журавлева Виктория Ивановна

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой американских исследований,
заместитель декана по научной работе факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ

Е.Ю. Сегреев

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОТ ЭЙФОРИИ К РАЗОЧАРОВАНИЮ И СТРАХУ

евolutionные события февраля — марта 1917 г. в России, положившие конец автократическому режиму Николая II, получили широкий отклик в кругах политиков Соединенного Королевства различной идеологической ориентации.

Главными причинами заинтересованного восприятия Февральской революции представителями британской общественности были тесные союзнические отношения двух империй в рамках Антанты, высокая значимость военных усилий России для достижения победы над Центральными державами в ходе Первой мировой войны и, наконец, серьезные, хотя обосновательные, опасения, которые испытывал истеблишмент Туманного Альбиона относительно стремления прогерманских сил в окружении царской семьи и высших эшелонах государственной власти заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза¹.

¹ Укажем лишь наиболее содержательные работы второй половины XX в. — начала XXI в.: Warth R. The Allies and the Russian Revolution. From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. Durham, N.C., 1954; Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966; он же. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; он же. От Февраля к Октябрю. В кн.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 544–605;

К февралю 1917 г. в обеих империях действовали общественные организации, члены которых ставили своей задачей дальнейшее сближение в культурной сфере. Например, открытые еще в конце XVIII в. Петербургское и Московское отделения Английского клуба, член которых составили представители влиятельных аристократических семейств Голицыных, Долгоруких, Оболенских и Юсуповых, превратились к 1917 г. в центр притяжения всех российских англофилов, а тогдашний посол в России сэр Дж. Бьюкенен являлся почетным гражданином Москвы и доктором Московского университета. В 1913 г. по объему торгового оборота с нашей страной Британская империя занимала второе место после Германии. При этом импорт России из Британии оценивался в 17 млн ф. ст. (по тогдашнему курсу 1 ф. ст. = 10 руб.), а его основу составляло оборудование с высокой добавленной стоимостью. В то же время главными статьями российского экспорта на Британские острова выступали сырьевые товары: лес, лен, пенька, жмыхи и нефтепродукты². По данным статистики, обобщенным бывшим британским послом в СССР К. Киблом, к началу войны в России постоянно проживали около 7 тыс. подданных короля Георга V, 35% всех торговых судов, посещавших российские морские порты, плавали под «Юнион Джеком», а из 40 млн ф. ст. прямых британских инвестиций в экономику империи Романовых до 50% приходилось на нефтяные месторождения Северного Кавказа и Каспия (Баку)³. В свою очередь русская диаспора на берегах Темзы к началу Великой войны насчитывала от 4 до 5 тыс. чел. Весьма тесные политические связи сложились на уровне высшей аристократии, включая семьи обоих

Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston—Toronto, 1960; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, N.J., 1961. Vol. 1; *Arnot P.R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; *Kettle M.* Russia and the Allies. London, 1981. Vol. 1; *Northedge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London—Basingstoke, 1982; *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917 гг. Л., 1990; *Gardner L.* Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. New York—Oxford, 1987; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917—1989. Houndmills—London, 1990; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London, 1996; *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, Md., 2014; *Service R.* The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution. London: Macmillan, 2017; *Сергеев Е.Ю.* Британия и Февральская революция 1917 года в России (по материалам британских архивов) // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 3—15; он же. Русский Октябрь 1917 года в общественном мнении Великобритании // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 3—17.

² Подр. см.: *Keynes J.* The Economic Consequence of the Peace. London, 1920; *Павлович М.* Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.). М., 1925.

³ *Keeble C.* Op. cit. P. 5—6.

Император Николай II (слева) и король Георг V

монархов, а также в среде либеральной интеллигенции, представленной в России активистами партий октябристов и кадетов, для многих из которых, как, например, П.Н. Милюкова, идеалом государственного устройства всегда являлась английская система парламентарной монархии. Отражением этих связей явилось создание Англо-Русского комитета дружбы в 1909 г. Важным шагом к их закреплению стала совместная работа над книгой «Душа России» (*The Soul of Russia*), которая была издана на берегах Темзы в 1916 г. Публикация включила статьи о впечатлениях, которые сформировались у русских и англичан после взаимных поездок в Россию и Британию, эссе о русской литературе и искусстве, а также очерки участия подданных Николая II в мировой войне⁴.

Многие современники отмечали абсолютную неожиданность Февральских событий в Петрограде не только для простых британцев, но и короля Георга V вместе с его ближайшим окружением. Так, по свидетельству занимавшего с 1912 г. по сентябрь 1917 г. должность вице-консула в Москве, а впоследствии известного дипломата Р.Б. Локкарта, «революция не казалась даже отдаленной возможностью, ибо с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесет с собой конституционные реформы»⁵.

⁴ Подр. о русско-британских связях в науке и культуре см.: Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.

⁵ Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента / Пер. с англ. М., 1991. С. 92. Подр. см.: Page Arnot R. Op. cit. P. 9.

С.Д. Сазонов

Как известно, с 1 по 20 февраля 1917 г. (по н. ст.), т.е. буквально накануне падения царизма, Северная столица Российской империи встречала делегации стран Антанты, прибывшие на берега Невы для участия в межсоюзнической конференции, чтобы согласовать планы победоносного завершения войны в ближайшие месяцы. Центральную роль среди коалиционных союзников России на этом форуме играла представительная английская делегация во главе с членом Кабинета лордом А. Милнером. Именно он по возвращении в Лондон убеждал своих коллег, что ситуация в России достаточно стабильна и не предвещает каких-либо революционных потрясений. Тем не менее во время аудиенции у Николая II, а также в направленном императору специальном послании Милнер высказал общее пожелание союзников увидеть в России ответственное перед Думой «правительство доверия» во главе с С.Д. Сазоновым, создание которого санкционировал бы сам царь. В противном случае, предупреждал Милнер, династии Романовых угрожает смертельная опасность⁶.

Достоверность ожиданий политических реформ в России со стороны Антанты иллюстрирует фраза руководителя Форин Оффис А. Бальфура, который заявил газете «Таймс»: «Монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем Милнер сделал царю». Отказ императора прислушаться к мнению влиятельного министра, по словам обозревателя газеты,

⁶ Oxford University. Bodleian Library. Special Collections. Milner Papers. MS Milner, dep. 372. Memorandum on the Political Situation in Russia, February, 1917.

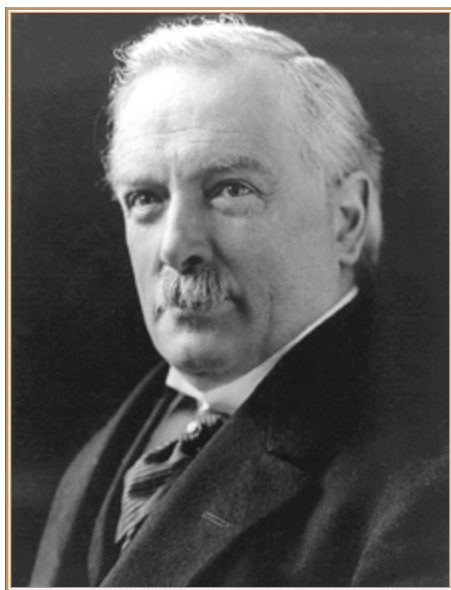
Роберт Гамильтон Брюс Локкарт

окончательно похоронил надежды на возможность плодотворных контактов западных демократий с царизмом и заставил либеральную русскую оппозицию «искать собственный путь к свободе»⁷.

Вместе с тем имеющиеся в нашем распоряжении источники убедительно свидетельствуют о непричастности британской дипломатической миссии и военной разведки (с сентября 1914 г. в Петрограде по соглашению с Генеральным штабом действовало т.н. Русское бюро в составе сначала трех, а впоследствии — 17 офицеров МИ-1(с), известной впоследствии как МИ-6) к подготовке заговора, а уж тем более началу демократической революции в России. Заслуживает внимания высказывание британского премьера Д. Ллойд Джорджа, сделанное им, по свидетельству его личного секретаря, сразу же после получения телеграммы от Бьюкенена о коллапсе самодержавия: «Отныне они (Россия. — Е.С.) бесполезны для нас в этой войне»⁸. Пессимизм наиболее опытного действующего политика на берегах Альбиона в отношении союзника являлся вполне оправданным, поскольку Антанта серьезно рассчитывала на активное участие русских войск в весенне-летнем наступлении 1917 г. Поэтому, конечно же, не в интересах как Парижа, так и Лондона было провоцировать какую-либо внутриполитическую дестабилизацию Рос-

⁷ О поездке лорда Милнера в Петроград для участия в конференции стран Антанты подр. см.: Wrench J. Alfred Lord Milner. The Man of No Illusions, 1854–1925. London, 1958, ch. XX; O'Brien T. Milner. Viscount Milner of Cape Town, 1854–1925. London, 1979. P. 277–280.

⁸ Owen F. Tempestuous Journey. Lloyd George: His Life and Time. London, 1954. P. 376.

Дэвид Ллойд Джордж

сии накануне решающих сражений, хотя политические реформы, которые превратили бы самодержавие в конституционную монархию, весьма импонировали Уайтхоллу и общественному мнению Соединенного Королевства.

Прямое опровержение «козней» Лондона против Романовых можно обнаружить и на страницах социалистических «Известий». Так, 26 мая 1917 г. (н. ст.) газета писала, что в первые дни революции свержение царской власти рассматривалось многими как победа партии войны. «Придерживавшиеся этой точки зрения, — писала газета, — утверждали, что русская революция вызвана интригами Англии, и британский посол назывался как один из ее вдохновителей. Однако ни по своим взглядам, ни по намерениям сэр Дж. Бьюкенен не повинен в победе свободы в России»⁹.

Мнения журналистов «Известий» подтверждаются воспоминаниями бывшего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева: «Говорят, будто бы Англия помогала нашему революционному центру в государственном перевороте при посредстве своего посла Бьюкенена. Я утверждаю, что за все время войны ни Бьюкенен и никто из английских подданных никакого активного участия ни в нашем революционном движении, ни в самом перевороте не принимали. Возможно, что Бьюкенен и другие англичане лично сочувствовали революционным настроениям в России, полагая, что народная армия, созданная революцией, будет

⁹ Известия. 26 мая 1917 г.

Лорд Альфред Милнер

более патриотична и поможет скорее сокрушить Центральные державы, но не более того»¹⁰.

Наконец, как подчеркивал в мемуарах известный дипломат и разведчик Р.Б. Локкарт, «сэр Дж. Бьюкенен был человеком, все существо которого противилось революции». Когда же она произошла, указывал Локкарт, посол «действительно никогда не встречался ни с одним человеком, который ответствен за свержение царизма, и никогда ни лично, ни через своих подчиненных не поощрял появление в своем доме таких лиц»¹¹.

Главную роль в распространении слухов о «британском следе» в российской революции сыграла массированная германская пропаганда. К примеру, одна из немецких листовок, правда уже осени 1917 г., гласила, что «британский посол сидит в Петрограде и диктует свои пожелания российскому правительству. Пока он будет править Россией и пить русскую кровь, бывшая империя не получит мира и свободы»¹². Характерно, что тезис о подчинении в годы Первой мировой войны царского, а затем и Временного правительств интересам Антанты уже после Октября 1917 г. стали активно использовать большевики, позиционировавшие себя как спасители Отечества от международного империализма.

¹⁰ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 70.

¹¹ Локкарт Р.Б. Указ. соч. С. 91.

¹² Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата 1910–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 356.

Джордж Уильям Бьюкенен

Впоследствии советские историки, выполнявшие социальный заказ новых властей по сочинению мифологизированной версии российской революции, потратили немало сил на поиски «британского следа». Их задача состояла в том, чтобы затушевать подлинно демократичный характер массовых выступлений февраля — марта 1917 г., приписав лавры победителей русского царизма не рабочим, солдатам и матросам, а, к примеру, генералам-заговорщикам, членам масонских лож и, конечно же, иностранным (читай — британским!) «агентам влияния».

Возникновению этой версии способствовала эйфория, хотя и кратковременная, среди британского общества, которая была вызвана на удивление быстрой победой демократии в России, которую обыватели и даже некоторые интеллектуалы считали отсталой, средневековой страной¹³. Многие комментаторы стремились отождествить революционный переход власти от царского к Временному правительству с аналогичными, как тогда казалось, событиями более чем вековой давности, а именно — ликвидацией старого порядка во время Великой французской революции 1789 г. «Все партии приветствуют Россию, которая присоединилась к сообществу свободных народов!» — восторженно писали весной 1917 г. английские газеты различных направлений: от консервативных до социалистических¹⁴.

¹³ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 3—98.

¹⁴ Brogan H. The Life of Arthur Ransome. London, 1992. P. 122—124; PArnot P.R. Op. cit. P. 11—23.

16 марта, т.е. еще до официального признания со стороны Лондона, в адрес Временного правительства была направлена приветственная телеграмма от двадцати лидеров крупнейших британских профсоюзов, из которых шесть являлись членами правительства, а четырнадцать — парламента¹⁵. Вслед за ней десятки организаций и сотни простых людей адресовали депутатам Государственной думы, лидерам политических партий и даже министрам революционной России письма с поддержкой вступления страны в демократическую эпоху ее исторического существования.

Особый восторг британской и всей европейской общественности вызвало решение Временного правительства 25 марта 1917 г. амнистировать политических заключенных. Многие англичане — современники социальных катаклизмов весны 1917 г. описывали огромное сочувствие и прилив доброжелательности по отношению к России и ее народу со стороны подданных Георга V в связи со свержением царского режима, воспринимавшегося политиками и общественностью Соединенного Королевства как пережиток давно ушедшей в прошлое феодальной эпохи. Такие «романтически настроенные» лейбористские лидеры, как пацифист Р. Макдональд — будущий премьер-министр Соединенного Королевства, с воодушевлением приветствовали свержение царского режима, знаменовавшее собой, как отмечалось в его личном письме А.Ф. Керенскому, наступление эры глубокой социальной трансформации всего мира¹⁶.

Сопоставление двух величайших в истории революционных движений — 1789 и 1917 гг. — наиболее активно проводилось британскими интеллектуалами: учеными, писателями и деятелями искусства вплоть до середины 1920-х гг. Хотя имелись и другие мнения. Так, некоторые наблюдатели сравнивали российский Февраль с эпохой Славной Революции 1688 г., совершившейся, аналогично ликвидации самодержавия в 1917 г., практически бескровно. Другие говорили о схожести драматических событий в Петрограде с началом антироялистских выступлений сторонников английского парламента в 1640 г. Но все же большинство комментаторов разделяли точку зрения левых публицистов о ярко выраженном подобии свержения Николая II освобождению Франции от абсолютистского режима Людовика XVI в конце XVIII в.¹⁷

¹⁵ Morning Post. March 17, 1917.

¹⁶ Marquand D. Ramsay Macdonald. London, 1977. P. 208, 210–211; Ward S. James Ramsay Macdonald. Low Born Among the High Brows. New York, 1990. P. 93–94.

¹⁷ Esher O. (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. London, 1938. Vol. IV. P. 98–99. Esher to Stamfordham, March 26, 1917; Russell B. The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920. Pt. I. P. 5.

Джеймс Рамсей Макдональд

Дипломатическое признание Лондоном вместе с Парижем Временного правительства 24 марта 1917 г., различные делегации, которые были направлены правительством Д. Ллойд Джорджа и британскими общественными организациями в революционную Россию весной — летом того же года, а также усиление активности дипломатической и военной миссий Соединенного Королевства на территории бывшей Романовской империи, свидетельствовали о наступлении подлинно «медового месяца» в отношениях двух стран, одна из которых поступательно, как казалось тогда многим современникам, продвигалась по пути утверждения демократии. Характерно, что сразу же после отречения Николая II 15 марта 1917 г. лидер юнионистов (консерваторов) Э. Бонар Лоу заявил в парламенте: «Информация, которой мы располагаем, позволяет с уверенностью говорить о том, что революционное движение не направлено против войны, а скорее наоборот, призвано стимулировать ее продолжение с эффективностью и энергией, которые ожидает народ»¹⁸.

Намереваясь избежать малейшего впечатления в России о том, что Англия стремится к восстановлению монархии, несмотря на тесные родственные узы и хорошие личные отношения двоюродных братьев — Николая и Георга, Кабинет после некоторых колебаний поддержал отзыв направленного ранее предложения короля разрешить свергнутому российскому

¹⁸ Hansard Parliamentary Debates (PD), ser. 5th, vol. XCI, col. 1421.

императору и его семье получение убежища в Соединенном Королевстве до окончания мировой войны¹⁹.

Тем временем главным вопросом для Лондона в отношениях с революционной Россией оставалось всемерное стимулирование ее военных усилий, но теперь уже на принципах единения старых европейских и новой российской демократий, которым противостояли антинародные монархические режимы Центральных держав. Однако уже к середине 1917 г. эйфория в Британии от Февральских событий в России постепенно сошла на нет. Пожалуй, решающим моментом в этой трансформации общественного мнения явилась неудача июльского наступления русских войск на Восточном фронте. Именно провал согласованного с Антантой и тщательно готовившегося прорыва германо-австрийского фронта летом 1917 г. убедил Лондон в том, что роль России в победоносном завершении Великой войны стремится к нулю, а демократический строй перед лицом нараставшей в стране анархии имеет крайне мало шансов на стабилизацию, что и подтвердили дальнейшие события октября — ноября того же судьбоносного года в мировой истории.

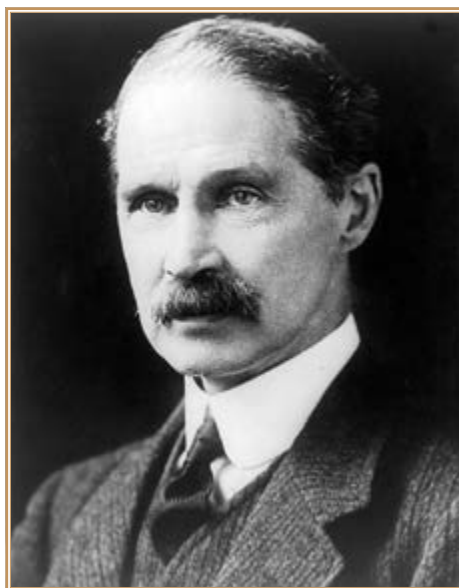
Разочаровавшись в Керенском как возможном лидере Российской республики, Великобритания, хотя и неофициально, сделала ставку на главнокомандующего А.Г. Корнилова, фактически поддержав его выступление в начале сентября 1917 г., прикрыв эту поддержку флером посредничества между генералом и премьером²⁰.

Фиаско движения Корнилова на фоне нараставшей дезорганизации всего государственного аппарата России и хаоса в экономике вызвало откровенное раздражение Уайтхолла, а в дипломатическом плане привело к направлению 9 октября 1917 г. в адрес Временного правительства довольно жесткого по тону запроса Антанты о верности российских властей своим союзническим обязательствам²¹. В ответ Керенский сделал попытку напра-

¹⁹ Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2014. С. 202–209; Сергеев Е.Ю. Британия и Февральская революция 1917 года в России. С. 12–14.

²⁰ О поддержке англичанами движения А.Г. Корнилова см.: Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории / Пер. с англ. М., 2006. С. 358, 380–385; Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 264–315; Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 247–275; Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский. В кн.: Россия в XIX–XX вв. / Отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 69, 75; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. London–New York, 1996. P. 102–103; etc.

²¹ Игнатъев А.В. От Февраля к Октябрю. С. 597–598; он же. 1917 год — политика Временного правительства. В кн.: Очерки истории МИД России / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002. Т. 2. С. 30–32; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 71–72.

Эндрю Бонар Лоу

вить Ллойд Джорджу личное послание с предложением выступить инициатором начала переговоров с Германией на таких условиях, которые явились бы неприемлемыми для Берлина, что в свою очередь предоставило бы Временному правительству возможность обвинить немцев в несговорчивости, а большевиков, которые выступали за перемирие, в предательстве, провозгласив новый этап борьбы против Центральных держав вплоть до окончательной победы Антанты. Однако этому хитроумному плану не суждено было осуществиться по ряду причин, главной из которых стал захват власти большевиками в ноябре 1917 г.²²

Сравнивая восприятие британцами двух этапов Великой российской революции 1917 г., отметим, что после некоторых колебаний, которые продолжались около двух недель, общественность Альбиона в большей своей части восприняла советский режим с тревогой и даже страхом. Это объяснялось тем обстоятельством, что, несмотря на первоначальное облегчение, испытанное британским истеблишментом после коллапса Временного правительства, показавшего себя абсолютно неэффективным с точки зрения наращивания военных усилий России, новые лидеры «максималистов», как называли сторонников Ленина в Европе, рассматривались на берегах Темзы либо в качестве марионеток Берлина, либо опасных фанатиков-идеалистов, готовых ради осуществления своих утопических замыслов ввергнуть не только бывшую Российскую империю, но и всю планету в кошмар вселенского разрушения.

²² Milton G. Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London, 2014. P. 62–63.

Таким образом, траектория восприятия революционных событий в России английскими политиками и общественностью на протяжении 1917 г. напоминает движение маятника, что характеризует в целом развитие отношений между двумя странами на протяжении нескольких столетий. Создается впечатление, что, воспринимая Российское государство как страну иного цивилизационно-культурного ареала, да к тому же стадияльно отстающую в своем развитии от передового англо-саксонского мира, британцы считали возможным в контактах с Россией пренебрегать соблюдением принципов «справедливой игры» (fair play), которых они стремились неукоснительно придерживаться в общении с «цивилизованными странами». Только чрезвычайные обстоятельства, к примеру, возникновение смертельной угрозы для имперских интересов со стороны очередного претендента на мировое господство, вроде Наполеона, Вильгельма или Гитлера, заставляли Лондон сотрудничать с Россией, но лишь в тактических целях и на протяжении короткого периода.

С сожалением мы вынуждены констатировать, что даже современные глобальные вызовы не в силах изменить эту тенденцию, продолжающую доминировать в общественном сознании подданных Соединенного Королевства и в наступившем XXI столетии.

REFERENCES

1. *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987.
2. *Alekseeva I.V.* Agonija serdechnogo soglasija. Carizm, burzhuazija i ih so-
juzniki po Antante. 1914–1917 gg. Lenizdat. 1990, 317 p.
3. *Arnot P.R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967.
4. *B'jukenen D.* Moja missija v Rossii. Vospominanija anglijskogo diplomata
1910–1918/ Per. s angl. M., 2006. 356 p.
5. *Brogan H.* The Life of Arthur Ransome. London, 1992.
6. *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Rela-
tions. Lanham, Md., 2014.
7. *Davidson A.B.* Obraz Britanii v Rossii XIX i HH stoletij // Novaja i novejšaja
istorija, 2005. № 5. P. 51–64.
8. *Esher O.* (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. London, 1938.
Vol. IV. P. 98–99. Esher to Stamfordham, March 26, 1917.
9. *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996.
10. *Gardner L.* Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolu-
tion, 1913–1923. New York–Oxford, 1987.
11. *Globachev K.I.* Pravda o russoj revoljucii. Vospominanija byvshego nachal'nika
Petrogradskogo ohrannogo otdelenija // Voprosy istorii. 2002. № 9. P. 70.
12. Hansard Parliamentary Debates (PD), ser. 5th, vol. XCI, col. 1421.
13. *Ignat'ev A.V.* Ot Fevralja k Oktjabrju. — V kn.: Istorija vneshnej politiki Rossii.
Konec XIX — nachalo XX veka. M., 1997. 670 p.
14. *Ignat'ev A.V.* Russko-anglijskie otnoshenija nakanune Oktjabr'skoj revoljucii
(fevral' — oktjabr' 1917 g.) M., 1966. 400 p.
15. *Ignat'ev A.V.* Vneshnjaja politika Vremennogo pravitel'stva. M., 1974. 440 p.
16. Izvestija Petrogradskogo Soveta rabochih i soldatskih deputatov. 26 maja
1917 g. № 75.
17. *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917–1989. Houndmills–London, 1990.
18. *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston–Toronto, 1960.
19. *Kerenskij A.F.* Rossija v povorotnyj moment istorii. Per. s angl. L.A. Igorevs-
kogo. M., 2006. 524 p.
20. *Kettle M.* Russia and the Allies. The Allies and the Russian Collapse, March
1917 — March 1918. London, 1981, Vol. 1. 287 p.
21. *Keynes J.* The Economic Consequence of the Peace. London, 1920. 143 p.

22. *Kolonickij B.I.* Britanske missii i A.F. Kerenskij. — V kn.: Rossiya v XIX–XX vv./ Otv. red. A.A. Fursenko. SPb., 1998.
23. *Lokkart R.B.* Istorija iznutri. Memuary britanskogo agenta. Per. s angl. M., 1991. 302 p.
24. *Marquand D.* Ramsay Macdonald. London, 1977.
25. *Milton G.* Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London, 2014. 400 p.
26. Morning Post. March 17, 1917.
27. *Northedge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London–Basingstoke, 1982.
28. *O'Brien T. Milner.* Viscount Milner of Cape Town, 1854–1925. London, 1979.
29. *Ostapenko G.S.* Britanskaja monarhija ot korolevy Viktorii do naslednikov Elizavety II: koncepcija upravljenja i lichnost' suverena. M., 2014. 384 p.
30. *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George: His Life and Time. London, 1954. 376 p.
31. Oxford University. Bodleian Library. Special Collections. Milner Papers. MS Milner, dep. 372. Memorandum on the Political Situation in Russia, February, 1917.
32. *Pavlovich M.* Sovetskaja Rossiya i kapitalisticheskaja Anglija (ot jepohi carizma do pravitel'stva Chamberlena — Bolduina 1925 g.). M., 1925. 202 p.
33. *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921.
34. *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920, Pt. I.
35. *Sergeev E.Ju.* Britanija i Fevral'skaja revoljucija 1917 goda v Rossii (po materialam britanskih arhivov) // Novaja i novejšaja istorija. 2017. № 4. P. 3–15.
36. *Sergeev E.Ju.* Russkij Oktjabr' 1917 goda v obshhestvennom mnenii Velikobritanii // Novaja i novejšaja istorija. 2017. № 5. P. 3–17.
37. *Service R.* The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution. London: Macmillan, 2017.
38. *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London–New York, 1996.
39. *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, N.J., 1961. Vol. 1.
40. *Ward S.* James Ramsay Macdonald. Low Born Among the High Brows. New York, 1990.
41. *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. Durham, N.C., 1954.
42. *Wrench J.* Alfred Lord Milner. The Man of No Illusions, 1854–1925. London, 1958. Ch. XX.
43. 1854–1925. London, 1958. Ch. XX.

Ключевые слова:

российская революция 1917 г., российско-британские отношения, международная дипломатия, общественное мнение, Временное правительство, британское посольство в России, Керенский, Ллойд Джордж, Бальфур, Бьюкенен.

Evgeny Y. Sergeev

RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE PUBLIC DISCOURSE OF GREAT BRITAIN: FROM EUPHORIA TO DISSAPPOINTMENT AND FEAR

The article deals with some key aspects of the perception of the Russian revolution of 1917 by the political establishment and public at large in Great Britain which occupied a leading position in the Entente throughout the First World War of 1914–1918. The author retraces the main periods in the transformation of British attitudes to the revolutionary events in Russia: from February to October of the crucial year for this country and the whole world. Based on new or lesser-known sources, this study is a comparative analysis of evaluations of radical upheaval in the life of the former empire, which became a republic, by representatives of various political parties and movements — from Conservatives to left-Laborites. The paper concludes that a circular trajectory may be considered as the most typical for the general dynamics of the Russian (Soviet)-British relations in the Twentieth Century.

Сергеев Евгений Юрьевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук, вице-президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны

Г.Н. Ланской

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

России начала XX в. на фоне недавших конструктивных результатов дискуссий о возможности доступа сторонников либеральных социально-политических преобразований к участию в государственном управлении и усилении социалистических настроений среди рабочих и крестьян, связанных с их стремлением повысить объем своих экономических прав, развивался временами в латентной и временами в открытой форме революционный процесс. При этом сама идея «увенчания здания», относившаяся одновременно к центральному и к местному уровням организации государственного аппарата Российской империи, представляла собой стремление многих представителей предпринимательского класса и слоя интеллигенции вернуться к достижениям реформ 1860–1870-х гг., курс на свертыwanie которых начал Александр III и продолжил в первое десятилетие своего правления Николай II. Намерение данных общественных слоев не только включиться в реальный процесс принятия и реализации политических решений, но и закрепить рамки данной возможности на уровне основного законодательства стран воплотилось в движении земцев-конституционалистов, особенности которого стали объектом комплексного

изучения в работах К.Ф. Шацилло¹, К.А. Соловьева² и ряда других как отечественных, так и зарубежных авторов. Затем в ходе первой российской революции 1905–1907 гг., включавшей в себя также широко известные выступления рабочих, крестьян, солдат и матросов, основные достижения оппонентов системы самодержавного направления были связаны именно с успехами деятелей либерального демократического движения, склонивших в ходе октябрьского вооруженного восстания правящие круги к созданию реальных представительных органов государственной власти пусть и с законосовещательными полномочиями.

Данный процесс, обусловивший последующую, увенчавшуюся свержением монархического строя, конкуренцию между императором и его ближайшим окружением, с одной стороны, и представленными в законосовещательных органах государственной власти деятелями правозащитной и центристской оппозиции, с другой, выпадал из традиции аналогичного по содержанию противостояния, уже встречавшегося в странах Западной Европы, прошедших к началу XX в. свой путь свержения монархии. Отличие заключалось в том, что между первым революционным конфликтом, завершившимся по существу подавлением наиболее активной левой оппозиции в рамках деятельности состава III Государственной думы (так называемым третьеиюньским переворотом), и вторым революционным конфликтом, называемым вслед за работами американского историка Р. Пайпса³, в современной историографии великой российской революции прошел относительно затяжной этап, на котором степень эффективности существовавшей самодержавной системы правления только усиливалась, что, на наш взгляд, имеет широкую доказательную базу в фундаментальных научных исследованиях⁴. Например, в Британской империи свержение королевской власти хотя и привело к установлению диктаторского режима О. Кромвеля, но в результате через относительно небольшой промежуток времени завершилось установлением весьма устойчивого режима конституционной власти, воплотившегося в систему конституционной — вначале дуалистической, а затем парламентарной — монархии. Во Франции процесс стабилизации демократических отношений в политической сфере шел весьма долго и практически завершился

¹ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985.

² Соловьев К.А. Круг «Беседа» в поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009.

³ Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. М., 2005.

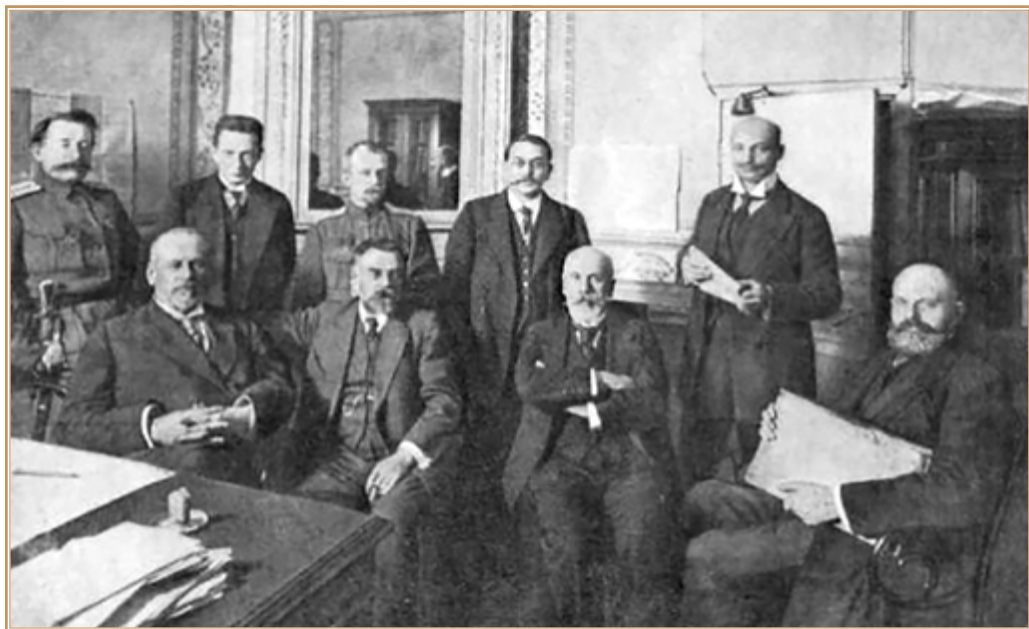
⁴ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984.

только после потрясений, связанных с восстанием Парижской коммуны и особенно с поражением в войне с Пруссией 1870–1871 гг., однако сам процесс первого свержения так называемого «старого порядка» в ходе революции 1789–1794 гг. был весьма решительным. Таким образом, на уровне политической практики реализации революционного процесса международный контекст мало повлиял на предпосылки и ход революционного процесса в России в начале XX в., но нельзя не отметить, что сам этот процесс стал активно использовавшимся объектом экспорта в практику социальных движений в других странах как Европейского континента, так и других регионов мира.

Поэтому, говоря об историческом контексте революционного движения в России начала XX в., наиболее обосновано выявление и исследование именно идеологического контекста, который проявился в либеральной, в умеренной социалистической и в радикальной социалистической формах, из которых либеральная форма оказалась в силу масштабности и интенсивности развития в России социальных противоречий наиболее слабой. При этом под идеологическим контекстом понимается совокупность теоретически сформулированных и практически ориентированных представлений о перспективных формах изменения системы организации политической власти и способов управления общественными отношениями.

Либеральная форма идеологического контекста распространившейся в России к началу XX в. революционной идеологии была обусловлена в первую очередь складывавшейся на всем протяжении развития российской государственности самодержавной моделью управления общественными отношениями. По существу данная модель выступила в качестве единственной альтернативы существовавшей в течение почти двух с половиной столетий системе вассального подчинения Российского государства золотоордынскому ханству и начала активно внедряться по мере формирования российского централизованного государства и проходившего параллельно с ним ослабления внешнеполитической зависимости. Выбор и реализация самодержавной модели были одновременно связаны с проявившимся в идеологическом и практическом аспектах влиянием международного фактора, обусловленного традициями развития разрушенной Османской империи, и со сложившимися внутри государства практиками плодотворного взаимодействия структур православной церкви и Русского государства.

Впоследствии в России постоянно складывались факторы, препятствовавшие проникновению в практику социального, политического и культурного развития либеральных или хотя бы традиционно предше-

Члены Прогрессивного блока в Государственной думе. 1915 г.

ствующих их распространению демократических идей и приводившие к внутренней стабилизации исключительно путем усиления самодержавной системы управления. На внешнем — международном — уровне к их числу относились постоянно возникавшие стремления соседних государств — в первую очередь Османской империи, Речи Посполитой и Швеции — нарушить территориальную целостность Российского государства и формировавшиеся другими, относительно более миролюбивыми европейскими государствами препятствия для интеграции России в систему международных отношений. На внутреннем уровне проникновение либеральных идей пресекалось периодически возобновлявшимися социальными волнениями, которые охватывали различные слои крестьянского и городского населения. В результате модель «просвещенного абсолютизма», избиравшаяся не только на декларативном уровне в начале правлений Екатерины II и ее внука Александра I и ориентированная на частичное (в связи с сохранением самодержавной модели управления) сближение с идеями конституционализма и другими, производными от них элементами либерализма, свертывалась под воздействием протестных настроений внутри государства.

Таким образом, с точки зрения оценки роли международного контекста возникновения либеральных идей в политической и социальной среде развития российского общества и в перспективе их проявления в ходе революционного движения начала XX в. следует подчеркнуть наличие ста-

бильных условий для радикализации этих идей и, следовательно, для их отхода от пути мирного эволюционного внедрения.

Прежде всего, данные условия объяснялись тем, что вплоть до событий октябрьского вооруженного восстания 1905 г. все социальные конфликты разрешались представителями политического руководства Российской империи путем укрепления авторитарных механизмов управления обществом и, в частности, активизацией применения репрессивных действий в отношении представителей оппозиции независимо от степени их радикализма. В частности, тотальным проявлением авторитаризма было отмечено правление императора Александра III, начавшееся провозглашением манифеста о «незыблемости самодержавия» и продолжившееся административным давлением на все слои общества и отдельные созданные в ходе реформ Александра II прогрессивные общественные институты, к которым в первую очередь относились земские учреждения. Из данной неоднократно встречавшейся ранее в истории российской государственности тенденции следует ключевое, на наш взгляд, отличие российской системы самодержавного управления от абсолютистской модели реализации государственной власти в ряде стран Западной Европы, специфика которого широко активно обсуждалась в отечественной историографии рубежа 1960–1970-х гг. специалистами как по истории России⁵, так и по истории зарубежных стран⁶. Оно заключалось в том, что абсолютистская модель в отличие от самодержавной модели все же временами оказывалась восприимчивой по отношению к либеральным проектам и тем самым проявляла способность к возрождению, как это было, в частности, во Франции в периоды правления Наполеона Бонапарта и последующей реставрации власти династии Бурбонов. Более того — например, в викторианской Англии и в ряде стран Южной Европы (Испании, Италии) — монархическая власть проявляла себя как один из фундаментальных источников стабильности. В Российской империи самодержавная система, постоянно подминая под себя либеральные политические силы и идеи либерализма в целом, функционировала по существу вплоть до своего разрушения в ходе кризиса Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г.

⁵ См.: Павлова-Сильванская М.И. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 6. С. 217–231; Сахаров А.Н. Исторические аспекты образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 110–124.

⁶ См.: Чистозвонов А.Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62; Чистозвонов А.Н. К дискуссии об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1971. № 3. С. 72–76.

Также, рассматривая роль возникших и отчетливо проявивших себя в западноевропейских странах идей либерализма в формировании российского революционного процесса, следует подчеркнуть, что правящая элита государственного аппарата России видела продуктивность их учета и использования в рамках социальных отношений исключительно в экономической сфере и только под собственным контролем. Данная особенность неоднократно подчеркивалась зарубежными исследователями еще в период 1960–1980-х гг., когда их советские коллеги еще ограничивали теоретические рамки своих исследований концепцией о противостоянии монархического и, как подчеркивалось, дворянского режима и широких социальных слоев пролетариата, крестьянства, солдат и матросов как об основе революционного процесса. В частности, один из основоположников применения теории модернизации в отношении изучения российской истории второй половины XIX — начала XX в. американский историк Т. фон Лауэ в конце 1960-х гг. подчеркивал, что «самодержавие, которое представлял Николай II, не могло быть достаточно сильным для реализации долгосрочного плана интенсивного промышленного развития: царский режим в существовавшем виде не мог стать авангардом модернизации»⁷. Данная точка зрения, дополняясь новыми, подводимыми под ее основу фактами, осталась определяющей для работ американских и английских авторов, о чем свидетельствовали многочисленные монографические исследования⁸. Несмотря на устойчивую детерминированность взглядов и концептуальных построений зарубежных ученых и публицистов стремлением продемонстрировать отсталость, архаичность и неэффективность самодержавной модели управления в России по сравнению с политическими системами государств, уже прошедших к началу XX в. путь либерализации политической и экономической системы, не вызывает сомнений тот факт, что и последние два российских императора, и представители их политического окружения воспринимали взаимодействие с обладателями либеральных идей из числа предпринимателей и профессиональной интеллигенции исключительно в прагматической плоскости. Она выражалась в периодическом стремлении извлечь инвестиционные выгоды для финансирования государственного сектора экономики, в частности, в сфере железнодорожного строительства и в проявлявшемся правительственными структурами стремлении монополи-

⁷ Von Laue T. Problems of industrialization // Russia under the last tsar. Minneapolis, 1969. P. 137.

⁸ Напр.: McDaniel T. The autocracy, capitalism and revolution in Russia. Berkeley, 1988; Owen Th. C. Capitalism and politics in Russia. Cambridge, 1981.

зировать управление отдельными хозяйственными проектами на основе временно использовавшихся инструментов частно-государственного партнерства. Именно поэтому после создания в августе 1915 г. рядом членов Государственного совета и многими депутатами IV Государственной думы Прогрессивного блока, ставшего впоследствии одной из институциональных основ первых двух составов Временного правительства, стратегические пути представителей либеральных партий и консервативно настроенной части монархистов разошлись окончательно, максимально ускорив революционный процесс.

Идеологический контекст российской революции, связанный с влиянием ориентированных в плоскость умеренного — главным образом доктринального — противостояния между правящими политическими кругами Российской империи и рядом представителей демократической интеллигенции, стал зарождаться после того, как обладатели самодержавной власти отказались от использования в своей практической деятельности идей «просвещенного абсолютизма» и в особенности конституционализма. Отличительной особенностью взглядов умеренно настроенных социал-демократов в России было то, что они настаивали на принятии и внедрении источников конституционного права и обязательном, закреплённом в этих источниках разделении властных полномочий между структурами исполнительной власти и избираемым по сословно-представительному принципу Законодательным собранием. Таким образом, они считали модернизационный потенциал самодержавного механизма власти исчерпанным задолго до рубежа 1890–1900-х гг., который назывался в советской историографии вслед за теоретическими положениями историографической концепции В.И. Ленина периодом возникновения третьей революционной ситуации⁹, в то время как большинство сторонников идей либерализма отклонились от мирной политической стратегии по существу только в ходе первой российской революции.

Следует подчеркнуть, что наличие представлявших так называемый третий — компромиссный — путь революционного процесса социал-демократических партий долгое время игнорировалось как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Данная ситуация объяснялась не только магическим влиянием итогов социалистической фазы «великой российской революции» 1917–1920 гг., но и приверженностью подавляющего большинства авторов, представлявших не только марксистско-ленинские, но и монархические идеи, так называемой теории «двух лаге-

⁹ См., напр.: Шауцлло К.Ф. 1905-й год. М., 1980.

П.Б. Струве

рей». Согласно данной теории революционный процесс, охватывавший не только период начала XX в., но и выделявшиеся в работах советских историков (в частности, М.В. Нечкиной) периоды первой революционной ситуации 1859–1861 гг. и второй революционной ситуации 1879–1881 гг., представлял собой нараставшее и непримиримое противостояние социальных групп, разделившихся между охранительным и революционным лагерями. Только во второй половине 1980-х гг. под влиянием углубленного изучения теоретического наследия различных идеологов российской социал-демократии, проявившегося, в частности, в рамках монографии Р. Пайпса о П.Б. Струве¹⁰, в зарубежной и отечественной историографии стали формироваться менее прямолинейные взгляды на состав и идеологическую платформу революционного движения в России. В частности, продуктивным стал проведенный рядом авторов (прежде всего, одним из наиболее ярких представителей зарубежного руссиеведения английским историком Т. Шаниным) сравнительный анализ содержания и результатов событий первой российской революции 1905–1907 гг. и французской революции 1848 г.

Выявляя причины относительно стабильного развития Франции в либерально-индустриальном ключе вплоть до событий Франко-прусской войны и восстания Парижской коммуны и тем более после их завершения

¹⁰ Pipes R. Struve: Liberal on the right. Harvard, 1980.

и, напротив, наступления скорого политического кризиса так называемой третьейюньской системы в России, Т. Шанин и параллельно с ним изучавший события 1905–1907 гг. американский историк А. Ашер пришли к выводу о существенной внутренней разрозненности социал-демократического движения в России в начале XX в. Делая глобальный вывод о существовании в данный период «не о двух Россиях (эксплуататоров и эксплуатируемых), а об одной высоко фрагментарной России», он, в частности, писал: «Конфликты, вызванные политическими течениями, объяснялись наличием в России сильных разрушительных процессов, тогда как ни сторонники, ни противники старого порядка не имели в своих рядах объединяющих представлений»¹¹.

Именно влияние международного идеологического и, с другой стороны, социально-политического контекста являлось для представителей умеренного социал-демократического направления ключевым основанием для оценки предпосылок, специфики и потенциальных результатов революционного процесса. В качестве основного элемента, составлявшего идеологический контекст, при этом выступало активно изучавшееся со второй половины 1870-х гг. в социалистически настроенных кругах общества учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Обращение к нему было обусловлено тем, что избранная частью российских революционно-демократических деятелей тактика пропаганды заложенных А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским идей «общинного социализма», реализовывавшаяся в рамках двух «хождений в народ», не нашла понимания у широких слоев малоимущего и особенно среднего по своему достатку крестьянства. Оказавшись в ситуации практического тупика на данном пропагандистском направлении и сталкиваясь в связи с разветвленностью и еще достаточно высокой степенью прочности системы государственного управления, сторонники социалистических идей, не присоединившиеся к группе народovolьцев, обратились к изучению идеологии марксизма с целью определения перспектив ее применения в рамках будущей социалистической модернизации российского общества. В частности, данное тактическое решение было принято основателями группы «Освобождение труда», среди которых наиболее авторитетным теоретиком и идеологом был Г.В. Плеханов.

Рассматривая предпосылки и определяя степень возможной эффективности социалистической революции в России, исходя из оценки сложившейся к концу XIX в. практики развития различных сфер государства и об-

¹¹ Ascher A. The revolution of 1905: Russia in Dissaray: in 2 volumes. Vol. 1. Stanford, 1985. P. 12.

Г.В. Плеханов

щества и сформировавшегося к этому времени опыта мирового революционного движения, он и его единомышленники, составившие впоследствии основу меньшевистской группы в рамках Российской социал-демократической рабочей партии, подчеркивали недостаточный уровень формирования в стране тех материальных предпосылок, которые считал в своих наблюдениях и выводах необходимыми К. Маркс. Прежде всего, элементы недостаточности выявлялись в невысоком по сравнению с передовыми странами Западной Европы уровне распространения и развития производственно-капиталистических отношений и их движущих сил — прежде всего в лице промышленного пролетариата. Также на теоретическом¹² уровне и на уровне конкретных наблюдений Г.В. Плеханов указывал на необходимость наличия в широких слоях общества относительно развитой культуры соблюдения демократических норм поведения для избегания нежелательной высокой степени социального насилия в ходе революционных событий как со стороны обновленных в ходе этих событий структур исполнительной власти, так и со стороны широких слоев общества.

Следуя за утверждениями и выводами К. Маркса¹³, он наряду с создателями теории «легального марксизма» П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановским

¹² Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 2017.

¹³ Маркс К. Разоблачение дипломатической истории // Вопросы истории. 1989. № 1—3.

М.И. Туган-Барановский

последовательно отстаивал точку зрения о том, что в России к началу XX в. сохранялось очевидное отставание от того уровня капиталистического развития, который был достигнут передовыми странами Западной Европы, что объяснялось прежде всего сохранявшимися в значительном объеме традиционными — архаичными — элементами политической и экономической системы. По существу данные авторы указывали на необходимость продолжения эволюционного пути развития общественных отношений на территории Российской империи в сфере повышения социально-правового статуса и уровня материального благосостояния малоимущих слоев трудящегося населения, который естественно предполагал последовательную замену самодержавной системы управления на демократическую. Таким образом, реальные последователи марксистского учения в России конца XIX — начала XX в. предрекали необходимость создания своего рода «первоначального капиталистического накопления» для того, чтобы обеспечить на территории всей страны формирование реальных социалистических отношений между всеми слоями населения.

По сравнению с рассмотренными в рамках международного и национального идеологического контекста представлениями идеологов либерализма и легального марксизма о предпосылках, содержании и целях революционного процесса стратегия последователей радикального социалистического течения характеризовалась стремлением к решению конкретных политических задач без учета каких-либо внешних и внутренних издержек.

Карл Каутский

Уже в преддверии событий второй российской революции, начавшейся в феврале и продолжившейся в октябре 1917 г., в рамках данного течения отчетливо наметились два направления, основным идеологом первого из которых был В.И. Ленин, а второго — Л.Д. Троцкий.

С точки зрения восприятия международного идеологического контекста теоретическое направление, сформированное и возглавленное В.И. Лениным, характеризовалось, главным образом, декларативной преемственностью по отношению к теории марксизма и фактическим отрицанием необходимости использования опыта западноевропейских революций XVII—XIX вв. Этот опыт оценивался основоположником Советского государства и господствовавшей в течение нескольких десятилетий в Советском государстве концепции социально-гуманитарного знания критически, под углом зрения необходимости учета допущенных революционерами недостатков. Рассматривая в качестве наиболее оптимального воплощения революционных идей якобинскую диктатуру, В.И. Ленин отрицал в рамках своей концепции практическую значимость сформированных, главным образом, во Франции положений утопического социализма и анархизма. С другой стороны, он стремился доказать в своих научных¹⁴

¹⁴ Напр.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 3. М., 1975. С. 1–636.

и публицистических¹⁵ работах, что независимо от международного контекста, связанного, по его мнению, с перерастанием капиталистического строя в заключительную империалистическую стадию и неизбежным последующим распадом, в России сложились достаточные предпосылки для ускоренного и уникального для всех стран мира достижения социалистической революции. В связи с этим В.И. Лениным был сформирован ряд теоретических положений, ставших концептуальной основой для официальной советской историографии и идеологическим руководством к действию для руководителей тех стран мира, которые пришли в течение XX в. к решению использовать революционный опыт, воплощенный в России после октябрьского вооруженного восстания 1917 г. В частности, данные положения заключались в возможности постепенного перерастания либерально-буржуазной революции в социалистическую, а частной собственности в общественную.

Радикальное направление социалистической мысли, представленное Л.Д. Троцким, было в отличие от ленинского направления вписано в международный идеологический контекст, поскольку основывалось на идеях коммунистического интернационального единства. Будучи в определенной мере связанным, с одной стороны, с идеями анархизма о необходимости массового восстания против империалистической и авторитарно-бюрократической практики функционирования структур государственной власти и, с другой стороны, с представлениями К. Каутского и Е. Дюринга о необходимости временного использования революционного насилия для создания социалистических государств, троцкизм получил достаточно широкую поддержку не только в период, предшествовавший событиям Второй мировой войны, но также, например, в период социальных волнений конца 1960-х гг. во Франции. В отличие от В.И. Ленина Л.Д. Троцкий в своих теоретических¹⁶ и конкретно-исторических работах¹⁷ доказывал, что страны, отставшие по объективным причинам в своем социально-экономическом и политическом развитии от передовых государств, способны успешно пройти путь социалистической революции только в успешном и синхронном взаимодействии. В данном контексте в качестве передовой силы революционного движения в отличие от В.И. Ленина, И.В. Сталина и Н.И. Бухарина он рассма-

¹⁵ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 30. М., 1975. С. 306–328.

¹⁶ Троцкий Л.Д. Что такое перманентная революция? Основные положения // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 283–290.

¹⁷ Напр.: Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1–2.

Евгений Дюринг

тривал представителей рабочего класса, испытывающего во всех странах мира одинаковые трудности в адаптации к условиям начального развития промышленного капитализма, ориентированного в первую очередь на накопление частного капитала и противоположного по своим устремлениям по отношению к хозяйственной психологии крестьянства¹⁸. Впоследствии в условиях завершения второй российской революции, включившей в себя также основную фазу Гражданской войны, концепция Л.Д. Троцкого стала основным объектом критики и отрицания в рамках советской официальной идеологии.

Таким образом, международный контекст проявившейся в России начала XX в. революционной идеологии включил в себя все теории оппозиционные по отношению к консервативной теории самодержавного и частично обскурантистского управления страной. Их спектр объединил идеи либерального переустройства, постепенной социал-демократической революции умеренного типа и радикальной социалистической революции, ведущей по существу к реставрации силами коммунистической партии и репрессивных органов авторитарного режима управления государством и обществом. Очевидной и закономерной особенностью первых десятилетий развития России после октябрьского вооруженного

¹⁸ См.: Ланской Г.Н. Российское крестьянство в представлениях теоретиков большевизма // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2012. Вып. 19. С. 204–217.

восстания 1917 г. и событий Гражданской войны являлось максимальное отторжение от идеологических концепций, сложившихся в зарубежных странах, следовавших демократическим традициям и ориентирам. Однако уже с середины 1950-х гг. ввиду постепенного исчерпывания ресурсов мобилизационного авторитарного развития интерес к данным концепциям стал вновь проявляться. Их изучение, так же как и исследования внутренних идеологических и практических альтернатив революционного процесса в России начала XX в., может иметь очевидную теоретическую и практическую значимость.

REFERENCES

1. *Ascher A.* The revolution of 1905: Russia in Dissaray: in 2 volumes. Vol. 1. Stanford, 1985. P. 12.
2. *Chistozvonov A.N.* K diskussii ob osobennostyah absolyutizma [To discussion of specific features of absolutism] // History of USSR. 1971. № 3. P. 72–76.
3. *Lanskoy G.N.* Rossiyskoye krestyanstvo v predstavleniyakh teoreticov bolshevisma [Russian peasantry in views of theoretical minders of bolshevism] // North-West in agrarian history of Russia. Kaliningrad, 2012. № 19. P. 204–217.
4. *Lenin V.I.* Doklad o revolyutzii 1905 goda // *Lenin V.I.* Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 tomah. T. 30. Moscow, 1975. P. 306–328.
5. *Lenin V.I.* Razvitiye kapitalizma v Rossii. Protzess obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoy promyshlennosti [Development of capitalism in Russia. Process of forming of internal market for large industry] // *Lenin V.I.* Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 tomah. T. 3. Moscow, 1975. P. 1–636.
6. *Marx K.* Razoblacheniye diplomaticheskoy istorii [Disclosure of diplomatic history] // Questions of history. 1989. № 1–3.
7. *Pipes R.* Struve: Liberal on the right. Harvard, 1980. 456 p.
8. *Plekhanov G.V.* Osnovniye voprosy marksizma. K voprosu o razvitii monisticheskogo vzglyada na istoriyu [Basic questions of Marxism. To question of development of monistic view to history]. Moscow, 2017. 280 p.
9. *Trotsky L.D.* Chto takoye permanentnaya revolyutsiya? Osnovnye polozheniya [What is permanent revolution? Basic points] // *Trotsky L.D.* K istorii russkoy revolyutzii. Moscow, 1990. P. 283–290.
10. *Trotsky L.D.* Istoriya russkoy revolyutzii [History of Russian revolution]: in two books. Moscow, 1995. Books 1–2. 1988. 268 p.
11. *Chistozvonov A.N.* Nekotoriye aspekty genezisa absolyutizma [Some aspects of genesis of absolutism] // Questions of history. 1968. № 5. P. 46–62.
12. *Krizis samoderzhaviya v Rossii* [Crisis of autocracy in Russia]. Leningrad, 1984. 664 p.
13. *McDaniel T.* The autocracy, capitalism and revolution in Russia. Berkeley, 1987.
14. *Owen Th. C.* Capitalism and politics in Russia. Cambridge, 1981. 246 p.

15. *Pavlova-Silvanskaya M.I.* K voprosu ob osobennostyah absolutizma v Rossii [To question about specific features of absolutism in Russia] // History of USSR. 1969. № 6. P. 217–231.
16. *Payps R.* Russkaya revolyutziya [Russian Revolution]. Moscow, 2005. 380 p.
17. *Saharov A.N.* Istoricheskie aspekty obrazovaniya russkogo absolutizma [Historical aspects of forming of Russian absolutism] // History of USSR. 1971. № 1. P. 110–126.
18. *Shatzillo K.F.* 1905 god [1905 year]. Moscow, 1980. 196 p.
19. *Shatzillo K.F.* Russkiy liberalism nakanune revolyutzii 1905–1907 godov. Organizatsiya, programmy, taktiki [Russian liberalism before revolution of 1905–1907: organization, programs, tactic]. Moscow, 1985. 354 p.
20. *Solovyov K.A.* Kruzhok «Beseda» v poiskah novoy politicheskoy realnosti. 1899–1905 [Circle «Beseda» in searching of new political reality. 1899–1905]. Moscow, 2009. 288 p.
21. *Von Laue T.* Problems of industrialization // Russia under the last tsar. Minneapolis, 1969. P. 137.

Ключевые слова:

революция, Россия, либерализм, социализм, марксизм, троцкизм, идеологическая концепция.

Grigory N. Lanskoj

INTERNATIONAL CONTEXT OF REVOLUTIONARY IDEOLOGY IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

aper is devoted to the origins and to content of ideological conceptions which had influence to the preparation of revolutions in Russia in the beginning to the XX century. These conceptions are examined from the viewpoint of their appearance in countries of Western Europe and partly in Russia and of their future transformation to practice of social and political developments of Russia. In text are analyzed the objective conditions for diversification of conceptions of liberalism, Marxism and revolutionary anarchism on the territory of Russian Empire. For decision of indicated researching tasks were used retrospective and logical methods were used which gave the possibility to show connections between historical experience of development of the Russian state and perception of oppositional political ideas by its citizens in the context of conceptions of foreign minders were also studied basic ideas of theoreticians of Russian revolutionary movement of end of XIX — beginning of XX century V.I. Lenin, G.V. Plekhanov, L.D. Trotsky and some other. The paper utilized a comparative method with the aim of parallel evaluation of viewpoints of foreign and Russian scientists on specificities of diversification of revolutionary ideas in Russia in the beginning of XX century. At the conclusion of the paper are determined the alternative forms of revolutionary development in Russia in the beginning of XX century connected with diversity of revolutionary ideologies actual for this period.

Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, доцент,
декан факультета документоведения и технотронных архивов,
профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
факультета международных отношений и зарубежного регионоведения
Историко-архивного института РГГУ

В.А. Ермаков

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРОЦКОГО: ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ ИЛИ УТОПИЯ?

толетний юбилей русской революции, возвращая в историческую память страны события 1917 г., ставит ряд новых задач перед исследовательским сообществом. Прежде всего, они касаются переосмысления значимости, обусловленности и необходимости революции как процесса радикальной трансформации социальной системы для России и других стран в контексте тех глобальных изменений, которые происходят в последние десятилетия новейшей истории. Следует рассмотреть на новом качественном уровне не только практические, но и теоретические аспекты революционного процесса и понять роль идеологического фактора для ее динамики. В конкурентном поле идеологических нарративов той эпохи необходимо отметить теорию перманентной революции Л.Д.Троцкого и относительно ее задаться вопросом: являлась ли она в условиях начала XX в. реалистичным проектом распространения революционных трансформаций на глобальном уровне или представляла собой одну из разновидностей утопии социализма, содержащую нереальные планы социального развития? Постановка данного вопроса требует решения целой серии задач. Во-первых, выявление базового концептуального ядра теории перманентной революции и его отличия от других конкурирующих революционных теорий. Во-вторых,

рассмотрение возможностей конкретной реализации данного идеологического проекта в событиях русской революции и во внешней политике того периода. В-третьих, определение степени и характера утопичности концепции в тех условиях.

Рассматривая перманентную революцию как идеологический проект и идейную инновацию Троцкого, стоит сразу отметить, что несмотря на то, что, как отмечает сам Троцкий в работе «Что такое перманентная революция?», выдвинута она была в годы революции 1905–1907 гг. А. Парвусом и Л. Троцким, концептуальное ее оформление произошло преимущественно в конце 20-х гг. XX в., когда Троцкий находился уже в политической изоляции и был фактически отстранен от власти. Его попытка переосмыслить произошедшие с 1917 г. события через призму категории перманентной революции были как попыткой обнаружить генетическую связь его идей с марксистско-ленинскими, так и стремлением выдвинуть версию о том, что после Февральской революции большевики вместе с Лениным являлись носителями и проводниками троцкистской теории «перманентной революции». Подобное использование идеологического, политического и исторического материала диктовалось политическими мотивами борьбы за власть и означало с самого начала реинтерпретацию целой серии фактов и догм марксизма-ленинизма.

Внедряться в детальный концептуальный анализ теории перманентной революции не является предметом статьи, на этот счет существует достаточное количество работ российских и западных историков. Тем не менее следует экскурсом затронуть генетическое происхождение концепции. Необходимо рассмотреть ее базовые положения для понимания того значения, которое она играла в генерировании революционной идеологии и роли, которая ей предписывалась в российском и мировом революционном процессе, запущенном событиями 1917 г. Проникнуть в ядро содержания стоит также для восприятия ее как политического инструмента распространения глобальных социальных трансформаций и революционного транзита, степень эффективности которого представляется возможным оценить спустя 100 лет.

Итак, в ключевой работе «Перманентная революция», вышедшей уже в 1930 г. в Берлине и суммирующей концептуальные взгляды Троцкого, в предисловии, написанном в Принкипо 30 ноября 1929 г., отмечалось, что «в основных своих чертах теория перманентной революции была сформулирована мною еще до решающих событий 1905 г. Россия шла навстречу буржуазной революции»¹. Происхождение концепта связано с работой Марк-

¹ Троцкий Л. Перманентная революция (сб.) / Лев Троцкий. М., 2005. С. 304.

са и Энгельса «Обращение центрального комитета к союзу коммунистов» марта 1850 г., написанной после европейских революций 1848–1849 гг., где есть фраза «...наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти»². Впоследствии социал-демократ Парвус, опираясь на марксистское положение, представил перманентность «как последовательную смену одного революционного этапа следующим»³. Троцкий предложил свой вариант последовательных фаз перманентной революции, считая ее методом трансформации классовых социальных структур до полной ликвидации классового общества. «Перманентная революция, в том смысле, какое Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней реакции, революция, каждый последующий этап которой заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества»⁴. Структурно ядро теории представлено следующими компонентами. «Во-первых, она охватывает проблему перехода от демократической революции к социалистической. Таково, в сущности, историческое происхождение теории»⁵. «Она показывала, как демократические задачи отсталых буржуазных наций непосредственно ведут в нашу эпоху к диктатуре пролетариата, а диктатура пролетариата ставит в порядок дня социалистические задачи. В этом состояла центральная идея теории. ...теория перманентной революции устанавливала, что для отсталых стран путь к демократии идет через диктатуру пролетариата»⁶. «Второй аспект “перманентной” теории характеризует уже социалистическую революцию, как таковую. В течение неопределенно долгого времени и постоянной внутренней борьбы перестраиваются все социальные отношения. Общество непрерывно линяет. Один этап преобразования непосредственно вытекает из другого. Процесс этот сохраняет по необходимости политический характер, т.е. разворачивается через столкновение разных групп перестраивающегося общества. Взрывы гражданской войны и внешних войн чередуются с периодами “мирных” реформ. Революции хозяйства, техники,

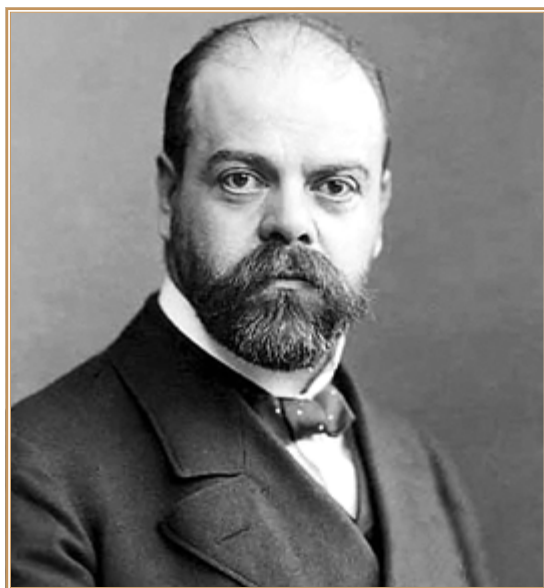
² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1956. С. 261.

³ Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 319.

⁴ Троцкий Л. Перманентная революция (сб.) / Лев Троцкий. М., 2005. С. 308–309.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Там же. С. 310.

А.Л. Парвус (И.Л. Гельфанд)

знания, семьи, быта, нравов развертываются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия. В этом перманентный характер социалистической революции как таковой»⁷. «Международный характер социалистической революции, составляющий третий аспект теории перманентной революции, вытекает из нынешнего состояния экономики и социальной структуры человечества. Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового размаха классовой борьбы. Социалистическая революция начинается на национальной почве. Но она может на ней закончиться. Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза. Однако при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внутренние и внешние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть жертвой этих противоречий. Выход для него только в победе пролетариата передовых стран. С этой точки зрения национальная революция не является самодовлеющим целым: она лишь звено интернациональной цепи. Международная революция представляет собой перманентный процесс, несмотря на временные снижения и отливы»⁸.

⁷ Там же. С. 310–311.

⁸ Там же. С. 311.

Таким образом, перманентная революция имеет следующие характеристики: 1) тотальность революционного процесса по объему и содержанию, широте охвата радикальных изменений; 2) социалистическая направленность трансформаций, посредством которых конструируется бесклассовое общество; 3) максимальная непрерывность и стадийность процесса, где «социалистическая революция начинается на национальной почве, развивается на интернациональной и завершается на мировой»⁹; 4) связанная с ней историческая обусловленность ее как метода, позволяющего отстающим странам перейти на более прогрессивный уровень развития; 5) транснациональный, международный характер, вытекающий из принципа интернационализма. Конечно, сама схема перманентного революционного процесса представлена достаточно абстрактно и в своей абсолютизации процесса носит уже признак утопичности. Следует ее соотнести с конкретным рядом событий начала XX в. для того, чтобы проследить степень корреспонденции данного концепта с исторической действительностью и верифицировать или фальсифицировать, следуя попперовской установке, ее ключевые положения.

В отечественной историографии 1990-х — начала 2000-х гг. есть множество оценок роли перманентной революции в политике большевиков на начальных этапах пребывания у власти. Существуют мнения, которые гипертрофируют постулат о перманентности и делают из него атрибут советской идеологии в целом. Так, Волкогонов в работе «Троцкий» замечает: «Несмотря на то, что большевики, особенно после смерти Ленина, формально предавали анафеме теорию перманентной революции Троцкого, в первые годы после Октября они фактически следовали постулатам этой радикальной схемы. Да и не только в первые годы. За время существования Советской власти мы неоднократно оказывали всяческую поддержку тем странам и народам, где “созревают” революционные условия. И в развитии этой идеи такая “помощь” оказывалась. ...В этом смысле все советские руководители были “троцкистами”¹⁰.

После октябрьских событий 1917 г. перед большевистским руководством в условиях незавершенной мировой войны, начавшейся Гражданской войны и иностранной интервенции стояла задача экспорта революции. Ее иррадиация с национального уровня на транснациональный была одним из приоритетных направлений внешней политики. Американский историк Роберт Сервайз в монографии о политической деятельности Троцкого в главе «Меж-

⁹ Там же.

¹⁰ Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 323–324.

Лев Троцкий среди рабочих депутатов Петербурга. 1905 г.

дународная революция» отмечает, что транзит революции на международном уровне направлялся идеологией большевиков и диктовался необходимостью выхода из международной изоляции: «Советские руководители следили за любым шансом, чтобы вырваться из изоляции в Европе. Их амбиции были на мировую революцию. Подобная идеология направляла каждый их шаг в международных отношениях»¹¹. В этой связи стратегия и тактика перманентной революции, а также установки ее прямых или косвенных проводников, воспринимавших ее как мировую революцию, соответствовали задачам исторического момента, а сама кризисная политическая обстановка в странах Европы подталкивала к ней. Когда в Венгрии, Турции, Словакии, Финляндии начались революции, имевшие совпадающие исходные задачи, но различающиеся по своему характеру и результатам, а революционная волна продолжала распространяться по Европе и стала катализатором конфликтных процессов в стабильных политических системах США и Великобритании, имелись основания допускать глобализацию этого процесса. Начавшаяся в ноябре 1918 г. революция в Германии еще более укрепила веру и надежду большевиков в перманентность революционного процесса. Троцкий на заседаниях ЦК вносил предложения по инициированию мировой революции, и в 1918 г. в Германию направлялись суммы на революционную пропаганду. Тем не менее социал-демократические круги Германии с самого начала событий стали противниками российской национальной версии социализма, проводимой Лениным и другими, а убежденность в эволюционном харак-

¹¹ Service R. Trotsky. A biography. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachussets, 2009. P. 247.

тере социального прогресса и необходимости поэтапных демократических реформ вытесняла радикальные революционные стратегии переустройства общества. Даже провозглашение Баварской Советской республики в апреле 1919 г. в течение трех месяцев не стало катализатором радикальных социальных преобразований в Германии и было сигналом для большевистского руководства о том, что стабилизационный государственный механизм европейских государств оказывается сильнее радикальных социальных проектов.

Новый повод для международных революционных надежд Троцкого дал распад Австро-Венгерской империи в октябре 1918 г., где революционный процесс при внешнем формальном поводе со стороны Октября 1917 г. в России был вызван скорее внутренними противоречиями, а сопряжение социальных трансформаций с национально-освободительным движением накладывало определенную специфику. В отличие от Австрии, которая, как и Германия, пошла эволюционным путем демократических реформ, Венгрия встала на путь революционного радикализма. К тому же практика революционного транзита со стороны России имела свои основания в лице венгерских военнопленных, участвовавших в октябрьских событиях на стороне большевиков и оперативно созданной Компартии Венгрии в ноябре 1918 г. во главе с Белой Куном, способных стать очередными проводниками интернациональной революционной политики большевиков. Взаимные стремления советского и венгерского левого руководства на транснационализацию революции не устраивали не только элиты внутри бывшей Австро-Венгрии, но и страны Антанты, опасавшиеся, что радикальные эксперименты по советскому образцу подорвут стабильность международной системы. Организованная мировыми державами международная изоляция Венгрии и интервенция со стороны румынских и чехословацких интервентов в апреле 1919 г., а также ультиматум со стороны Антанты вызвали противоречия в руководстве Венгерской республики и тактические ошибки, состоящие в необходимости временного отступления и неизбежности мировой революции. Падение Венгерской республики в августе 1919 г. вновь не оправдало стратегию Троцкого на перманентную революцию.

Новый этап утопичных надежд на реализацию перманентной революции связывался с деятельностью Коминтерна и созданием «Мировой советской федерации». В Манифесте II Конгресса Коммунистического интернационала, подготовленного Троцким и проходившего с 19 июля по 17 августа 1920 г., лейтмотивом проходит призыв к мировой революции и международному союзу пролетарских советских республик. Нужно отметить, что «в мировую революцию, в “мировую советскую федерацию”, в международный союз пролетарских советских республик верили тогда многие, если не все

Бела Кун (Б.М. Кун)

большевики. Верил Ленин, верил Центральный комитет партии, рядовые коммунисты»¹². Британский исследователь также отмечает определенную взаимосвязь между идеологическими установками и политическими событиями, направленными на процесс глобализации революции, от которой зависел результат локальной революции в России. «Молодой большевистский режим разделял энтузиазм Троцкого на причину международной пролетарской революции. Был высказан широкий консенсус в пользу веры Троцкого в то, что социалистическое правительство в России будет зависеть от успеха революции на Западе»¹³. Создание определенных политических институций, таких как Коминтерн, предполагало в качестве стратегической цели — экспорт и интернационализацию революции. «Для Троцкого Коминтерн был инструментом реализации главной идеи коммунистов — победы мировой социалистической революции»¹⁴. Тем не менее отличием троцкистских взглядов от ленинских было то, что несмотря на развитие обратных революции процессов, он стал окончательно апологетом необратимости и непрерывности перманентной революции, ставшей для него мессианским проектом и приобретающей все больше субъективную направленность. Нужно отметить, что Троцкий своевременно, учитывая политическую конъюнктуру, выводил свой концепт из-под угроз в текущей политике, переводя его в тео-

¹² Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 330.

¹³ Thatcher I. D. Trotsky. Routledge Taylor&Francis Group. London and New York, 2003. P. 110.

¹⁴ Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 334.

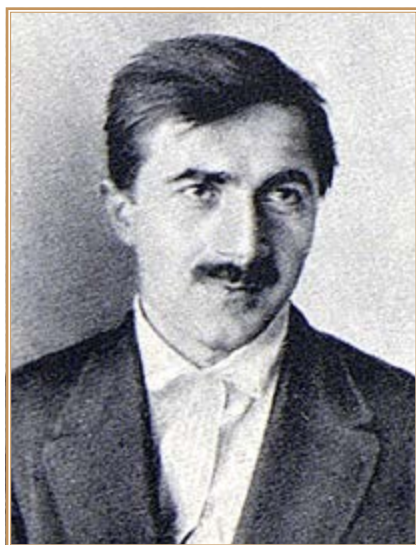
ретическую плоскость. «В мае 1924 г., выступая перед работниками печати, Троцкий, перебирая в руках множество записок, выделил главный вопрос: “Товарищи интересуются, в каком отношении теория перманентной революции стоит к ленинизму? Мне лично и в голову не приходило вопрос о перманентной революции превращать в актуальный. Ведь идея перманентной революции была формой теоретического предвосхищения будущего развития событий. События, которые этой теорией предвосхищались, произошли: Октябрьская революция совершилась. Сейчас вопрос о перманентной революции имеет теоретически-исторический, а не актуальный интерес”»¹⁵.

После смерти Ленина замыслы Троцкого по поводу реализации перманентной революции становятся еще более утопичными. Помимо этого в условиях политической борьбы с оппонентами именно его теория становится основанием для обвинения в троцкизме, антибольшевизме и дискредитации как политика. Уже в начале 1925 г. один из идеологов ЦК И. Вардин под псевдонимом Струев И. издает работу «Теория перманентной революции тов.Троцкого», в которой носитель «прогрессивной» революционной доктрины уличается в заблуждениях и том, что «перманентная революция — это жест отчаяния и авантюра»¹⁶. Даже в период подготовки к эмиграции в конце 1920-х и написания главной работы «Теория перманентной революции» в связи с событиями в Китае он косвенно указывает на то, что ошибки, допущенные Коминтерном и Сталиным на китайском направлении, были вызваны недооценкой его теории.

Относительно оценки степени утопичности, полагаю, что из рассмотрения предшествующих исторических фактов и проверки их на степень соответствия с положениями теории перманентной революции становятся более ясным характер и направленность этого явления, обусловленного, прежде всего, субъективным фактором личности самого Троцкого и догматизмом его мировоззрения, неспособностью своевременно корректировать теорию с учетом общественно-политической практики. Изучая теорию перманентной революции на предмет утопичности, замечу, что любая утопия является результатом мысленного доведения определенной концепции до предельной полноты, а также замещения в объяснении эмпирических причинных связей идеальными, что приводит в итоге к утрате ее связи с реальностью и неадекватному отражению действительности. Решусь высказать суждение следующего порядка. При всем своем материализме Троцкий, как ни парадоксально это звучит, имел идеалистический взгляд на такое социальное явление, как рево-

¹⁵ Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 325.

¹⁶ Струев И. Теория перманентной революции тов. Троцкого. Ростов н/Д., 1925. С. 37.

Илья Вардин (И.В. Мгеладзе)

люция. Конституирование ее в качестве эталона социальных трансформаций, доведенное до абсолютных выражений, привело Троцкого к нереальной стратегии развития общества. Отвечая на вопрос: являлась ли перманентная революция Троцкого глобальным революционным транзитом или утопией, скажу, что если ее рассматривать в контексте доктрины мировой революции как один из возможных методов и идеологию революционного транзита, то политическая практика доказала ее эпизодическую эффективность и низкую результативность. Если же рассматривать ее как всеобъемлющий проект социального переустройства и способ построения глобального социалистического бесклассового общества, то уровень утопичности прямо пропорционален ее исходным концептуальным положениям. Источником утопичности взглядов Троцкого на перманентность революции стали не только его субъективизм и идеалистический материализм, но и сомнительные положения самого марксизма, предписывающего неизбежную гибель капиталистической системы. Тем не менее при всей своей утопичности в глобальном мире XXI в., когда марксизм утратил былое историческое значение, в XX в. она обладала определенной теоретической и политической новизной. Один из современных западных исследователей отмечает в теории перманентной революции определенную инновацию по отношению к марксизму XX в.: «Теория перманентной революции, несомненно, была одним из значительных и широко обсуждаемых вкладов, сделанных в марксизм в XX в.»¹⁷.

¹⁷ Roberts J. P. Lenin, Trotsky and theory of permanent revolution. Wellred books. London, 2007. P. 104.

REFERENCES

1. *Marks K.* Jengel's Je. Sochinenija. T. 7. M., 1956.
2. *Roberts J.P.* Lenin, Trotsky и theory of permanent revolution. Wellred books. London, 2007.
3. *Service R.* Trotsky. A biography. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachussets, 2009.
4. *Struev I.* Teorija permanentnoj revoljucii tov. Trockogo. Rostov n/D., 1925.
5. *Thatcher I.D.* Trotsky. Routledge Taylor&Francis Group. London and New York, 2003.
6. *Trockij L.* Permanentnaja revoljucija (sb.)/ Lev Trockij. M., 2005. 570 p.
7. *Volkogonov D.* Trockij. Politicheskij portret. V 2-h kn. Kn.1. M., 1997. 832 p.

Ключевые слова:

Гражданская война, социальная трансформация, революционный транзит, перманентная революция, политическая система, теория, утопия.

Vadim A. Ermakov

PERMANENT REVOLUTION OF THE TROTSKY: GLOBAL REVOLUTIONARY TRANSIT OR UTOPIA?

The article analyzes the theory of the permanent revolution of Leon Trotsky and attempts to implement it in the conditions of international relations of the early nineteenth century. The problem is formulated around the following question: was it a realistic project of spreading revolutionary transformations at the global level or was it a utopia of its creator and the Bolshevik leadership? The draft of the permanent revolution of Trotsky is seen as the realization of the general installation of the Bolsheviks for the world revolution. It seemed to its creator as an optimal way of spreading social transformations at the global level. The material of the facts shows how the events in Europe contributed to the development of the policy of the Bolsheviks for the export of revolutions. Determines the reasons that have affected the ineffectiveness of this policy and its transformation into a utopia.

 Ермаков Вадим Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент Московского финансово-юридического университета

А.В. Байбакова

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЬВА ТРОЦКОГО НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ ЛЕВОГО КРЫЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ (ЯНВАРЬ — МАРТ 1917 Г.)

Российская революция 1917 г., особенно вслед за октябрьским переворотом, оказала сильное воздействие на революционный процесс во всем мире. Известия о падении царского режима, установлении власти Временного правительства, объявлении монархии республикой, а в дальнейшем — провозглашение советской властью первых декретов о земле и мире имели огромное влияние на борьбу трудящихся масс за свое социальное освобождение. События в далекой заснеженной стране рассматривались в международном рабочем движении в качестве пролога мировой пролетарской революции, в ходе которой рабочим вменялось в обязанность «сбросить паразитов и установить подобный общественный порядок в своих землях»¹.

Сообщения о российской революции дошли до США с опозданием, вызвав у рядовых американцев чувства неподдельного восторга и восхищения. Свержение самодержавия в России воспринималось ими как своего рода «радуга после длительного проливного дождя, пробуждение после ночного

¹ Письма В.И. Ленину из-за рубежа. М., 1969. С. 92–93.

кошмара»². Они были убеждены, что «темная, бессловесная и безрадостная Россия отныне будет свободной, демократической и счастливой республикой. Двести млн российских подданных, поработанных и угнетенных, гонимых веками и замученных, поднялись во всей своей мощи и разбили оковы. Они теперь свободны, и никакая оккультная сила на земле не может их вновь поработить»³. С необычайным воодушевлением были восприняты первые мероприятия большевистской власти по созданию социалистического общества: они ассоциировались с осуществлением великих надежд, за которые американцы боролись у себя дома: «русский путь — это путь к нашему будущему в Америке, будущему всего мира»⁴.

На митингах и в печати представители профсоюзных, радикальных и социалистических организаций выступали в защиту первого в мире государства рабочих и крестьян, создание которого свидетельствовало о «занятии пролетариатом принадлежавшего ему по праву места вершителя своей собственной судьбы»⁵. Рассматривая большевизм в качестве достойнейшего образца для подражания, многие из них считали более перспективным революционный захват власти, чем медленная парламентская эволюция. По мнению левых социалистов, «дома Рокфеллера и Моргана неминуемо падут, как и дом Романовых в России». Правда, для этого «американцам нужно будет набраться опыта у русских, как те обучались у немцев, Маркса и Энгельса»⁶. И действительно, вслед за Россией вскоре и у них появились собственные планы революционных преобразований. В частности, в февральском номере газеты «Appeal to Reason» было объявлено о проекте «поэтапной национализации, начиная с железнодорожной сети»⁷.

Всплеск левого радикализма в американском обществе под воздействием революционных событий в России не мог не вызвать повышенный интерес советских ученых не только чисто из академических, но и во многом политико-конъюнктурных соображений⁸. Придерживавшиеся

² Holland S. Glance at the Russian Events // American Socialist. 1917, March 24 // <https://www.marxists.org/f>

³ Hillquit M. Russia is Free! 1917, March 25 // 1917 Downloadable Documents // <http://www.marxisthistory.org/>

⁴ Cannon J. The IWW // The Fourth International. 1955, Summer // <https://www.marxists.org/>

⁵ Цит. по: Прогрессивная Америка в борьбе. 1917–1973. Документы и материалы. М., 1974. С. 43–44 // <http://padaread.com>

⁶ Cannon J. Ibidem // <https://www.marxists.org/>

⁷ Socialize Now — Railroads First! That is the Appeal's Plan of Action // Appeal to Reason. 1917, February 10 // <https://www.marxists.org/>

⁸ Зубок Л.И. Рабочее и социалистическое движение в США в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1955. № 7; Ованесьян С.А. Подъем рабочего движения в США

официально принятого в то время формационно-стадиального подхода в марксистско-ленинской интерпретации, они считали естественным создание в Америке коммунистического общества после «перехода капитализма в высшую, монополистическую стадию», воспринимаемую в качестве объективной предпосылки его материально-технической базы. Данная политико-идеологическая парадигма однозначно и предвзято трактовала закономерность победы социализма на американском континенте в рамках грядущей мировой революции, а ее отсутствие объяснялось влиянием преимущественно субъективных факторов.

В работах современных авторов упор сделан на изучение причин, по которым марксизм не получил широкого признания в американском обществе. Так, В.В. Согрин размышляет о частичном совпадении идеалов социализма с базовыми ценностями либерализма, а Н.В. Иванова отмечает низкий теоретический уровень руководства Социалистической партии Америки, сказавшийся «на характере внутрипартийной борьбы, которая шла не по вопросам о путях мировой революции и т.п., а... о методах стачечной борьбы»⁹.

Конечно, многое из истории социалистического движения в США нам уже известно. Явным достижением советской исторической науки можно считать конкретно-историческое наполнение тезиса о том, что распространение революционных идей в американском обществе являлось результатом деятельности исповедовавших социализм партий, хотя степень их приверженности идеалам марксизма во многом зависела от конкретных исторических условий¹⁰. Так, правоцентристское руководство Социалистической партии Америки, с одной стороны, выражало солидарность с революционной Россией, а с другой — заявляло о неприемлемости для себя специфического русского пути, заключавшегося в завоевании власти путем вооруженной борьбы. Отрицая насильственные методы, оно делало ставку на активное использование избирательного права. По словам партийного босса В. Бер-

---

в 1919–1921 гг. М., 1961; *Петров П.С.* Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971; *Козенко Б.Д.* Кризис Социалистической партии Америки // Основные проблемы истории США в американской историографии. 1861–1918. М., 1974; *Валюженич А.В.* Социалистическая мысль и движение в США. От утопических общин до образования Коммунистической партии. М., 1983.

⁹ *Согрин В.В.* Между социализмом и радикализмом: левая альтернатива в США XX столетия // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 53; *Иванова Н.В.* Кризис и крах Социалистической партии Америки. Автореф. на соискание ученой степени к.и.н. Самара, 2004.

¹⁰ *Краснов И.М.* Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919–1920 гг.), М., 1961; *Зубок Л.И.* Очерки истории рабочего движения в США (1865–1918). М., 1962; *Козенко Б.Д.* Рабочее и социалистическое движение в годы Первой мировой войны. Саратов, 1965.

Французский паспорт Льва Троцкого, по которому он жил в Нью-Йорке в 1917 г.

гера, создавать новый миропорядок лучше всего «путем эволюции, используя все достижения цивилизации, а не через кровавую революцию, как это произошло в России»¹¹. В данном случае сказались видимые успехи, которых социалисты добились на выборах 1912 г., получив более 900 тыс. (6%) голосов избирателей. Отсюда политическое действие трактовалось руководством социалистической партии исключительно как участие в регулярном электроном процессе, способном привести легальным путем представителей рабочего класса в органы власти. Партийные издания «American Socialist» и «New York Call», пропагандировавшие мирные методы построения социализма, являлись самыми читаемыми в трудовой Америке.

Однако с мнением «начальства» не были согласны рядовые социалисты, считавшие большевизм своим идейным ориентиром. Созданный ими в 1905 г. профсоюз «Индустриальные рабочие мира» многое взял из теоретических положений марксизма и, прежде всего, идею о том, что социальное освобождение должно быть делом собственных рук. Отсутствие законодательных гарантий в сфере труда толкало рядовых функционеров на акции прямого действия — бойкот, саботаж, локаут, стачку и даже всеобщую забастовку как высшую форму классовой борьбы, даже если речь шла о нелегальном и самоуправном порядке действий. Профсоюзный девиз был

¹¹ Nash R. Victor L. Berger: Making Marx Respectable // Wisconsin Magazine of History. 1964. № 4. P. 307.

Объявление о митинге с участием Льва Троцкого.
Февраль 1917 г.

краток: «Бастуйте! Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь»¹². По инициативе ИРМ с апреля по ноябрь 1917 г. было организовано свыше 3 тыс. стачек¹³.

Со временем профсоюз численностью более 110 тыс. чел.¹⁴ превратился в боевую революционную организацию, которая, взяв в качестве образца опыт российских социал-демократов, активно действовала, а не довольствовалась одними методами парламентаризма. Доказательством тому служит, например, малоизученное в отечественной литературе так называемое «восстание зеленой кукурузы» фермеров-арендаторов против воинской повинности. Оно состоялось в августе 1917 г. в аграрном штате Оклахома, где на президентских выборах 1916 г. социалисты завоевали 22% голосов избирателей. Между тем в отечественной американистике формы протестной деятельности профсоюза пока еще не стали объектом специального изучения¹⁵. Важно выяснить, почему его деятельность при анархо-синдикалистском уклоне пользовалась большим влиянием в партийных ячейках социалистической партии, расположенных в разных частях страны (Кливленде, Тоledo, Буффа-

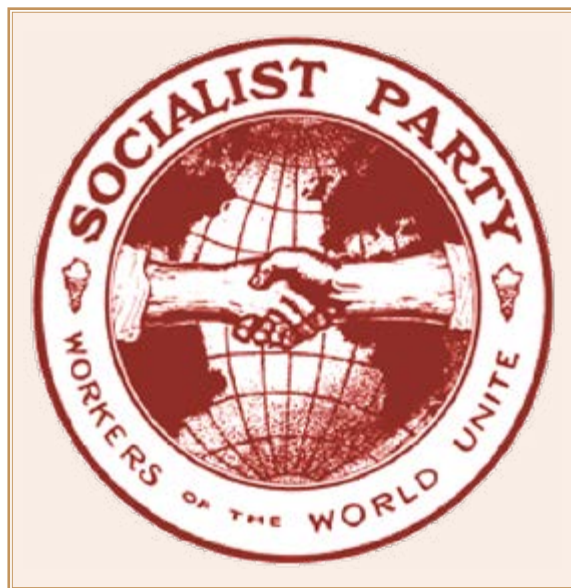
¹² Eleff R. The 1916 Minnesota Miners' Strike Against US Steel // Minnesota History. 1988. Summer. P.69.

¹³ McCartin J. Labor's Great War: The Struggle for Industrial Democracy and the Origins of Modern Labor Relations, 1912–1921. Chapel Hill, 1997. P. 39.

¹⁴ Chester E.T. The Wobblies in their Heyday: the Rise and Destruction of the Industrial Workers of the World During the World War I Era. Santa Barbara, 2014. P. XII.

¹⁵ Heideman P. The Rise and Fall of the Socialist Party of America // Jacobin. 2017, February 20 // <http://www.jacobinmag.com/>

Эмблема Социалистической партии Америки

ло, Окленде, Сан-Франциско, Сиэтле, Детройте, Филадельфии, Нью-Йорке и др.). Из-за непопулярности изучения идеологии и практики марксизма открытым остается в настоящее время и вопрос о влиянии на развитие революционного процесса в США леворадикальных идей, пришедших из-за рубежа.

В этой связи существенным пробелом современной американистики является обделение вниманием такого важного канала в распространении революционных идей, как непосредственная связь американских левых с радикальным крылом российской социал-демократии. Речь идет, прежде всего, о деятельности Л.Д. Троцкого, находившегося в США с января по март 1917 г. Американская общественность горячо приветствовала прибытие «гражданина мира», а передовицы местной прессы пестрели заголовками о том, что «Сегодня приезжает Лев Троцкий!»¹⁶. Его десятидневное пребывание в Нью-Йорке позволило американцам не только разобраться в перипетиях последних событий в России, но и понять суть сформулированной им теории перманентной революции, «каждый последующий этап которой заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества»¹⁷. Троцкий был убежден, что начавшаяся в России буржуазно-демократическая революция неминуемо перерастет в социалистическую, но ее окончательная победа во многом зависит от развития мирового

¹⁶ Ackerman K. Trotsky in New York 1917: A Radical on the Eve of Revolution. Berkley, 2016. P. 151.

¹⁷ Троцкий Л. Перманентная революция. М., 2005. С. 308—309.

революционного процесса, в котором деятельность американских рабочих представляет важное звено антиимпериалистического движения.

В автобиографии Троцкий подробно описал детали своей вынужденной американской эмиграции, упомянув, что проживал с женой и двумя детьми в дешевой (за 18 долл.) трехкомнатной квартире, расположенной в рабочем квартале Бронкс. И хотя революционер по воле случая оказался «в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах — нравственная философия доллара», ему импонировал высокий уровень домашнего комфорта, обусловленный новейшими техническими приспособлениями. В его жилище были «электричество, газовая плита, ванная, телефон, автоматическая подача продуктов наверх и такой же спуск сорного ящика вниз»¹⁸. Подобный шикарный образ жизни дополнял автомобиль с шофером. Правда, Троцкий не планировал «оставаться здесь очень долго, поскольку революция в России грозила разразиться в самые короткие сроки»¹⁹.

Тем не менее пребывание в Америке авторитетного революционера оказалось полезным для социалистических организаций Нью-Йорка, где обосновалось почти 0,5 млн русских эмигрантов. Сам Троцкий вспоминал, что его единственной профессией в Америке была «профессия революционного социалиста», он «был занят по горло и не чувствовал себя чужим»²⁰. Его основным занятием стало написание статей и редактирование материалов в газете «Новый мир», являвшейся органом русских социал-демократов в эмиграции. Троцкий намеревался превратить это печатное издание в «центр революционно-интернационалистской пропаганды». Он исходил из того, что во всех ячейках (особенно латышской, украинской и венгерской) социалистической партии имелись русскоговорящие активисты, а члены русской федерации говорили по-английски, что создавало основы для транскультурной коммуникации, в ходе которой нужная информация могла быстро и без искажений проникать в широкие круги рабочего класса. В этой связи большую роль в организации контактов Троцкого с руководством местных социалистических ячеек сыграли В.М. Володарский и Г.И. Вайнштейн, являвшиеся действующими членами СПА.

И хотя Троцкий плохо говорил по-английски, он вращался не только в русскоязычной среде. Ряд его публикаций, подписанных на английский манер как «Leo N. Trotsky», вышел в немецкоязычных газетах «New Yorker

¹⁸ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 307–309.

¹⁹ Trotsky L. A Revolutionist's Career // St. Louis Labor. 1918, Feb. 16 // <https://www.marxists.org>

²⁰ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 307.

В. Володарский (М.М. Гольдштейн)

Volkzeitung» и «Die Zukunft» социалистического толка. Для еврейской рабочей газеты «Форвертс», которую он критиковал за «затхлый дух сентиментального мещанского социализма», он написал четыре статьи, в которых утверждал, что решение еврейского вопроса лежит через мировую социалистическую революцию. Он призывал читателей определиться между патриотизмом и интернационализмом, «выбрать одно из этих двух направлений, несовместимых для американцев, особенно для тех еврейских американских рабочих, кто еще не сделал выбора»²¹.

Политик часто выступал на митингах. Даже в первый день приезда в Нью-Йорк, несмотря на усталость и позднее время, он был препровожден в публичную библиотеку для знакомства с местными социалистами. Его часто приглашали на так называемые «политические банкеты», во время которых собирались средства в партийную кассу социалистов²². В этой связи одним из самых значимых стал антивоенный митинг в Нью-Йорке, организованный местными активистами 4 марта, за месяц до вступления США в Первую мировую войну. Собравшиеся приняли резолюцию, требовавшую от партийного руководства занять «бескомпромиссную оппозицию к войне и милитаризму во всех формах», хотя, по мнению Троцкого, этого было явно недостаточно. Он считал, что в любом случае следовало усилить забастовки и сопротивление мобилизации всеми средствами, включая

²¹ Цит. по: Емельянов Ю. Троцкий. Мифы и личность. М., 2003 // <http://modernlib.ru>

²² Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий — революционер. М., 2012. Кн.1. С. 384—387.

А.М. Коллонтай

силовые²³. В американских газетах после таких выступлений российского иммигранта, как правило, появлялся обстоятельный разбор его идей. Например, известно, что Троцкий не раз обращался к слушателям с риторическими вопросами: «Насколько сильны американцы? Есть ли у них стержень, как у русских? Смогут ли они выстоять и сражаться, когда придут солдаты и полицейские?»²⁴

Троцкий всеми возможными способами стремился радикализировать деятельность Социалистической партии Америки. С его точки зрения, среди местных социалистов было мало истинных революционеров, а преобладал «обширный слой преуспевающих и полупреуспевающих врачей, адвокатов, дантистов, инженеров и пр.», проводящих свой досуг на концертах европейских знаменитостей. Это была одна из причин, почему организация «отстала в идейном смысле даже от европейского социал-патриотизма», а один из ее основателей М. Хилквит представал в образе «идеального социалистического вождя преуспевающих зубных врачей»²⁵. Огромная пропасть лежала между соглашательским руководством и настроенными по-боевому рядовыми членами, на которых и предлагал опереться Троцкий.

²³ Socialists of City Will Fight War Measures // New York Call. 1917, March 4 // <https://www.marxists.org/>

²⁴ Trotsky's New York // Jacobin. 2016. October 26 // <https://www.jacobinmag.com/>

²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 311–312.

Н.И. Бухарин

Под его руководством активизировалась революционная пропаганда в Нью-Йорке, где в то время собралась большая интернациональная община радикалов и левых социалистов. Большая их часть группировалась вокруг русскоязычной газеты «Новый мир», в которой работали такие видные социал-демократы, как Н.И. Бухарин, В.М. Володарский, А.М. Коллонтай, Г.Н. Мельничанский, С.П. Восков, С.С. Зорин и др.²⁶ Именно в этом периодическом издании Троцкий опубликовал ряд своих программных статей, в которых разъяснял американцам перспективы грядущей мировой революции, по крайней мере, для государств, принимавших участие в Первой мировой войне²⁷. Он утверждал, что с началом военных действий рабочие всех стран, являвшиеся единым отрядом международного пролетариата, у которого есть один общий враг в лице капитализма, стали массово вступать в национальные армии, поддавшись ультратрапятистическим настроениям. Для Троцкого и других так называемых «интернационалистов» подобное поведение рабочих, санкционированное руководством европейских партий, считалось предательством классовых интересов. В одной из работ того времени «Два лица (Международные силы русской революции)» он писал, что «русская революция не остановится. Придет время, и революция начисто сметет буржуазных либералов, блокирующих ее путь...»²⁸.

²⁶ Shlyapnikov A. On the Eve of 1917. N.Y., 1923 // <https://www.marxists.org/>

²⁷ Trotsky L. From Whom and How to Defend the Revolution // Novy Mir. 1917, March 21 // <http://www.wsws.org/>

²⁸ Trotsky L. Two Faces (Internal Forces of the Russian Revolution) // Novy mir. 1917, March, 17 // <http://www.wsws.org/>

В другой программной статье «Война и революция» он конкретизировал свои мысли об участии американцев в грядущей мировой революции. Троцкий был убежден в том, что «если первая русская революция 1905 г. повлекла за собою революции в Азии — в Персии, Турции, Китае, то вторая русская революция послужит началом могущественной социально-революционной борьбы в Европе. Только эта борьба принесет залитой кровью Европе подлинный мир»²⁹. В этой теоретической схеме видное место отводилось социалистическому движению в США. По мнению Троцкого, «Соединенные Штаты вступают в войну в тот момент, когда на Востоке Европы война успела уже вызвать революцию. Это совпадение очень знаменательно и, можно думать, не случайно ... Американский капитал вовлекает страну в войну, — американский пролетариат найдет из нее выход на пути социальной революции»³⁰.

До вступления США в войну не было ясно, какую позицию займет руководство СПА, которое хотя и выступало с антивоенных позиций, но одновременно напоминало американцам, что долг патриота — защищать свое отечество. Двойственность позиции партийных бонз четко проявилась в обращении исполнительного комитета к европейской социал-демократии: с одной стороны, в нем выражалось сожаление о том, «что рабочие наиболее просвещенных стран Европы, связанные узами международного братства и солидарности, втянуты сегодня в кровавую бойню», но, с другой, — утверждалось, что «они сделали лучшее, что могли бы сделать в этих условиях»³¹.

Ситуация резко изменилась после объявления США войны Германии в апреле 1917 г., что потребовало созыва чрезвычайного съезда партии. Его открыл центрист М. Хилквит, подчеркнувший, что «война пришла в Америку, поэтому миллионы наших ребят будут отправлены в окопы, чтобы убивать других парней из зарубежных стран, по большей части сыновей рабочих»³². И хотя большая часть делегатов выступила в поддержку внешнеполитического курса президента Вильсона, радикально настроенные активисты добились принятия большинством голосов резолюции, призывавшей бороться против войны всеми возможными способами. В частности, предлагалось вести «непрерывную, активную, публичную антивоенную агитацию посредством демонстраций, массовых петиций и всех других средств»³³. Сильные разно-

²⁹ Trotsky L. War or Peace? (Internal Forces of the Revolution) // Novy mir. 1917, March, 30 // <https://www.marxists.org/>

³⁰ Trotsky L. War and Revolution // Novy mir. 1917, March, 22.

³¹ Цит. по: Прогрессивная Америка в борьбе. С. 190.

³² 1917 National Emergency Convention — St. Louis, MO — April 7–14, 1917 // www.marxists.org/

³³ Socialist Party of the United States. A War Proclamation and Program, April 1917 // Macey T. Bolsheviks and War. N. Y., 1985 // <https://www.marxists.org/>

С.П. Восков

гласия среди собравшихся вызвало обсуждение вопроса о том, каким путем следует реализовать принятые решения в условиях военного времени. Если центристы лицемерно заявляли о важности соблюдения законов государства, даже если действия правительства сами по себе являются «преступлением против народа США и всего мира», то левые требовали большей конкретики в планируемых действиях, с указанием сроков их проведения.

Троцкий, принимавший участие в работе съезда, подталкивал рядовых активистов к принятию четких требований. В результате левые во главе с Л. Фрайна, социалистом итальянского происхождения, зафиксировали в отдельном документе свое особое мнение. Его суть была сформулирована в следующих лозунгах: «Никакого “гражданского” мира! Никакого перемирия с правящим классом!.. Продолжение классовой борьбы!»³⁴ Обосновывая возможность пролетарской революции в США, они призывали к всеобщей забастовке, уличным протестам, блокированию военного набора в армию и перемещению войск. Для них было важно, чтобы партийное руководство не только осудило концепцию «национальной обороны», используемую в качестве предлога для оправдания поддержки внешнеполитического курса Вильсона, но и размежевалось с пацифистами, не желавшими использовать военное положение для борьбы за социализм. В конечном счете резолюцию радикального меньшинства поддержало не более 40 делегатов съезда, со-

³⁴ *Trotsky L., Fraina L. The Minority Report: Letter to the Editor of «New York Call»* // <http://www.marxisthistory.org/>

ставивших, по мнению американского историка К. Аккермана, «эмбрион» созданной впоследствии американской коммунистической партии³⁵.

Выступая в поддержку левых, Троцкий написал серию антивоенных статей, в которых утверждал, что борьба против войны означает борьбу против капитализма, поэтому всех перебежчиков надо исключать из состава партии «без излишней слабости, компромиссов и сомнений». Он жестко полемизировал с либеральными газетами «Русское слово» и «Русский голос», называя их «желтыми русскими листками», поскольку их последние страницы были «отведены целиком под призыв к гражданам — оказать давление на президента в целях скорейшего вмешательства в войну»³⁶. Отвергая соглашательскую позицию руководства СПА, Троцкий считал, что «из всех видов политической фауны нет никого более низкого, презренного и опасного, чем социалист, выступавший в защиту своей родины во время войны»³⁷. Его точка зрения была широко представлена в леворадикальных периодических изданиях, прежде всего в газете «Appeal to Reason», журналах «International Socialist Review» и «Masses».

В дискуссии о перспективах развития социализма часть левых ставила вопрос о выходе из состава социалистической партии и формировании собственной организации. И если Бухарин поддерживал идею раскола, то Троцкий рекомендовал сохранять единство, но произвести замену руководящего состава, усилив, тем самым, революционные силы внутри самой партийной организации. По словам японского социалиста С. Катаямы, они «намеревались организовать левое крыло партии под руководством товарища Троцкого, а на мадам Коллонтай, отъезжавшую в Европу, налагалась обязанность установить связь между европейскими и американскими левыми»³⁸.

Первым шагом в этом направлении должен был стать выпуск еженедельника «The Class Struggle», предназначенный для освещения вопросов международной жизни с марксистских позиций³⁹. Уже планировались его первые номера, шли переговоры с авторами заказных статей, но все планы были нарушены из-за начавшейся 23 февраля революции в России. На фоне резкого усиления интереса к ее событийной стороне Троцкий выступил с серией докладов, в которых доказывал неизбежность завоевания власти

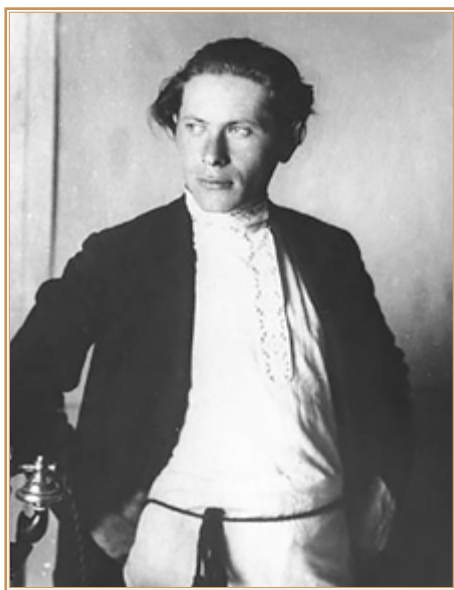
³⁵ Ackerman K. Trotsky in New York 1917: A Radical on the Eve of Revolution. Berkley, 2016.

³⁶ Троцкий Л. Обработка и позолота // Новый Мир. № 937. 1917. 16 марта // <http://www.souz.info/library/trotsky/trotl908.htm>

³⁷ Цит. по: Tenenbaum L. Trotsky in New York, 1917 // World Socialist Web Site. 2016, October 8 // <https://www.wsws.org/>

³⁸ Ibidem.

³⁹ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 314.

С.С. Зорин (Александр Гомбарг)

пролетариатом на очередном этапе революции. Тогда ему мало кто верил, а оппоненты прямо заявляли, что на опровержение подобных «бредней не стоит тратить и пяти минут»⁴⁰.

Троцкий уезжал из Нью-Йорка в последних числах марта с чувством невыполненного долга. В своих мемуарах он писал, что «слишком быстро погрузился в дела американского социализма, и притом с головой... Русская революция пришла слишком быстро. Я успел уловить разве лишь общий ритм жизни того чудовища, которое зовется Нью-Йорком». В своей прощальной двухчасовой речи, произнесенной на русском и немецком языках, Троцкий заявил, что «когда революция зовет, то революционерам надо следовать ее зову». Согласно донесению полиции, он призывал слушателей «организовываться, ... чтобы свергнуть проклятое и прогнившее капиталистическое правительство в этой стране»⁴¹. Вместе с тем пребывание Троцкого в США не прошло для него самого бесследно, существенно поколебав веру в осуществление пролетарской революции в мировом масштабе. Из-за высокого потенциала американской экономики, перенесения «центра экономической и культурной тяжести мира сюда в Америку»⁴² теперь она мыслилась исключительно как европейский феномен.

⁴⁰ Там же. С. 315.

⁴¹ Bolshevik Propaganda. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary. U.S. Senate. 65 Congress. 3d session. February 19 to March 10, 1919. Wash., 1919. P.7.

⁴² Троцкий Л. Моя жизнь. С. 308.

Выпуск запланированного марксистского издания, представлявшего воззрения левого крыла социалистов, стал делом рук трех американских теоретиков — Л. Лоре, секретаря немецкой федерации СПА, и двух социалистов русского и итальянского происхождения — Л. Будина и Л. Фрайна. Первый номер журнала вышел в свет в мае 1917 г. В передовице под названием «Задача, стоящая перед нами» говорилось, что «парламентский кретинизм», осужденный Марксом, создает иллюзию, что весь мир... вращается вокруг парламента... Наша задача стоит в том, чтобы направить изголодавшиеся массы в русло разумных и конструктивных революционных действий... Классовая борьба является ... испытанием на прочность деятельности социалистов»⁴³. На страницах журнала, во многом следуя его названию, много говорилось о важности социального освобождения трудящихся, печатались полностью и в отрывках работы К. Маркса, В.И. Ленина, Г.В. Чичерина, К. Каутского и др. В частности, один из его номеров за 1917 г. был озаглавлен «Троцкий, Ленин и Каутский о русской революции».

Благодаря стараниям левых, американцы впервые познакомились с трудами В.И. Ленина, изданными на английском языке. Так, в декабре 1918 г. в журнале «The Class Struggle» было опубликовано «Письмо к американским рабочим» под псевдонимом Николая Ленина. Читателям запомнились его слова о том, что русские революционеры ждут помощи от американских рабочих, которые «идут медленно, но неуклонно к ... пролетарской революции...»⁴⁴. В ответе американцев особенно акцентировалась мысль, что «российские большевики, в первую очередь Ленин и Троцкий, с 1917 г. вдохновляли каждый шаг революционного авангарда этой страны. Именно к ним и будут обращаться за советом американские рабочие на всех последующих стадиях борьбы за свое освобождение»⁴⁵. Все это означало, что первостепенная задача, обозначенная левыми социалистами по популяризации в США российского пути к социализму, была успешно выполнена. Именно к тому времени относится знаменитое высказывание Ю. Дебса, многократно избиравшегося на пост президента от СПА: «Я — большевик с головы до пят, и горжусь этим»⁴⁶.

⁴³ The Class Struggle. 1917. Vol.1. № 1. P. 10–12 // <https://www.marxists.org/>

⁴⁴ *Lenine N.* A Letter to American Workingmen // The Class Struggle. Vol. 2. 1918. № 5. P. 521–533 // <https://www.marxists.org/>

⁴⁵ *Cannon J.* IWW // Fourth International. 1955, Summer // <https://www.marxists.org/>

⁴⁶ *Debs E.* The Day of the People // The Class Struggle. 1919, Vol.3. February. No.1. P.4 // <https://www.marxists.org/>

REFERENCES

1. *Ackerman K.* Trotsky in New York 1917: A Radical on the Eve of Revolution. Berkley, 2016. P. 151.
2. *Bolshevik Propaganda.* Hearings Before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary. U.S. Senate. 65 Congress. 3d session. February 19 to March 10, 1919. Wash., 1919. P. 7.
3. *Cannon J.* The IWW // The Fourth International. 1955, Summer.
4. *Chester E.T.* The Wobblies in their Heyday: the Rise and Destruction of the Industrial Workers of the World During the World War I Era. Santa Barbara, 2014. P. XII.
5. *Debs E.* The Day of the People // The Class Struggle. 1919. Vol.3. February. No. 1. P. 4.
6. *Eleff R.* The 1916 Minnesota Miners' Strike Against US Steel // Minnesota History. 1988. Summer. P. 69.
7. *Emel'janov Ju.* Trockij. Mify i lichnost'. M., 2003. 480 p.
8. *Fel'shtinskij Ju.* Chernjavskij G. Lev Trockij — revoljucioner. M., 2012. Kn.1. 448 p.
9. *Heideman P.* The Rise and Fall of the Socialist Party of America // Jacobin. 2017, February 20.
10. *Hillquit M.* Russia is Free! 1917, March 25 // 1917 Downloadable Documents // <http://www.marxisthistory.org/>
11. *Holland S.* Glance at the Russian Events // American Socialist. 1917, March 24.
12. *Ivanova N.V.* Krizis i krah socialisticheskoy partii Ameriki. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni k.i.n. Samara, 2004. 175 p.
13. *Kozenko B.D.* Krizis Socialisticheskoy partii Ameriki // Osnovnye problemy istorii SShA v amerikanskoj istoriografii. 1861–1918. M., 1974.
14. *Kozenko B.D.* Rabochee i socialisticheskoe dvizhenie v gody pervoj mirovoj vojny. Saratov, 1965.
15. *Krasnov I.M.* Klassovaja bor'ba v SShA i dvizhenie protiv antisovetskoj intervencii (1919–1920 gg.)] M., 1961. 303 p.
16. *Lenine N.* A Letter to American Workingmen // The Class Struggle. Vol.2. 1918. №5. P. 521–533.
17. *McCartin J.* Labor's Great War: The Struggle for Industrial Democracy and the Origins of Modern Labor Relations, 1912–1921. Chapel Hill, 1997. P. 39.
18. *Nash R.* Victor L. Berger: Making Marx Respectable // Wisconsin Magazine of History. 1964. № 4. P. 307.

19. *Ovanes'jan S.A.* Pod'em rabocheho dvizhenija v SShA v 1919–1921 gg. M. 1961. 323 p.
20. Pis'ma V.I. Leninu iz-za rubezha. M., 1969. P. 92–93.
21. Progressivnaja Amerika v bor'be. 1917–1973. Dokumenty i materialy. M., 1974. P. 43–44.
22. *Shlyapnikov A.* On the Eve of 1917. N.Y., 1923. 237 p.
23. Socialist Party of the United States. A War Proclamation and Program, April 1917 // *Macey T.* Bolsheviks and War. N. Y., 1985.
24. Socialize Now — Railroads First! That is the Appeal's Plan of Action // Appeal to Reason. 1917, February 10.
25. *Sogrin V.V.* Mezhdru socializmom i radikalizmom: levaja al'ternativa v SShA XX stoletija // Novaja i novejsaja istorija. 1994. № 1. P. 53.
26. *Tenenbaum L.* Trotsky in New York, 1917 // World Socialist Web Site. 2016, October 8.
27. The Class Struggle. 1917. Vol.1. №1. P. 10–12.
28. *Trockij L.* Obrabotka i pozolota // Novyj Mir. № 937. 1917, 16 marta.
29. *Trotsky L., Fraina L.* The Minority Report: Letter to the Editor of «New York Call»// <http://www.marxisthistory.org/>
30. *Trotsky L.* From Whom and How to Defend the Revolution // Novy Mir. 1917, March 21.
31. *Trockij L.* Moja zhizn'. M., 1990. T. 1. 325 p.
32. *Trockij L.* Permanentnaja revoljucija. M., 2005. 570 p.
33. *Trotsky L.* A Revolutionist's Career // St. Louis Labor. 1918, Feb. 16.
34. *Trotsky L.* Two Faces (Internal Forces of the Russian Revolution)// Novy mir. 1917, March, 17.
35. *Trotsky L.* War and Revolution // Novy mir. 1917, March, 22.
36. *Trotsky L.* War or Peace? (Internal Forces of the Revolution) // Novy mir. 1917, March 30.
37. Trotsky's New York // Jacobin. 2016. October 26.
38. *Valjuzhenich A.V.* Socialisticheskaja mysl' i dvizhenie v SShA. Ot utopicheskikh obshhin do obrazovanija Kommunisticheskoy partii. M., 1983.
39. *Zubok L.I.* Ocherki istorii rabocheho dvizhenija v SShA (1865–1918). M., 1962.
40. *Zubok L.I.* Rabochee i socialisticheskoe dvizhenie v SShA v gody Pervoj mirovoj vojny // Voprosy istorii. 1955. № 7.

Ключевые слова:

российская революция 1917 г., левый радикализм, профсоюз «Индустриальные рабочие мира», радикальное крыло российской социал-демократии, революционная деятельность Льва Троцкого как политэмигранта, теория перманентной революции, дискуссия о перспективах развития социализма в США.

Larisa V. Baibakova

THE INFLUENCE OF LEON TROTSKY'S IDEOLOGICAL AND POLITICAL ACTIVITY ON RADICALIZATION OF THE LEFT-WING SECTION OF THE SOCIALIST PARTY OF AMERICA (JANUARY — MARCH, 1917)

The article deals with the impact of the Russian revolution of 1917 on the radicalization of left-wing forces in the United States. In contrast to the state of affairs within the American socialist movement which have been relatively well-studied by the Soviet historians, the author places the main emphasis on the critical assessment of rapidly changing political situation in the country made by the Russian social democracy' left wing due to the U.S. entry into World War I. The ideological and political activity of Leon Trotsky, who lived as a political refugee in New York from January to March in 1917, is chosen as a direct object of the study. The author traces his political views and shows the channels making them available to the public through the publication of articles in local press, presentations at meetings organized by socialists and the creation of a truly revolutionary magazine, which is to unite all left forces of the United States.

 Байбакова Лариса Вилоровна

доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

И.Ю. Бережанская

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КУЛЬТРАБОТУ СИОНИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

к концу XIX в. в России возникли разные направления сионизма: от марксистского «Поалей Цион» до религиозного «Мизрахи». Российские сионисты приняли активное участие во всемирном сионистском движении. В августе 1898 г. в Варшаве состоялась 1-я Всероссийская сионистская конференция, на которой присутствовали 160 делегатов из 93 городов и местечек страны. Участники конференции решили, что, наряду с политико-дипломатической деятельностью, сионистское движение должно продолжить и поселенческую работу. На 2-й Всероссийской сионистской конференции, состоявшейся в Минске в августе 1902 г., особенно острые разногласия вызвал вопрос о культуре. После долгой дискуссии конференция подтвердила, что видит в развитии национального еврейского воспитания обязанность сионизма и считает правомерными оба существующих течения в вопросе воспитания народа — национально-традиционное и национально-прогрессивное (светское).

1905–1907 гг. стали для российских сионистов временем перехода к борьбе за права и интересы еврейского населения страны. На 3-й конференции сионистов России, состоявшейся в Гельсингфорсе в ноябре 1906 г.,

по докладу В. Жаботинского¹ была принята политическая платформа движения, которая включила в себя требования демократизировать государственный строй страны и дать полное гражданское равноправие для евреев, определив им статус национального меньшинства, предоставив возможность пользоваться родным языком и право соблюдать субботу как день отдыха.

Отмена антиеврейских ограничительных законов и легализация сионистских организаций в России после Февральской революции 1917 г. привели к подъему движения. Если в 1915 г. в стране насчитывалось не более 18 тыс. активных сионистов, то к маю 1917 г. их число возросло до 140 тыс., а в сентябре составило уже 300 тыс. человек. В мае в Петрограде состоялась 7-я Всероссийская сионистская конференция, на которой было подчеркнуто, что свержение царизма создало благоприятные условия для реализации Гельсингфорсской программы, и принят ряд постановлений, направленных на расширение алии, финансовое обеспечение поселенческой деятельности в Эрец-Исраэль, создание еврейской автономии в России, обеспечение представительства сионистов в Учредительном собрании².

«Резолюции и решения VII Всероссийского съезда сионистов в Петрограде» сохранились в Национальной библиотеке Израиля и будут опубликованы в сборнике документов «Социалистические и трудовые сионистские организации в СССР в 1920-е гг.». Работа над сборником ведется уже не один год. За это время собран массив документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Службы безопасности Украины, Центрального сионистского архива в Иерусалиме, Архива Института истории рабочего движения им. П. Лавона в Тель-Авиве, Центра исследования и документации киббуцного движения в Эфале и Архива киббуца Афиким в Афикиме.

Кроме того, в проекте представлены рассекреченные материалы Центрального архива ФСБ России, в фондах которого сохранились свидетельства как деятельности сионистских организаций, так и работы органов госбезопасности, с определенного момента начавших борьбу с сиониста-

¹ Владимир Жаботинский (Зеев) (1880–1940) — основатель и лидер ревизионистского, праволиберального течения в сионизме, писатель, публицист. Во время Первой мировой войны один из инициаторов и организаторов еврейских национальных воинских батальонов — «Еврейских легионов» — в составе британской армии. В 1917–1918 гг. в Англии, США и Палестине были сформированы три батальона, укомплектованные добровольцами, одним из которых стал сам Жаботинский (38–40-й батальоны королевских стрелков). Расформированы к началу 1920-х гг.

² <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15767&query=>

ми в СССР. Самые разнообразные по форме документы (агентурные донесения, докладные и аналитические записки органов госбезопасности, программные материалы легальных и нелегальных организаций, документы личного происхождения) дают полное и широкое представление о деятельности социалистических и трудовых сионистских организаций в СССР в 1920-х гг.

Наряду с национально-политическими требованиями на 7-м Всероссийском съезде сионистов в Петрограде были приняты резолюции и решения по культурному вопросу. В частности, в документе говорилось: «Еврейский язык является языком преподавания всех предметов за исключением государственного, краевого и других языков, во всех общинных учебных и воспитательных заведениях <..> съезд устанавливает следующий минимум для еврейских предметов: а) еврейский язык в таком объеме, чтобы учащиеся по окончании школы свободно читали еврейскую книгу и умели письменно излагать свои мысли, в) Библия и Аггада³ (в оригинале) и с) еврейская история <..> VII сионистский съезд выставляет требование, чтобы все учебные заведения, учреждаемые или субсидируемые и утвержденные общиной, были включены в общегосударственную школьную сеть и пользовались одинаковыми правами со всеми прочими государственными и областными школами. VII сионистский съезд объявляет культурно-воспитательную работу одной из основных задач Сионистской организации»⁴.

Летом и осенью 1917 г. свыше 1200 местных организаций российских сионистов вели широкую пропаганду идей еврейского национального возрождения, собирали средства в Еврейский национальный фонд, распространяли информацию о положении в Эрец-Исраэль, а для поддержки тех, кто желал туда переселиться, создавали общества взаимопомощи. Выходили 39 сионистских периодических изданий на идише, десять — на иврите, три — на русском языке. Через общество Тарбут⁵ сионисты создали около 250 учебных заведений, где языком преподавания был иврит.

³ А г г а д а — область талмудической литературы, включающая предания, легенды и религиозно-этические поучения (в отличие от «Галаха» — религиозного права, совокупности законов и предписаний).

⁴ Национальная библиотека Израиля.

⁵ Т а р б у т — сеть сионистских учебных заведений. Создана в 1917 г. в Москве. В связи с ограничениями советских властей (в том числе запретом на преподавание на иврите с 1919 г.) наибольшего развития достигла в межвоенный период в Польше, действовала и в других странах Восточной Европы. Усилия легализовать деятельность Тарбут в СССР не увенчались успехом, попытки подпольной деятельности продолжались до начала 1930 г.

В.Е. Жаботинский

Декларация Бальфура⁶, с энтузиазмом встреченная российским еврейством (во многих местах прошли торжественные митинги и демонстрации, в синагогах проводились праздничные богослужения), существенно укрепила позиции сионистов⁷.

7–11 октября 1917 г. в Киеве прошел пленум сионистской народной фракции «Цеирей Цион», на котором также был принят ряд резолюций о культурной работе в движении. Так, в частности, было решено, что «1. Еврейская национальная школа, построенная на светских началах, должна знакомить учащихся с еврейским бытом в прошлом и настоящем. 2. Языком преподавания для всех предметов, кроме государственного, краевого и др. языков, от детского сада до высшей школы является еврейский язык. 3. Разговорному еврейскому языку обеспечивается соответствующее место в начальной школе, содержащейся на средства общины, причем устанавливается минимум, достаточный для того, чтобы по окончании учащиеся умели читать и писать на разговорном еврейском языке. 4. Каждая группа родителей, достигающая определенной численности, может устроить начальную школу и пользоваться

⁶ Декларация Бальфура — письмо, посланное 2 ноября 1917 г. министром иностранных дел Великобритании Артуром Дж. Бальфуrom барону Вальтеру Ротшильду, одному из лидеров Британской еврейской общины. В декларации британское правительство заявляло о своем «доброжелательном отношении к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа»; она стала важной вехой в борьбе сионистского движения за международное признание права на политическое присутствие в Палестине.

⁷ <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15767&query=>

ся субсидией общины при соблюдении минимума преподавания еврейского языка в объеме, достаточном для умения читать, писать»⁸.

Большевистский переворот в октябре 1917 г. подавляющее большинство еврейской общественности и все еврейские партии, за исключением организации «Поалей Цион», осудили. Такие социалистические партии, как Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия и Бунд, заявили решительный протест против перехода власти в руки большевиков, а их представители покинули заседание 2-го Всероссийского съезда Советов. Орган Бунда газета «Арбетер штиме» писала: «Большевистский переворот есть безумие». Газета сионистского направления «Тогблат» утверждала: «В марте месяце революция была народной в полном смысле этого слова. Теперь она представляет собой только солдатский заговор»⁹.

Как отмечает профессор Ратгерского университета З. Галили, «с точки зрения физического и материального выживания первые годы большевистского правления были самыми тяжелыми. Во время Гражданской войны и иностранной интервенции территории с компактным проживанием еврейского населения часто переходили из рук в руки. Последствия сражений и большевистской политики “военного коммунизма” очень сильно сказались на еврейском населении, поскольку автаркические тенденции в экономике практически не оставили места для традиционных еврейских занятий торговлей и ремеслом. Это были годы беспрецедентного насилия в отношении жизни и собственности евреев. Погромы 1918–1920 гг., в большинстве случаев спровоцированные силами, сражавшимися против большевиков, охватили всю Украину и южную Россию, оставив около 150 тыс. человеческих жертв, около 500 тыс. бездомных и 300 тыс. сирот. Тысячи еврейских беженцев передвигались к западным рубежам в поисках безопасного места. Демографические, экономические и психологические последствия погромов 1918–1920 гг. давали о себе знать еще целое десятилетие»¹⁰.

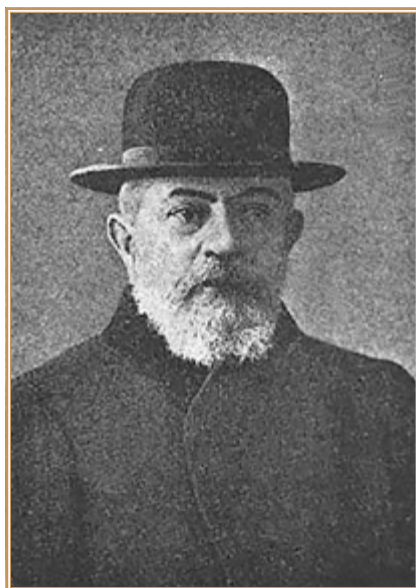
После Октябрьской революции особенно острым стало противостояние иврита и идиша, когда последний получил мощную поддержку советской власти: открывались еврейские школы, создавались всевозможные научные

⁸ ЦСА. Ф. 30. Д. 43/3.

⁹ Советский Союз. Октябрьская революция и Гражданская война // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.eleven.co.il/?mode=article&id=15415&query=

¹⁰ Галили З. Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину (Sovetskii opyt sionizma: Eksport sovetskoi politicheskoi kultury v Palestinu) // Ab Imperio. 2003. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/books/html/galili.htm> (дата обращения: 3.03.2017).

Я.И. Мазе

общества, печатались книги. Одновременно сторонники сионистского движения, говорившие на иврите, активно содействовали его возрождению. Как отмечает исследователь еврейской истории и культуры искусствовед М. Аграновская, «в XX веке противостояние “идишистов” и “гебраистов” вылилось в настоящую “войну языков”, охватившую как европейские страны, так и Палестину <..> На стороне идиша были еврейские рабочие партии, и среди них влиятельный “Бунд”»¹¹.

20 января 1918 г. был образован Еврейский комиссариат в составе Народного комиссариата по делам национальностей. В течение 1918 г. было открыто 13 местных еврейских комиссариатов. Летом 1918 г. еврейские коммунисты, поддержанные центральными властями, начали кампанию против еврейской культуры и религии. В декрете Еврейского комиссариата от 19 августа 1918 г. провозглашалось, что в еврейских школах языком обучения должен быть идиш, преподавание иврита было резко сокращено. По настоянию Евсекции в начале 1919 г. Еврейский комиссариат издал декрет, объявлявший иврит «языком реакции и контрреволюции» и предписывавший преподавание в еврейских школах на языке идиш. Сионисты выступили с решительным протестом. Делегация во главе с раввином Я. Мазе посетила народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, который заявил, что считает актом вандализма объявление какого-либо языка контр-

¹¹ Аграновская М. Этот сладкий язык — маме лошн // Еврейская газета. 2004. Январь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.maranat.de/agr_06_iwr_02.html

революционным. При этом 30 августа 1919 г. Наркомпрос принял решение запретить преподавание иврита во всех учебных заведениях. Были закрыты все школы Тарбут. Началось изъятие из библиотек книг на иврите, прекращалась деятельность издательств, журналов, рассыпались наборы книг¹².

2–8 мая 1918 г. в Москве состоялась конференция организаций из Великобритании, Сибири, Кавказа Народной сионистской фракции «Цеирей Цион». В числе резолюций по вопросам принципиального характера на повестке дня стояло обсуждение культа работы. В частности, проблемы светскости в общине и школе. Так, в документе подчеркивалось, что «религиозность в народной школе как элемент психологии, в частности, детской, есть вопрос педагогики и педагогического чутья и регламентации не подлежит. Религия как предмет преподавания в еврейской школе не имеет места. Библия и Аггада входят в программу школы как элементы еврейского языка и литературы. Вопросы языка в общине и школе: 1) делопроизводство общины ведется одновременно на обоих языках: еврейском и разговорно-еврейском; 2) идеальным типом школы является школа с одним языком преподавания, еврейским, от детского сада до университета. По желанию определенной группы родителей община устраивает и субсидирует школы на идиш при условии определенного минимума еврейского языка и Библии. Если обиходный язык детей идиш, то в школе на еврейском языке ему должно быть отведено подобающее место»¹³.

В открытом письме ЦК Сионистско-социалистической партии, в частности, говорилось: «Еврейская школа является еврейской лишь по названию и по форме, а не существу. Она объективно ассимилирована и отрывает учащихся от еврейских трудящихся и их национально-классовых интересов. Необходимо введение в программу еврейских школ еврейских предметов (истории, литературы, еврейской экономики и языка иврит). Величайшим варварством, дискредитирующим советскую власть, является фактическое запрещение легального изучения и культурного творчества на языке иврит»¹⁴.

В обращении главного штаба союза Цофим «Гашомер Гацоир» к родителям следовало: «Пусть евсековцы твердят, что иврит — это мертвый язык. Это явная ложь. В течение долгих веков голуса иврит был действительно только языком литературы. Но теперь иврит снова возрожден к жизни в той стране, где он зародился. В Палестине существуют десятки

¹² Советский Союз. Октябрьская революция и Гражданская война // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.eleven.co.il/?mode=article&id=15415&query=

¹³ ЦСА. Ф. 30. Д. 43/2.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. Н-3796. Т. 3. Л. 331–340.

Сионистская конференция в Минске. 1902 г.

народных школ и детских садов, в которых поголовно все подрастающее поколение получает национальное воспитание на иврите. В Палестине издаются десятки газет и журналов, сотни книг по всем отраслям знания на иврите. В Палестине иврит стал языком семьи и школы, науки и труда, улицы и базара. Иврит теперь не мертвый язык, даже не возрождающийся, а уже возрожденный. Только здесь в СССР еврейский язык (иврит) и вся многовековая еврейская культура подвергаются неслыханным гонениям со стороны Евсекции, которая ведет нас к ассимиляции и вырождению. Передовая, наиболее сознательная часть еврейских детей и подростков организовалась во имя борьбы за национальное освобождение»¹⁵. Как следовало из обращения, 10 тыс. детей и подростков Подолии потребовали от правительства прекратить гонения Евсекции на еврейскую культуру и допустить в школах изучение иврита, еврейской литературы и истории. Евсекция растерялась. Чтобы замаскировать свое замешательство, она объявила кампанию лжи и клеветы на еврейских детей и подростков, осмелившихся выявить свою волю. Первые петиции были оставлены без ответа¹⁶. Представители «Гашомер Гацоир» возмущались: «Советское правительство не может игнорировать желание сотен и тысяч еврейских

¹⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р-46395. Т. 4. Л. 50.

¹⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-46395. Т. 4. Л. 50.

детей. Советская власть гордится тем, что она разрешила национальный вопрос, что она дает возможность культурного развития и свободу культурного творчества угнетенным прежде народностям. Для цыган и для тюрков, для всех диких и полудиких племен советские органы народного просвещения вырабатывают азбуку, издают для них книги и газеты на их языке. Советская власть проводит украинизацию, белоруссизацию, татаризацию, молдаванизацию и прочее. Мы требуем также и гебраизации. <...> Через несколько недель возобновляются занятия в школах. Еврейские дети и подростки снова выступают с требованием ввести в школу изучение иврита, евр. литературы и евр. истории. Отцы и матери, поддержите своих детей. Требуйте вместе с ними от правительства, чтобы оно прекратило гонения Евсекции на еврейский язык (иврит) и еврейскую культуру. Требуйте издания декрета, по которому во всех школах, где имеется значительное количество евреев-учащихся, допускается изучение еврейского языка (иврит), еврейской литературы и истории. Требуйте, чтобы органы советской власти открыли школы I и II ступени на иврите, издавали учебники и книги для чтения на иврите»¹⁷.

Впоследствии гонения на сионистское движение со стороны Евсекции усиливались. В 1924 г. организация «Гашомер Гацоир» провозглашала: «Еврейский Союз цофим “Гаш[омер] Гац[оир]” в СССР является руководящим и организующим центром еврейских детей и подростков в политической, культурной и всех других областях их жизни. Союз организывает еврейскую детскую и подростковую среду в целях удовлетворения интересов, потребностей и запросов их жизни и развития. Союз объединяет еврейских детей и подростков в борьбе с ассимиляторско-вырожденческими тенденциями в школе и в жизни. Союз ведет агитационную работу по внедрению своих принципов в массы еврейской детворы и подростков, принимает участие в регулировании процессов их жизни, ведет общественную работу по защите их прав и интересов, как то: борьба с беспризорностью, неграмотностью и т.п. Союз помогает сионистскому движению и его работе, общей для всех сионистских группировок и течений, как то: борьба за свободу языка, за поднятие культурного уровня массы и т.п. Только лишь путем воспитания в процессе самой жизни, т.е. воспитания на основе приобщения детей и подростков к текущей жизни при условии и в рамках сохранения основ максимально-объективного воспитания может быть подготовлена достойная смена национальному освободительному движению еврейства»¹⁸.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Д. Р-46395. Т. 4. Л. 89–90.

В дальнейшем и «Гашомер Гацоир», и ряд других сионистских организаций в России принимали программы и резолюции о культурной работе, распространении и возрождении иврита, обучении детей и подростков. Однако эти воззвания не получили поддержки у советской власти.

С июля 1919 г. было развернуто широкое наступление на сионистское движение, издан приказ о ликвидации всех сионистских организаций на Украине и конфискации их имущества. Одновременно комиссариат по делам национальностей объявил иврит «контрреволюционным языком» и запретил его преподавание во всех учебных заведениях.

В 1920-х гг. сионисты, наряду с анархистами, меньшевиками, народными социалистами, монархистами, правыми и левыми эсерами, были отнесены к оппозиционным антисоветским политическим партиям, и борьба с ними стала одной из задач ГПУ—ОГПУ¹⁹.

К 1923 г. в Советском Союзе оставались лишь две разрешенные сионистские организации: Еврейская коммунистическая рабочая партия «ПоалеЙ Цион» и легальное крыло «Гехалуц», сторонники которого считали возможным сосуществование сионистского движения с советским режимом.

Как открытое движение сионизм был ликвидирован в СССР к началу 1930-х гг. К концу 1930-х гг. вся еврейская культура стала гонимой. Обучение идишу в школах было запрещено и сохранилось чуть дольше, чем во всей стране, только в Еврейской автономной области, и то недолго: до конца 1940-х гг.

¹⁹ Более подробно см.: Христофоров В.С. Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. в документах ГПУ // Русский Берлин: 1920—1945: Междунар. науч. конф. / Науч. ред. А.С. Флейшман; сост. М.А. Васильева, А.С. Флейшман. М., 2006. С. 39—65; Он же. История советских органов госбезопасности: 1917—1991 гг.: учебное пособие / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2015; Он же. О высылке меньшевиков из России в 1922 году // Интеллигенция России и Запада в XX—XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Материалы научной конференции, 28—29 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 115—117; Он же. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126—170.

REFERENCES

1. *Agranovskaja M.* Jetot sladkij jazyk — mame loshn // Evrejskaja gazeta. Janvar'. 2004.
2. *Galili Z.* Sovetskii opyt sionizma: Eksport sovetskoi politicheskoi kultury v Palestinu [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://socialist.memo.ru/books/html/galili.htm>
3. Sovetskij Sojuz. Oktjabr'skaja revoljucija i Grazhdanskaja vojna // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija.
4. *Hristoforov V.S.* Vysylka uchenyh i dejatelej kul'tury iz Rossii v 1922 g. v dokumentah GPU // Russkij Berlin: 1920–1945: Mezhdunar. nauch. konf. / Nauch. red. L.S. Flejshman; sost. M.A. Vasil'eva, L.S. Flejshman. M., 2006. S. 39–65.
5. *Hristoforov V.S.* Istorija sovetskih organov gosbezopasnosti: 1917–1991 gg.: uchebnoe posobie // Otv. red. E.I. Pivovar. M., 2015.
6. *Hristoforov V.S.* O vysylke men'shevikov iz Rossii v 1922 godu // Intelligencija Rossii i Zapada v XX–XXI vv.: poisk, vybor i realizacija putej obshhestvennogo razvitija. Materialy nauchnoj konferencii, 28–29 maja 2004. Ekaterinburg, 2004. S. 115–117.
7. *Hristoforov V.S.* Filosofskij parohod». Vysylka uchenyh i dejatelej kul'tury iz Rossii v 1922 g. // Novaja I novejšhaja istorija. 2002. № 5. S. 126–170.

Ключевые слова:

сионизм, культработа, Февральская революция, Сионистская конференция, Еврейский национальный фонд, иврит, еврейское национальное возрождение, идиш

Irina Y. Berezhanskaya

THE RUSSIAN REVOLUTION IMPACT TO THE ZIONIST ORGANIZATIONS CULTURAL EDUCATIONAL WORK IN RUSSIA

By the end of the XIX century Zionism arose various sources in Russia: from Marxist «Poale Zion» to the religious «Miz-rachi». The anti-Jewish restrictive laws cancellation and the Zionist organizations in Russia legalization after the February Revolution of 1917 led to the rise of the movement. In the summer of 1918, Jewish Communists, having been supported by the central authorities launched a campaign against the Jewish culture and religion. Consequently, the Jewish section persecution on the Zionist movement intensified. In 1920s the Zionists at the same time with the Anarchists, Mensheviks, national socialists, monarchists, the Socialist-Revolutionaries, were attributed to anti-Soviet opposition political parties, and the fight against them was one of the tasks of the GPU — OGPU. As an open movement, Zionism was abolished in the USSR at the beginning of the 1930s. By the end of 1930s the entire Jewish culture became the persecuted. Currently, the work on a collection of documents «The socialist and labor Zionist organizations in the USSR in the 1920s» is being carrying on. The documents of both Russian and foreign archives, reflecting the struggle of Zionist organizations for self-determination of the Jewish people in Russia are cited in the article.

Бережанская Ирина Юрьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Центра публикации источников по истории России XX века
Института российской истории РАН

С.М. Исхаков

УФИМСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ (1917—1920)

Протоколы и документы: В 3 ч. Ч. II. 1 января — 9 мая 1919 г. /

Сост.: Г.В. Мордвинцев и др.; Восточная экономико-
юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ).

Уфа, 2017. 224 с.

Революционная проблематика ныне оказалась в эпицентре бурных мировых дебатов о роли преобразований в истории человечества, в том числе в судьбе России. Интерес к тому, что произошло в Российской империи в годы Первой мировой войны, к последовавшим затем кардинальным переменам и

их влиянию на ход европейской и мировой истории, замечен как в мире, так и в Российской Федерации. Прошедшее 100-летие революционных событий в России показало две очевидные тенденции: для одних революция в России в 1917 г. — отклонение от «нормального», западноевропейского пути развития, «трагедия», очередная русская «смута». Такой подход является следствием мощного политико-идеологического воздействия консервативных кругов и их «рупоров» в средствах массовой информации и в среде профессиональных историков. При таком взгляде на события участники революции изображены как люди, действующие, как правило, под влиянием иррациональных мотивов и инстинктов, что в итоге привело к ужасающей картине всероссийского хаоса, распадающегося общества. Такие намерения современного российского политического класса при помощи ангажированных историков добиться осуждения революции в принципе как факта собственной же истории представляют собой прямое вмешательство в научный процесс. Цель — воздей-

ствовать на общественные настроения современного российского общества, представить революционный процесс как социальный экстремизм, опасный как для простых людей, так и для власти. Для этого все делается так, чтобы официальная историческая наука верно служила интересам власти, идеологически обслуживала ее как краткосрочные, так и долгосрочные, нередко при этом личные, интересы и потребности. Однако, как уже случалось, все это приводит к печальным для всего общества последствиям в плане исторического сознания, его деградации.

Согласно другому подходу, это была типичная социальная революция, которая привела к тому, что весной — осенью 1917 г. Россия стала самой демократической страной в мире. Именно такую Россию поддерживали все многочисленные нерусские народы, входившие в бывшую империю и составлявшие, как известно, большинство ее населения на огромном евразийском пространстве. Идеалы свободы, равенства, братства людей и народов вызвали огромный энтузиазм в массах, что в конечном итоге позволило новой власти победить своих противников, включая интервентов, в бывшей империи.

Для освещения революционной проблематики и анализа ее очень важно обращаться к тому, что происходило в провинциальной России, «на местах». Тому, как это было в условиях такой вполне типичной для евразийской страны Уфимской губернии, на пересечении Европы и Азии, в 1919 г., посвящен рецензируемый сборник документов, подготовленный группой уфимских историков во главе с проф. Г.В. Мордвинцевым, известным в современной Республике Башкортостан историком. Он — один из немногих ученых этой республики, кто продолжает вести постоянную кропотливую источниковедческую работу в области революционной истории России, в особенности по изучению этого сложнейшего социального явления в условиях данного региона, который был, как и многие другие, тогда типичной отсталой окраиной. Здесь уместно напомнить, что совершенно верен вывод советской историографии, который сделан в 1960-х гг., что такой фактор, как отсталость страны, в условиях Первой мировой войны ослабил не только царизм, но и буржуазный строй и сделал их обоих более уязвимыми для революционных потрясений и прихода к власти большевиков в конечном счете.

В предисловии к данному сборнику верно отмечается, что одна из главных целей публикации — расширение источниковой базы для научного осмысления истории революции 1917 г. в России и последовавшей за ней Гражданской войны 1918–1920 гг. (с. 4). Действительно, составителям удалось этого достичь. Как и первая часть этого издания (опубликована в Уфе в 2012 г.), публикация данных протоколов позволяет представить, как формировалась революционная власть и как действовала в экстремальных условиях русской

Гражданской войны, в которую были втянуты и другие народы этого многонационального края.

Сборник имеет, на мой взгляд, ряд бесспорных достоинств, из которых следует отметить наиболее важные. Составителями собрана репрезентативная источниковая база, часть которой составили документы из фондов центральных и республиканских архивов. Причем большинство документов публикуются впервые. Это солидный источниковый комплекс, содержащий ценную информацию, которая позволяет существенно расширить представления о революционной ситуации в Уфимской губернии и деятельности органов советской власти во время Гражданской войны.

По мнению составителей, основная деятельность Уфимского губернского революционного комитета в январе — марте 1919 г. сводилась к обеспечению нужд сражающейся с белыми Красной армии, сбору в этой губернии и доставке продовольствия в промышленные центры советской России, восстановлению структур советской власти, организации элементарных основ социально-экономической жизни, предотвращению эпидемий и др. Другое важное направление работы советских и партийных органов, военных структур и продовольственных отрядов — массово-политическая и агитационная деятельность по разъяснению советской политики и РКП(б) в условиях складывающейся системы «военного коммунизма» (с. 14).

Однако составители не обратили внимания на такую важную сторону публикуемых ими же документов, как национальная политика, не высказали при этом в самой общей форме своего мнения о том, какой она была здесь. А определенные данные для этого в самом сборнике имеются. Достаточно обратить внимание на такой характерный факт, который говорит о многом в этом смысле: в составе данного губернского ревкома не было ни одного представителя местных мусульманских народов — башкир и татар, которые между тем вместе составляли большинство населения этой губернии. А это позволяет сделать вывод, что члены данного ревкома никакого равноправия для этих народов, несмотря на все громкие заявления новой власти, советской пропаганды, на деле не допускали, вели себя, в сущности, как колониальные чиновники из ушедшего в прошлое царизма.

Есть во введении и явные историографические анахронизмы, которые, впрочем, довольно распространены в научной литературе в отношении других народов, на протяжении веков исповедовавших ислам. Для составителей те, кто выражал интересы, в частности, башкир и татар, являются представителями «националистических движений и групп» (с. 9), «мелкобуржуазными националистами» (с. 12), «националистами», которые отстаивали «свои сепаратистские позиции» (с. 13). В заголовке документа 77 составителями ис-

пользован такой неудачный с научной точки зрения оборот, как «башкирские националисты». А ведь речь везде шла о том, как относилась новая местная власть к провозглашенному же центральной советской властью праву народов на свое самоопределение, что было следствием подъема самосознания угнетавшихся царизмом нерусских народов, в том числе башкир и татар. Проблемы межнационального и межконфессионального сосуществования стремительно нарастали после прихода к власти большевиков, а идеи федерализма и достижения реального равноправия народов пробивали себе дорогу. Вполне естественно, что представители нерусских народов и их различные движения и партии не хотели ждать, что кто-то за них решит их судьбы. С этим очевидным фактом пришлось считаться советскому руководству. Как известно, в январе 1918 г. Третий Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней провозглашалось, что Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик. Советское руководство заключило договор, в частности, именно с этими «сепаратистами» и «националистами» в виде «соглашения Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии». И таким образом 23 марта 1919 г. была создана Башкирская АССР. Эта республика, как известно, стала первой автономной советской республикой в составе РСФСР, что должно было быть доказательством воплощения в жизнь ленинской национальной политики.

Вскоре после этого соглашения В.И. Ленин объяснил на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. причины признания советским руководством права нерусских народов на самоопределение: «...У нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи... Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? ...Они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации...» Но вскоре оказалось, что коренные жители этой республики не получили подлинной самостоятельности, так как все важные вопросы решались в центральном правительстве, т.е. автономия была мифом.

Между тем обвинение в сепаратизме и национализме — весьма распространенное явление в российской историографии в отношении не только башкир, но и других мусульманских народов бывшей Российской империи. Такие гуманитарии-«прокуроры», в сущности, считают, что у этих народов не было никакого права на какое-либо самоопределение. Всевозможные запи-

ски, доклады, письма, которые писались на самый «верх» и до падения самодержавия, и по инерции при советской власти представляли собой «коктейль» из лжи, фантазии, игры испуганного воображения, подозрительности, бюрократической «прозорливости» и «мудрости». Такой излюбленный историографический «букет» очень нравится многим современным авторам, которые используют его в качестве главного аргумента при освещении национальных и конфессиональных проблем общества, не обращая внимания на исторические факты, тем самым еще больше запутывают современного читателя.

Отмечая трудоемкую работу составителей сборника, следует также указать, что почему-то отсутствует справочно-биографический аппарат, что является серьезным недостатком для подобных работ. Между тем такие примечания очень важны для понимания публикуемых документов, особенно упоминаемых в них персонажей, которые оставили свой след в истории этого края. И современному читателю надо дать такую информацию.

Данное издание, несмотря на эти и другие упущения, представляет собой шаг вперед по сравнению с рядом документальных изданий, вышедших в Уфе за последние годы, которые часто демонстрируют неприкрытую апологетику тех или иных пристрастий составителей, сильное влияние современной идеологической и иной конъюнктуры по освещению «революционных коллизий», «массового бунтарства», «красной смуты» и т.п. Материалы же данного сборника являются важным источником изучения истории 1919 г. на территории не только Уфимской губернии, но и сопредельных территорий, политики советской власти в таком сложном многонациональном и многоконфессиональном крае.

Главная задача данного сборника, в сущности, состоит не только в том, чтобы расширить документальную основу изучения, но и стимулировать появление новых идей, активизировать и поддержать свободный новаторский поиск, исходя из известной аксиомы, что знание неприкрашенной в ту или иную сторону правды о прошлом лучше всего предохраняет от увлечения им, что изучение истории, какой бы она ни была, остается одним из признаков культурного общества, что творческое и свободное развитие исторической науки, в том числе отечественного революциеведения, — важное условие научного прогресса.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН
по истории социальных реформ, движений и революций

В.Ж. Цветков

А.В. ЛУБКОВ. ЛИЧНОСТЬ. ВРЕМЯ. ОБРАЗОВАНИЕ: СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

М.: Московский педагогический государственный
университет, 2017. 320 с.

современной историографии Великой российской революции 1917 г. достаточно большое внимание уделяется изучению причин, предпосылок революционных событий, особенностей формирования революционной ситуации в начале XX в. Данные исследования позволяют более подробно рассмотреть самые разнообразные факторы революционного процесса, показать его сложность и противоречивость. 100-летний юбилей революции, широко отмечавшийся в прошлом году, дал возможность еще раз рассмотреть проблематику сочетания, взаимодействия социально-политических, социально-экономических, идеологических предпосылок. Особое значение в этой связи получают научные изыскания, посвященные изучению оппозиционных движений накануне революции.

Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии образования, ректор Московского педагогического государственного университета Алексей Владимирович Лубков неоднократно обращался к истории российского либерализма, проблемам участия русских либералов в политических событиях конца XIX — начала XX в. Так, на основе многочисленных архивных документов им была написана монография, посвященная одному из видных деятелей кадетской партии князю Д.И. Шаховскому,

опубликованная в 2002 г. Проблема российского либерализма рассматривается автором комплексно, значительное внимание уделяется его идеологическим, ценностным критериям.

Изучение либерального политического лагеря позволило А.В. Лубкову сделать интересные выводы по вопросу участия его представителей в революции. Автор правомерно задается вопросом о степени ответственности либеральной оппозиции за обострение политической ситуации в стране накануне февраля 1917 г. В этом отношении оценка автора достаточно однозначна.

Рецензируемый сборник включает в себя статьи, интервью, непосредственно относящиеся по тематике к 1917 г.: «Российская государственность и модернизация страны. XX—XXI века: ценностный дискурс», «К ключевой проблеме историографии: личность — общество — государство»; «Два царя в голове»; «Элита России: противоположности не сходятся»; «Российская элита и русская революция»; «Великий разлом»; «Гражданская война 1918—1920 годов в России»; «Есть у революции начало»; «Кооперативная модернизация России накануне революции 1917 года».

В данных статьях, объединенных в раздел «Социокультурная динамика и российская модернизация», представлена точка зрения автора на происхождение революции, дается ее характеристика. По его мнению, «февраль — это начальная точка нашей национальной государственности. Если говорить о предпосылках и одновременно уроках, мы должны подчеркнуть ответственность элиты, которая на этом рубеже не справилась с той миссией, что на нее возлагали история и русская культура. А не справилась потому, что к этому моменту в значительной степени оторвалась от национальных оснований... Особую разрушительную роль — роль акторов — сыграла, конечно, так называемая либеральная интеллигенция вместе с представителями русской аристократии...» (с. 162).

Важно отметить, что автор, изучая вопросы становления либеральной идеологии и ее эволюции в предреволюционные годы, во время Гражданской войны стремится показать неоднозначность политической позиции русских либералов. С одной стороны, налицо была искренность намерений многих политиков, желавших радикально улучшить положение народных масс, стремившихся к максимально возможной демократизации политического режима.

А.В. Лубков отмечает при этом, что к 1917 г. «сама монархия претерпела существенную эволюцию. Это уже была... не монархическая самодержавная власть, а... дуалистическая монархия. Были институты гражданского общества, российский парламент, основы конституционного строя. Тот же

князь Шаховской... был человек исключительных нравственных качеств. Он, внук декабриста, считал, что благо России связано именно с пониманием свободы народа, которую надо развивать через земские начала, через демократию, самоуправление. Но сам по себе институт монархии должен был быть сохранен, по его мнению...» (с. 165–166).

Но, с другой стороны, это благое намерение оказалось, по существу, несовместимым с сохранением стабильности государства. Либералы закономерно втягивались в политическое противостояние с властью. В этом заключалась трагедия русской либеральной интеллигенции. «Они представляли, — подчеркивает автор, — что их претензия на власть более обоснованная. Они более умело как представители общественности — либеральной и демократической — несут основное бремя борьбы с хаосом, борьбы с немцами, осуществляют мобилизацию, и в значительной степени так оно и было...» Но реалии жизни, ситуация, когда после февраля либералы власть получили, оказались для них гораздо тяжелее времени их пребывания в оппозиции. «Реального государственного опыта у них не было... государственно мыслящих людей оказалось очень и очень мало. И мы прошли через вот эту кровь гражданской войны...» (с. 129). В сложившейся в 1914–1916 гг. ситуации, когда Россия участвовала в Первой мировой войне, когда от страны требовалось максимальное напряжение сил для достижения победы на фронтах, противостояние с властью становилось весьма опасным. Позднее, как верно отмечает автор, эта оппозиционность стала одним из факторов революционных событий февраля 1917-го.

При анализе российского кооперативного движения автор стремился оценить и специфику политической позиции русских кооператоров предреволюционного времени. Кооперативный уклад, по его мнению, «основанный на принципах демократического хозяйствования миллионов трудящихся, составлял серьезную конкуренцию для государственного и частного секторов экономики. При этом кооперация выступала не просто как хозяйственное или коммерческое предприятие, но как массовое общественное движение с присущей ему идеологией: кооператоры уделяли большое внимание культурному просвещению народа, его образованию и воспитанию в самом широком смысле...» (с. 188). Общественно-политическая активность кооператоров подтверждается, в частности, примерами их участия в работе Демократического совещания, Совета Республики (Предпарламента) осенью 1917 г.

Удержать власть либералы не смогли. «Растратив всю свою энергию и силы в борьбе с прогнившим самодержавным режимом, российские либералы в условиях распада традиционной монархической государствен-

ности оказались неспособными к созидательной государственной работе. Фактически — упустили власть, которую потом “подобрали” большевики» (с. 156).

Развивая отмеченный выше тезис, автор, опираясь на разработанный им документальный материал, выходит на проблему оценки степени участия в революционных событиях февраля 1917-го левых партий, в первую очередь большевиков. Автор справедливо замечает, что В.И. Ленин и большевики в целом сыграли весьма заметную роль в политическом кризисе начала 1917 г. Однако данное положение заслуживает большей детализации. Надо ли «отделять» большевиков в февральско-мартовских событиях 1917 г. от других оппозиционных сил? Отметим в этой связи, что в Советской России в те же 1918–1919 гг. (да и позднее) события Февральской революции праздновались ежегодно и никаких осуждений по поводу «свержения ненавистного царского режима» официальными лицами РСФСР не высказывалось. Наоборот. «Жертвы царизма, павшие в феврале 1917-го», наделялись ярким героическим ореолом.

Вообще, в современной исторической публицистике, к сожалению, весьма распространенным стал тезис о якобы полной непричастности большевиков к февральско-мартовским революционным событиям, в то время как в советской историографии, напротив, утверждалось о решающей роли большевиков как в Октябрьской, так и в Февральской революциях. Автор не призывает к преувеличению роли либеральной оппозиции, правомерно видит в ней один из элементов давления на государственную власть, считает необходимым учитывать кризисные тенденции в российской экономике, политической жизни накануне 1917 г.

Затрагивается автором и проблематика участия либералов в Белом движении. При том, что их программы в период Гражданской войны логично развивались из программ предреволюционного времени, А.В. Лубков отмечает их эволюцию, укрепление в них положений о сохранении государственного единства России, о патриотической миссии Белого дела. Либералы выступали за «нерасчленение Российской империи», «они были государственниками». Это подтверждала «последующая борьба Белого движения, где они сыграли свою исключительную роль, были идеологами» (с. 166).

А.В. Лубковым дана оценка политического развития страны. Российская государственность могла, по его мнению, развиваться на вполне прочной основе, в которой сочетались бы элементы традиционной государственности и, одновременно с этим, учитывались бы перемены, произошедшие за время революции. Игнорировать эти перемены было невозможно, и полный «возврат в прошлое», конечно, был невозможен.

Автор справедливо предупреждает от опасности перенесения в современность оценочных суждений прошлого, призывая не разделять общество на «красных» и «белых». В этом состоит большая ответственность историка, его гражданская позиция. «Надо все же не проводить сегодня резких разграничительных черт, — утверждает он, — а искать мосты, способы коммуникации... Люди ведь часто заблуждаются, в том числе от исторической неграмотности. Вектор русской истории присутствует в русском человеке и сегодня; как и в прошлом, и в будущем — это пространство души...» (с. 163).

Сборник статей А.В. Лубкова продолжает историографическую традицию изучения социально-политических традиций русского общества начала XX столетия, существенно корректирует и дополняет сложившиеся оценки в отношении революционных событий 1917 г.

 Цветков Василий Жанович

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

«ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»: ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАНА РАБОТЫ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР (1988 Г.)

о второй половине 1950-х гг. в целях координации работы в Академии наук СССР были созданы различные научные советы, в том числе — по ряду проблем всемирной и отечественной истории. Один из них, Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (председатель — академик И.И. Минц), был образован в конце 1957 г.

Основные функции и задачи Совета состояли в подведении итогов изучения истории этой революции в СССР и за рубежом; в координации деятельности как научных институтов и кафедр, так и отдельных ученых, в выявлении актуальных, слабо разработанных или совсем не изученных проблем. В задачи Совета входило объединение усилий ученых для создания обобщающих трудов. Принимаемые Советом решения становились основой для планирования и координации научной работы в данной сфере как в масштабе страны, так и в пределах регионов. Сессии, конференции и симпозиумы, проводимые академическим Советом, стали трибуной для творческих дискуссий.

Начавшаяся весной 1985 г. «перестройка» в СССР поставила советских историков Великого Октября перед новыми проблемами. В январе 1988 г. Бюро Отделения истории АН СССР переименовало этот Совет в Научный совет по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября». Совет в феврале 1988 г. провел всесоюзный «круглый стол», чтобы откор-

ректировать программу Совета. Обсуждение проблем Октября 1917 г. и Гражданской войны было довольно острым.

Ситуация в Совете стала принципиально меняться после того, как Бюро Президиума АН СССР 10 июня 1988 г., рассмотрев заявление И.И. Минца, решило освободить его от несения обязанностей непосредственного руководителя Совета, оставив почетным председателем; возглавить Совет было предложено члену-корреспонденту АН СССР П.В. Волобуеву. На ближайшем заседании бюро Совета 30 июня 1988 г. состоялось обсуждение проекта комплексной программы.

15 сентября 1988 г. Бюро Отделения истории АН СССР назначило председателем Совета П.В. Волобуева и восстановило прежнее название Научного совета — «История Великой Октябрьской социалистической революции»; Президиум АН СССР утвердил это решение. Новый председатель стал менять теоретическое направление в исследовании Октября 1917 г. и Гражданской войны, начался поиск новых подходов в их изучении, существенно изменились состав бюро и организационная деятельность Совета. Тогда же началась работа по созданию новой программы Совета.

К концу декабря 1988 г. Советом была подготовлена программа исследований до 2000 г., которая отражала стремление отойти от привычных, традиционных представлений и побудить историков по-новому осмыслить, казалось бы, решенные проблемы, показать без искажений жизнь страны в эпоху революции, существенно обновить исследовательскую тематику, скорректировав ее в соответствии с запросами общества.

О том, как в Научном совете проходило обсуждение сложившейся общественно-политической обстановки и ее воздействия на ситуацию в науке, можно судить по впервые публикуемой стенограмме заседания Научного совета, которое состоялось 30 июня 1988 г. в стенах Института истории СССР АН СССР.

Главный вывод, который вытекает из этой дискуссии, очевиден. С конца 1920-х — начала 1930-х гг. учреждения и кадры исторической науки были поставлены на обслуживание идеологических интересов власти. Каков же результат подобного отношения власти к истории? Как известно, к середине 1980-х гг. отечественная история, прежде всего советского периода, представляла собой причудливое сочетание мифов, фальсификаций, умалчиваний, «белых пятен», формировалось искаженное историческое сознание общества в целом, становилось все более заметным отставание советской историографии от мировой науки.

Публикуемая ниже стенограмма этого заседания хранится в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и револю-

ций, который является преемником прежнего Совета в изучении соответствующих проблем. В подготовке данного источника к публикации принял участие член Бюро Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций кандидат исторических наук В.В. Поликарпов. Работа академического Совета, начатая в 1957 г., продолжается.

Д-р ист. наук, С.М. Исхаков

«Великий Октябрь и гражданская война».
Стенограмма заседания Научного совета АН СССР
по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября»
30 июня 1988 г.

Председатель — Ю.И. Кораблев¹.

Ю.И. Кораблев: Товарищи! Мы должны сегодня обсудить комплексную программу работы нашего Совета, нам нужно еще получить в письменном виде все замечания от секций² к осени, переработать их и в окончательном виде все это опубликовать. Слово для доклада по Комплексной программе имеет Исаак Израилевич Минц³.

И.И. Минц: Товарищи! Мы проживаем с вами в век точности, позволяете уточнить некоторые обстоятельства. Заявление свое я подал в прошлом году. Меня попросили подождать общего решения о сокращении сроков в связи с возрастом и, с другой стороны, подождать окончания проводимых Советом работ в связи с 70-летним юбилеем, на что я согласился. В этом году я возобновил свое предложение. Мне предложили: не останетесь ли вы почетным председателем после стольких лет работы над этой проблемой. Между нами говоря, я не знал, с чем это кушают, я вспомнил, как Михаил Николаевич Покровский по поручению ЦК рассматривал список будущих членов Академии и по поводу одного, имевшего звание «почетного академика», написал в резолюции: «Чести много, а денег платить ему не будут».

¹ Юрий Иванович Кораблев (1918–1996) — доктор исторических наук, МГПИ им. В.И. Ленина, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

² Имеются в виду секции: Азербайджанская, Армянская, Белорусская, Верхневолжская, Грузинская, Дальневосточная, Казахская, Карельская, Латвийская, Ленинградская, Литовская, Молдавская, Поволжская, Северо-Кавказская, Сибирская, Среднеазиатская, Украинская, Уральская, Центрально-Черноземная, Эстонская.

³ Исаак Израилевич Минц (1896–1991) — академик, председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

Президиум торжественного собрания, приуроченного к 90-летию академика И.И. Минца.

На переднем плане слева направо: академик АН СССР С.А. Тихвинский, академик АН СССР И.И. Минц, директор Института всеобщей истории АН СССР, член-корреспондент АН СССР З.В. Удальцова.

Во втором ряду справа налево: академик АН СССР А.М. Самсонов, представитель Института военной истории Министерства обороны СССР.
Институт истории СССР АН СССР. Москва, 1986 г.

Почетным председателям в Академии наук, оказывается, не положено платить, но, тем не менее, я договорился с товарищем Кораблевым Юрием Ивановичем, который будет продолжать нашу работу, что я сохраню непосредственное участие в двух вопросах, — помимо того, что я согласен давать необходимые советы и т.д., — это ясно, но два вопроса специально я сохраняю за собой, с разрешения, конечно, Бюро Отделения.

Прежде всего это история интервенции. Мы ее широко развернули, в печати находится уже история интервенции в Прибалтике, история интервенции на Северном Кавказе, сейчас мы работаем над историей интервенции в Закавказье и, разумеется, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Проблема очень сложная, и в ней чрезвычайно много застарелых стереотипов. Главное состоит в том, что интервенцию показывали с точки зрения внешней политики главным образом. А между тем мы с вами знаем, что интервенция имела другой характер, чрезвычайно тяжелый. Без интервенции, говорил Ленин, гражданской войны в России не было бы⁴.

⁴ И.И. Минц в обобщенной форме передает смысл высказываний В.И. Ленина (см., напр.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 134, 266; Т. 45. С. 67, 249; и др.).

Конечно, начальные формы классовой борьбы оставались бы, но того, что заставило нас в течение трех лет буквально нервничать, огорчаться, волноваться по поводу существования советской власти, конечно, это, к сожалению, в литературе показано мало. В чем интересы отдельных стран — Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии? Германии, которую совершенно забывали у нас на том основании, что она была объектом разгрома Антанты?

Вот почему решили заниматься этой проблемой — чтобы показать по-настоящему, что такое интервенция. Но должен сказать, что мы получили новые материалы, новые книги, которых у нас не было.

Вообще я поинтересовался, кто выписывает эти книги. Выяснилось, что существует какой-то сотрудник, который выписывает иностранную литературу по всем проблемам, в том числе по интервенции. Но, конечно, он главным образом судит по названиям. Ну вот очень часто интервенция скрыта под таким названием «История гражданской войны на Дальнем Востоке». А когда эту книгу читаешь, то видишь, что это об организации интервенции Японией и Англией. Вот это первая тема, над которой я буду работать. В зависимости, разумеется, от развития моего возраста. В моем возрасте вообще опасно реальные сроки указывать. Поживем — видно будет.

И вторая проблема. К нам обратилась Финляндия в лице депутата финляндского парламента, с предложением создать совместный сборник, советско-финляндский, по революции 1917 г. и эпохе Гражданской войны. Мы посоветовались друг с другом, со специалистами, с Центральным архивом, с ЦК, конечно, и получили разрешение. Сказали, что это важно: Финляндия не обычная капиталистическая страна. Это как раз та страна, которая в течение около 70 лет занимала особую позицию и сейчас занимает особую позицию по отношению к нам. Совместные предприятия с Финляндией были первыми в нашей стране. Там сохранилось огромное количество материалов. Я трижды ездил в Финляндию, работал там в архиве и должен сказать, что там чрезвычайно богатый архив по нашему 42-му корпусу, находившемуся в Финляндии, по поводу которого и на основании которого можно смело написать о ходе революции в армии. Поразительное количество документов. Поэтому я согласен с этим.

Что касается остального (главное здесь Юрий Иванович уже сказал), я хочу только подчеркнуть, чем мы руководствовались, составляя свою программу. Каждый из вас помнит, что история трех лет перестройки разбивается на два периода. М.С. Горбачев говорил: первый период — подготовка, выработка проблем, проверка и т.д., и вторая стадия — переход к конкретным проблемам, к конкретной деятельности в духе перестройки. Естественно, что в первый период накопилось очень много замечаний по

Академик С.А. Тихвинский поздравляет академика И.И. Минца с 90-летием во время торжественного собрания. Институт истории СССР АН СССР. Москва, 1986 г.

истории изучения Октябрьской революции и Гражданской войны. Я не собираюсь вам читать лекцию, повторять все это — вы и без меня все это знаете. Я только напомним некоторые основные черты этой критики.

Прежде всего, это, конечно, наличие «белых пятен». Иногда «белые пятна» — это сознательно было, в результате нажима, запрещали ими заниматься, но иногда влияло в целом отсутствие материалов, документов.

Во-вторых, отсутствие правдивой истории, полное забвение ошибок наших: Гражданская война описывается как сплошной триумфальный поход. Возьмите любую книгу, посвященную истории дивизий. Вот недавно вышла книга о 5-й армии, там исключительный панегирик, никаких недостатков, а ведь было много недостатков. Вы же помните и без меня, какое значение имел стратегический просчет нашего главного командования, Вацетиса, который 22–24 февраля 1919 г. представил Ленину отчет о плане деятельности, распределении сил и показал там (вероятно, хорошо они знали материал, французский материал), что опасности нужно ждать с запада и иногда с юга. А что касается востока, там было высказано, что мы разбили белогвардейцев, наша армия движется вперед. И в цифрах было сказано: у нас 80 тысяч, у Колчака — 120 тысяч непосредственно на фронте. Естественно, что это была недооценка того, что произошло, потому что буквально через две недели после этого доклада началось, как вы знаете, в марте 1919 г. наступление Колчака. Это абсолютно скрыто от глаз, никто это не изучал, никто не показывал, а документы имеются. Теперь, возьмите эту знаменитую «польскую войну»

и варшавское поражение, ведь это же было гигантское поражение. По сути дела, весь Западный фронт потерпел поражение, часть армии ушла в Восточную Пруссию, часть в Прибалтику, Литву, Латвию, остальные отошли с трудом. Знало ли командование, что Пилсудский и французские генералы готовят удар во фланг? Знало, материалы были, и кое-что даже предприняли, предполагали поднять ближе к северу в помощь Тухачевскому армии Западного фронта, 1-ю Конную Юго-Западного фронта, 12-ю и частично 13-ю и даже 14-ю. А найдите описание этой неудачи! Конечно, это была неудача не столь тяжелая, как другие наши неудачи, потому что воевало 600 тысяч, а армия была 5,5 миллионов, естественно, что мы подтягивали силы и выправили наше положение, но факт остается фактом. Никто не показал, в чем ошибка и т.д.

Так что, как видите, эта проблема чрезвычайно важная, надо сказать о Гражданской войне правдиво, не скрывая наших недостатков, ибо именно тогда особенно видно величие нашей армии и руководства нашей партии.

Третье замечание, которое было широко распространено и очень правильно высказано, это, конечно, проблема кадров, проблема, которая сейчас понемножку благодаря деятельности комиссии ЦК принимает совсем другой характер. Совсем по-другому надо оценивать десятки людей, надо отказаться от той точки зрения, которая стала господствующей в течение 30 лет, о том, что будто бы Сталин построил Красную армию, Сталин добился успехов и т.д.

Таким образом, обстоятельства заставили нас ответить на вопрос: а что нам делать для того, чтобы читатель понял, как мы собираемся все это исправить.

Вы прекрасно понимаете, что для каждой отрасли существует свой метод перестройки. Для промышленности, скажем, это одно, а для общественных наук, как это чрезвычайно ярко сказано в позавчерашнем докладе М.С. Горбачева — для общественных наук особенно резко сказано, — тут по-другому надо подходить, чем, скажем, в промышленности. И мы долго совещались и пришли к выводу, что главное — изменение проблематики. Выдвинуть совершенно новые проблемы, которые требуют обсуждения. Вот под этим углом зрения мы подошли к составлению нового плана.

Конечно, мы советовались со специалистами. Писали мы этот план, наверное, добрых полгода. Советовались с теми, кто чем занимается, составили себе представление о том, чем занимается Институт военной истории, наш институт, Институт всеобщей истории и т.д. И в результате сложилась такая представленная вам схема.

Мы получили, кроме того, дополнительные указания от наших вузов, университетов, педагогических институтов. Я не буду перечислять каких.

Но само собой разумеется, что без Московского университета, без Ленинградского, без Тбилисского, без Калининского не обошлись бы. Но надо прибавить к этому также педагогические институты. С доброй дюжиной их мы имели прямые связи. Некоторые замечания мне за это время дали члены нашего Научного совета. Например, тов. Гапоненко⁵, старый активный участник нашего Совета. А.С. Гапоненко вчера сказал, что он нездоров, прийти не может, но что он полностью одобряет то, что сделано. Об этом говорили и другие товарищи. Я на это отнимать у вас время не буду.

Мы решили после ваших замечаний разослать нашу программу, показать ее иностранным нашим представителям (мы имеем связи с восемью или девятью иностранными академиями наук) и после этого опубликовать. Но это будет, конечно, уже в конце года, не раньше. Вот что мне хотелось сегодня кратко сказать вам. Очень прошу вас, товарищи, если у вас есть, высказать замечания или конкретные предложения.

Ю.И. Кораблев: Может быть, возникли вопросы по поводу соображений Исаака Израилевича? Можно их задать.

Проблемы перестройки по теме Гражданской войны мы здесь, в этой аудитории, обсуждали уже не раз, видимо, раза два или три. Но жизнь идет вперед и подбрасывает новые подходы, факты и соображения.

Товарищи, программа была разослана и роздана. Просьба высказать замечания и предложения по ее совершенствованию. Кто хотел бы высказаться?

В.В. Шелохаев⁶: И.И. Минц уже отметил и подчеркнул значение XIX партийной конференции, которая очень тесно занимается проблемами перестройки. Естественно, перестройка должна коснуться и работы всех научных советов, в том числе и нашего Совета.

Комплексная программа, которую я прочитал, является определенным шагом в этом направлении. Вместе с тем хотелось бы высказать ряд соображений, которые, на мой взгляд, позволили бы внести коррективы в эту программу.

Первое такое соображение. Если эта программа будет опубликована, видимо, требуется преамбула к этой программе. И здесь хотелось бы увидеть изложение концепции, общей концепции изучения проблем Великого Октября и Гражданской войны. Насколько это важно и необходимо, меня

⁵ Лука Степанович Гапоненко (1917–2005) — доктор исторических наук, Академия общественных наук при ЦК КПСС, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

⁶ Валентин Валентинович Шелохаев (р. 1941) — доктор исторических наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

убедило в этом еще раз выступление академика Минца, который оставил за собой две группы проблем и наметил в этих двух группах проблем, что нужно разрабатывать. Исходя из этого была бы весьма нужна такая общая преамбула, где бы изложена была концепция, которая позволила бы сформулировать и общетеоретические, методологические задачи разработки данной программы, выделить основные направления ее изучения, и вместе с тем сказать в полный голос и об источниках. Здесь есть раздел «Источниковедение», где предполагается изучение источников, но о необходимости введения всего комплекса источников по этой проблеме нужно будет сказать, потому что этот вопрос с источниками, на базе которых предполагается добиться новых знаний, еще до конца не решен. Мне думается, это следовало бы сказать в преамбуле.

Второе предложение связано уже конкретно с некоторыми разделами. Я их внимательно прочитал, шаги сделаны, но есть еще и традиционные подходы. То есть в эту программу включено все то, что практически имелось и имеется в распоряжении исследователей. Это правильно, с одной стороны, бесспорно, но об этом мне хотелось поговорить.

Вот 1-й раздел. Первый пункт 1-го раздела значит — «Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую». Написано: монография — 1, исполняет Институт истории СССР. Давайте, товарищи, задумаемся, кто бы эту работу мог написать и можно ли ее вообще написать? Теория перерастания. Да, была идея перерастания, сформулированная Лениным в «Двух тактиках...», но вот чтобы получить монографию по этой проблеме, у меня, откровенно говоря, большие сомнения возникают. Можно сформулировать эту тему таким образом: разработать механизм перерастания. Этот вопрос еще можно решить в монографическом плане. И применительно к трем российским революциям, и, что особенно для нас с вами важно, применительно вот к этому отрезку с февраля до октября 1917 г. Это имеет для нас особое значение.

Поэтому насчет формулировки надо будет внимательно подумать. Вот в такой формулировке, мне кажется, эту проблему трудно будет решить.

И такие темы в плане еще встречаются, которые и в теоретическом, и в конкретно-историческом плане решить практически трудно или невозможно. Это нам нужно иметь в виду, чтобы не было никаких иллюзий ни у нас самих, ни у исследователей, которые будут работать над этими сюжетами.

Далее. В этом же разделе, пункт на стр. 2 1.7 «Альтернативы социалистической революции». Что у вас здесь имеется в виду? Мы записываем проблему, тему. Написано: «Коллективная монография», где участвуют 10 чело-

век, где опять участвует Институт истории, Институт философии. Лично для меня пока эта тема, надо сказать, не очень понятна в такой формулировке.

Дальше. Тема 3.1.8 «Политические партии России. Опыт системного анализа». Даты — 1991–1995 гг. Институт истории СССР. Коллективная монография (5 человек).

Что это такое? Давайте реально взвесим. Мы же должны конкретно представлять, кто реально может такую работу выполнить: «Опыт системного анализа». Сидящие здесь авторы пытались написать и написали работу «Непролетарские партии в России». Там нет партии большевиков. Системы партий без партии большевиков тоже не было. Здесь предполагается написать такую работу, причем за 4 года. Пять человек.

Пока мне из этой Комплексной программы неясно, кто на сегодняшний день такую работу из исследователей может по этим проблемам сделать.

Я не буду останавливаться внимательно. Это уже 2-й раздел — «Империализм в России и предпосылки социалистической революции». Пункт 1-й. Дальше идет на стр. 4 «Учение Ленина о “левоблокистской тактике” в истории революции». Написано: «Серия монографий». Но, товарищи, хотя и был застой и все прочее, но ведь эта тема-то исследована. 15 человек работают. Давайте, товарищи, реально подойдем к этому делу.

Следующий пункт — «Тактика левого блока в деятельности партии большевиков». Тоже это темы очень близкие. Одно без другого невозможно решить. И опять коллективная монография.

Я привожу эти темы для того, чтобы, по крайней мере, составляя Комплексную программу, мы внимательно уже сейчас взвесили, кто участвует, реальные силы, реальные возможности. Что касается этих сил и возможностей, то, мне кажется, в разделе 4-м они далеко еще не исчерпаны. Я, например, внимательно изучив эту программу, несколько удивился — забыли Институт марксизма-ленинизма. (*Голос с места: Побоялись!*)

Ну нет, сейчас коренным образом все изменилось. Если боялись его когда-то по каким-то другим соображениям, то сейчас этого бояться не нужно. И разрабатывать Комплексную программу — нового содержания, нового характера, новой направленности — «Опыт Великого Октября» — без Института марксизма-ленинизма просто невозможно.

И я ратую во имя истины, во имя той науки, которой мы занимаемся. И мне кажется, это очень существенный пробел в этой программе.

Я не берусь комментировать, может быть, это случайность. И другие есть еще институты. Не надо все же, мне кажется, чураться историко-партийных учреждений, сейчас там происходят очень важные, колоссальные сдви-

ги, и Высшая партийная школа, и Академия общественных наук, где есть силы и возможности, оказали бы соответствующую помощь. Вот этот традиционный подход, мне кажется, здесь еще сохранился.

Четвертое замечание. Все-таки есть определенная небрежность, одни и те же встречаются темы. Вот посмотрим раздел «Классы и партии в Октябрьской революции», п. 3.3.3: «Социально-экономические и политические требования крестьянства в 1917 г.», «Классы и политические партии в России в борьбе за крестьянство в 1917 г.», «Крестьянское движение в поволжской деревне накануне». Первая и третья темы, которые названы, в общем-то, выполняются в одном и том же месте, правда, тут разные люди. Давайте подумаем, нужно ли нам на этом этапе нового качественного скачка, который мы предполагаем в исторической науке, разбрасываться пока на это многообразие? Может быть, взять одно здесь и решать эту проблему? Средние городские слои. Вот здесь, мне кажется, есть одна общая важная монография в разделе об Октябрьской революции — «Средние городские слои (март 1917 — лето 1918 г.)». А дальше, обратите внимание: «Непролетарские слои трудящихся в революции (ремесленники, низы городского люда)». Сама формулировка — низы городского люда — расплывчата. Мне казалось, что тема средние городские слои в монографии должна включать и другие проблемы. Тут в 5-й рубрике они представлены однотипно как монографии. А может быть, нам не серии монографий, коллективные монографии, просто монографии, может быть, и другие формы работы включить в нашу программу — экспресс-статьи, доклады. Это не обязательно ведь, научный поиск может выражаться не только в монографиях, но и в докладах, и в статьях, и в экспресс-информации, и в конференциях. Кстати, этот пункт, конференции, о которых говорил Исаак Израилевич, они как-то тоже в организационном плане еще не получили отражения.

В этом же ракурсе идет студенчество, это все уже было. Затем следующая страница, 7-я, очень важная проблема, я ее поддерживаю: речь идет о национальных регионах. Но ведь многих национальных регионов тут просто нет. Нет такого региона, как Украина. Я знаю, что на Украине подготовили что-то, уже около двух томов рукописи, Курас⁷ — работу по партиям украинским, я почему-то ее не видел. По Белоруссии нет, Прибалтике, Средней Азии; другие, допустим, Грузия, тут есть. Или давайте решим, оговорим в преамбуле, что на данном этапе основное внимание сосредото-

⁷ Иван Федорович Курас (1939–2005) — в 1972–1983 гг. инструктор, консультант, заведующий сектором отдела науки и учебных заведений ЦК Компартии Украины, доктор исторических наук (1981 г.), в 1983–1991 гг. заместитель директора Института политических исследований при ЦК Компартии Украины.

чено на таких-то районах потому-то, чтобы у читателей этой программы не складывалось такого впечатления: а где же другие районы и когда они будут? в следующей Комплексной программе после 2000 г.?

Далее стр. 8, где идет разговор о революционном творчестве масс и еще раз упоминается Красная гвардия. Очень много работ о Красной гвардии. Какая новая проблема? Сформулировать иначе, по-новому проблему об истории Красной гвардии. Пока это в несколько традиционном ключе.

Совсем не повезло раздельчику 6-му — «Российская контрреволюция в 1917 г.». Его как-то растащили. Здесь присутствует монография Иоффе⁸ и другие работы. Здесь же представлена лишь в общей форме серия монографий — 10 человек. Мы долго боролись — те, кто занимался этой проблемой контрреволюции; есть и исследователи, и работы. И вот в такой очень важной Комплексной программе ограничиваться одним пунктом, мне кажется, просто недостаточно. Этот пункт нужно развить и сделать полнокровным пунктом.

Далее на стр. 9 и 10 дважды повторяется одна и та же монография относительно Молдавии. Обратите внимание, чтобы этого не было.

Исаак Израилевич подробно говорил об интервенции, и я позволю себе это опустить.

И стр. 14. Здесь вкралась такая работа. Откровенно говоря, я не совсем понял. Может быть, мне кто-то разъяснит? Это 3.12.5 «Россия и Италия в 1915–1917 гг.». Авторы тут нет. Ленинградский пединститут. (С места: Это Старцев⁹!)

Я не возражаю против темы. Но давайте, если мы назвали эту программу «Исторический опыт Великого Октября», для себя решим, что все работы должны соответствовать программе и развивать эту программу. Я не возражаю против этой темы. Да, она должна быть. Но когда нас спросит кто-либо в Отделении, почему эта тема появилась, мы, по крайней мере, должны быть готовы ответить на это. К Октябрю, по-моему, она не имеет никакого отношения.

Дальше. 14-й, последний раздел, очень важный, на мой взгляд, раздел. Он посвящен историографии трех российских революций. И почему прин-

⁸ Генрих Зиновьевич Иоффе (р. 1928) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

⁹ Виталий Иванович Старцев (1931–2000) — доктор исторических наук, Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября». Упомянутой Шелухаевым теме посвящена публикация: Старцев В.И. Россия и Лондонский пакт (26 (13) апреля 1915 г.) // Вопросы истории. 2010. № 4, 5, 8.

ципиально важный раздел? Действительно, нам по-новому нужно сейчас посмотреть, что мы сделали за весь период, по-новому взглянуть на историографию. Этот раздел очень важный и нужный. Но вот недавно, несколько лет назад, вышли три книжки, если мне память не изменяет: по первой революции историография, по второй революции историография и — «Октябрь и гражданская война». Так? И еще вышла масса работ. Может быть, нам подумать и как-то сформулировать эту тему иначе? А значимость историографии бесспорна.

Зарубежная историография. Все же есть опять этот штамп. Мы недавно, в прошлом году, проводили «круглый стол». Отказались, правда, с трудом, от некоторой терминологии. Нам нужно к немарксистской историографии относиться более серьезно.

Тут пока идет, конечно, критика. Критиковать нужно, но нужно анализировать и брать то, что там достигнуто. Одним словом, к немарксистской историографии нужно уже привыкнуть относиться как к науке, с нею нужно научно полемизировать.

Хотелось бы всячески поддержать разделы о научных биографиях. Это очень важные разделы. И конкретно — работа о Ярославском. Это все очень назрело.

Было бы совсем неплохо нам сегодня обсудить вопрос о подготовке и биобиблиографического словаря, уже начатого Шиловым¹⁰ в свое время, тогда не законченного по понятным причинам. Биобиблиографический словарь революционных деятелей всех трех периодов России. Нужен такой словарь, и это не будет просто продолжением Шилова, в этой Комплексной программе. Мы должны оставить память о тех людях, которые совершили три российские революции и о которых мы сейчас много говорим, но говорить мало, нужно делать. Я предлагаю такой словарь по крайней мере вписать и приступить к подготовке. По-моему, наш проблемный Совет вправе это сделать. Благодарю за внимание.

И.И. Мину: Благодарю вас. Одно замечание только я сразу сделаю, Валентин Валентинович, это ваше замечание относительно преамбулы. Преамбула была написана, напечатана, сегодня я с удивлением, просматривая этот документ, ее не нашел. Я вспомнил Пушкина. «Капитанская дочка», помните, там жена коменданта зовет унтера и говорит по поводу ссоры между двумя слугами: разберись, кто виноват, и обоих накажи. Вот и у меня

¹⁰ Алексей Алексеевич Шилов (1881–1942) — историк, археограф, архивист и библиограф. См.: Шапкова О.А. Алексей Алексеевич Шилов (1881–1942) — историк русских революций. М., 2016.

такое чувство, если бы я был председателем, а не почетным председателем, я бы разобрался и обоих наказал за отсутствие преамбулы. Что касается остальных предложений, разумеется, мы все это будем учитывать дальше.

К.Ф. Шаццлло¹¹: Я понимаю, что этот план перспективный и рассчитан до 2000 г., понимаю желание авторов, составлявших этот план, отразить наиболее важные проблемы, в том числе и теоретические. Но когда просматриваешь первый раздел, то создается впечатление, я согласен с Валентином Валентиновичем тут полностью, что все необходимо, все нужно, но сроки окончания 1995, 2000, 1996, опять 2000 г. — слишком отдаленные. Для нас сейчас острый момент, нужно как можно быстрее выдвигать новые идеи, нужно по-новому работать. Я думаю, что нужно многие разделы, не имеющие авторов, конкретизировать пофамильно, рассчитывая не на длительную работу, не на создание монографий, а хотя бы на появление какой-то статьи в очередном журнале. Нам надо будет поискать и найти конкретного автора под каждую из этих очень важных проблем.

Об альтернативности, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Нельзя ждать 2000 г., когда будет создана такая работа, а надо сейчас найти автора, способного написать на эту тему хотя бы статью в каком-либо из журналов, и дать ему задание написать такую статью. Это относится и к целому ряду других проблем. Настораживает меня и другое, раздел, в частности, об империализме в России. Ведь мы, те, кого условно можно назвать «империалистами», в какой-то мере стали жертвами своего собственного труда. В 50–60-е гг. мы очень интенсивно разрабатывали предпосылки социалистической революции, видя их прежде всего в монополистическом капитале и развивая мысль Ленина о том, что аппарат монополий не надо разрушать, надо отсечь только руководство монополиями, а взять на вооружение себе весь этот хозрасчетный аппарат монополий. Мы старательно писали. И когда мы попытались написать книжку о многоукладности капиталистической России, где показали, что были не только монополии, а болезни и голод, и совсем отсталые формы хозяйства, и полумертвые, нас немедленно теми же самыми работами, которые мы насоздавали, стукнули, что мы отрицаем предпосылки социалистической революции.

Есть и другая причина, которая заставляет по-новому подойти к этим предпосылкам. Вот был нэп после «военного коммунизма», введенный

¹¹ Корнелий Федорович Шаццлло (1924–1998) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

по строго определенным причинам. А потом этот нэп был почему-то пресечен, и Сталин перешел к созданию командно-административной системы. Были предпосылки для этого в дореволюционной экономике или Сталин выдумал и создал совершенно свое новое, то, что не имело никаких предпосылок? Были такие предпосылки в экономике России. Они существовали в виде колоссального казенного хозяйства: казенного хозяйства в железных дорогах, в военной промышленности, леса, винно-откупной монополии, т.е. вот эта система казенщины, система, которая была создана в значительной мере для отрицания, в противовес развивавшемуся капитализму, монополиям, совершенно сознательно, носила антикапиталистический характер. Эта казенно-административная система не учитывала абсолютно никаких законов политэкономии капитализма и существовала вопреки им. В казенной промышленности такие понятия, как цена, себестоимость, прибыль, стоимость рабочей силы, сроки строительства, отсутствовали начисто. И все это было взято Сталиным, перетащено из дореволюционной России в 20-е гг., когда он создавал приблизительно такую же систему в новых наркоматах.

В этом же втором разделе, посвященном империализму в России и предпосылкам революции, в общем-то, тоже указаны все работы с очень длинным сроком окончания. Между тем у нас в институте есть законченные работы, которые лежат без движения и посвящены темам, близко связанным с проблематикой нашего Совета. Я имею в виду прежде всего работу Боханова¹², которая написана о социальной структуре буржуазии¹³. Ведь так важно иметь представление о том, из чего буржуазия состояла, из каких отрядов как она формировалась, какая была ее численность, каковы были ее особенности.

Мы недавно провели Совет — собрание авторов не только московских, но и иногородних, работающих над темой «Земля и ее хозяева». Работу эту возглавляет А.М. Анфимов¹⁴. Им подготовлена монография совместно с другим крупнейшим историком сельского хозяйства, 30 лет занимающимся статистикой землевладения, подготовлена работа, которой при нормальных условиях, как это у нас в институте водится, лежать

¹² Александр Николаевич Боханов (р. 1944) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

¹³ Книга А.Н. Боханова «Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г.» издана в Москве в 1992 г.

¹⁴ Андрей Матвеевич Анфимов (1916–1995) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

4—5 лет. Может быть, Совет может подключить свои силы, чтобы за счет своего лимита в издательском плане выпуска или за счет морального воздействия ускорить эту работу¹⁵?

Вот здесь говорилось о работе Константина Николаевича¹⁶, которая тоже может и должна выйти¹⁷.

То есть вот этот проект сам по себе очень хороший, но он страдает двумя недостатками. Во-первых, необеспеченностью конкретными исполнителями ряда очень нужных и важных проблем, необеспеченностью хотя бы на уровне статьи в журнале. И, во-вторых, тем, что очень многие нужные работы отнесены на дальний срок, в то время как есть работы нужные, уже написанные. Их надо учесть и включить в план издания.

И, наконец, третий вопрос, о котором мне хотелось бы сказать и который может быть и должен быть решен с помощью нашего Совета, — это вопрос об архивах. Ну разве нормально положение, когда ряд фондов закрыт, я уж не знаю сколько лет? Но ведь существует же во всех цивилизованных странах определенный срок давности хранения, после которого ведомство автоматически передает свои материалы для всеобщего пользования.

Мы все прекрасно знаем, что есть какие-то единичные материалы, которые не передаются, остаются и т.д. и т.д. Могу сказать вам, что, когда я работал над монографией о развитии дореволюционной армии, это был период, когда выдавались все материалы. Но просили в некоторых материалах фамилий не упоминать: в материалах разведки и контрразведки. Царской. Почему страдать правнукам, праправнукам за любовь их дедов, прадедушек и прабабушек к России. Естественно, не надо упоминать фамилии, но материалами пользоваться этими надо. Есть, конечно, такие материалы единичные, которые не должны открываться для всеобщего доступа, 20-х гг., но это единичные материалы. Надо добиться через Верховный Совет, чтобы ввели этот закон, — срок давности. Прошло 50 лет — открывать! Будь любезно ведомство, сдавай все свои материалы. Это должно касаться и Министерства иностранных дел, и Министерства внутренних дел, и КГБ, в общем, всех ведомств, они должны отдавать свои материалы через определенный срок. Пусть для одного ведомства это будет 20 лет, для другого — 10 лет, для какого-то ведомства — 50 лет,

¹⁵ Работа «Динамика землевадения в России. 1906—1914 гг.» (сост. А.М. Анфимов и И.Ф. Макаров) издана Научным советом под редакцией И.И. Минца в 1989 г.

¹⁶ Имеется в виду: *Константин Николаевич Тарновский* (1921—1987) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

¹⁷ Книга К.Н. Тарновского «Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки» издана в Москве в 1995 г.

но не больше¹⁸. Как можно написать целый ряд очень хороших предусмотренных здесь работ, если источников нет, если исследователь не пойдет в архив. Можно, конечно, от противного действовать, если когда-то писалось — «да», то теперь писать — «нет». Если писалось когда-то — «нет», то теперь писать — «да», но это так же легковесно, как то, что писалось в период торможения, застоя. Должна быть основа. Историк только тогда может создать серьезную работу, когда пласты материалов используются, мы не можем монографию выдавать на-гора за год или за два, так, как это делают писатели, мы должны прежде горы материала перевернуть. И до тех пор, пока нас в архивы не пустили, мы не можем написать работу соответствующим образом.

Вот был «круглый стол» в «Известиях», куда Ваганова¹⁹ пригласили и других историков, руководителей архивов, и там историки довольно активно на них нападали. К сожалению, «круглый стол» не был в «Известиях» опубликован, там какие-то матримониальные связи у Ваганова оказались, но там я услышал приятную новость, что, оказывается, Генрих Зиновьевич вместе с Шкаренковым²⁰ добились разрешения, то есть сняли секретность с Пражского архива, со всего материала. Как можно изучать Гражданскую войну без материалов той стороны! Слава богу, теперь это открыто. Я думаю, что нужно приложить усилия и к тому, чтобы открыть целый ряд других архивов, ибо без этого работать невозможно. Это тоже задача, которую наш Совет должен взять на себя и принять в этом деле участие, привлечь к этому, может быть, Институт марксизма-ленинизма, соответствующую такую декларацию поставить перед теми, кто вправе издавать такие законы. Вот мне хотелось высказать такие соображения по поводу в общем хорошего плана работы.

И.И. Мину: Спасибо. Позвольте предоставить слово доктору филологических наук, члену редколлегии журнала «Знамя» Валентину Дмитриевичу Оскоцкому²¹.

В.Д. Оскоцкий: Товарищи! Я прошу извинения за то, что я, естественно, чувствую себя несколько «неофитом» в том смысле, что представителей ли-

¹⁸ В 2004 г. издан закон РФ «Об архивном деле в Российской Федерации», регулирующий доступ к архивным материалам.

¹⁹ Федор Михайлович Ваганов (1921–1994) — доктор исторических наук, в 1983–1991 гг. возглавлял Главное архивное управление при Совете Министров СССР.

²⁰ Леонид Константинович Шкаренков (1921–1999) — доктор исторических наук, ИНИОН АН СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

²¹ Валентин Дмитриевич Оскоцкий (1931–2010) — кандидат филологических наук, зав. отделом прозы в журнале «Знамя».

тературы двое в нынешнем составе Совета: это драматург, секретарь правления Союза писателей М. Шатров и я.

Мне думается, что сам факт введения в Совет не только специалистов-историков говорит о том, что одна из задач, которую ставит перед собой Совет, — содействовать усилению взаимодействия исторической науки и литературы, искусства, мысли научной и художественной. Это действительно одна из актуальнейших, одна из самых назревших задач современного общественного сознания. Это первая причина, побудившая меня попросить слово.

Второе — выступление первого оратора, товарища Шелохаева, мне очень хотелось бы поддержать его мысль о том, что формы работы Совета в том плане, который представлен сегодня на обсуждение, они ограничиваются деятельностью собственно издательской, это монография, коллективная монография, серия монографий, в некоторых случаях сборник статей, в общем, это издательская сфера. Возникает вопрос о других формах, которые, мне думается, так же необходимо заранее планировать в перспективном плане.

Что я имею в виду? Скажем, тов. Шелохаев говорил о теме «Альтернативы социалистической революции», выражая свое сомнение. Должен сказать, что тема сформулирована, действительно, неточно. Но я лично, встретив такую формулировку, подумал о том, что речь, видимо, идет об одной из актуальнейших проблем, которая ставится в дискуссиях, исторических и литературных, особенно сегодня. Это проблема исторического выбора, проблема вариантности путей исторического развития, проблема альтернативности, — видимо, так.

Но, когда я встретил эту тему и вижу ее как тему коллективной монографии, я думаю о том, что, видимо, будущей коллективной монографии очень бы содействовал, скажем, дискуссионный «круглый стол», посвященный этой теме. Такие формы работы, как дискуссионный «круглый стол», конференция, по проблемам альтернативности, я представляю себе, и даже заинтересованных участников, в принципе, этого обсуждения — дискуссионный «круглый стол», объединяющий историков, литераторов на базе одного из журналов. Это может быть решено в журнале «Вопросы литературы», это может быть решено в журнале «Вопросы истории», а может быть, совместный «круглый стол» обоих журналов. Тут могут быть самые разные формы. Но я клоню к тому, что такого рода «круглые столы», конференции действительно необходимы.

Кстати говоря, думается, что проведенная в апреле этого года конференция историков и писателей, которая проходила на базе Академии общественных наук²², сама форма ее проведения, сама необходимость ее про-

²² См.: Историки и писатели о литературе и истории. Материалы конференции // Вопросы истории. 1988. № 6.

ведения достаточно реально выразили эту органичную потребность современной в равной мере и научной и художественной мысли к усилению взаимодействия и к совместному обсуждению проблем, которые в равной мере касаются и истории и литературы.

Второе замечание. Жизнь стремительно развивается. Мне в последнее время довелось столкнуться не только с конечным результатом, выраженным в документе, который принял, скажем, объединенный пленум творческих союзов Эстонии, обращение к нынешней XIX партийной конференции, и объединенный пленум творческих союзов Латвии. Я знаю историю подготовки этих пленумов и этих документов. И я должен сказать, что жизнь выдвигает новые проблемы, которые раньше не вставали. Или вообще не вставали, или не вставали с такой остротой.

Одна из этих проблем, которую стоило бы подсказать региональным секциям (я имею в виду прибалтийские секции — Эстонию, Латвию, Литву), — проблема, которая сейчас очень актуально встает, в особенности в связи с событиями в Прибалтике и т.д. Это проблема, формулируемая примерно так: «Великий Октябрь и революционное движение в странах Прибалтики в 20—30-х годах».

К чему я это говорю? Скажем, на объединенном пленуме творческих союзов Латвии в одном из выступлений была затронута такая проблема. Мы давно и привычно говорим: «фашистская диктатура Ульманиса». Но ведь за всю свою историю фашистская диктатура Ульманиса вынесла три смертных приговора, которые не были приведены в исполнение и были отменены. При этом было сказано о том, что жертвы в ходе уничтожения кулака как класса, последующего голода, жертвы 1937 г. насчитываются миллионами. Ну так перед лицом этого, в какой мере правомерна эта формулировка — «фашистская диктатура Ульманиса»? Кстати сказать, «фашистскую диктатуру Пятса» мы очень часто упоминаем в связи с Эстонией. А в Эстонии тогда была буржуазная республика со всеми формами буржуазного парламентаризма.

Я это говорю к тому, что, видимо, пришло время дать более точные научно-исторические оценки историческому опыту республик Прибалтики в 20—30-е гг. и, естественно, революционному движению в этих странах с позиций нашего современного понимания этих проблем.

Третий вопрос, на который мне хочется обратить внимание, это вопрос, подсказанный реальным взаимодействием исторической науки и художественной литературы сегодня. Как бы мы того ни хотели или, наоборот, некоторые товарищи не хотели, но ведь современное историческое сознание выражается и формулируется не только усилиями одной исторической науки, особенно сегодня оно заметно и активно формируется и в драма-

тургии Михаила Шатрова, и в романах Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», и, наконец, опубликованной книгой Юрия Трифонова «Отблеск костра», в его посмертном романе «Исчезновение» и т.д. Все эти произведения обращены к конкретным проблемам истории советского общества. К сожалению, что мы видим в осмыслении их, к слову сказать, на страницах «Нашего современника»: две статьи, которые выходят друг за другом подряд, Вадима Кожина и Николая Федя о романе Рыбакова «Дети Арбата», эти две статьи²³ претендовали на резкую критику романа с позиции исторической науки, хотя, собственно, авторами статьи выступали авторы, не имеющие отношения к исторической науке, тем самым монопольно присваивавшие себе право выступать с позиций исторической науки.

К чему я говорю это? Учитывая, что историческое сознание формируется и в драматургии Шатрова, и в современной советской прозе, мне думается, назрела необходимость то ли «круглого стола», то ли какой-то конференции, то ли дискуссии, с расчетом на будущий сборник, и писателей, и историков, по проблемам советской литературы и советской истории, в частности, осмысляющей опыт этих произведений, их значение в формировании современного исторического сознания, по крайней мере, оценка этих произведений исторической наукой настоятельно необходима. И это тоже будет наглядным выражением того самого взаимодействия исторической науки и литературы, искусства, мысли научной и художественной, активизировать которую призван Совет в настоящем его составе.

В заключение одно исправление. Я, конечно, благодарен, но явно с опережением событий я фигурирую в списке как доктор филологических наук, я являюсь кандидатом филологических наук.

В.П. Булдаков²⁴: Я всего два слова хочу сказать. Хорошо, что тот самый документ, который мы с вами обсуждаем, называется программой. Если бы он назывался планом, что у нас в прошлом было принято, то я или кто-нибудь другой со стороны вышел бы на эту трибуну и назвал бы это дело химерой и никто бы из присутствующих это не опроверг бы. Давайте смотреть правде в глаза. В продолжение того, что сказал Корнелий Федорович: он предложил раскрыть скобки, указать фамилии исполнителей всей этой самой программы.

Дело в том, что, пока мы здесь сидели, обсуждали эту программу, я взял и произвел простое арифметическое действие: я взял правую крайнюю графу и суммировал все цифры, которые там приводятся. Для справки: я на-

²³ См.: Кожин В. Правда и истина; Федя Н. О чем спор? // Наш современник. 1988. № 4, 6.

²⁴ Владимир Прохорович Булдаков (р. 1944) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

считал 882 человека, 882 исполнителя. Этот план рассчитан до 2000 г. Давайте прикинем, каков наш средний возраст, давайте прикинем, сколько у нас действующих активных историков, занимающихся этими проблемами. И когда мы начнем раскрывать скобки, то получится: либо на каждого придется по 5–10 тем, либо мы будем подтаскивать к этому делу мертвых душ, либо мы будем выуживать в полном смысле слова даже не аспирантов, а студентов-первокурсников и будем записывать, что эти Иванов, Петров, Сидоров к 1995 г. начнут заниматься той или иной проблемой.

Беда в том, что эта программа сама по себе хороша, но она ничем не обеспечена. Давайте смотреть фактам в глаза. Если серьезно заниматься этой программой, нужно, видимо, пойти по пути, который предложил Корней Федорович. А главное, что нам, как мне кажется, нужно сделать, — планировать под эту программу рост, воспитание, подготовку (как угодно это назовите) соответствующих кадров. Иначе эта наша программа останется всего-навсего прожектом, или, хуже того, химерой.

И давайте, если мы беремся всерьез за это дело, начнем именно с этого. И если уж всерьез обсуждать эту программу, то первым пунктом соответствующего решения надо поставить вопрос о подготовке соответствующих кадров, иначе нас могут, извините, попросту высмеять.

А сама по себе программа (тут, конечно, возможны уточнения — это понятно), в конце концов, по-моему, неплохая. Она устроит всех. Здесь возможны дополнения. Что-то здесь можно отбросить без ущерба для общего направления. В общем, конечно, эту программу можно и нужно принять. При одном условии: занимаясь этой программой, мы занимаемся вопросом о кадрах.

*В.В. Журавлев*²⁵: Здесь основное уже сказано, но все-таки вначале — одно общее замечание о том, что мы хотим в данном случае.

Комплексная программа подвергалась сомнениям с разных сторон, но Комплексная программа должна существовать. Она должна существовать на перспективу. И цель этой Комплексной программы сегодня — сформулировать основную сумму проблем на ближайшие 10–15 лет, реализация, осуществление ее даст нам выход на новый уровень изучения проблемы Великого Октября.

Поэтому задача программы, как здесь уже правильно говорили, не в том, чтобы быть каким-то предварительным издательским планом, а задача про-

²⁵ Валерий Васильевич Журавлев (р. 1938) — доктор исторических наук, в 1983–1987 гг. заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС»; в 1987–1991 гг. заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

граммы — сформулировать эту сумму первостепенных проблем. И это развитие и осуществление их в комплексе выводит нас на новые горизонты.

Я не знаю, как это сделать. Но может быть, ее жестко не ориентировать, например, на 10 монографий, а именно изложить сумму проблем и поставить диапазон: вот здесь возможен выпуск монографий, вот здесь есть такие-то и такие-то кадры, которые выпустят, здесь, может быть, начать с выпуска серии статей, а вот данная проблема требуется науке, ее нужно решать, но пока она ничем не обеспечена. Обратить внимание научных кадров на то, что нужно разрабатывать ее. Призвать подключиться к этому молодых исследователей. Как-то выйти за пределы, чтобы, когда она будет опубликована, у людей не создалось впечатление, что здесь все дялянки уже распределены, кипит полным темпом работа, и уже сюда не вклиниться. Надо показать, что наша задача — оценить сумму проблем и общий диапазон работы, и давайте вместе, общими силами решать, обратив внимание на те, которые не обеспечены. Может быть, так. По крайней мере надо думать, и в таком виде для публикации она, мне кажется, еще не подготовлена.

И второй вопрос то же, о чем говорил Валентин Валентинович, об Институте марксизма. Он действительно не представлен, и это не случайно. Сложилась такая традиция, прочные стереотипы, когда речь идет об исторической науке, почему-то забывают об историко-партийной науке, которая является, согласен, «младшей сестрой» гражданской истории; согласен — она должна учиться у историков гражданских; согласен, что она в наибольшей мере нуждается сейчас в поддержке гражданских историков. Но в общем и в целом проблемы исторического опыта Октября без усилий историков партии мы решить не можем. И надо из этого исходить. От того, что мы искусственно так разделим: это напишет Институт марксизма-ленинизма, это напишем мы, — проблему в целом (а мы же в общем-то и создали проблемный Совет, чтобы обеспечить новый уровень разработки проблем) решить нельзя. И здесь различные формы участия не только Института марксизма-ленинизма, но и историков партии в реализации этой программы, я думаю, мы сформулируем, если не будет возражать, конечно, Бюро Научного совета против такой постановки вопроса. В эту Комплексную программу должны войти и фундаментальные работы Института марксизма, над которыми он работает и будет работать, в том числе первые два тома многотомной истории партии²⁶. В эту программу должна войти та сумма монографий по проблемам истории партии периода подготовки и осуществления Октябрьской революции, первых шагов строительства нового общества, которые также

²⁶ Издание не состоялось.

готовятся и в Институте марксизма-ленинизма, и за его пределами. У нас целая серия монографий, предшествующих соответствующим томам, в том числе готовится специальная монография, посвященная проблемам анализа буржуазной историографии дооктябрьской истории партии под углом зрения предпосылок Октября и истории партии, нацеленной на Октябрь. Введение этих работ, над которыми уже работают, идет исследование, могло бы закрыть некоторые «белые пятна».

И третий момент. Институт марксизма, историки партии смогли бы, думаю, и неизбежно должны будут принять участие в ряде таких фундаментальных работ, которые планируются, — изданий типа источниковедение Октября и Гражданской войны, например, документальные публикации о деятелях трех российских революций; это, безусловно, историография трех российских революций, хотя я согласен с Валентином Валентиновичем, что так поставленная — это не проблема. Нужен проблемный подход — историография Гражданской войны, Октябрьской революции, критика буржуазных и прочих концепций и т.п. Вот эти основные формы, которые пока видятся; они волеют в осуществление этой программы не только целый круг специалистов, который здесь сейчас искусственно оставлен вне возможности ее реализовать, но, по-моему, сделают реализацию этой программы более надежной.

А.В. *Игнатъев*²⁷: К сегодняшнему заседанию этого Совета я получил две группы документов, и я должен сказать, что обе они у меня вызвали некоторое недоумение.

Первая группа документов — это документы о структуре и составе Научного совета. И вторая группа документов — это программа, о которой здесь говорилось.

Почему у меня вызвали недоумение документы о структуре, о составе Научного совета. У меня такое впечатление, что Научный совет формируется абсолютно по-старому, так же, как он формировался в прошлые годы. То есть, вероятно, в аппарате Научного совета опросили каких-то людей, составили предварительный список, передали в Бюро Отделения истории АН СССР. Отделение утвердило и Бюро Научного совета, и состав Научного совета.

Что не было сделано и что можно было бы сделать? Мне кажется, что можно было бы этот предварительный список, прежде чем посылать его в Отделение, показать членам старого Бюро Научного совета, чтобы они

²⁷ *Анатолий Венедиктович Игнатъев* (1929–2015) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

могли высказать свои предложения и, может быть, кого-то внести, может быть, кого-то исключить и т.д.

Но сейчас дело сделано, бюро утверждено, состав Научного совета тоже утвержден. Что-нибудь еще можно сделать? Мне кажется, что сегодня что-то еще можно сделать. У нас не утвержден председатель Научного совета.

Было бы правильно, если бы кандидатуру на должность председателя Научного совета рассмотрело бы Бюро Научного совета прежде, чем его утвердит Отделение истории по какому-то нашему представлению. А тогда председатель Научного совета представил бы в Бюро Научного совета свои соображения о заместителе и ученом секретаре, с которыми бы ему было лучше работать. По-моему, это было бы разумно.

Теперь относительно второго — относительно Комплексной программы «Исторический опыт Великого Октября». Вы знаете, почему это у меня вызывает недоумение? Потому что то, что нам представили — это и не программа и не план. Это что-то такое наподобие симбиоза, гибрида того и другого.

Что нужно было бы? Нужна была прежде всего программа, то есть какое-то изложение тех новых идей и тех новых направлений, которые, мы считаем, нужно нам в предстоящие 10–15 лет разрабатывать.

Говорят, что здесь есть преамбула. Но ее нет. Я думаю, что нужна не просто преамбула, а нужно действительно солидное обоснование, как это делается с другими комплексными программами, которые уже опубликованы²⁸.

Во-вторых, к этой Комплексной программе можно было бы приложить план тех конкретных работ, которые или сделаны, или находятся в процессе завершения. Но писать такие вещи, которые здесь приводятся, это (правильно товарищи здесь говорили) какой-то миф: огромное количество коллективных монографий.

Кстати, наш опыт всех прежних лет показывает, что к коллективной монографии надо относиться очень осторожно. Коллективные монографии хороши в том случае, если их пишут 2–3 единомышленника. А коллективные монографии, где 8–10 человек и т.д., это, извините меня, не единомышленники, это искусственно созданный коллектив, в котором один другого тормозит и в котором из-под пера выходят очень серые заредактированные и никому не нужные работы.

Вот это обилие коллективных монографий, какие-то серии монографий — это получаются, простите меня, мифы, которые не нужны. Здесь должна быть: а) программа и б) конкретная работа, которая уже написана

²⁸ См.: Перспективные комплексные программы — новая форма координации исторических исследований // Вопросы истории. 1987. № 4.

или пишется в работе с конкретными авторами. А дальше, исходя из этого, люди будут предлагать какие-то темы, и их можно включать в общую работу.

Г.З. Иоффе: Я тоже хочу начать с конференции, поскольку большинство интересов выступлений переместилось на конференцию. Мне очень понравилось выступление академика Абалкина²⁹. Когда я его прочитал, то мне показалось, что то, что он там сказал, имеет отношение и может быть спроецировано на нашу эту программу. Он верно сказал, говоря об общественных науках, что сегодня они выглядят «гадким утенком», но в то же время он выразил оптимизм: пройдет какое-то время, и этот «гадкий утенок» превратится в прекрасного лебедя. Но если заглянуть в нашу программу, где подавляющее большинство работ, которые там обозначены, оканчиваются в 2000 г., то многим из нас этого прекрасного лебедя уже не увидеть, видимо. Тут говорили, что не обеспечено сроками выполнение этих работ, потому что такая отдаленность окончания работы. Но я не уверен, что это было сделано так уж непродуманно. Если вдуматься, здесь есть некая продуманность: о большинстве монографий не указано, кто их будет выполнять, и в 2000 г. спросить будет не с кого.

Теперь второй момент, я хочу поддержать Анатолия Венедиктовича по поводу второй особенности этой программы. Опять-таки подавляющее число этих работ — это коллективные монографии. Но ведь действительно же является общепризнанным, что наименее интересные, наименее популярные работы, а если сказать прямо, почти не читаемые работы, — это коллективные монографии. И опять-таки за всем этим скрывается сильный элемент безответственности. По крайней мере, так было в застойные годы. Что такое коллективная? Это значит, что какое-то количество людей скрывается за спинами других людей, которые выполняют эту работу: редактируют, переписывают, komponуют и т.д. Мне кажется, что нам с этим пристрастием к коллективным работам надо кончать, потому что лучшие работы, и это показали опыт и практика, наиболее читаемые работы, это индивидуальные монографии, и мы должны идти именно по этому пути.

И последний момент о содержании этого плана. Здесь много уже было сказано, я не хочу повторять, действительно: на нем лежит отпечаток сумбурности, случайности и нелогичности. Но дело даже не в этом, на нем еще лежит отпечаток какого-то научного «олимпизма». Неужели мы не видим, не знаем, не понимаем, что, как совершенно верно было сказано товарищем Оскоцким, историческое сознание формируется в большей степени не нашими сочинениями, а есть другие источники этого формирования, и очень

²⁹ А.И. Абалкин выступил на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 г.

серьезные источники, которые выдвигают очень много острых вопросов, которые связаны с Октябрьской революцией и Гражданской войной.

Таких вопросов мы чурались как черт лаdana, но они существуют, эти вопросы. Они, может быть, не формулируются открыто. Но если вы посмотрите последние выступления по телевидению в последние дни, вы увидите, что там эти вопросы живут, они присутствуют, они обсуждаются.

Мы же вообще забрались на этот научный олимп и, как бы ничего не видя, разрабатываем свои научные проблемы, очень глубокие, серьезные, даже абстрактные и т.д. Все это очень, конечно, хорошо, но это не даст сегодня ответа на очень серьезные вопросы, именно связанные с историей Октябрьской революции в первую голову. На эти вопросы эти работы ответа не дадут. И мы останемся на той же самой позиции, на которой мы находились к началу перестройки.

А.Я. Манусевич³⁰: Товарищи! В том пакете документов, который должен был пройти предварительную стадию подготовки к сегодняшнему нашему заседанию, у меня было три элемента, и о каждом из них я хотел бы сказать несколько слов.

Первое — это вопрос состава Совета и бюро Совета. Вопрос не персонального порядка. Нет ничего такого, о чем можно было бы говорить в отношении научной квалификации того или иного члена или о научном несоответствии задачам, стоящим перед Советом. Но работоспособен ли орган — бюро Научного совета, — насчитывающий 43 человека? Ведь никогда в пределах той компетенции, которая положена этому Научному совету, не будет собрания, в котором принимали бы участие 40 членов Научного совета, не будет собрания, в котором участвовали бы 38 человек. И если какое-то количество членов Совета соберется, то под влиянием многочисленных напоминаний, звонков. Таким образом, заранее заложено число членов Совета такое, что обеспечено непосредственное неучастие членов Совета.

И неужели это было бы вопросом обиды или какого-то недовольства, если бы действительно бюро было сформировано из 15–18 человек, способных вести систематическую, не время от времени, а систематическую работу? Собираться хотя бы раз в месяц, потому что работать бюро должно и работа его должна строиться на систематических заседаниях. У нас сейчас сложилась такая практика, что бюро обычно подменяет штатный аппарат Научного совета. Эта практика несовместима с той ролью и обязанностями,

³⁰ Александр Яковлевич Манусевич (1913–1997) — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

которые лежат на Бюро Научного совета и не могут быть передоверены группе товарищей, являющихся штатными сотрудниками Научного совета. А практика именно такова, практически много лет, когда состав бюро был немногочисленным и когда оно в большинстве собиралось регулярно раз в месяц, чтобы каждый чувствовал себя участником и ответственным за то, что делается в Совете. Сейчас этого нет, ничего этого не заложено, и такого положения вещей у нас не будет. Это досадно, и сейчас мы вынуждены принять самый факт, употребляя ходкое ныне слово, недостаточно демократического порядка формирования бюро. Можно было бы решать эти задачи успешнее на основе анализа, на основе личного опроса, и высказывалось, что многие товарищи готовы помочь, взяв на себя обязательства работать в бюро, именно работать, а не числиться, но не могут, не желают, не располагают возможностями, и было бы нормально послушать их пожелания и учесть. Я полагаю, что здесь речь шла, несомненно, о пожеланиях, потому что многие отдают себе отчет, что они только почта ради не стали бы загромождать состав бюро своим присутствием.

Второй документ, о котором здесь еще не было речи, и я не знаю, подлежит ли это обсуждению или предметом обсуждения не является, это программа международной научной конференции.

Да, возвращаясь к первому, там надо несколько уточнений в написании, вот сидит тут, например, товарищ Фигатнер Юрий Юрьевич³¹, он объявлен работником Оренбургского педагогического института, но для него это географическая новость, потому что он как-никак является работником издательства «Советская энциклопедия», и еще несколько «ляпов» такого порядка, здесь они должны быть устранены в тех научных списках, которые, вероятно, Научный совет будет распространять.

Ю.И. *Кораблев*: Насчет перечня тем по международной конференции, это особый вопрос.

А.Я. *Манусевич*: Оставим тогда, не будем тогда его ставить, хотя это вопрос оперативно очень существенный, речь идет о конференции, назначенной на середину октября, то есть надо было бы знать мнение бюро и не особенно это затягивать.

Ю.И. *Кораблев*: Мы сегодня предполагаем в «разном» (не знаю, удастся ли это) как раз ваши сообщения выслушать. Поэтому мы дали перечень тем. Это не программа, а просто перечень тем.

³¹ Юрий Юрьевич Фигатнер (1921–1993) — кандидат исторических наук, в 1967–1993 гг. сотрудник издательства «Большая Советская Энциклопедия», член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

А.Я. Манусевич: Но тут написано слово «программа», тогда как вы говорите, что должен быть перечень тем.

Что хотелось бы по третьему документу сказать — по Комплексной программе?

Хотелось бы, чтобы в большей степени были учтены те возможности, которые дает сама задача комплексности. Здесь соисполнителем в нескольких случаях предусматривается Институт философии. Есть несколько тем, где указаны исполнителями Институт истории и Институт философии. И это очень хорошо, и если Институт философии взялся бы за эти темы и готовил бы их вместе с Институтом истории, то это можно только одобрить. Но вместе с тем по другим темам, в сущности, ни одного соисполнителя, даже в пределах Отделения истории, нет.

Можно ли это объяснить отсутствием связующих проблем или это просто недостаточная осведомленность о круге общих интересов, о возможном сотрудничестве?

Я полагаю, просматривая эти темы, что по ряду из них можно было бы найти партнеров. В Институте военной истории — по вопросам, связанным со строительством вооруженных сил, Красной армии, Красной гвардии и по другим. По ряду вопросов, связанных с интервенцией, несомненно, можно было бы найти соисполнителей и товарищей по работе и в Институте Дальнего Востока, потому что предстоит рассматривать проблему интервенции на Дальнем Востоке. Кстати сказать, она здесь рассматривается как американская интервенция на Дальнем Востоке. Так нельзя. Нужно рассматривать как американскую, так и японскую интервенцию. Япония просто выпала из названия, я иначе не объясняю. Или предполагаемый коллектив считает, что проблема исчерпана?

Я думаю, что проблема не исчерпана, заслуживает достаточного внимания, и если предполагаемый коллектив просто не обладает кругом авторов, способных поднять японский аспект проблемы, то необходимо обратиться в Институт Дальнего Востока за содействием или в другое соответствующее наше учреждение. Круг этих привлекаемых учреждений здесь ограничен, повторяю, только Институтом философии. Очень неплохо, но, по-моему, это свидетельство не широты, а бедности нашего подхода к тому, чтобы обеспечить реализацию этих тем.

Еще одно маленькое замечание: многократно в разных случаях говорится об англо-американской историографии — исходя из языкового признака, но это не соответствует действительности. Есть английская историография, очень сложная и разная, и есть не менее сложная американская историография, а англо-американскую историографию создавать — это дело

искусственное. То есть мы хотим сказать, что эти книги авторами написаны на английском языке. Но они написаны зачастую с разных позиций, в разной системе школ, типичных для английской исторической науки или типичных для американской исторической науки, и поэтому лучше было бы говорить об английской историографии и отдельно в отношении американской историографии.

Несколько частных замечаний, хотя они в какой-то степени совпадают со сделанными ранее. Например, по разделу «Классы и партии в Октябрьской революции».

Две темы специально посвящены Азербайджану. Ничего плохого в этом не было бы, если бы одновременно вне поля зрения не оставалась большая часть нашей страны. Почему тогда две темы специально азербайджанских: «Крах партии «Мусават»» и потом «Идейно-политический крах соглашательских партий в Азербайджане»? Как будто ничего подобного нельзя сказать в отношении Армении или уже все сказано в полную меру, или Средняя Азия не требует этого, или Украина не требует чего-то подобного. Надо знать, конечно, их планы. Может быть, нужно в примечании это указать, и тогда программа будет выглядеть всесторонне мотивированной, что такие-то и такие-то вопросы решаются, как это вытекает из представленных ими планов, Академией наук Киргизской ССР, Академией наук Белорусской ССР и т.д.

Тогда будет ясно, что оказалось необходимым именно московским историкам в силу расстановки кадров или других обстоятельств выйти с этими темами, которые не предполагается рассмотреть на местах. Сейчас они выглядят несколько странновато. Дублирование имеет место. Чем отличается тема, стр. 9, «Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов (март — октябрь 1917 г.)» от другой темы: «Политическая борьба в русской армии в 1917 г.»? Столь ли мы богаты, чтобы позволить себе тратить силы на две практически однозначные темы, это не значит, что они одинаково будут выполнены?

Ю.И. Кораблев: Едва ли однозначные.

А.Я. Манусевич: Я надеюсь, что вы, составляя этот список, были глубоко убеждены, что каждая из этих тем заслуживает самостоятельной позиции, а я позволю себе усомниться в том, что целесообразно тратить силы, тем более что кое-что предполагаемый автор о политической борьбе в русской армии уже написал, и написать работу «Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов», обойдя политическую борьбу в армии, по-моему, совершенно невозможно, так что одна из тем совершенно бесспорно покрывает другую.

Тут, видимо, я не сведущ, на стр. 10 идет тема: «Великий Октябрь в Молдавии», исполнитель назван — Таллинский политехнический институт. Обратите внимание, чтобы не вкралась ошибка. На стр. 11 «Агрессия США против Советской России в Сибири и на Дальнем Востоке», я полагал бы добавить «Агрессия США и Японии». Политические биографии деятелей Октября и Гражданской войны, стр. 12. Конечно, важно было бы сразу в программе раскрыть, о ком предполагается дать книги, это было бы весьма полезно.

И большое внимание обратить на возможность создания такой Комплексной программы, которая по меньшей мере учитывала бы, использовала деятельность, работу, планы институтов, входящих в состав нашего Отделения.

Очень скупо освещена проблема международного влияния Октября, а проблема эта не просто проблема как таковая, как-никак в этом году будут большие торжества по случаю 70-летия независимости Польши, 70-летия независимости Чехословакии и независимости Югославии. Показать определенную причинную связь таких событий, как появление этих государств через год после победы Октября, с победой Октябрьской революции, это большая и очень важная задача. И через полтора года будет 70-летие Венгерской советской республики. Разве это тема, не требующая дополнительных усилий от Совета?

Ю.И. Кораблев: Сейчас есть новый Совет «Международное влияние Октябрьской революции».

А.Я. Манусевич: Из издания, которое будет предназначено для печати, читатель это узнает? Нужны соответствующие замечания, пояснения, чтобы не возникало ненужных вопросов, чтобы не было сомнения в широте работы, проводимой исследователями.

*А.Д. Степанский*³²: Я представляю кафедру археографии Историко-архивного института и для экономии времени буду говорить только о том, что касается моих служебных обязанностей. Имеются в виду именно публикации источников по истории Великого Октября.

Этот вопрос уже поднял Валентин Валентинович. Я просто продолжу. Здесь я вижу в программе раздел 13.0. «Источники и источниковедение Октября и Гражданской войны». Здесь всего два пункта, которые производят впечатление совершенно случайно поставленных. Первый — «Источниковедение Октября и Гражданской войны». Хорошо. «Серия публикаций». Даже непонятно, что это — публикация источников или публикация

³² Александр Давидович Степанский (1934–2009) — доктор исторических наук, Московский государственный историко-архивный институт, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

монографий. Совершенно неопределенный термин и неконкретный. Второй пункт — «Документальные публикации о деятелях трех российских революций и Гражданской войны (по персоналиям)». Ну, нужное дело, хорошее дело, но это, по-моему, тема, случайно кем-то вставленная.

Конечно, я совершенно согласен с Валентином Валентиновичем, что проблема источников и публикации источников приобретает сегодня ключевое значение. Я просто хочу информировать членов Совета, что у нас на кафедре к 70-летию Октября прошла специальная научная конференция «Проблема публикации источников по истории Октябрьской революции» с участием практически всех московских архивов. На этой конференции констатировалось, что дело публикации источников по Октябрьской революции, в сущности, вступило в стадию кризиса: количество публикаций резко сократилось. Это связано не только с конъюнктурными моментами, но и с тем, что, в сущности, никто не знает, что и как публиковать дальше. Видимо, тематические публикации себя изжили и в конечном итоге себя не оправдали.

И возникает вопрос, что, наверное, нужно вернуться к практике фоновых и видовых публикаций. Для этого требуется какая-то специальная программа, и эти вопросы надо сейчас решать, обсуждать. Был даже поставлен вопрос о том, что сейчас мы должны подумать о подготовке публикаций к 100-летию Октябрьской революции. Зная наши темпы и объем работы, ничего невероятного в этом нет. Это надо продумать на перспективу.

Конкретно по этому вопросу. Поскольку вопрос большой, очевидно, реальное решение может быть только одно: видимо, бюро Совета, секциям, каким-то соответствующим комиссиям нужно специально организовать широкое обсуждение вопроса о перспективах публикации источников по истории Октября и, естественно, Гражданской войны.

Кстати, если говорить о плане нашей работы, видимо, должно быть больше запланировано всевозможных дискуссий и обсуждений. Может быть, это и будет наша главная социальная функция в изучении Октябрьской революции. Благодарю за внимание.

В.Д. Данилов³³: Товарищи, я буду краток, главные мои замечания по п. 9, это «Защита завоеваний Октября. Военная интервенция и Гражданская война». Но предварительно я хотел бы сказать, что я во многом согласен с тем, что говорилось, что имеется дублирование в перечне тем, и, вероятно, это произошло потому, что институты, которые представляли эти темы, уже имели готовые работы. Я могу сказать, что тема на стр. 11 «Красная

³³ Валерий Дмитриевич Данилов — кандидат исторических наук, Институт военной истории Министерства обороны СССР.

гвардия на защите Октября» — в плане института и уже выйдет в следующем году, поэтому туда и включена, и естественно возникает дубляж, такая же тема есть на предыдущей странице.

У меня есть замечание: я считаю совершенно правильным возражение в отношении темы «Агрессия США против Советской России в Сибири и на Дальнем Востоке». Ну сами представьте, что можно написать? 2,5 тысячи там было американских войск, что там можно говорить, это будет мелочь. В то же время там было 60 тысяч японских войск, поэтому надо говорить не об агрессии США и Японии, а вообще об агрессии Антанты на Дальнем Востоке, там были французские войска, чехословацкие, польские, итальянские и очень много других, поэтому эту тему надо будет уточнить.

Дальше, я предлагаю сюда включить, у нас есть план института, такое намерение, оно поддержано Воениздатом, создать однотомник «Гражданская война в СССР». Они сами нам предложили такую тему, 80 листов, сделать научно-популярным его. Но, к сожалению, кадров у нас не хватает, как везде, мы немножко приостановили работу, но мы ее продолжим. Здесь правильно Исаак Израилевич говорил о недостатках в освещении Гражданской войны (ошибка стратегическая Вацетиса, ошибка в освещении советско-польской войны). У нас, кстати, говорится об этом во втором томе, но говорится робко, неполно, в этом издании мы хотим это все раскрыть.

Я предлагаю также включить такую тему, как «Советская Россия и Польша. 1917–1921 гг.». Эта тема по результатам комиссии советско-польских историков. И о п. 13 «Источники»: я считаю, что надо продумать вопрос о публикации документальных сборников, потому что без источниковой базы невозможно писать по-новому Гражданскую войну; я имею в виду: не переписывать ее, но новые факты давать, новые оценки. Вместе с Центральным государственным архивом Советской Армии мы издали три сборника армейских документов: это 2-я и 5-я армии, только что я получил «Народно-революционную армию», первый том, и к концу году издается второй том этой армии и будет еще издана 11-я и 16-я армии, и планируем эту работу продолжить и дальше.

Таким образом, имея комплекс документов командования фронтов, главного командования и армейского командования, можно создать очень хорошую работу, посвященную именно военным вопросам Гражданской войны. Все-таки историки Института истории СССР и других институтов освещают все вопросы: и политические, и экономические, и идеологические, а мы стараемся больше внимания обращать на военные вопросы, поэтому я предлагаю подумать о документальных сборниках. И считаю, что вообще Гражданскую войну писать и Институту истории СССР, и другим институ-

там истории невозможно без оценки деятельности главного командования Красной армии. Ведь вы не найдете ни одной настоящей серьезной работы, статьи есть небольшие, о деятельности главного командования Красной армии. Что я имею в виду? Это и Реввоенсовет Республики, главком и его аппарат, и Полевой штаб Реввоенсовета Республики, тут еще другие есть центральные, главные учреждения. Если мы не проведем такое доисследование, у нас все-таки Гражданская война будет освещена не так, как нужно. И как мы обойдем и деятельность Троцкого, и деятельность Скаянского, и деятельность Каменева, Вацетиса и других? Ведь, как мы писали в трудах по Гражданской войне: почему сняли Вацетиса? Из-за разногласий с командованием Восточного фронта по вопросу о продолжении наступления. А все очень просто: он был арестован за принадлежность к белогвардейской организации, которая была раскрыта в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. Но потом это обвинение не подтвердилось, потому что эта организация не успела начать свою работу. Там были арестованы генштабисты, Малышев и ряд других, которые были в аппарате главкома. И ему было указано пленумом ЦК, что он неразборчив в связях, подбирает людей не той принадлежности, которая нужна. А мы всегда писали, что это произошло совершенно по-другому.

Ю.И. Кораблев: Освободили из-под ареста, извинились. И ЦК написал: «Дать почетную работу».

Н.И. Ганин³⁴: Кстати, я написал об этом статью в «Агитаторе» ЦК КПСС. Я предлагаю сюда включить именно сборник документов Реввоенсовета Республики. Я понимаю, что сложность состоит в том, что у нас подлинных документов очень мало, есть в основном копии, но сделать это можно. Сейчас идут попытки рассекретить эти документы. И уже мы вели переговоры и с ЦК, и с Главным архивным управлением, и с ЦГАСА, и вопрос, по-моему, будет решен об издании этих документов. И тогда мы можем уже более существенно подойти к изложению вопроса планирования стратегических операций. Все-таки, если мы о Великой Отечественной войне имеем представление, какие планировались стратегические, оборонительные и наступательные операции, то о Гражданской войне это очень трудно сделать. Оборонительные операции я пытался выделить. Их вообще невозможно выделить, потому что нет ни одного труда, где это было бы выделено, и вообще документов очень мало. Поэтому только с помощью этих документов можно это сделать. (С места: Посмотрите Пражский архив. Там сохранились формирования.)

³⁴ Николай Иванович Ганин (1917–?) — доктор исторических наук, Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

Я хотел как раз сказать. Тут поднимался этот вопрос. Сейчас сотрудники вашего института и, наверное, других институтов принимают участие в рассекречивании белогвардейских документов, которые находились на закрытом положении. Есть очень много интересных материалов. То, что вы говорите, и кроме того в ЦГАСА, ЦГАОР и в других. Даже нас пригласили и предлагают провести «круглый стол», дают возможность и предлагают: давайте опубликуем мемуары Поливанова, Куропаткина и всех других бывших военных министров. Предлагают и другие очень интересные материалы — воспоминания, мемуары бывших генералов старой армии, которые когда-то занимали большие посты, т.е. можно развернуться и проделать очень большую работу.

И, заканчивая свое выступление, я предлагаю в основе принять эту Комплексную программу или, как ее называют, перечень тем, за основу и доработать ее с учетом тех замечаний, которые были высказаны и которые еще поступят. И потом, наверное, можно предоставить право Бюро Научного совета окончательно решить вопрос о составе вот этого перечня или программы.

К.В. Гусев³⁵: Замечаний сделано по программе много, но я все-таки присоединяюсь к последнему выступавшему, что надо принять это за основу. Определенная работа проделана. Но нужно очень много редакционной правки, очень много уточнений, нужно убирать дублирование. И надо все-таки проблемы укрупнить. Дробность излишняя, и, по моему мнению, она не нужна.

Из чего я исхожу? Пока что все-таки, простите меня, но я должен присоединиться к мнению товарищей, которые его тут высказывали в разной форме, что это не столько программа разработки истории Великой Октябрьской революции, программа действий нашего Совета по истории Великого Октября, сколько издательский план.

Если мы сведем работу Совета к изданию монографий, я думаю, это будет не совсем правильно. Ведь есть вопросы, которые еще требуют предварительной очень большой проработки. Надо бы поговорить, обменяться мнениями, точками зрения, обсудить, чтобы нам самим многие вещи стали ясны. Столкновение мнений и точек зрения в наше время, когда идет разговор о гласности, о плюрализме оценок и т.д. — это же необходимо!

Поэтому меня удивляет, что в план Комплексной программы не включены какие-то крупные научные конференции, «круглые столы» по обсуждению проблем. Я считаю, что в принципе, когда мы ставим какие-то крупные проблемы, скажем, теоретико-методологические проблемы, то по мно-

³⁵ Кирилл Владимирович Гусев (1922–2001) — доктор исторических наук, Академия общественных наук при ЦК КПСС, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

гим из них надо было бы собраться и обсудить их, а потом посмотреть, что об этом можно написать, и что из этого можно сделать, и кто работает.

Вот это второй вопрос, на который, по-моему, не нацелена программа. Мы хотим эту программу опубликовать. Для чего? Наверное, для того чтобы сотрудники, историки, которые занимаются в смежных областях и в этой проблеме, знали бы, над чем работает Совет — это одна сторона, а вторая сторона — это то, что одной из целей этой программы должна быть консолидация историков, работающих над проблемами исторического опыта Великого Октября в нашей стране, научной общественности вокруг Совета.

Потому что если мы будем решать все эти проблемы только сегодня, то вряд ли мы их решим, да это будет и неправильно, надо выходить на широкую массовую аудиторию, нужно иметь контакты с творческими, различными общественными организациями, а где-то мы должны опубликовать программу с преамбулой, в которой будут поставлены проблемы. Человек, который прочел эту программу, скажет: монографий десятки, видимо, это рассчитано на кого-то, а я тут при чем? Ну, в лучшем случае, потом прочитаю выступления. А мы тут должны поставить проблему так, чтобы человек прочел и сказал: вот, пожалуй, разработка этой проблемы совпадает и с моими интересами, знаниями, я с удовольствием приму участие. Тогда мы будем иметь хороший актив нашего Совета, и действительно слово Совета будет звучным и весомым, и мы окажемся волею судеб в авангарде большой группы историков, продвигающих историю Великого Октября. Поэтому я бы убрал много лишних монографий, добавил конференции и больше внимания обратил на постановку задач и проблем.

*В.Д. Поликарпов*³⁶: Товарищи! Мы, кажется, не придали особенного значения тому интересному документу, который здесь огласил Юрий Иванович, а это документ просто, можно сказать, эпохальный, это постановление Бюро Отделения истории АН СССР³⁷ в отношении отмены постановления того же самого Бюро 1972 г.³⁸

Ю.И. Кораблев: Этот вопрос мы ставили в статье о дискуссиях летом 1987 г.

В.Д. Поликарпов: Нет, раньше этот вопрос ставился на казанской конференции в феврале 1987 г.³⁹; по этому вопросу главное суждение имел

³⁶ Василий Дмитриевич Поликарпов (1918–2008) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

³⁷ Вопросы истории. 1988. № 10. С. 175.

³⁸ Там же. 1972. № 8. С. 141–145.

³⁹ Имеется в виду Всесоюзная научная конференция «Великий Октябрь и Гражданская война. Исторический опыт и современность», которая состоялась в Казани 24–26 февраля 1987 г.

Исаак Израилевич, и записано в резолюции о том, что нужно, в конце концов, разобраться с этими разгромленными, уничтоженными весьма перспективными по тому времени новыми направлениями, новыми прочтениями в исторической науке, достижения которых сейчас остаются совершенно не известными. Они составляют какой-то потенциал, не известный народу, но этот потенциал существует. И когда в этом постановлении Бюро Отделения «стыдливо» указывает, что там, мол, такие-то были вопросы, я не помню, как они так положительно оценены, которые, в общем, заслуживают внимания, а с другими нужно разбираться, да еще чтобы кто-то из представителей того времени изложил свою, что ли, позицию. Ну, это, знаете, лукавство, потому что позиции были изложены, написаны — в ответ на те заушательские рецензии, которые появлялись в массовом порядке под давлением трапезниковской⁴⁰ группы в печати. В ответ были написаны просто исследования, в которых излагались эти достижения научных направлений.

Их не дали тогда напечатать. Они остались втуне. Вместо этого был издан, прямо можно сказать, тайным образом погромный документ, который был выдан только участникам многим известной так называемой дискуссии под председательством Трапезникова с участием некоторых его тогдашних помощников. Это была стенограмма этой так называемой дискуссии. Она была выдана потом для ознакомления, издана уже под грифом⁴¹, чтобы никому другому она не попала. И затем каждый, получивший ее под номером, обязан был вернуть для уничтожения.

Но некоторые, получив эту стенограмму, ее «затеряли». Благодаря этому некоторые экземпляры этой изданной стенограммы сохранились. Но дело-то еще и не в том; оказывается (это только в Казани узнали на конференции в прошлом году), для того чтобы совершенно дискредитировать политически эти новые направления, эта стенограмма, которую прятали от той действительно научной общественности, кому она была бы интересна, она, оказывается, была разослана по всей территории страны, всем обкомам. На места были высланы, так сказать, эмиссары трапезниковские; они ставили доклады, лекции, в которых лучшим ученым того времени, работавшим именно в области нашей проблематики, пришивались политические обвинения. Ну, и вы знаете, как с ними поступили: они либо были изгнаны со своих мест, либо им была закрыта дорога в печать.

⁴⁰ Сергей Павлович Трапезников (1912–1984) — доктор исторических наук, в 1965–1983 гг. заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

⁴¹ См.: Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21–22 марта 1973 г.). М., 1974. 205 с.

Так если мы сейчас будем разбирать это дело, можно предвидеть вопли, вой, что это начинается сведение счетов, что это начинается месть. Это вперед можно сказать, потому что этот прием используется сейчас довольно широко. Он прозвучал и в выступлениях некоторых делегатов сейчас на партийной конференции.

Дело даже не в восстановлении добрых имен тех или иных ученых, того же Тарновского, Гефтера⁴² и других. Дело не в этом, а дело в том, что тогда были пресечены эти новые направления, сохранились уже на архивном положении их разработки, которые не дали тогда напечатать. Все это не просто какие-то ответы на те рецензии. Те, кто присутствовал в Институте марксизма-ленинизма в апреле прошлого года на дискуссии, видели, когда Ваганов, один из тогдашних погромщиков, на трибуне потрясал пачкой этих самых рецензий. Ведь там как раз об этом шла речь. И это как раз было раньше, чем я в «Советской культуре»⁴³ выступил.

И он заявил всем, причем глядя ясными, открытыми глазами в глаза всех людей, которые тогда преследовались и которые присутствовали в Институте марксизма-ленинизма: вот, говорит, сколько было написано тогда, а они даже не ответили ничего на все это напечатанное. То есть сам больше всех прилагал усилий, сам гробил диссертацию Тарновского, угробил монографию Тарновского, которая уже была объявлена в издательских планах и затем была вытащена из издательства и ликвидирована «как класс». Так вот, может быть, я немножко «перебачил», когда говорю, что это лукавство со стороны Отделения, Бюро, но дело-то вот в чем: мы должны оценить другую сторону дела. Все-таки это, по-видимому, первый акт, зафиксированный Отделением, который говорит о том, что Отделение тоже начинает перестраиваться, ведь до сих пор оно никаких таких шагов не делало, даже за несколько дней до того вынесло постановление, в котором дезавуировало вот ту конференцию историков и писателей, на которой была подвергнута критике деятельность и историков, и самого Отделения. А через неделю или две появляется это постановление. Это уже, как хотите, это поворот, то есть в течение короткого времени вдруг от сопротивления перестройке перейти на поддержку, причем практически. Но как бы то ни было, как бы это ни оценивать, мы сейчас должны понимать этот шаг Отделения уже как указание нам. То есть мы этого добивались, чтобы разобраться с этими направлениями, к этому воздвигались известные тормоза, а теперь Отде-

⁴² Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР (1950–1976).

⁴³ Поликарпов В.Д. О «дискуссиях» минувших лет // Советская культура. 1987. 9 июля.

В.Д. Поликарпов выступает перед коллегами в Академии наук СССР. Москва, 1986 г.

ление само признает несостоятельность этих «дискуссий», правда, они там именуются деликатно. Пусть деликатно, важно, что они отменены, какими бы выражениями это ни было высказано.

Я веду речь к чему: если мы хотим действительно перестраиваться, и когда мы говорим, что нам непонятно, как теперь нам быть с этой историографией, в какой форме решать вопросы историографии, то из этого факта мы должны уже исходить, как это делать. То есть мы должны сейчас изучить, проанализировать эти материалы, причем начиная со знаменитого доклада 1966 г.⁴⁴, доклада парткома института, который также было постановлено опубликовать сначала в «Истории СССР», там не получилось, потому что начался этот брежневско-трапезниковский поворот, там не напечатали, потом сунулись в «Историю и историки», там в верстке был, уже верстка запрещена, и сейчас эта верстка лежит, а между прочим, благодаря стараниям нашего сейчас «свергнутого» руководства института и само издание «История и историки» было ликвидировано. Было столько вложено труда

⁴⁴ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. Публ. Л.В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12.

в этот ежегодник, еще под руководством Нечкиной⁴⁵ начал он издаваться, а тут просто-напросто взяли да и ликвидировали, а что — нужен он или нет?

Я думаю, что, во-первых, нам нужно сейчас похлопотать о том, чтобы восстановить это издание и, может быть, как раз это издание и будет то место, где нужно опубликовать вот эти, бывшие до последнего времени апокрифическими, материалы новых творческих направлений.

И тем самым мы сейчас восстановим утраченный интеллектуальный потенциал этой проблематики истории Октябрьской революции, предположительно и т.д.

Сейчас этот вопрос, по-видимому, встанет (мы уже предварительно об этом говорили) на Ученом совете института. Но было бы сподручнее за-коперщиком в этом деле явиться именно Научному совету, потому что это как раз в его профиле, это его проблематика, в то время как в Ученом совете института различная проблематика. Но совместными усилиями нужно это проделать. И тогда мы можем сказать, что да, мы перестраиваемся, и на этой базе мы можем двинуть вперед разработку той проблематики, по которой, повторяю, ценнейшие материалы скрыты, потому что остаются в рукописях.

Когда я над той статьей работал, я собрал часть этих материалов. Это интереснейшие материалы. А между прочим, вот видите, сами же эти товарищи, которые занимались тогда этим делом, преследовали это направление, они обвиняют тех же Тарновских, Волобуевых⁴⁶ и прочих, что вот, видите, сколько было напечатано против? А они ничего не ответили на это! Значит, признали свою вину! А они просто-напросто не могли ответить, им не дали ответить. И так же, как сейчас, тот же самый Ваганов, стоя теперь у кормила архивного ведомства, к которому сейчас столько претензий, он заявляет в тех же самых «Известиях», Корнелий Федорович, но на год раньше, заявляет: «Помилуйте, мы же все архивы открыли! А почему они не используются? Потому что сами историки не идут и не берут их». И при этом демонстрируются фальсифицированные цифры, которые показывают, что вот, видите ли, только 3% всего востребованных документов, когда у нас их море, океан, миллион дел. А вот только 3% востребовали. «Значит, им столько не нужно! А какие к нам претензии?»

⁴⁵ Милица Васильевна Нечкина (1899–1985) — историк, академик АН СССР.

⁴⁶ Павел Васильевич Волобуев (1923–1997) — доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР (1970; академик — 1990), член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября», в 1988–1997 гг. председатель Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции» (с 1991 г. получившего название «История революций в России»), в январе 1999 г. последний вошел в созданный тогда Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

В.Д. Поликарпов выступает перед ветеранами Великой Отечественной войны.
г. Ленинск-Кузнецкий. 1985 г.

Правда, это тогда тоже не было напечатано в «Известиях» и в прошлом году. Но зато это попало в интервью И.Д. Лаптева в «Огоньке», и там это в полной красоте высказано: историки виноваты в том, что документы не получают выхода на страницах исследований.

Я кончаю. Хочу еще раз сказать, что у нас сейчас задача самого первого плана — разобраться с этими накопившимися материалами, реабилитировать эти материалы с тем, чтобы они послужили трамплином для дальнейшего развития исторических знаний по этой проблематике. Вот тогда это будет перестройка.

И.И. Минин: Дорогие товарищи! Отвечать я, разумеется, не буду, ибо это отнимет очень много времени. Поэтому я прежде всего благодарю вас за то, что вы пришли, и тех, кто выступил — в особенности. Это первое.

Второе. Все выступления я принимаю к исполнению или к обсуждению. Есть вещи, с которыми я не могу согласиться. Я, например, не согласен с Иоффе, который трижды участвовал в написании этой программы, трижды обсуждал вместе с нами, никаких острых проблем не называл и сегодня не назвал.

Тут Валентин Валентинович совершенно прав, говоря, что нужна была преамбула. Она нашлась. Она лежит на столе, и мы ее, конечно, приложим, расшифруем.

Но вот я назову такую тему «Альтернатива социалистической революции в России».

Кто писал на эту тему когда-либо? Кроме министра торговли и промышленности Временного правительства Степанова и кроме всех эсеров, меньшевиков, включая Плеханова, никто. А сейчас Европа, Америка, все, опираясь на какие-то ими подобранные материалы, утверждают: была возможность альтернативы в Октябре. Это глубочайшая ошибка, не было альтернативы. Октябрь был не только необходимым, это все понимали, но он был оправдан, не было другого пути.

Вторая тема — массовое сознание революционной эпохи и субъективный фактор истории. Кто на эту тему когда-нибудь писал? Никто у нас не занимался этим. Мы даем такую тему, как социалистическая революция и проблемы гуманизма, в социалистической литературе нет этой темы, это совершенно новая проблема и проблема спорная. Кто занимался у нас религиозным сознанием в период революции и гражданской войны? А мне как комиссару дивизии и корпуса приходилось иметь с этим дело, с религией, мы брали бедноту, брали середняков в армию, но никогда не спрашивали у них об их религиозных воззрениях, а на деле это сказалось, и т.д. Валентин Валентинович прав, надо кое-что расшифровать с тем, чтобы не было обвинений в том, что мы обходим острые углы, наоборот, мы их очень открыто называем.

Третье замечание касается вопроса, который никто здесь не затрагивал. Я пользуюсь случаем присутствия здесь представителей родственных групп общественных наук, филологов, Валентина Дмитриевича, и спрошу его, кто из присутствующих знает, кто такой Иван Федько? Начальник 58-й дивизии, кавалер четырех орденов, кто его знает? Ничего о нем нет. Кто знает начальника 30-й дивизии Ивана Грязнова, участника Перекопского сражения? Никто. А это был чрезвычайно оригинальный человек. Кто из вас читал материал о литовце Путне? Это совершенно никому не известная фамилия. Мы предполагаем, у нас есть специальный параграф, издавать об этом, и вот тут-то нужно работать вместе с литераторами, потому что описать такую фигуру, как Федько, историкам трудно, тут должно быть совсем иное перо. Вот тут мы попробуем возобновить то, что было при Горьком, когда историк готовил материал, а потом садился вместе с литератором, придавая ему членораздельный вид. Я хотел бы обратить внимание и поблагодарить, конечно, вас за участие в нашей деятельности, поблагодарить т. Журавлева, заместителя директора Института марксизма-ленинизма. Сколько же работы там: они готовят не только историю партии, но и гигантское количество другого материала. Однако они нашли возможным заниматься такой проблемой. Конечно, мы учтем его замечания. Многое мы, вероятно, будем делать вместе.

Я очень признателен полковнику, который представлял Институт военной истории. Исключительно продуктивный институт, во главе которого сейчас стоит генерал-полковник Д.А. Волкогонов, который пишет специальную работу о Сталине. Кстати, у нас тут нет этой темы. Я мечтал вместе с Юрием Ивановичем (он будет делать доклад о Троцком, а я сделаю о Сталине) выступить. Я подобрал достаточно необходимый материал, для того чтобы показать всевластие и самодурство Сталина в эпоху Гражданской войны. А у нас на эту тему ничего нет. У нас все говорят об эпохе культа личности, но обходят, как я уже говорил во вступительном слове, проблему участия Сталина в Гражданской войне и превращают его, таким образом, в главного героя Гражданской войны.

Что касается замечания Василия Дмитриевича, мы, конечно, над этим также будем работать. Но хочу сказать, что мы занимаемся не историей Института истории, а историей Гражданской войны, Октябрьской революции. Там мы затронули эту проблему, может быть, мимоходом, а вот проблема подбора реабилитируемых материалов, это чрезвычайно ценное предложение.

Я попробовал искать материалы о Сокольникове. Я до сих пор не могу понять: Григорий Яковлевич Сокольников — активный участник революции. Разве он не был командующим армией? А судя по биографии, это именно он командовал армией. Но, может быть, ваш институт имеет и другие данные? Я никак не могу разобраться в этом, кто же командовал 8-й армией, Сокольников Г.Я. или какой-то другой Сокольников.

С места: Этот Сокольников.

И.И. Минц: Этот? Я в этом не сомневался, потому что я его знал. Но нигде этого нет. Ничего нет о нем.

Так что я принимаю это предложение. И я думаю, что вместе с Институтом марксизма-ленинизма, где концентрируются эти материалы, мы многое, вероятно, сумеем найти, несмотря на то, что, как писал Пушкинский летописец:

Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погребло невосвратно...

Вот это неверно. Не безвозвратно — мы восстановим многое. И я думаю, что это одна из наших важнейших задач. Тут я согласен с замечанием: это наша главная задача — помочь восстановлению правды путем привлечения материала.

Позвольте поблагодарить вас. Я, признаться, ожидал этого, я не сомневался, но все-таки все оказалось лучше, чем я предполагал, когда я увидел

полупустой зал. Оказалось, дело не в количестве. Присутствовало бы больше, а выступало бы меньше и хуже. А сегодняшними выступлениями вы меня буквально подбодрили, и я могу сказать:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно...
Спасибо вам!

Ю.И. Кораблев: Позвольте просить вас принять такое решение общего характера. Первым пунктом, высказывались такие предложения, материал по этой Комплексной программе принять за основу.

Второй пункт — доработать представленный материал, положив в основу замечания и предложения выступавших товарищей, в частности, укрупнив проблемы, сделать упор на новые подходы и вопросы, включить историко-партийную проблематику, массовые консультации с Институтом марксизма-ленинизма и другими научными и высшими учебными заведениями, партийными и в целом расширить круг лиц — участников осуществления Комплексной программы. Просить членов бюро, представляющих научные центры и учреждения, дать сведения о готовящихся крупных работах для включения в программу. Если нет возражений, то мы примем такое решение и будем им руководствоваться, дорабатывать программу, а затем снова представим ее на ваше обсуждение. Есть возражения? Есть вопросы?

В.Д. Оскоцкий: А относительно таких вопросов, как конференции, «круглые столы»?

Ю.И. Кораблев: Относительно форм. Товарищи знают, что мы составляли перспективный ежегодный план Научного совета. Туда входят разные формы, разработка научных трудов, организационная работа, конференции, симпозиумы, «круглые столы» и др. Это только Комплексная программа научных исследований, ее надо рассматривать вместе с планом деятельности Научного совета, который мы представим в конце года на следующий год.

Теперь относительно дальнейшего ведения. У нас несколько затянулся основной вопрос, а предложение есть такое: мое сообщение о Троцком и Сталине в пролетарской революции с содокладом товарища Минца о Сталине в Гражданской войне перенести на следующее заседание. Мы посоветуемся, когда его провести, потому что это дело, требующее обсуждения поставленных вопросов. Вообще доклад на эту тему ставится в порядке эксперимента. Если нет возражений, то коротко обсудить организационные вопросы, принять по ним решение и на этом закончить наше заседание. Нет возражений? Нет.

Относительно переноса доклада, какие предложения будут? На сентябрь. Лучше на вторую половину сентября? Хорошо.

Теперь о разном. Здесь такие вопросы. Нам необходимо принять решение о конституировании научно-исследовательской группы, такая форма у нас есть, и в Международной комиссии, и по Научному совету, по проблеме «Земля и ее хозяева». Она действует, есть результаты, недавно была научная конференция, руководитель этой группы профессор Анфимов Андрей Матвеевич очень кратко доложит.

А.М. Анфимов: Товарищи! Я не буду долго занимать ваше внимание. Дело в том, что мы до сих пор не имели и не имеем более или менее точной цифры данных о распаде землевладения накануне Октября. Фигурируют цифры Сталина — 170 миллионов отобрали земли у помещиков. Цифры Молотова — у кулаков отобрано 50 миллионов десятин⁴⁷. Но за всеми этими цифрами не стоит никакой научной основы. Поэтому предлагается при Научном совете конституировать такую группу под условным названием «Земля и ее хозяева» с тем, чтобы эта группа в течение какого-то времени, желательно небольшого времени, разработала по регионам, по районам данные о землевладении на 1917 г.

Эта группа в настоящий момент состоит из 25 человек, но я думаю, что Научный совет разрешит нам пополнить ее за счет тех регионов, которые еще не выделяли членов в эту группу авторов. Но это немного, это 5 районов, и я думаю, что в ближайшее время мы эту лагуну заполним.

Ю.И. Кораблев: Есть вопросы, товарищи, по поводу группы? Проблема актуальная, насущная, нужная не только ученым, но и авторам учебников и пособий по Октябрьской революции. И то, что эта группа и Андрей Матвеевич берутся за эту задачу, надо только поприветствовать и поблагодарить.

Нет возражений, товарищи? Утверждается эта научно-исследовательская группа.

И вопрос, связанный с этой группой, об издании ротапринтом у нас в институте материала, подготовленного группой.

А.М. Анфимов: Дело в том, что в нашем распоряжении имеются материалы, которые готовились в Департаменте окладных сборов и изданы в 25 томах. Они включают в себя материалы на 1 января 1911 г. Мы потом обнаружили у ленинградского профессора Макарова Ивана Федоровича таблицы за 1911–1914 гг., которые он в течение десятка лет готовил. Теперь мы эти таблицы доработали и свели вместе с данными предыдущих таблиц. Таким образом, мы теперь располагаем данными о землевладении на 1 января 1915 г. Вот эти таблицы и предлагается издать на ротапринте Института истории СССР. Эти данные послужат отправным моментом для ра-

⁴⁷ См.: Динамика землевладения в России. С. 3.

боты группы «Земля и ее хозяева». Они уже доведут, насколько сумеют, до кануна Октября. Объем — 5,3 л. Составители И.Ф. Макаров, Анфимов и ответственный редактор сборника академик И.И. Минц.

Ю.И. *Кораблев*: Работа проделана большая, результаты есть. И если удастся, то это будет хорошо. Нет возражений? Нет. Принимаем такое предложение, что Бюро Научного совета одобряет работу, проделанную группой по подготовке статистических данных по землевладению, и рекомендует к печати подготовленные статистические таблицы с указанием составителей и ответственного редактора. Нет возражений? Нет.

Второй вопрос следующий. Вы знаете, что на базе нашей Северо-Кавказской секции, а затем Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института уже многие годы идет разработка комплекса казачьих проблем, там у нас проведено две конференции и семинар. Изданы сборники, уже немалый опыт накопился. Северо-Кавказская секция в лице председателя профессора Козлова⁴⁸ и бюро секции предлагают нам утвердить проблемную группу для работы над темой «Исторический опыт осуществления идей Великого Октября в условиях казачьей и многонациональной окраины страны». Тема соответствует координационному плану Научного совета, проекту Комплексной программы и является актуальной с научной и политической точек зрения. Какие мнения будут? Удовлетворить предложение. Есть. Тогда принимается такое постановление: принять предложение Северо-Кавказской секции Научного совета о создании проблемной группы по данной теме, а руководителю группы Козлову к 1 октября представить программу работы секции. Нет возражений? Нет.

И последний вопрос — о новом издании, четвертом, энциклопедии «Октябрьская социалистическая революция» к 75-летию Октября. Издание энциклопедии выходит под грифом Научного совета, сотрудники Научного совета участвуют в нем, и по этому вопросу доложит Ю.Ю. Фигатнер, ответственный редактор этого отдела.

Ю.Ю. *Фигатнер*: Обстоятельства складываются сейчас так, что руководство издательства, попросту говоря, не считает целесообразным издание это к 75-летию. Мои попытки убедить ни к чему не привели. В свое время было письмо на имя Государственного комитета по делам издательств из Совета, оно попало в издательство, был уклончивый ответ. Я коротко скажу, чтобы

⁴⁸ Александр Иванович Козлов (1930–2009) — доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный университет, председатель Северо-Кавказской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

вы представили себе положение дел, что это значит, почему важно решить, как говорится, быть или не быть.

Сейчас у нас, как вы знаете, есть два издания энциклопедий: «Великая Октябрьская социалистическая революция», которую мы с вами вместе переделывали к 70-летию и которая прошла стереотипно, по существу, и «Гражданская война». Вместе они составляют общий объем 280 листов. Это общий объем. Они в значительней степени там дублируются, эти материалы. Вы, надо полагать, знаете.

Если сделать это одним изданием — двухтомник, но не автономный, а вместе, то здесь, по моим прикидкам, мы имеем 20–30 листов экономии, и на этом материал мы можем нарастить. По моим прикидкам, примерно половину из 180-ти придется нам переделывать. А примерно половину, я считаю, доделывать.

К чему я все это говорю? Это получается, что работа на 280 авторских листов — по нашим нормам это 18 годовых норм работы научного редактора. Это не считая того, что авторам надо еще работать. Да и в типографию нужно отправить за год, то есть чтобы книга вышла в июле — августе 1992 г., как полагается по нашему положению, мы должны ее отправить в типографию в июле — августе 1991 г. И вот, соответственно, у нас с вами остается 3 года на всю работу.

Повторяю, издательство желанием не горит, а совсем наоборот. Почему я считаю нужным вам об этом говорить? Чтобы у нас не получилось так, как вышло с «Гражданской войной» в 1987 г. У нас вышло, что мы в 1987 г. просто «Гражданскую войну» повторили.

З.А. Серебрякова⁴⁹: А кому это нужно было?

Ю.Ю. Фигатнер: Начальству. «Октябрьскую революцию» мы к 70-летию загодя готовили, плохо или хорошо, но мы ее переработали по сравнению с предыдущим изданием. А «Гражданскую войну» уже буквально за год до того, как она должна была выходить, приезжает наш директор со Старой площади и говорит: «Товарищи, давайте делать “Гражданскую войну”». То есть мы могли лишь расклеить, изъять обнаруженные опечатки и ошибки и в таком виде пустить. Больше ничего мы не могли сделать технически. Я не хочу отнимать много времени, но я хочу просто, чтобы все представляли себе картину. Если сейчас не будет решено, туда или сюда, чтобы у нас потом не получилось, что, скажем, в 1991 г. мы скажем:

⁴⁹ Зоря Леонидовна Серебрякова (р. 1923) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

«Давайте издавать», а старое мы не сможем издавать, не подпишем, а где же нам все это взять?

З.А. Серебрякова: Не кажется ли вам, что ваше издание скомпрометировано тем, что вы в 1987 г. переиздали книгу, не включив даже состав ЦК. Я не говорю о людях, которые были во главе правительства тогда, входили в Политбюро, в Оргбюро, были восстановлены в партии. И вы их тоже не дали туда. Я говорю конкретно о Серебрякове и Смирге, что в «Октябрьской революции» вы их не дали, зная, что они восстановлены в партии, что компрометация, которая произошла, привела просто к тому, что теперь не хотят, не верят. У вас остался там Голуб⁵⁰, который всячески препятствовал тому, чтобы состав ЦК просто поименно был назван в «Гражданской войне», чтобы Президиум ВЦИК был.

И вы опять туда же вводите Голуба, вы прежде всего должны были бы сказать, что это качественно новое издание будет, а не такое, где даже восстановленных после 50 лет в партии и то там не оказалось, потому что это никого не волновало и не интересовало. Такое равнодушие к людям, к которым сейчас обращено все внимание, не позволяет полагать, что это будет издание на этот раз полноценное. Какие гарантии хотя бы могут быть?

Ю.Ю. Фигатнер: Я могу ответить, и Кирилл Владимирович здесь присутствует и, как говорится, не даст соврать, что в том варианте, который готовился нами в издательство, были статьи о Смирге и Сокольникове. В «Гражданской войне» вообще ничего не менялось, я уже объяснил почему, оставалась просто расклейка.

З.А. Серебрякова: Это было первоначально в 1983 г. Состав ЦК, его нужно было только восстановить. Голуб добился, чтобы его выбросили, я же участвовала в этом.

Ю.Ю. Фигатнер: А насчет «Октябрьской революции»: если говорить и о Смирге, и о Серебрякове, почему я и обратился уже за поддержкой, были эти статьи и они были изъяты.

З.А. Серебрякова: Как же так может быть? Тогда, простите, надо поставить партийный вопрос, если их восстановили в партии и потом выбросили, что, значит, это препятствие. Я пыталась узнать, мне сказали, что это решение редколлегии было, и все сошлись на этом.

Ю.И. Кораблев: Здесь, конечно, вопрос не разрешим. Юрий Юрьевич Фигатнер дает справку, что вопрос этот решался наверху.

⁵⁰ Павел Акимович Голуб (1921—?) — доктор исторических наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября».

Беседа публициста Л.М. Овруцкого с председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» членом-корреспондентом АН СССР П.В. Волобуевым. «Советская культура».

5 ноября 1988 г.

З.А. Серебрякова: Нет, извините, сейчас время гласности, просто показывать на ПОТОЛОК нельзя.

Ю.И. Кораблев: Хорошо, что вы имеете в виду под «верхом»? Что вопрос решался наверху, насчет чего?

Ю.Ю. Фигатнер: Во-первых, когда готовились справки эти в «Октябрьскую революцию», они еще не были реабилитированы, в июне месяце книга была в типографии, она вышла в июле.

З.А. Серебрякова: Июнь месяц, отец уже был восстановлен в партии. Нет, она не в июне вышла, в октябре.

Ю.Ю. *Фигатнер*: Извините, она шла через мои руки, я это все подписывал, так что здесь нет предмета спора, кто снял, я не знаю, не я снял, и, к слову сказать, я не защитник Голуба, но дело в том, что и в этой игре он тоже не участвовал, почему я и ссылался сейчас, я не знаю, насколько мне удобно ссылаться и отвечать, но факт тот, что две статьи, о Смильге и Серебрякове, не были рекомендованы.

З.А. Серебрякова: Значит, нужно просто поставить этот вопрос.

Ю.И. Кораблев: Я повторяю, здесь мы этот вопрос не разрешим, и он не в повестке дня, но для того, чтобы разобраться, надо написать заявление, и не в устном порядке, не по телефону, а в серьезном порядке. Есть ли вопросы

к т. Фигатнеру? Кто может сказать мнение по этому вопросу? Надо ли издавать или все-таки, учитывая, что речь идет не о монографии, не о сборнике статей, а об энциклопедии, не приурочивать издание к юбилею? Работу вести по подготовке нового издания, но не приурочивать обязательно к юбилею.

С места: Если не приурочивать к юбилею, тогда она не увидит свет. Если мы будем подгоняемы юбилеем, если будет иметься в виду определенное событие, дата, то будут совершенно различные темпы производственной работы, типографской. Со всем этим нужно считаться. Одно дело — список юбилейных изданий, другое дело — регулярно идущая вещь, которая управляется...

Мне кажется, что стоило бы поддержать то издание, которое предлагается издательством, то есть в двух томах, совместить энциклопедию «Октябрьской революции» с энциклопедией «Гражданской войны». Два тома выпустить издательству. Это позволит сэкономить, избавит от дуближа многие статьи, которые повторяют одна другую, и, наконец, это даст возможность использовать это место для продвижения новых статей в том числе, для того чтобы избежать тех или иных случайных пробелов, которые возникли при издании книги к 70-летию Октября. Но нужно поддерживать издание именно к годовщине.

С места: Я в принципе согласен. Я знаю, что юбилейное издание — это хорошо. Но если мы сделаем из суммы двух энциклопедий вот эту и в основном дадим так, как есть, то это у нас получится не та книжка. Персоналии должны быть изменены почти все. Причем процесс реабилитации идет, и мы до последнего момента должны будем дополнять, должны будем менять. Я считаю так, что если издательство считает, что все-таки при максимальных усилиях можно сделать новую книжку, давайте делать. Если мы будем говорить, что на 50–60% это будет издание факсимильным, то тогда оно вряд ли целесообразно.

Ю.Ю. Фигатнер: Я не хотел задерживать внимание, но я, видимо, нечетко выразился. Я имел в виду, что тот материал, который сейчас в этих двух книгах, в целом составляет 280 листов, то есть примерно я сказал для расчетов, сколько же тут трудозатрат. Примерно половину материала придется полностью переписывать. Почему я это считал? Потому что в этом случае у нас норма 12 листов в год нагрузки на редактора. И если переделка не капитальная, не заново, то — до 24 листов. Я примерно разделил, иначе придется садиться и пересчитывать. Я просто не имел такого времени. Именно из этого я исходил, а вовсе не из того, что я имел в виду механически сохранять это. Это исключалось. Но если говорить о трудозатратах, то если это сейчас начать, то нам нужно только редакторов иметь каждый год

6 человек. Это говорю сейчас я, а не издательство, потому что издательство как раз упирается. Поэтому я и ставлю этот вопрос.

Ю.И. Кораблев: Какие будут соображения, товарищи?

С места: Я просто не понимаю, а от нас-то что нужно?

Ю.И. Кораблев: Какие предложения? Дело в том, что мы поддержали предыдущее издание и участвуем и осуществляем научное руководство.

Г.З. Иоффе: Я написал проект письма на имя Яковлева в ЦК об издании к 75-летию, я не знаю судьбу этого письма. Что от нас требуется?

Ю.И. Кораблев: Письмо подписано, но не послано. Мы ждали бюро.

Реплика: Тогда тем более надо подтвердить целесообразность такого рода акции, это безусловно новое издание, потому что сейчас время такое, когда просто переиздавать, как было с «Гражданской войной», недостаточно.

Ю.И. Кораблев: Видимо, если общими усилиями историков и издательства удастся осуществить максимальную переработку и выпустить это к 75-летию, то это будет одним из конкретных ответов на перестройку и на призывы XIX партийной конференции, ибо, когда еще будут всякие монографии и пособия, трудно сказать, а люди прежде всего обращаются к энциклопедии. Поэтому, видимо, следует поддержать. Наше мнение, что издание должно быть обновлено, не в смысле, конечно, переписывания всей истории Октябрьской революции, а в смысле новых фактов и новых подходов, и что издание очень желательно приурочить к 75-летию Великого Октября.

З.А. Серебрякова: Записать, чтобы ввести туда тех, кто сейчас реабилитирован.

Ю.И. Кораблев: Особое внимание обратить на персоналии, причем наше предложение, что количество персоналий, несомненно, должно быть увеличено, это надо нам записать. Нет возражений? Нет. Это особенно касается реабилитированных, чья честь и достоинство большевистское восстановлены.

Исаак Израилевич уже выражал всем признательность, еще раз позвольте поблагодарить нашу аудиторию, надеюсь, что наши встречи будут частыми.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя Научного совета
РАН по истории социальных реформ, движений и революций

УКРАИНА В ДОКУМЕНТАХ РАЗВЕДКИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ («АЗБУКА»)

обытия, связанные с историей деятельности Временного правительства в условиях постепенного распада Российской империи, являются к настоящему времени в существенной мере малоизученными по сравнению с развитием внутреннего кризиса органов исполнительной власти

страны и развертыванием глобального социального конфликта в виде демократической революции и затем социалистического переворота. Поэтому представленные для публикации документы, отражающие стремление руководящих органов Временного правительства поддержать деятельность Центральной рады Украины и организованного ею генерального секретариата по установлению собственной системы местного управления взамен за повышение собственной популярности в регионах страны, позволяют раскрыть новые страницы в исследовании давно обсуждаемой в научной и научно-популярной литературе проблематики. Наряду с вопросами организации работы Временного правительства в условиях подготовки к выборам в Учредительное собрание и к созыву данного мероприятия, являвшегося объектом массовых социальных и политических ожиданий, актуальной является и тема отношения представителей научной и в целом творческой интеллигенции к происходивше-

му в России в 1917-м и последующих годах процессу распада имперского государства. С конца 1980-х гг., когда стремительными темпами развернулся процесс распада союзного Советского государства, и до настоящего времени представителями бывших окраинных регионов Российской империи, ставших потом территориями республик СССР, многократно подчеркивалось, что люди, относящиеся к слою интеллигенции, оказывают наиболее активную поддержку центробежным процессам, связанным с отделением сформированных по этническому принципу национальных государств от единого государства. В этом многие авторы, нередко занимающие ярко выраженную пропагандистскую позицию, видят стремление представителей так называемого «образованного меньшинства» к демократии и к освобождению от влияния «имперского» авторитаризма или даже тоталитаризма.

Представляемые для публикации документы являются убедительным опровержением данной стереотипной точки зрения и демонстрируют, что летом и осенью 1917 г. идеи сохранения духовного единства русского и украинского народов в языковом, религиозном и в иных аспектах культурного развития преобладали над стремлением к разделению территории Российской империи на российское и украинское государства. Помимо имевших место чувств эмоциональной и чувственной близости такая расстановка ценностных приоритетов объяснялась и комплексом объективных причин, к которым следует в первую очередь отнести отмеченное выше стремление дождаться решений Учредительного собрания, в частности, по вопросу о праве живших в то время на территории России национальных этнических общностей на политическое самоопределение, и опасение вторжения на окраинные территории со стороны соседних государств. Особенности опасения вызывала ставшая реальностью интервенция войск Германской империи, которая, по мнению большинства представителей украинской интеллигенции, могла принести помимо других негативных последствий культурные традиции, чуждые православию и склонявшиеся к идеям униатства. Совершенно очевиден тот факт, что и эта проблематика, относящаяся к определению соотношения концепции духовного единства славянских народов с стремлением правящих элит различных государств учесть задачи политической конъюнктуры, определяет бесспорную актуальность представляемых для публикации документов.

В них можно обнаружить имеющие публицистическую направленность воззвания коллективных органов управления Киевского университета Святого Владимира, Киевского политехнического университета и Киев-

ской духовной академии как против политики Временного правительства по расширению административных полномочий Центральной рады, так и против предполагавшегося политического курса данного органа власти в сторону максимального отчуждения от Российской империи. Информационная значимость данных, достаточно ярких по своей стилистической и риторической направленности текстов, заключается не только в многократно выдвигаемых призывах к единству называемого малороссийским украинского народа с российским народом, но и в подробном историографическом обосновании отстаиваемых авторами текстов идей. Мы можем обнаружить в них достаточно интересные интерпретации событий раздельной и общей истории данных народов, имеющих довольно глубокие корни, и, в частности, подробное изложение обстоятельств создания на территории Украины автокефальной церкви. Таким образом, благодаря очевидной источниковедческой значимости публикуемых документов читатели смогут убедиться в несостоятельности часто встречающихся суждений о том, что стремление к сохранению национальных культурных традиций непременно должно сопровождаться решением задач обеспечения сепаратизма в политической и экономической сферах. По отношению к данному тезису, характерному и для современной пропагандистской литературы, в представляемых текстах могут быть выявлены многочисленные контраргументы.

Заложенная в основе представляемой публикации археографическая методика направлена на максимально полную демонстрацию стилистической специфики предлагаемых текстов. В связи с этим наряду с удалением отдельных грамматических неточностей в написании взаимосвязанных прилагательных и существительных сохранены отдельные особенности правописания, характерные для письменных документов периода, предшествовавшего в том числе орфографической реформе, предпринятой правительством Советского государства. Они позволили в максимально возможной степени донести до читателя риторическую самобытность ранее не вводившихся в научный оборот исторических источников.

Д-р ист. наук, профессор РГГУ Г.Н. Ланской

Архив Штаба Добровольческой Армии

Донесения и доклады Особой разведывательной организации «Азбука»

1/ по вопросу об украинском сепаратизме вообще и работе главнейших деятелей этого течения.

2/ о положении Киевской области в период усиления различных правительств — большевиков, Петлюры, гетмана. Роль немцев и союзных представителей в этот период на Украине. Отношение населения к сменяющимся правительствам. Отношение населения к Добровольческой армии.

3/ некоторые разведывательные данные об украинской (Петлюровской) армии и о красной армии, действующих в Киевском районе.

за 1919 год (*подчеркнуто авторами*)

Документ 1.

«Азбука» Отделение при ставке главнокомандующего.

Протест Университета Св. Владимира (*подчеркнуто авторами*)

Вполне присоединяясь к заявлению Московского университета по поводу общего политического положения России, Университет Св. Владимира, как высшее учебное заведение, находящееся в крупнейшем из культурных центров Малороссии и, как коропрация (так в тексте. — Г.Л.), большинство членов которой является уроженцами, или постоянными жителями здешнего края, считает своим гражданским долгом изложить Временному Правительству свой взгляд также и на сущность украинского вопроса, волнующего в настоящее время местное общество и предупредить против тех роковых последствий, какими грозит русским обще-государственным (так в тексте. — Г.Л.) интересам позиция, занятая по отношению к этому вопросу руководителями украинского движения в Киеве, и в последнее время, к сожалению, и самим Временным Правительством.

Исторические и племенные особенности Малороссии, долгое время жившей отдельно от остальной России жизнью, вполне оправдывает то культурное движение, которое известно под названием украинофильства. Это движение, выразившееся в повышенном интересе к местной истории, местному языку и местному народному быту, в разработке малорусской литературы и в стремлении к сохранению культурных особенностей края, всегда пользовалось симпатиями местного общества. Несомненно, что те преграды, какие в прежнее время ставила этому движению наша государственная власть, заслуживают строгого осуждения, и Совет Университета Св. Владимира еще в

1905 г. по запросу Министерства Народного Просвещения высказался против всех существовавших тогда стеснений малорусского языка и малорусской литературы. Едва ли можно возражать также против того, чтобы при организации областного самоуправления России /если введение такого самоуправления наряду с земским будет признано необходимым/ указанные особенности Малороссии были приняты во внимание.

Но от стремления к культурной самобытности и от вопроса о ее (так в тексте. — Г.А.) областном самоуправлении следует строго отличать украинский политический сепаратизм, т.е. стремление к образованию особого украинского государства, находящегося с остальной Россией лишь в договорных отношениях, или, быть может, даже вовсе с нею не связанного. Совет Университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что для решения украинского вопроса в этом смысле и в этом направлении нет почвы в предшествующей истории Малороссии, что такое решение идет в разрез с интересами не только великорусского, но и малорусского племени и что не существует никаких оснований утверждать, что оно соответствовало чувствам и желаниям большинства местного населения.

Возсоединение (так в тексте. — Г.А.) Малороссии с Россией было добровольным актом малорусского народа, вызванным не только необходимостью для последнего искать внешней опоры в своей борьбе за существование, но и сознание в своей культурной и племенной близости к великорусскому племени. В сущности те же обстоятельства, т.е. политическая необходимость и близкое культурное и племенное родство между малорусским и великорусским народами, привели к тому, что соединение Малороссии с Москвой, предоставлявшее первоначально Малороссии значительную долю политической самостоятельности, в дальнейшем завершилось полным слиянием их в один политический организм и, как бы мы не смотрели на отдельные факты в той цепи событий, которая привела к такому результату, несомненным является одно: от этого слияния выиграли обе стороны: и Москва, и Малороссия.

Если присоединение (так в тексте. — Г.А.) Малороссии усилило Москву и помогло ей достигнуть той степени могущества и процветания, какой она вероятно не достигла бы, то с другой стороны, малорусский народ получил возможность сохранить те блага, за которые он вел отчаянную борьбу с Польшей, т.е. веру и обычаи своих отцов, и воспользоваться всеми выгодами принадлежности к великой державе, потому что в среде народов, входящих в состав этой державы, он не был пасынком, но пользовался совершенно одинаковыми правами с великорусским племенем. Вместе с последним он заполнял все место по государственной службе вплоть до самых высших, и вместе с ним и распространился на юг и на восток на завоеванные великой

русской державой обширные, богатые и плодородные земли. Конечно, в то же время малорусскому народу пришлось претерпеть и невзгоды, лежащие на исторических путях России, и испытать на себе темные стороны бывшей русской государственности, но те же невзгоды и те же тяготы переносило и великорусское племя.

При таких условиях в малорусском народе не могло возникнуть антагонизма к народу великорусскому, как и у последнего не могло возникнуть неприязни к малорусскому народу, и такового (так в тексте. — Г.Л.). Оба народа считали себя братьями. Тысячи связей образовались между нами за их почти трехсотлетнюю совместную государственную жизнь и разрыв этих связей отразился бы на них так же болезненно, как болезненно отражается на живом организме разрыв его тканей. И несомненно, что одной из таких связей — быть может, самой крепкой и самой дорогой для обоих народов — является наш русский литературный и общегосударственный язык, который образовался путем долгого исторического процесса, в который и великорусский народ привнес обильный дар и который поэтому оба племени с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим.

Кому же нужна при указанных условиях политическая обособленная Украина? Разве не ясно, что если от соединения двух родственных народов обе стороны выиграли, то от разъединения обе же стороны должны будут проиграть. Разве не ясно, какими опасностями грозит и великорусскому и малорусскому племени их разъединение, в особенности теперь, в момент мировой войны, в который славянство борется за свое существование и которое требует от всех славянских племен и народов ясного сознания общности своих интересов и возможно тесного единения. Разве не ясно, наконец, что расчленение России противоречило бы также и ей (так в тексте. — Г.Л.) экономическим интересам, так как различие языка и государственных учреждений никоим образом не могут считаться обстоятельствами, благоприятствующими экономическому развитию.

Между тем именно полным политическим разъединением двух братских племен и возбуждением между ними антагонизма и розни грозит деятельность той группы лиц, которая подготавливает в настоящее время в Киеве автономию Украины. Им нужна Украина с особым правительством, особым войском и особым государственным языком. Они настойчиво проводят идею Украины для украинцев и требуют замещения всех ответственных государственных и общественных должностей на Украине украинцами. И на какие же области простираются их притязания. Они говорят об Украине от Карпат до Черного моря и Кавказа, т.е. включают в территорию будущего Украинского государства не только те земли, на которые Украина могла бы иметь ка-

кие либо исторические притязания, но и на те, которые (так в тексте. — Г.Л.) были приобретены соединенными усилиями и кровью всего русского народа под руководством русской государственной власти, которые населены не только малорусским, но и великорусским племенем, и иными племенами и народностями; и которыми малорусский народ, конечно, никогда не мог бы воспользоваться, если бы Малороссия не вступила в состав русского государства. Сторонники украинского политического сепаратизма, повидимому (так в тексте. — Г.Л.), забывают, что Украина не могла бы оправдать исторически даже своих притязаний на Киев, потому что этот город не принадлежал Малороссии в момент присоединения ее (так в тексте. — Г.Л.) к России, но был уступлен уже впоследствии Польшей Московскому государству.

Многие подготовительные действия, необходимые для превращения Малороссии в автономную политическую единицу с характером государства, уже выполнили или выполняются руководителями украинского движения. Явилась уже «Центральная Украинская Рада», возник «Генеральный Секретариат», представляющий собою ничто иное, как зародыш украинского правительства с особыми министрами по всем отраслям государственного управления и даже с особым министром иностранных дел, предтечей которого, повидимому (так в тексте. — Г.Л.), является в названном секретариате «Секретарь по международным делам»; формируются и отчасти уже сформированы украинские войска; всячески пропагандируется и навязывается местному населению чуждый и малопонятный ему украинско-галицкий язык. Все это не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет о достижении чего-то гораздо большего, нежели областная автономия Украины; что руководители украинского движения стремятся к полной политической обособленности и отчуждению от остальной России тех областей, которые ими признаются украинскими. Особенно характерным в этом смысле является стремление ввести «украинский» язык в качестве государственного языка и языка преподавания в Украине, так как, если обще-государственный (так в тексте. — Г.Л.) язык служит могучим средством объединения племен, входящих в состав одного государственного организма, то отсутствие такого языка, наоборот, является препятствием для создания ими своей политической солидарности, ввиду чего даже в такой хрупкой и отвечающей всем принципам демократического строя федерации, как Соединенные Штаты Северной Америки, установлен для всех входящих в ее (так в тексте. — Г.Л.) состав политических единиц общий государственный язык. Между тем руководители украинского движения настаивают на введении на Украине особого государственного языка и притом такого, который не явился бы продуктом органического развития, но искусственно создан с

определенным и ясным расчетом (так в тексте. — Г.Л.) на то, чтобы сделать его возможно менее похожим на обще-русский язык (*так в тексте* — Г.Л.). С этой целью в него включено множество слов и форм, чуждых не только великорусскому и малорусскому языку, что делает его малопонятным и для малорусского населения.

Стремление к замене общерусского литературного языка в будущей Украине таким искусственно созданным недостаточно еще разработанным языком грозит задержкою развития образованности того народа, который вынужден будет им пользоваться, и не может быть объяснено иначе, как желанием разрушить установившуюся вековую культурную и духовную связь между великорусским и малорусским племенем.

Такое направление в решении украинского вопроса Совет Университета Св. Владимира признает противным самым жизненным, самым священным интересам русского государства и русского народа.

К сожалению, Временное Правительство не только не оказало должного противодействия описанному движению, но нашло даже возможным войти в переговоры и соглашение с руководителями украинского движения и, не спросив местного населения, предрешило судьбу огромного края, согласившись на учреждение «краевого органа».

Совет Университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что считает такое отношение русской правительственной власти к украинскому движению не только опасным для русских обще-государственных (так в тексте. — Г.Л.) интересов, но и юридически неправильным, потому что вопрос об автономии той или другой области, входящей в состав русского государства, может быть решен только волею всего русского народа, выраженной через его представителей на Учредительном Собрании.

Документ 2.

Протест Духовной Академии против насильственной украинизации Южной Руси (*подчеркнуто авторами*)

Совет Киевской Духовной Академии, открывая начало учебного года, в заседании своем 20-го Сентября единогласно постановил обратиться к Временному Правительству и обществу со следующим протестом против насильственной украинизации южной России: «Россия переживает тяжкую годину. 4-й год тянется страшная война. Лютый и сильный враг — уже на подступах к столице. К внешним испытаниям присоединились внутренние настроения.

Классовая борьба дошла до крайних пределов своего развития и истощает всю энергию народа. Окраины готовы отложиться (так в тексте. — Г.Л.) от государства. При такой обстановке поднят и поставлен на разрешение так называемый украинский вопрос, грозящий внести разделение в самое ядро государства.

Киевская Духовная Академия, как древнейшая школа не только в местном крае, но и во всей России, связанная свыше трех веков неразрывной связью с судьбою края, считает своим нравственным правом и обязанностью высказать свой взгляд по этому вопросу.

В Малороссии всегда было тихое течение, отстаивающее особенности местного быта и языка, вполне обеспечиваемое в своем развитии предполагаемой, с введением в России нового строя, широкой автономии края. В это чисто само по себе течение, обвеянное поэзией Шевченко и своеобразной красотой местной природы местных обычаев и нравов, группой галицко-австрийских выходцев вносится струя, готовая замутиль его и сообщить ему характер сепаратистского движения. Эта группа лиц, явившись с готовым, в духе австрийской ориентации планом устройства нашего края, взяла в свои руки неорганизованные массы народа и направляет их соответственно своим видам. Возникает явочным порядком Центральная рада, как высший орган местного управления. Временное Правительство, введенное в заблуждение мнимой стихийностью украинского движения, санкционировало этот новый порядок управления целым краем. Признавая единственно-правомочным (так в тексте. — Г.Л.) решение вопроса о государственном устройстве России только Учредительное Собрание, Киевская Духовная Академия считает правительственный акт по украинскому вопросу не закономерным, как предвосхищающим решение Учредительного Собрания, и односторонним, как не обеспечивающим интересы всего населения Украины и полагает, что украинский вопрос должен быть перешен (так в тексте. — Г.Л.) на предстоящем Учредительном Собрании.

Разрешение украинского вопроса, выработанное Центральной радой и санкционированное Временным Правительством, неизбежно приведет к политическому обособлению Украины от России. Каковы будут последствия этого обособления в сфере политико-культурной и экономическо-бытовой — это в достаточной степени выяснено в протестах против насильственной украинизации Южной России, вынесенных Киевским университетом, политехническим институтом и другими просветительными учреждениями местного края. Киевская же Духовная Академия считает своим долгом указать на те следствия, к каким придет это разделение России церковной жизни Украины, осветить украинский вопрос с церковно-исторической перспективы.

Политическое обособление Украины от России неизбежно приведет и к церковному отделению ея (так в тексте. — Г.Л.). Таков уже ход истории, что за политическим раздроблением государства следует церковное раздробление. Яркий и поучительный пример этого мы находим в прошлой жизни нашего отечества.

Древняя Русь, несмотря на удельные разделения, сознавала себя нераздельным государством, объединенным узами политическими и церковными. Власть Великого Князя Киевского и церковный авторитет Киевского Митрополита объединяет весь русский народ. Татарское нашествие внесло разделение в жизнь русского государства. С этого времени намечается разделение Руси на две половины — восточную и западную. Несмотря на это разделение, православная вера продолжала поддерживать чувство единения между западной и восточной Русью. И теперь обе оне (так в тексте. — Г.Л.) сознавали себя частями единой русской церкви, составляющей единую русскую митрополию под общим управлением митрополитов Киевских и всея Руси. Идея церковного разделения появляется в западной Руси. Она вышла из правящих кругов литовско-польского государства, в состав которого вошла западная Русь. Правители литовско-польского государства подозрительно относились к тяготению своих русских подданных к восточной России, с которой они были связаны по делам веры. Желая ослабить связь западной части России с восточной, чтобы тем сильнее привязать своих русских подданных к государству, в состав которого они входили, литовско-польские правители стали принимать меры к тому, чтобы иметь отдельного митрополита для западной Руси. Настойчивые условия (так в тексте. — Г.Л.) в этом направлении увенчались успехом и в начале второй половины XV века в западной Руси образовалась самостоятельная митрополия. Так произошло разделение единой дотоле русской церкви на независимые митрополии — Московскую и Киевскую.

Это печальное событие, вызванное политическим расчетом чуждого западно-руссам по вере и происхождению правительства, имело роковые последствия для западно-русской церкви. Отделения ея (так в тексте. — Г.Л.) от единого древа русской церкви привело к ослаблению ея (так в тексте. — Г.Л.) творческих сил и вызвало нестроения в ея (так в тексте. — Г.Л.) внутренней жизни. Прошло с небольшим столетие после этого печального разделения, и западно-русская церковь, лишенная взаимодействия со стороны восточной половины, дошла до такого располбления (так в тексте. — Г.Л.) и упадка своих сил, что едва не стала жертвой стремившегося к распределению на восток воинствующего латинства. Под его влиянием при сильной поддержке польского правительства, в западно-русской церкви вводится уния, как средство обратить западно-русское православное население в латинство и тем оторвать

его от родной русской стихии и ассимилировать с польской средой. С конца XV столетия это дело окатоличения и ополячения западно-руссос пошло вперед ускоренным темпом. Ряды западно-русского дворянства, изменявшего своей вере и народности, быстро редели. Высшая церковная иерархия почти вся перешла в унию. Из 9 епархий, составлявших первоначально западно-русскую церковь, в начале XVII века только одна оставалась православною. Положение православных становится невыносимым, латино-униаты не останавливаются ни перед чем. Дело дошло до того, что церкви насильственно закрывались, священники разгонялись. Дети оставались не крещенными, народ умирал без исповеди и причастия, тела умерших предавались земле без церковного обряда. Православная-западная-русская церковь (так в тексте. — Г.Л.) находилась под угрозой насильственного прекращения ее (так в тексте. — Г.Л.) существования. В это тяжелое время на защиту православия выступает народ мещане, низшее духовенство, казаки. Они организуются в братства, прилагают усилия к поднятию духовного просвещения, основывают школы, заводят типографии, чтобы путем убеждения, силой устного и печатного слова, отстоять свою веру. В эту пору подъема народного духа получает свое бытие Киевская духовная академия. Став разсадником (так в тексте. — Г.Л.) духовного просвещения сначала для западной, а потом для всей России, Киевская духовная академия выступила на защиту православия против готовых поглотить его унии и латинства и выдвинула ряд борцов, имена которых с благоговением хранит история края. В этом подъеме народной стихии православная церковь почерпала свои силы для борьбы с ополчившимся на нее латинством. Тем временем пробуждается и укрепляется среди южно-руссос сознание племенного единства с северо-руссими, а Малороссия в 1654 году присоединяется к Москве. Политическое объединение приводит вскоре (1686) к иерархическому объединению Киевской митрополии под властью Московского Патриарха. Так, после печального одиночества и бессилия (так в тексте. — Г.Л.), продолжавшагося (так в тексте. — Г.Л.) почти два с половиной столетия, западно-русская церковь, по крайней мере в той своей части, которая отошла к Москве, приобщилась к нормальной жизни, в живом союзе с русской церковью. Вне этого союза, одинокою и беспомощною (так в тексте. — Г.Л.) почти в течение целого века осталась лишь та часть западной Руси, которая отошла к Польше и извела на себе все ужасы латино-униатского фанатизма.

Прошлое западной Руси, живую свидетельницею которого является Киевская академия, вскрывает те страдания, какия (так в тексте. — Г.Л.) переживала церковь этого края, вследствие отделения от русской церкви. Не лучшая перспектива ожидает ее в будущем при отделении Украины от России.

Отделившись от России и гранича с сильным немецким государством, Украина неизбежно будет втянута в орбиту политической жизни последнего (так в тексте. — Г.Л.) и рано или поздно вынуждена будет к разрыву церковного единства с Россией. Отделение же Украины от России в церковном отношении неминуемо ослабит силы украинской церкви и облегчит натиск на нее воинствующего католицизма.

Какие виды имеет последний на церковную жизнь будущей Украины — это достаточно ясно обнаружилось из недавно раскрытых замыслов на этот счет Львовского греко-католического митрополита Андрея Шептицкого. Как бы в соответствие с этими планами Шептицкого, уже начинается пропаганда автокефалии будущей украинской церкви, которою будто бы пользовалась прежде западно-русская церковь. Последний аргумент основан на недоразумении. В широких кругах местного общества смешивают автокефалию с отдельным существованием западно-русской митрополии. Но западно-русская церковь в пору отдельного ее (так в тексте. — Г.Л.) существования от восточно-русской находилась в иерархической зависимости от Константинопольского патриарха. После присоединения западно-русской митрополии к Московскому Патриарху власть Константинопольского Патриарха над этой митрополией перешла к Московскому Патриарху, права которого (так в тексте. — Г.Л.) затем перешли к Всероссийскому Синоду. Таким образом ссылка на устройство западно-русской церкви не может служить доказательством в былые (так в тексте. — Г.Л.) времена автокефалии на Украине. Ее (так в тексте. — Г.Л.) здесь не было. Нет оснований для введения ее (так в тексте. — Г.Л.) здесь и в настоящее время. По каноническим правилам, автокефалия возможна только у отдельного народа, представляющего собой цельную этнографическую единицу. Украинцы не являются отдельным народом. Это часть русского народа, жившая некоторое время отдельной от него жизнью и потому выработавшая некоторые (так в тексте. — Г.Л.) особенности своего быта и говора. Но если бы вопреки каноническим постановлениям на Украине введена была автокефалия, она не в состоянии задержать неизбежного при отделении от русской церкви ослабления сил украинской церкви, чем не преминет воспользоваться воинствующий католицизм, силой которого (так в тексте. — Г.Л.) мобилизуются в указанном направлении уже и теперь по указаниям из Львова.

Ввиду столь великой опасности, угрожающей церковной жизни Украины при политическом обособлении от России, Киевская академия возвышает свой голос против проводимого Центральной Радой решения украинского вопроса и надеется, что к голосу академии присоединятся все многочисленные (так в тексте. — Г.Л.) питомцы ее (так в тексте. — Г.Л.) и вообще все, кому дороги интересы православной русской церкви.

Документ 3.

Протест Киевского Политехнического Института*(подчеркнуто авторами)*

Записка Совета Киевского Политехнического Института Временному Правительству принятая на заседании 6-го августа 1917 года.

Присоединяя к основным положениям, высказанным Университетом Св. Владимира в его представлении Временному Правительству от 26 июля 1917 г. по поводу украинского вопроса, Совет Киевского (так в тексте. — Г.Л.) Политехнического (так в тексте. — Г.Л.) Института, как корпорация, близко стоящая к промышленной и сельско-хозяйственной (так в тексте. — Г.Л.) жизни юга России, в настоящий грозный и ответственный момент считает своим долгом обратиться к Временному Правительству в его трудной борьбе за сохранение целостности государства и доведения страны до Учредительного Собрания.

В страшный час, когда дезорганизованная преступной агитацией и применением ошибочных приемов управления армия, потрясенная к тому же глубоким политическим переворотом внутри страны, дрогнула перед грозным и сильным врагом и он ворвался в богатые (так в тексте. — Г.Л.) южные области нашей Родины, когда он попирает своими ногами нашу родную землю и опустошает житницу нашего отечества, — в этот грозный час воспользовавшись временным ослаблением власти, вызванным великим переворотом, группа лиц задалась целью поднять в нашем крае политическое движение, имеющее целью отторгнуть от страны часть территории и создать украинское государство. Зная край, его жизнь и население, мы утверждаем, что движение это не вызвано течением в народных массах и не находит в них опоры, что для создания новой государственной единицы нет налицо особых, культурных, экономических религиозных и других условий, необходимых для создания нового государственного тела, и что движение это покоится на поверхности и не имеет корней в глубинах народной жизни.

Но вместе с тем движение это слишком опасно для страны, в особенности ввиду того, что враг вторгся в область, в которой стараются вызвать это политическое движение. По своему существу оно является ничем иным, как попыткой со стороны группы лиц захватить богатый край и стать во главе его управления. Этому захвату способствует целый ряд внешних случайных обстоятельств. В частности военная угроза и дезорганизация армии дали возможность неустойчивым элементам оставить ряды фронта и собраться разноплеменной массой под видом национальных полков. Сами по себе они

вносят раздор и анархию, что мы и пережили в киеве (так в тексте. — Г.Л.) при выступлениях «полуботковцев» и др. Тем не менее этим путем попадает в руки выше названной группы известная военная вооруженная сила, которой они могут распоряжаться и вызвать гражданскую войну.

Соглашение с Центральной Радой Временного Правительства 2-го Июля 1917 г., вызвавшее /наряду с другими причинами/ глубокий правительственный кризис, повлекший за собою перемену Министерства, также явилось фактором, несомненно усилившим положение группы, уже пытающейся осуществить организацию власти в крае, в виде генерального секретариата и Центральной Рады. Соглашение 2-го Июля 1917 г. как бы признавало Центральную Раду и давало возможность этой последней создать в виде генерального секретариата мощный краевой орган власти, ответственный перед Центральной Радой и независимый от Временного Правительства, разрывая этим великую единую Россию на части, не объединенные (так в тексте. — Г.Л.) единым государственным языком. Центральная Рада и генеральный секретариат уже приняли то отношение к населению края, облик власти и разнообразными путями, не чуждыми подчас демагогии, начинают — именно в качестве «власти» — привлекать к себе народные массы — крестьянство /на основе земельного вопроса/, учителей, духовенство, железнодорожных служащих, некоторые (так в тексте. — Г.Л.) национальные (так в тексте. — Г.Л.) группы и т.д. Эти действия реально укрепляют, питают и увеличивают власть созданных органов — Центральной Рады и генерального секретариата. Все неопределенности и неясности договора 2-го Июля открывают полный простор для Центральной Рады и генерального секретариата пытаться делать все новые и новые захваты власти в расчете (так в тексте. — Г.Л.) на слабость и уступчивость Временного Правительства.

В периоды революции успехи управления определяются не столько правом, сколько степенью устойчивости и силою, проявляемой в действиях власти. Мы приветствуем желание коалиционного министерства нового состава проявить более твердости против притязаний Центральной Рады и генерального секретариата, обнаруженное в его отношении к статуту генерального секретариата, но не можем не выразить крайнего сожаления по поводу тех уступок, которые (так в тексте. — Г.Л.) все же сделаны были в акте 4-го Августа 1917 г., не спросив мнения всего населения края и вопреки торжественному обещанию Временного Правительства не предпринимет (так в тексте. — Г.Л.) коренных изменений в государственном строе до разрешения их Учредительным Собранием. Только твердое и определенное отношение к попытке вызвать движение, не покоящееся (так в тексте. — Г.Л.) на реальных нуждах края, не вызываемое никакими насущными потребностями

ми населения и не питаемое народными массами — крепкая и энергичная власть в этом направлении только и может парализовать попытку к захвату власти в крае и избавить страну от ужасов гражданской войны, от распада государства.

Считаем необходимым отметить, что в случае удачи упомянутого захвата, в особенности в пределах, намеченных Радой, отпадает от России край с богатейшей почвой, с каменноугольными копями, дающими в настоящее время до $\frac{3}{4}$ добываемого каменного угля с богатыми рудными месторождениями, залежами соли и другими природными богатствами, обеспечивающими (так в тексте. — Г.Л.) пышный расцвет сельского хозяйства и промышленности. Край этот отличается наивысшей в России по своей интенсивности сельскохозяйственной культурой, интенсивными свеклосахарными плантациями, питающими развитую в крае сахарную промышленность, составляющую громадную долю всей сахарной промышленности страны. Он прилегает к Черному морю с прекрасными гаванями и, будучи потерян, отрежет остальную страну от Черного (так в тексте. — Г.Л.) моря. Потеря этого края вызовет глубочайшее потрясение в стране и может повлечь за собою самые (так в тексте. — Г.Л.) роковые (так в тексте. — Г.Л.) последствия для нашей Родины.

Ввиду всех вышеизложенных соображений, во имя спасения и блага Родины, Совет Киевского (так в тексте. — Г.Л.) Политехнического (так в тексте. — Г.Л.) Института поднимает к Временному Правительству свой предостерегающий голос о смертельной опасности для Родины о необходимости твердой и определенной, неколеблющейся политики в целях сохранения целостности государства, избежания ужасов гражданской войны и доведения страны до Учредительного Собрания. Совет почитает своим гражданским долгом посылить содействовать Временному Правительству в его бесконечно (так в тексте. — Г.Л.) трудной и ответственной деятельности на благо Родины и счастья (так в тексте. — Г.Л.) дорогой Родины.

Hoover Institution Archivtd. Vrangal collection. Box № 30. File № 131. P. 1— 14.

UKRAINE DEPICTED IN DOCUMENTS OF VOLUNTEER ARMY INTELLIGENCE («AZBUKA»)

The publication includes documents from the archival service of the Hoover Institute of War, Revolution and Peace first publishing in the Russian scientific press. By content, they present the reaction of professors of Kiev University of Saint Vladimir, Kiev Polytechnic University and the Kiev Spiritual Academy to the project of forming on the territory of Ukraine of a Central Rada government. Documents show the critical attitude of a large segment of the Ukrainian intellectual elite to this project and to the readiness of the Provisional government to support this project. The authors emphasize the necessity of preservation of spiritual unity between the Russian and Ukrainian nations as the highest value of their development. Also, they indicate the danger of the loss of independence of the Central Rada as a result of the possible intervention into Ukrainian territory from part of the German Empire.

Text preparation, introduction and comments by Grigory N. Lansko

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, доцент,
декан факультета документоведения и технотронных архивов,
профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
факультета международных отношений и зарубежного регионоведения
Историко-архивного института РГГУ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегль) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 21.03.2018 г. Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 26,7. Заказ № 177

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2018

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий номер журнала
посвящен проблемам военной
истории отечества с древности
до XX в., современным подходам
к их изучению, а также опыту
сохранения и осмысления
военного наследия России

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке